КНИГА О СКУДОСТИ И БОГАТСТВЕ

И. Т. Посошков

*

РЕДАКЦИЯ, ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТАТЬИ И ПРИМЕЧАНИЯ
Б. Б. КАФЕНГАУЗА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА
1937

И. Т. ПОСОШКОВ, ЕГО ЖИЗНЬ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ

I. ЖИЗНЬ И. Т. ПОСОШКОВА

«Книга о скудости и богатстве» И. Т. Посошкова, законченная им в 1724 г., — один из интереснейших источников по истории России в первой четверти XVIII в.

Необычна судьба этой книги, предназначавшейся автором для представления Петру I. Историки предполагают, что она явилась причиной ареста Посошкова и заключения его в Петропавловскую крепость, где он вскоре и умер. В течение XVIII в. она получила некоторое распространение в рукописи и привлекла внимание М. В. Ломоносова, благодаря которому был сделан список с нее для Академии наук. Н. Новиков упомянул о ней в изданном им в 1772 г. первом словаре русских писателей. Один из дошедших до нас рукописных списков «Книги о скудости и богатстве» принадлежал екатерининскому сенатору кн. А. С. Козловскому, отцу поэта Федора Козловского. На последнем чистом листе этой объемистой рукописи, переплетенной в кожу, сохранилась стихотворная надпись, в которой в меланхолических стихах высказывается сожаление о Посошкове («О! если бы... о пользе б общества радел он не напрасно») и даже, если правильно разобраны полустертые строки, ставятся ему в заслугу «мысли о добре рабу»[1].

Затем книга Посошкова была совершенно забыта. Даже издание в 1793 г. его небольшого «Доношения о ратном по-

[1] См. ниже Археографическое введение.

ведении», а в 1815 г. опубликование одной из записок его к Стефану Яворскому не вывели «Книгу о скудости и богатстве» из полного забвения, пока наконец один из списков ее не оказался в руках у М. Погодина, случайно приобревшего его для своего собрания рукописей. Она была напечатана Погодиным спустя более чем сто лет после смерти ее автора, в 1842 г., и с этого момента личность и сочинения Посошкова привлекают внимание исследователей.

Первое издание этого сочинения Посошкова встретило значительные затруднения со стороны цензуры. М. Погодин, напечатав отрывки из книги Посошкова в виде журнальной статьи, должен был опасаться за судьбу издаваемого им журнала. Эти опасения высказал ему в тревожном письме один из его приятелей тотчас же после выхода книжки «Москвитянина». Когда Погодин в качестве профессора хотел прочесть лекцию о Посошкове в Московском университете, то получил от властей «совет» отказаться от своего намерения, чтобы лекция «не произвела слишком много эффекта и не была растолкована криво». Опасения вызывало не только содержание книги, но также то исключительное обстоятельство, что автор «Книги о скудости и богатстве» был «простым крестьянином». Тогда еще не было известно, что Посошков был арестован Тайной канцелярией и умер в заключении, и все же для опубликования его сочинений необходимо было получить разрешение самого Николая I, которому через посредство министра народного просвещения гр. Уварова был сделан специальный доклад о Посошкове [1].

Основные данные для биографии Ивана Тихоновича Посошкова извлекаются из его сочинений, а также из архивных материалов Тайной канцелярии, ведавшей в XVIII в. следствием и судом по важнейшим политическим преступлениям. К сожалению «дело» Посошкова полностью не сохранилось. Он был арестован в августе 1725 г. в Петербурге, куда приехал из Новгорода или из своего небольшого имения, находившегося на границе Новгородского и Кашинского уездов. При аресте Посошкова «был взят ларец с деньгами и с вещами, в котором были всякие крепости и письма, также взяты и другие письма и записки домовые», как писала впоследствии его вдова, прося между прочим возвратить ей эти бумаги [1]. Содержимое этого ларца вместе с данными, собранными Тайной канцелярией об его имущественном положении, составляют основной дошедший до нас материал для его биографии. Непосредственно изучали этот архивный материал лишь Г. Есипов и Н. Павлов-Сильванский. Первый напечатал в 1861 г. в журнальной статье отдельные документы из этого дела, перепечатанные затем Погодиным в предисловии ко второй части сочинений Посошкова. Затем Н. Павлов-Сильванский опубликовал значительную часть того же «дела» в 1904 г. [2]. Для настоящей статьи мною вновь изучены архивные материалы Тайной канцелярии, среди которых оказались некоторые документы, не использованные предыдущими исследователями; кроме того в разное время появились в печати отдельные документы, касающиеся Посошкова, и следует заметить, что биографы его далеко не полностью использовали этот печатный материал. Однако в целом в этих биографических данных имеются значительные пробелы, и в жизни Посошкова многое остается для нас неясным.

Неизвестен в точности год рождения И. Посошкова. Он устанавливается только косвенно, на основании его собственных слов в предисловии к сочинению «Завещание отеческое к сыну». По его словам, в то время он был 67-летним стариком, а его сыну Николаю было 7 лет. Из дошедших до нас данных переписи петербургского населения за 1737 г. известно, что сыну Посошкова, жившему тогда в столице, в доме, принадлежавшем прежде его отцу, было в момент переписи 25 лет. На основании этих сведений легко вычислить, что сыну Посошкова было 7 лет в 1719 г. Так как автор «Завещания отеческого» имел тогда от роду 67 лет, то следовательно он родился в 1652 г. Умер Посошков в 1726 г. в глубокой старости, 74 лет [3].

---

[1] Н. Барсуков, Жизнь и труды Погодина, кн. VI, Спб. 1892, стр. 815—320.

[1] «Чтения Общества истории и древностей российских», 1902, № 1, «Еще челобитная вдовы Посошкова».

[2] Г. Есипов, Иван Посошков, «Русское слово», 1861. № 7; Н. Павлов-Сильванский, Очерки по русской истории XVIII—XIX вв., Спб. 1910 («Новые известия о Посошкове»).

[3] «Чтения Общества истории древностей российских», 1905, № 2, сообщение И. С. Беляева «Предки и потомство И. Т. Посошкова».

Под одним из ранних своих сочинений, в доношении митрополиту Стефану Яворскому, в 1704 г., Посошков подписался: «убогий мирянин, села Покровского крестьянин». В сохранившихся его ранних деловых бумагах конца XVII в. он также назван «села Покровского оброчным крестьянином». Здесь идет речь о дворцовом селе Покровском-Рубцове, расположенном на берегу Яузы, которое впоследствии вошло в состав города Москвы. В XVII в. оно было одной из летних царских резиденций.

Наиболее точно вскрывает среду, в которой вырос Посошков, переписная книга 1646 г., отрывок из которой был опубликован И. Беляевым в 1905 г., т. е. уже после выхода в свет наиболее полных его биографий, принадлежащих Е. Прилежаеву и Н. Павлову-Сильванскому. Этот источник весьма важного биографического значения оставался совершенно неиспользованным даже теми, кто писал о Посошкове и после этой даты.

Переписные книги 1646 г. называют Покровское дворцовым подмосковным селом и отмечают здесь многочисленный церковный причт (6 попов, 4 дьячка, 2 сторожа и просвирница) и дворцовый персонал в лице дворника, сторожа, садовников, а также мельника и рыбных ловцов. Писцы насчитали в селе Покровском вместе с несколькими деревнями (Халилово, Черницыно и др.) 139 дворов государевых крестьян, которые делились на две группы: пашенных крестьян, т. е. занимавшихся земледелием, и оброчных, занятых промыслами. Большинство принадлежало к пашенным крестьянам, их было 92 двора; тогда как «оброшных непашенных» имелось 47 дворов. Среди последних перечислены: портной-мастер, шапошник, бобровники и серебреники. В числе серебреников названы отец и дед писателя: «Митька Данилов Посошков с сыном Тихонком — серебренники» [1]. Таким образом эти данные устанавливают, что Посошков происходил из семьи старинных ремесленников серебряного дела, входивших в состав непашенных дворцовых крестьян. Его принадлежность к крестьянам повидимому следует понимать только как сословный признак, и обычное обозначение Посошкова крестьянином следует заменить более точным определением: ремесленник по происхождению.

[1] И. Беляев, Предки и потомство И. Т. Посошкова, «Чтения Общества истории и древностей российских», 1905, № 2, смесь.

Сохранились отдельные сведения о серебрениках, односельчанах Посошкова, работавших на казенном денежном дворе или входивших в организацию московских серебреников [1]. Московские серебреники представляют значительный интерес, так как имеются данные об их корпоративном устройстве, весьма близком к западноевропейским цехам. Серебреники, торговцы и ремесленники, выбирали старост и имели привилегию на занятие своим ремеслом с запрещением заниматься им лицам, не входившим в их организацию. Звание мастера золотых и серебряных дел сопряжено было с известными испытаниями, и его могли получить лишь лица, уплатившие определенный взнос и давшие поручную запись. Среди торговцев и ремесленников серебряного ряда в Москве во второй половине XVII в. упоминаются между прочим и крестьяне села Покровского [2].

Первое упоминание о самом публицисте приводит нас к той же среде дворцовых ремесленников серебряного дела. Мать Посошкова вместе с сыновьями в течение ряда лет вела тяжбу относительно доставшегося ей от отца двора в подмосковном селе Котельниках. До сих пор были опубликованы лишь два документа из этого дела, относящиеся к 1698 г., из которых видно, что Посошковы отдали этот двор за долги стряпчему Сытного дворца Чулкову, но затем его выкупили, уплатив ему немалую для того времени сумму в 160 руб. [3] Несмотря на уплату долга, они не смогли вернуть этот двор, так как на него претендовали «дворцовые котельники» Сидор

[1] «Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом», М. 1872, т. I, стр. 333.

[2] М. Довнар-Запольский, Организации московских ремесленников в XVII в., «Журнал министерства народного просвещения», 1910, кн. IX, стр. 140—141.

[3] По подсчетам акад. С. Струмилина, покупательная сила рубля 1650—1699 гг. по розничным ценам на продукты питания, по ценам на одежду и по стоимости жилища была в 15,5 раза выше покупательной силы рубля 1913 г. («Крепостная мануфактура», изд. Академии наук СССР, т. I, Л. 1930, стр. 477).

и Григорий Ивановы, утверждавшие, что это владение отдано им из казны [1].

Но значительно раньше указанной выше даты, еще в 1687 г., Улита Посошкова с сыновьями, «с Ывашкой да с Ромашкой Тихоновыми детьми Посошковыми», жаловались на тех же дворцовых котельников, мастеров «Серебряной палаты», завладевших их домом [2]. При этом «Серебряной палаты кунганего дела мастеры Ивашко да Гришка Ивановы дети» указывали, что этот двор с хоромным строением был дан их отцу из казны, но документы на него утерялись. Таким образом семья Посошковых связана в это время по своим имущественным делам со средою серебреников дворцового ведомства.

В течение последних лет XVII и в самом начале XVIII в. Иван Посошков состоял денежным мастером и отличался в качестве изобретательного техника в денежном и оружейном деле. В 1694 г. Посошков работает над моделью денежного станка, предназначавшейся «в поднос» Петру I. Об этом нам известно из показаний монаха Андреевского монастыря Авраамия, арестованного в 1697 г. за подачу Петру «тетрадей», в которых Авраамий подвергал критике тогдашний правительственный курс. На допросе «с пытки» Авраамий указал своих «друзей и хлебоядцев», которые бывали у него и «такие слова, что в тетрадях написаны, говаривали», и

[1] Предисловие Погодина к сочинениям Посошкова, ч. 2-я, М. 1863, стр. XXII, где напечатана неполностью выпись земского приказа 1698 г., а также Павлов-Сильванский, Очерки XVIII—XIX вв., Спб. 1910, стр. 90.

[2] Государственный архив феодально-крепостной эпохи (б. Архив министерства юстиции), Гос. архив, разряд VII, дела Преображенского приказа и Тайной канцелярии, № 209, «Отрывки из дела о И. Посошкове», л. 88—89. Этот столбец, до сих пор не напечатанный и не использованный биографами Посошкова, имеет следующее начало: «В писцовых книгах 147-го году за Яузою рекою в приходе у церкви Николая чюдотворца, что в Котельниках, написан двор за Михайлом Степановым. Во 195-м году июля в 13 день била челом великому государю Мишкина дочь Степанова Улитка с детьми своими села Покровского со крестьяны с Ывашкою да с Ромашкою Тихоновыми детьми Посошковыми, Улитка об отцовском, а Ивашко да Ромашко о дедовском, завладели де их двором дворцовые котельники Иван да Григорей. И против их челобитья дворцовые котельники Ивашка да Гришка сысканы и допрашиваны, а в допросе они сказали...».

в числе их он назвал также братьев Посошковых. Однако Иван Посошков сумел доказать свою непричастность к этому делу. При этом он показал, что познакомился с Авраамием за три года до того, т. е. в 1694 г., получив от него заказ на изготовление указанной модели денежного станка.

О своей работе в качестве денежного мастера Посошков вспоминает и в «Книге о скудости и богатстве». «Я на денежном дворе будучи, — говорит он, — ставил станы денежные, в коих деньги и монеты печатаются в больших стулах дубовых». В марте 1700 г. вышел указ о чеканке новых медных денег. Повидимому к этому моменту следует приурочить рассказ Посошкова о том, что когда «состоялся указ, еже делать круглые деньги медные, то никто ни из русских людей, ни из иноземцев не сыскался такой человек, чтобы те струменты к таковому делу сострошть». «И я... вступил в то дикое дело и все то денежное дело установил» [1]. В 1704 г. он назван в документах Оружейной палаты «уставным денежного дела мастером» [2]. Кроме того Посошков изобрел какие-то рогатки для усовершенствования ружейной стрельбы. Это изобретение он представлял Петру на «сержантском дворе» в Преображенском вероятно в самом начале 1697 г. Петр, как рассказывает Посошков, поручил ему при этом «сделать рогатки огнестрельные в три ряда, а на них устроить по затинной пищали, обращающейся на все стороны». Посошков приготовил соответствующую модель и в своей «записке о ратном поведении», поданной им боярину Головину в августе 1701 г., просил «тот образчик великому государю объявить» [3]. Эти данные рисуют Посошкова мастером денежного и ружейного дела, бравшим ответственные заказы и имевшим возможность представить свои изобретения царю.

Но Посошков не остался ремесленником. Это время было эпохой усиленного развития «крепостной мануфактуры». Жизненная карьера Посошкова показывает, какими сложными

[1] «Книга о скудости и богатстве», стр. 279 настоящего издания.

[2] А. Викторов, Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов, вып. 2, М. 1883, стр. 480.

[3] «Сочинения Посошкова», М. 1842, стр. 270. Дата беседы с Петром имеется в первоначальном варианте «Записки о ратном поведении», напечатанном С. Белокуровым, «Материалы по русской истории», М. 1888, стр. 526.

путями вербовались кадры средних и мелких предпринимателей и создавались их капиталы. Арест и смерть Посошкова прервали его хлопоты по организации собственной полотняной фабрики в Новгороде. Это было в годы его старости. В более ранние годы он много разъезжал, побывал, как он рассказывает в своих сочинениях, в степях, в Пензе, Мценске, может быть в Поволжье. В Лихвинском уезде он имел вместе с братом винокуренный завод, о чем рассказывает между прочим в сочинении «Завещание отеческое к сыну» [1]. Его биограф Е. Прилежаев считает возможным приурочить винокуренный завод Посошкова к 1687—1689 гг. Более подробно Посошков говорит о своем серном прииске, о добыче красок и даже нефти: «Я и не большое место поездил и хотя я и не знаючи ездил, обаче не туне моя езда, сыскал [я] самородную серу, самую чистую, что подобна каменю ентарю, и во всей вселенной толико ее нет, колико у нас... И нефти сыскал я многое ж число, вохры и черлени, хотя и по тысяче пуд мочно добывать и пулмент есть же у меня в приiске». Он привез в качестве образца в Москву три бочки добытой им серы. Хотя кн. Б. А. Голицын обещал за это «великое награждение», но в действительности заплатил ему лишь 50 руб. [2]. Эти опыты Посошкова в области добывающей промышленности могут относиться, по предположению Е. Прилежаева, ко времени крупных маневров 1694 г., известных под названием Кожуховского похода, или к началу Северной войны (1700—1721) [3].

В 1704 г. он делает попытку открыть фабрику игральных карт. Знаменитый прибыльщик Курбатов, предложивший ввести гербовую бумагу и состоявший в то время дьяком Оружейной палаты, в письме к Меншикову 2 августа этого года сообщал ему, что Иван Посошков просит разрешения делать карты, обещая платить казне по 2 000 руб. ежегодно. Образцы карт работы Посошкова Курбатов послал Меншикову вместе с письмом. Эта фабрика затевалась Посошковым на компанейских началах, совместно с Родионом Исаевым и

[1] Посошков, Завещание отеческое к сыну, под редакцией Е. Прилежаева, Спб. 1893, стр. 283—284.

[2] «Книга о скудости и богатстве», гл. 5, стр. 227.

[3] Е. Прилежаев, Предисловие к «Завещанию отеческому», стр. XXXIX.

Иваном Фирсовым. Компания получила от Курбатова субсидию в сумме 200 руб. С этим же предприятием очевидно связана упомянутая выше запись в расходных книгах Оружейной палаты за сентябрь—декабрь 1704 г. о «выдаче денег уставному денежного дела мастеру Ивану Посошкову на дело печатного и обрезного станов и иных к ним инструментов» [1].

Фабрики Посошков повидимому не открыл и взамен ее использовал свой опыт водочного заводчика, применив его на казенной службе «у водочного сиденья» в Москве на Каменном мосту, где находился казенный питейный двор. На этой службе он состоял до 1708 г. Еще ранее, в 1700 г., он построил и затем в следующем году ремонтировал строение на Аптекарском дворе. В сохранившихся счетах Посошкова на деньги, издержанные для этой постройки, он перечисляет, что им была выстроена «горница трехсаженная» с кухней и конюшней на три стойла, с двумя погребами и «творилом» [2]. Возможно, что «свое мастерство», для которого, как он писал, служило ему это помещение, было то же «винное строение». Назначение Аптекарского двора между прочим заключалось в изготовлении на царский обиход водок высших сортов, медов и всяких сластей. С переходом Аптекарского двора в состав приказа тайных дел, ведавшего личным хозяйством царя, он стал складочным местом запасов для царского стола — мяса, гусей, уток, ягод, а также вина, меда и т. п. [3]

У «водочного сидения» на Каменном мосту Посошков служил до 1708 г. В этом году он уже свободен и хлопочет

[1] А. Брикнер, Иван Посошков, Спб. 1876, стр. 38; С. Соловьев, История России, изд. «Польза», кн. 5, стр. 1343; А. Викторов, Описание записных книг дворцовых приказов, вып. II, М. 1883, стр. 480.

[2] Этот документ напечатан у Павлова-Сильванского («Очерки XVIII—XIX вв.», стр. 91), который высказывает недоумение относительно назначения этой постройки. Следует исправить допущенные им неточности: в строке 3 вместо «с подворья» следует читать: «с надворья», стр. 4 вместо «спицы» следует читать: «сенцы двухсаженные», ГАФКЭ, «Отрывки из дела о Посошкове», л. 53.

[3] А. Заозерский, Хозяйство царя Алексея Михайловича, стр. 229, кроме того см. «Планы г. Москвы XVII века», М. 1898, стр. 33, где приведены данные XVII в., согласно которым на Аптекарском дворе находилось 725 ведер вина, меда 1077 пудов и т. п., а также различные сосуды: серебряные, медные и оловянные.

о новой казенной службе также «для строения водок» в Петербурге или в других городах Ингерманландской губернии. Меншиков однако наложил резолюцию, что «Посошков приличился к ратуше в воровстве, того ради выбрать к тому кого пристойно»[1]. Биографы Посошкова полагают, что это обвинение оказалось ложным, так как его желание было выполнено, и в 1710 г. он получил место в Новгороде.

В промежутке между двумя казенными службами он написал самое обширное свое сочинение «Зеркало очевидное» (свыше 600 страниц в полной редакции, изданной А. Царевским), направленное против раскола и лютеран. Разбросанные в этом сочинении высказывания автобиографического характера свидетельствуют о его частых встречах в Москве с видными представителями старообрядчества, с которыми он вступал в спор на богословские темы и писал им по этому поводу «вопросительные письма». Через посредство справщиков печатного двора в 1709 г. рукопись этого сочинения была послана митрополиту Дмитрию Ростовскому. Кроме того в течение 1704—1708 гг. Посошков написал три записки, адресованные Стефану Яворскому, в которых наряду с проектами устройства академии и сети духовных школ он предлагал наделить попов полицейскими функциями, обязав их вести записи и строгий учет родин, крестин, исповеди и венчания прихожан в целях выявления тех же «врагов церкви» — старообрядцев и сектантов.

С переездом в Новгород хозяйственные дела Посошкова, как и прежде, не ограничиваются только казенной службой по производству вина. Здесь он состоял «у дел водочного строения и у фонтанного и у гербования бумаги с 710 по 715 год безотлучно». Ему было обещано жалование в 200 руб. в год, сверх того кормовые деньги и на содержание работников. Но казна не выполнила этих условий, и впоследствии, после его смерти, вдова его жаловалась, что в связи с неуплатой денег они «впали в немалые долги»[2].

У Посошкова очевидно были возможности «покормиться»

[1] Полное собрание законов, т. IV, № 2194, докладные пункты Меншикова, 1708 г., а также в «Сочинениях Посошкова», ч. 2-я, М. 1863, предисловие, стр. XVII.

[2] «Еще челобитная вдовы Посошкова», 1728 г., «Чтения Общества истории и древностей российских», 1902, № 1. По индексам В. О. Ключевского, вычисленным на основании хлебных цен, покупательная сила рубля 1701—1715 гг. равнялась 9 рублям 80-х годов XIX в. (В. Ключевский, Опыты и исследования, сборник статей, стр. 211).

помимо казенного жалования. В 1712 г. он строил в Новгороде аптеку, и сохранилась расписка в уплате в казну за взятый им для этой постройки кирпич[1]. Затем он пользовался кредитом среди новгородского купечества и в других кругах. Об этом свидетельствует составленное им в тюрьме духовное завещание, где он перечисляет свои долги восьми новгородцам на сумму 1 100 руб. (из общей суммы своих долгов в 2 350 руб.)[2]. В это же время, в 1713 г., сенат слушал челобитье кн. Ухтомской о взыскании с Ивана Посошкова долга по заемной кабале в 190 руб. Сенат постановил доправить иск на Посошкове и его поручителе и отписать в казну поместья и московский двор поручителя. Последний однако «учинился в укрывательстве» до тех пор, пока Посошков, спустя два месяца, не уплатил долга. В том же 1713 г. о Посошкове упомянул новгородский посадский человек Елисей Федоров, который просил отдать ему на откуп таможню и кабак с правом выкуривать вино в одном из пунктов Новгородского уезда. Для подкрепления своей просьбы он указал на понесенные им убытки. Он ездил с товарами за границу, в Стокгольм, и в начале Северной войны шведы «пограбили» его пожитки, состоявшие из большого числа мехов, горностаев, лисиц и соболей, а также пеньки, холста, железа, медной и серебряной посуды и прочих товаров. Кроме того во время постоя солдат в его доме случился пожар. Наконец он сообщает, что «воточный мастер Иван Посошков стоял в доме его 2 года и баню сжег и окончины с образцовыми стеклами переломал и погреб потратил и в огороде скотом яблоновое деревье подсушил и той шкоты учинилось на 40 рублев»[3].

[1] Напечатано у Павлова-Сильванского, Очерки XVIII—XIX вв., стр. 92; сличение с рукописью показывает, что в печатном тексте следует исправить ошибку: вместо «шестнадцать тысяч» кирпича надо читать: «пятнадцать».

[2] Напечатано Погодиным, «Сочинения И. Посошкова», ч. 2-я, М. 1863, стр. XXXVII.

[3] «Доклады и приговоры сената», Спб. 1883, т. III, стр. 747, № 728, стр. 1149, № 1083 и стр. 514, № 511. Документы о жизни Посошкова в Новгороде, помещенные в этом издании, остались совершенно неизвестными и не были использованы его биографами.

Впоследствии в «Книге о скудости и богатстве» Посошков жаловался на бесчинство солдат и офицеров и требовал, чтобы во время постоя на квартирах у населения они «стояли смирно», но повидимому и сам был в этом отношении не без греха [1].

Посошков нашел пути стать известным новгородскому митрополиту Иову. Последний дал ему в 1712—1713 гг. рекомендательные письма в Петербург к вице-губернатору Я. Римскому-Корсакову и кн. Якову Долгорукову, в которых просил их «о явлении милости ко вручителю сего писания господину Посошкову в требованиях его». В чем заключались эти требования, мы не знаем. Известно, что поездки Посошкова в новую столицу были связаны с его хозяйственными делами. Коммерческие операции Посошкова отразились например в сохранившихся черновиках счета или письма к дворцовому «служителю» в Петербурге Артемию Остафьеву. Посошков продавал ему в течение двух лет мясо, масло коровье, новгородскую капусту, огурцы и прочие съестные припасы. Кроме того Остафьев купил у Посошкова и его жены песцовый мех, медную посуду, куб для винокурения, кружева немецкие, алмазный крест, серьги серебряные и золотые запонки и т. п. После частичной уплаты он все еще оставался должен Посошкову перед его смертью 394 руб. [2].

В течение последних десяти лет своей жизни Посошков постепенно делает ряд приобретений, покупая дома, землю и крепостных. Это показывает наличие известных накоплений, а также вероятно умелое использование кредита. В 1716 г. он приобрел дом в Петербурге за 400 руб. и становится «санкт-петербургским и новгородским жителем», как он называет себя в одном случае. В купчей на этот дом, до сих пор не напечатанной, Посошков назван не только мастером, но и купцом [3]. В 1720—1721 гг. он купил два двора с

[1] «Книга о скудости и богатстве», гл. 2, стр. 126.

[2] ГАФКЭ, Отрывки из дела о Посошкове, л. 80—81, два отрывка, являющиеся двумя черновыми вариантами. У Погодина напечатан первый из них вместе с концом второго, «Сочинения И. Посошкова», ч. 2-я, стр. XL—XLII. Повидимому тот же А. И. Остафьев упомянут в качестве свидетеля в купчей Посошкова на его петербургский двор (см. след. прим.).

[3] ГАФКЭ, Отрывки из дела о Посошкове, л. 50—51, «Лета 1716, декабря в 15 день в Санкт-Питербурхской походной концелярии кан-

деревянным строением в Новгороде, один за 150 руб., другой за 50 руб. Он приобрел в Кашинском уезде сельцо Марьино с помещичьим двором, участком в 55 четей (четь — ½ дес.) пашни и 20 крепостных, не считая находившихся в бегах. Затем он стал прикупать землю поблизости, в соседней Бежицкой пятине Новгородского уезда (Устрецкий погост). В течение 1719—1725 гг. он сделал 14 земельных покупок, большей частью весьма мелких. Согласно сведениям, собранным Тайной канцелярией по справке Вотчинной коллегии, к концу жизни он имел «172 чети с четвериком, людей и крестьян мужска и женска полу 72 человека, да в бегах обоих полов 9 человек» [1]. Сохранились челобитные Посошкова в Вотчинную коллегию о записи за ним купленных земель; в одной из них например он просит о записи за ним купчей на

целярист Семен Степанов сын Жданов продал я для своих нужд и росплаты долгов своих и на постройку другова ж двора на Васильевском острову фантанному мастеру Ивану Тиханову сыну Посошкову двор свой со всяким дворовым и хоромным строением, что ныне на том дворе есть, на Санкт-Питербурхском острову в приходе церкви Николая чюдотворца в линее ниже казарм и Мытного двора. В межах тот мой двор подле дворов: по правую сторону двор ратужского дьяка Федора Тимофеева, а по левую сторону двор канцеляриста Федора Соколова, а позади двор ево ж, купца Ивана Посошкова. А мерою земли под тем моим двором длиннику тритцать сажен, поперешнику в переднем конце пятнатцать сажен два аршина, в заднем конце тринатцать сажен с аршином. А взял я, Семен, за тот свой двор со всяким строением у него, Ивана, денег четыреста рублев, а тот мой двор опричь сей купчей иному никому не продан и не заложен (выпускаем обычные в купчих формулы. — *Б. К.*). К сей купчей Семен Жданов вышеписанной двор свой продал помянутому купцу Ивану Посошкову и денег четыреста рублев взял и руку приложил. К сей купчей артиллерии порутчик Иван Степанов сын Жданов свидетелем был и руку приложил; у сей купчей Санкт-Питербурхской походной канцелярии канцелярист Артемей Иванов сын Астафьев свидетелем был и руку приложил...»

[1] ГАФКЭ, Отрывки из дела Посошкова, л. 5 и 46. «Экстракт» об имениях Посошкова известен до сих пор лишь в неполном изложении Павлова-Сильванского; ниже я привожу его в примечании. Купчие Посошкова сохранились в копиях в том же деле в Тайной канцелярии и напечатаны в извлечениях Павловым-Сильванским. Кроме того копии с тех же купчих имеются в делах Вотчинной коллегии вместе с челобитьями Посошкова о записи за ним каждой купчей и в сопровождении переписки Вотчинной коллегии и Тайной канцелярии по выяснению имущественного состояния Посошкова, однако эти документы не представляют ничего существенно нового по сравнению с делами Тайной канцелярии (см. след. прим.).

«6 четвертей с осминою и с четвериком в поле, а в дву по тому ж»[1]. Всего он имел, как сказано, 172 чети (86 дес.), или, если считать в трех полях, 258 дес. пашни.

В основе его хозяйства вероятно лежало не столько земледелие, сколько винокурение. В 1719 г., т. е. одновременно с первым земельным приобретением, он построил винокуренный завод и взял подряд на поставку вина[2]. Оборудование завода состояло из 14 кубов. О размерах производства может дать некоторое представление то, что за 1720 г. казна задолжала ему 805 руб. за поставленные по подряду 3 625 ведер вина[3]. Если эта цифра означает всю годовую продукцию, то для оценки ее следует вспомнить, что в середине XIX в. мелкими считались заводы, вырабатывавшие до 10 тыс. ведер вина в год[4]. Завод обошелся Посошкову больше 1 000 руб., а за купленные в разное время земли и крепостных людей он заплатил 1 324 руб., таким образом все имение он оценивал в своих показаниях в Тайной канцелярии в сумме 2 324 тогдашних рублей. Кроме того в том же Устрицком погосте Посошков держал на откупу таможенный сбор, а также винную, пивную, медовую и водочную продажу. Следует вспомнить, что откупа были в то время одним из наиболее испытанных способов накопления капитала.

Условия мелкого крепостного хозяйства с большой яркостью передает сохранившееся подробное письмо племянника Посошкова, управлявшего его имением. Он пишет в июле 1725 г., когда Посошков находился в Петербурге, и сообщает ему виды на урожай и такие хозяйственные события, как побег семьи крепостных или необходимость отпустить нетрудоспособного крестьянина «в мир кормиться». Подробному обсуждению подвергается в письме количество дней работы на барщине отдельных крестьян. Они весьма

[1] ГАФКЭ, Дела Поместного Приказа, архив III, Вотчинный, кн. 263—5329, л. 476. Пользуюсь случаем выразить благодарность К. В. Сивкову, указавшему мне это дело.

[2] «Книга о скудости и богатстве», гл. 3, О правосудии, стр. 139.

[3] Предисловие М. Погодина к «Сочинениям Посошкова», ч. 2-я, стр. XLIII.

[4] «Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности», Спб 1865, т. III, статья Корсака, Винокурение, стр. 299, 306.

неохотно работают на владельца, крестьяне одной из деревенек Посошкова не слушают управляющего, «на барщину не ходят, а стану наряжать, так грозятся меня убить», — пишет он. В разгар полевых работ нехватает рабочих на винокуренном заводе, где в этот момент работают лишь 6 человек, не считая стряпухи, скотницы и пастухов. Завод нуждается в наемных работниках («наемщиках»), они необходимы также и для некоторых полевых работ, как например поднятие нови. Однако вольных работников найти нелегко. Письмо управляющего Посошкова показывает источник наемной рабочей силы того времени, это — «гулящие люди», которые однако, по его словам, «от нас все вышли на Мсту или на Канаву», т. е. на строительство водной системы. На заводе Посошкова стоят в это время десять лошадей, но раньше число их было больше, имеются также собственный рогатый скот и домашняя птица.

Новое хозяйственное положение вероятно оставляло Посошкову известный досуг. В это время им написаны «Доношение о новоначинающихся деньгах» (1718 г.) и два обширных сочинения: «Завещание отеческое к сыну», законченное в 1719 г., после чего в течение 3 лет (1721—1724) «утаенно от зрения людского» он пишет свой основной труд политико-экономического содержания — «Книгу о скудости и богатстве».

Последним хозяйственным предприятием Посошкова должна была явиться текстильная фабрика. В 1725 г., судя по двум сохранившимся черновикам челобитья с обращением на имя ее и. в. (т. е. после смерти Петра), он хлопочет в Мануфактур-коллегии о разрешении завести в Новгороде коломинковую[1] и полотняную фабрику. «Для первого установления» он просил снабдить ее оборудованием, уступив ему два станка с казенной коломинковой мануфактуры, а также «мельницу для кручения гарусов». Последнее указывает на мысль об известной механизации производства в виде мельницы. Кроме того он просил разрешить рубить беспошлинно лес для необходимых построек, а также занять под фабрику пустующий казенный двор в Новгороде. На фабрике будут работать его собственные крестьяне, для обучения которых он просил отпустить к нему двух мастеров

[1] Коломенок — шерстяная ткань.

с Екатерингофской мануфактуры в Петербурге. Таким образом его фабрика должна была явиться типичной крепостной мануфактурой, причем вольнонаемными были только квалифицированные мастера. Посошков намеревался поставить 5 полотняных и 5 или 3 коломинковых станов[1]. На широких ткацких полотняных станах в то время работали по ткачу с подручным[2], следовательно на фабрике могли работать 16—20 ткачей и подручных, не считая прочих рабочих. Ассортимент его будущей выработки (он называет: коломинки, стофы шерстяные, комлоты, стамеды, полушелковые ткани, полотна, тики, пестрядь, скатерти и салфетки) очень характерен для эпохи Петра, не знавшей узкой специализации производства. Судя по составу его продукции, Посошков мог рассчитывать лишь на вольный рынок, а не на казну, закупавшую главным образом сукна и парусину. К тому же коломинки и стамеды местной выделки встречались с конкуренцией иностранных тканей[3]. Повидимому в связи с этим он обещает на своих станах ткать «против немецких без запинок».

Среди мануфактур петровского времени, вырабатывавших те же ткани, было немало средних, а также мелких предприятий, подобных тому, которое намеревался открыть Посошков. Казенная коломинковая мануфактура, откуда он просил дать ему станки, имела сначала 58 рабочих, а после 1723 г. — 37 рабочих. На Екатерингофской мануфактуре, с которой он хотел заполучить к себе двух мастеров, в 1724 г. было 148 рабочих при 46 станах, но рядом с этим существовали полотняные фабрики, имевшие по 18—40 рабочих[4]. Посошков затевал это предприятие незадолго до своего ареста, но вероятно «фабрика» все же была открыта после

[1] В одном черновике челобитья Посошкова указаны 5 станов коломинковых, в другом — 3 стана. ГАФКЭ, Отрывки из дела о Посошкове, л. 84 об. — л. 85; напечатано у Есипова (журнал «Русское слово», 1861, № 7, стр. 20) и у Погодина («Сочинения Посошкова», ч. 2-я, стр. XXXII).

[2] «Крепостная мануфактура в России», изд. Академии наук, Л. 1932, ч. 2-я, статья С. Струмилина, Царская мануфактура XVII в., стр. XXI. Несколько иные данные приводит П. Любомиров, Очерки по истории русской промышленности в XVII и начале XIX в., изд. «Прибой», 1930, стр. 39, 75.

[3] П. Любомиров, цит. соч., стр. 36.

[4] Там же, стр. 34, 72.

его смерти. Об этом свидетельствуют данные переписи петербургского населения 1737 г. В этом году, одиннадцать лет после смерти Посошкова, в бывшем его петербургском доме жил секретарь Ремезов, который показал, что купил тот дом «по продажам новгородского архиерея из конторы да полотняной фабрики от Николая Посошкова». Сын Посошкова временно жил в том же доме и назван при этом «фабриканом»[1]. К этому следует прибавить, что дочь Посошкова, Пелагея, вышла замуж за подполковника Барыкова и через два года, овдовев, вышла замуж вторично за полковника киевского гарнизона иноземца Петра Роде, до этого долго служившего в лейб-гвардии Семеновском полку. В данном случае интерес представляет переход дочери Посошкова в иную, военно-служилую среду как последний штрих для социальной характеристики Посошкова и его семьи.

В конце жизни (в «Книге о скудости и богатстве») он по праву называет себя «не последним человеком» и противопоставляет себя «мизирным» людям. По своему социальному положению он принадлежал к тогдашнему среднему купечеству. Ремесло, казенная служба на питейном дворе, подряды и откупа и другие коммерческие операции позволили ему сделать некоторые накопления. Но в феодально-крепостническом обществе основная база заключалась в землевладении и в «крещеной собственности», которая должна была дать ему возможность после ряда неудачных попыток перейти к крепостной мануфактуре.

Если Посошков жалуется в «Книге о скудости и богатстве», что у него было пять-шесть пожиточных проектов, а «покормиться» ему не дали, то это справедливо лишь в том смысле, что он не приобрел сколько-нибудь крупного состояния. Нельзя согласиться с Н. Павловым-Сильванским, утверждавшим, что Посошков «в практической деятельности не имел особенного успеха», и нет никаких оснований подобно этому исследователю объяснять это тем, что «умственные его интересы часто перевешивали заботу о материальном достатке»[2].

[1] «Чтения Общества истории и древностей российских», 1905, № 1, смесь, стр. 27.

[2] Н. Павлов-Сильванский, Очерки XVIII—XIX вв., стр. 47—48.

Но возможно, что публицистическая деятельность Посошкова привела его в казематы Петропавловской крепости. Обстоятельства его ареста остаются однако неясными.

Посошков приехал в последний раз в Петербург в июне 1725 г. С семьей и крепостной прислугой он поместился в собственном доме «на Санкт-Петербургском острову в приходе церкви Николая чюдотворца в линее ниже казарм и Мытного двора». Он был занят в столице повидимому своими хозяйственными делами. Вероятно в этот приезд он хлопотал в Мануфактур-коллегии о разрешении ему открыть полотняную фабрику. В то же время он получил указанное выше письмо от своего племянника, управлявшего его винным заводом. Эти мирные занятия были прерваны самым трагическим образом.

Два месяца после его приезда, 26 августа 1725 г., в дом Посошкова явились чиновник Канцелярии тайных розыскных дел, капрал Преображенского гвардейского полка и четверо солдат. Они забрали письма и бумаги и, оставив под домашним арестом пятнадцатилетнего сына Посошкова, самого его препроводили в Тайную канцелярию[1].

В архивных делах Тайной канцелярии кроме записей в протоколах об аресте Посошкова и о его смерти сохранились лишь отрывки из его «дела», в котором документом наиболее ранним, не считая собственных писем и бумаг Посошкова, является челобитье его зятя, полковника Петра Роде, от 11 октября 1725 г. П. Роде просил, ввиду того что тесть его «купецкой человек Иван Тихонов сын Посошков взят под караул в Тайную канцелярию», отдать ему и его жене, дочери Посошкова, деревни последнего. П. Роде ссылается на свою долгую службу в Семеновском полку, указывает на то, что Посошков как «купецкий человек» не имеет права владеть деревнями, и в качестве основного довода выдвигает обвинение в том, что тот будто бы обманул его, не дав, как обещал, приданое за дочерью. В связи с этим челобитьем в тот же день, 11 октября, был учинен допрос Посошкову, какие он имеет недвижимые имения. Посошков при этом отверг притязания Роде, указав, что дочь его вышла

[1] ГАФКЭ, Гос. архив, разряд VII, № 209, л. 75, а также № 6, ч. 6-я, протоколы по секретным делам, л. 104/82.

замуж вторично без ведома отца и он не обещал ей никакого приданого. Тайная канцелярия навела справки в Вотчинной коллегии относительно недвижимой собственности Посошкова и разослала 17 ноября указ с запрещением записывать купчие и закладные на имущество Посошкова. Затем был составлен «экстракт» о его имениях, на который 9 января 1726 г. последовала резолюция Екатерины I отдать дочери Посошкова его недвижимое имение за исключением петербургского и новгородского дворов.

Следует иметь в виду, что дошедшие до нас документы не являются в полном смысле «делом» Посошкова. Из них мы не узнаем, по какому поводу он был арестован, не дошли до нас и протоколы его допросов, за исключением одного лишь допроса об его имущественных делах. Этот допрос был учинен в связи с челобитьем Петра Роде и притом полтора месяца после ареста Посошкова. В «реестрах секретным вершенным делам», где кратко излагалось содержание дел, уже законченных делопроизводством, оно значится только как «дело по челобитью киевского гарнизона полковника Петра Роде... о недвижимом имении тестя его, содержащегося в Тайной канцелярии колодника купецкого человека Ивана Посошкова»[1].

Однако на серьезный характер обвинения Посошкова указывает то обстоятельство, что в «экстракте», доложенном Екатерине, отмечено, что Посошков, «содержится по важному секретному государственному делу»[2]. Это обозначение

[1] ГАФКЭ, разряд VII, № 6. «Постановления и указы Тайной канцелярии», ч. 3-я, л. 145.

[2] Там же, Отрывки из дела о Посошкове, л. 42 и 47. Приводим большую часть одного из двух «экстрактов», до сих пор не опубликованных: «В канцелярии Тайных розыскных дел купецкий человек Иван Посошков содержится по важному секретному государственному делу, а имение его не отписано. Полковник и гвардии капитан Петр Роде бил челом: когда де оной Посошков дочь свою Палагею выдавал за первого ее мужа подполковника Борыкова и тогда обещал дать в награждение 1000 рублев, да деревню, да приданного на 300 рублев, но того всего не дал. Посошков о недвижимом имении сказал: в Санкт-Питербурхе двор деревянной, в Новгороде 2 двора деревянныя же; деревень в Новгороцком уезде сколко четвертей не помнит, людей с 30 душ, в Кашине 30 четвертей, людей 20 душ и винные заводы (на полях: «По справке с Вотчиною Коллегиею за оным Посошковым недвижимого по купчим в Новгороцком да в Кашинском уездах 172 четверти, людей и крестьян му-

дела Посошкова показывает, что оно относится к разряду политических преступлений («слово и дело»). В указах, рассылавшихся по судебным учреждениям с запрещением продавать и закладывать его имения, писалось менее определенно, что он «явился в важной креминальной вине» [1].

Связь ареста Посошкова с его «Книгой о скудости и богатстве» отмечена была Есиповым на основании косвенных данных. Через три дня после ареста Посошкова, 29 августа 1725 г., в Тайной канцелярии допрашивали арестованного подьячего Василия Шишкина: «Имеет ли он у себя бывшего новгородского архиерея Феодосия какие книги, в том числе книгу издания Ивана Посошкова, зовомую Скудость с богатством. И он, Шишкин, сказал: Федосиевых книг у него, Шишкина, в том числе и помянутой книги Скудости с богатством никогда не бывало и ныне нет» [2]. Через несколько дней Шишкин был освобожден из-под ареста.

Очевидно, среди книг бывшего новгородского архиепископа Феодосия, к тому времени уже сосланного в дальний монастырь, была найдена книга Посошкова или власти выяснили, что она имелась в библиотеке Феодосия и распространялась из этого источника. Не имея точных сведений относительно обвинений, которые были предъявлены Посошкову, можно однако восстановить некоторые обстоятельства политического положения в момент его ареста.

Арест Посошкова состоялся через 7 месяцев после смерти Петра I. На престол при помощи гвардии была возведена

жеска и женска полу 72 да в бегах 9 человек...»). Оной полковник Роде просит о милостивом награждении из недвижимого тестя ево имения, дабы ево жене противу отеческого обещания обиженой не бытъ. А Посошков сказал, что того за дочерью своею не обещал, у него же Посошкова жена, да сын, лет в 15. И дня 9 генваря 1726 году ея императорскому величеству по сему экстракту докладывано, на которой ея величество указала вышеписанное недвижимое имение (на полях: «кроме дворов петербургского и новгородских») отдать дочере Посошкова, а полковниковой жене в награждение...»

[1] Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии, кн. V. Акты Угличской провинциальной канцелярии, т. II, 1909, стр. 328.

[2] Цит. по статье Г. Есипова, Чернец Федос, «Отечественные записки», 1862, т. 142, стр. 522 и книге Г. Есипова, Люди старого века, Спб. 1880, стр. 306. См. также Есипов, Иван Посошков, журнал «Русское слово», 1861, № 7 и в предисловии Погодина к сочинениям Посошкова, ч. 2-я, стр. XXXIV.

Екатерина I, мимо малолетнего внука ее Петра Алексеевича. Первую скрипку в правительстве играли Меншиков и Петр Толстой, начальник Тайной канцелярии. Тотчас после смерти Петра началась борьба за власть среди знати, и новое правительство чувствовало себя вначале неуверенно. Стремление восстановить недостаточный авторитет власти проявилось в политических процессах, которые велись в этот период Тайной канцелярией. На первом месте следует поставить громкое дело Феодосия Яновского, вице-президента синода и новгородского архиепископа. Энергичный и властолюбивый, «монах без всякого призвания к монашеству», Феодосий, по словам С. Соловьева, выдвинулся, «подделываясь» под преобразовательное направление правительства. Незадолго до смерти Петра Феодосий вызвал его недовольство резкими суждениями о новых штатах духовенства, к тому же на него был подан донос о хищениях в новгородской епархии. После смерти Петра он резко высказывался о Екатерине и не раз говорил на тему о «тиранстве» светской власти над церковью. Не без некоторой иронии Соловьев называет его Никоном XVIII в. [1]. 12 апреля 1725 г. Феодосий повздорил с дворцовой стражей, остановившей его карету. 21 апреля он отказался явиться на приглашение к столу императрицы, считая себя обесчещенным. Под этим же числом в протоколах Тайной канцелярии имеется очень живо составленная запись, как чиновники канцелярии обратились к Феодосию, проходившему через крепость в Петропавловский собор, с просьбой прислать священника для расстрижения заключенных монахов. Феодосий послал их к синодским секретарям Герасиму Семенову и Михаилу Дудину [2]. Несмотря на пререкания, беседа записана в мирных тонах, хотя указанные участники ее скоро окажутся за решеткой. Уже на следующий день, 22 апреля, Феофан Прокопович донес императрице о непристойных словах, которые говорил о ней Феодосий; члены синода подтвердили и добавили к этому сведения о других его провинностях, а именно, что он сравнивал Петра I с Иваном Грозным, а так-

[1] С. Соловьев, История России, кн. IV, изд. «Польза», стр. 277, 910—917.

[2] ГАФКЭ, бывш. гос. архив, VII, № 6, ч. 4-я, л. 26.

же расхищал серебряную церковную утварь и т. п. 27 апреля Феодосий был арестован. Следствие шло быстрым темпом, и уже 11 мая состоялся приговор о ссылке Феодосия в Карельский монастырь на устье Двины, объявленный всенародно, с барабанным боем. Вместе с тем был арестован обер-прокурор синода И. Болтин за то, что не донес своевременно о преступлениях Феодосия.

Это дело еще долгое время чрезвычайно занимало правительство. В октябре обнаружилась новая вина Феодосия, состоявшая в том, что он составил неправильный текст присяги для духовенства, вставив в него и присягу ему, Феодосию. Снова последовал указ с объявлением его на площади. Феодосий умер в ссылке в начале следующего года, и все время до его смерти следствие продолжалось. Вместе с тем происходила раздача конфискованного имущества Феодосия. Среди его пожитков были сукна, бархат, шелка, полотна, платье, серебро, книги. Шуба соболья («из патриарших») была отдана начальнику Тайной канцелярии Петру Толстому, какая-то «машина, которая отнимает дух», была передана лейб-медику Блюментросту. Личные деньги Феодосия, оставленные для его содержания в тюрьме, были отданы Тайной канцелярией под проценты в рост, чтобы они не были «праздны». Кроме того было указано: «ис книг, потребные отобрав, отослать в куншт-камору, а достальные отдать в Александро-Невский монастырь».

Была забрана корреспонденция Феодосия, и в связи с ней производились обыски и аресты синодских секретарей. Из них серьезнее всех оказался замешан Герасим Семенов, на которого был донос со стороны жены. Будучи под арестом, он писал доносы и наконец заявил, что «желает-де он, Герасим видеть очи ее и. в. и имеет он ее в-у нечто донести». Ему дали чернила и бумагу, и запечатанные в двух пакетах донесения его, занявшие 41 лист, были отправлены в «кабинет» императрицы. Между тем власти заинтересовались какой-то латинской надписью, вырезанной на столе Семенова. В конце концов он был приговорен к смертной казни за совместный с Феодосием «на все российское государство зловредительный умысел» (Есипов), и даже бумаги его «дела» были сожжены по постановлению императрицы, вследствие чего мы не знаем подробностей его преступления. Только скупая заметка «о писании им, Семеновым, в казарме на каменном столе, упоминая царевича», может быть приоткрывает сущность этого дела[1]. Возможно, что речь шла о малолетнем царевиче, будущем Петре II, страшном для нового правительства своими правами на престол. После казни Семенова его вдове были возвращены взятые у него при аресте 53 книги.

В августе же были арестованы синодские секретари Михайло Дудин и Василий Тишин; брат последнего, комиссар новгородского архиерея (Феодосия), был арестован еще ранее. Дудин на следующий день был освобожден, а Тишину дается очная ставка с Семеновым. После этого, 23 августа, «в доме синодского секретаря Василия Тишина книги все осматриваны, а в них писем никаких не явилось, и из оных книг в том доме осталось сорок две, взято в канцелярию двенадцать»[2]. По этому делу следствие ведется в Москве и Новгороде, изучается переписка по делам новгородского архиерейского дома, которая велась синодскими и архиерейским чиновниками.

26 августа одновременно были арестованы Посошков и Шишкин, подьячий новгородского архиерея (т. е. Феодосия). Последний жил в доме Герасима Семенова, и у него были взяты письма «для некоторого подозрения». 28 августа Шишкин был отослан в синод, так как у него нашли «экстракты» синодских дел, которые он не должен был держать на дому, но так как другой вины за ним не оказалось, он 31 августа был освобожден из-под ареста с приказанием не выезжать из столицы и являться «по вся дни» в Тайную канцелярию[3]. Этого подьячего Шишкина допрашивали, как сказано выше, относительно «Книги о скудости и богатстве». Таким образом по связи с архиереем Феодосием и Герасимом Семеновым арестовывалось и допрашивалось множество лиц как в Петербурге, так в Новгороде и Москве, при этом было взято много писем и книг. К этой картине прибавляют не-

[1] ГАФКЭ, разряд VII, № 6, ч. 3-я, реестры вершенным делам, л. 158; ч. 4-я, л. 23. См. Есипов, Чернец Федос, а также Чистович, Феофан Прокопович и его время, стр. 173.

[2] ГАФКЭ, разряд VII, № 6, ч. 6-я, протоколы Тайной канцелярии, л. 101.

[3] ГАФКЭ, Протоколы Тайной канцелярии, ч. 6-я, л. 29, 103—111.

маловажную черточку упоминавшиеся данные переписи петербургского населения 1737 г. Новый владелец петербургского дома, принадлежавшего прежде Посошкову, показал, что он приобрел его «по продажам новгородского архиерея из конторы, да полотняной фабрики от Николая Посошкова».

Не давая оснований для сколько-нибудь точных выводов, эти отрывочные сведения дают возможность предполагать, что власти заинтересовались Посошковым в связи с делом Феодосия, в библиотеке которого, может быть, имелась «Книга о скудости и богатстве». Следует вспомнить, что он был знаком с предшественником Феодосия, новгородским архиепископом Иовом, который дал ему рекомендательные письма в Петербург. Наконец существенным обстоятельством является указание на какие-то имущественные отношения после смерти Посошкова его сына с конторой новгородского архиерея [1]. Следует заметить, что только Г. Есипов, не зная еще всех приведенных данных, затронул вопрос о возможной связи между его арестом и делом Феодосия, но сделал это мимоходом, вскользь, и притом в статье о Феодосии, не имеющей прямого отношения к Посошкову и потому не привлекшей должного внимания. В этой статье по поводу указанного выше допроса подьячего Василия Шишкина относительно «Книги о скудости и богатстве» Г. Есипов между прочим замечает: «Не было ли связи дела Посошкова с делом Феодосия?». Но сам не дает на этот вопрос никакого ответа.

К сожалению не имеется никаких данных о том, успел ли Посошков представить свою книгу Петру I. Об этом намерении говорят лишь два черновика соответствующего доношения на имя царя.

Посошков находился в Петропавловской крепости 5 месяцев. 26 января 1726 г. «колодник Иван Посошков», как значится в бумагах Тайной канцелярии, просил духовника записать его долги. То, что он продиктовал, было записано, и Посошков подписал свою духовную слабым, дрожащим почерком, резко отличавшимся от его подписи под более

[1] Дело Феодосия полностью не сохранилось, оно напечатано в «Русском архиве», 1864, № 2, см. также изложение его в книге Чистовича, Феофан Прокопович и его время.

ранним протоколом. В этот момент повидимому он был тяжело болен. Биографы его не ставили вопроса, были ли применены к нему пытки. В «деле» его, как мы видели, неполном, также нет соответствующих указаний. Вообще же пытки были обычным приемом тогдашнего следствия и за самыми редкими исключениями применялись ко всем арестованным в Тайной канцелярии. «Смерть колодников от пыток поэтому была явлением нередким и проходила совершенно бесследно, принималась как нечто должное и естественное. Конечно иногда обходились и без пыток, но это бывало очень редко», — говорит исследователь внутренней организации Тайной канцелярии. «Не надобно ему исчислять застенков, сколько бы их ни было, — писал Петр Толстой своему помощнику Андрею Ушакову про одного колодника,—но чаще его пытать, доколе или повинится или издохнет, понеже явную сплел ложь» [1].

О смерти Посошкова сохранилась следующая запись в постановлениях Тайной канцелярии: «1726 году, февраля в 1 день, содержащийся в Тайной розыскных дел канцелярии под караулом колодник водошного дела мастер Иван Тихонов сын Посошков против помянутого числа пополудни в девятом часу умре и мертвое ево тело погребсти в церкви Самсона страннопримица» [2].

Подведем итоги. Посошков происходил из семьи старинных ремесленников серебряного дела, входивших в состав дворцовых оброчных непашенных крестьян. До 1709 г. он называет еще себя крестьянином, впрочем указывая однажды, что это не более как сословный признак: «в художестве работник, в чине земледелец» [3]. Но затем к обычному именованию его «водочного и фонтанного дела мастером» все чаще присоединяется обозначение его «купецким человеком». Так он назван в документах Тайной канцелярии, в прошении его зятя, полковника Роде, и в указе, рассылавшемся в судебные учреждения и в Вотчинную коллегию с запрещением

[1] Веретенников, История Тайной канцелярии петровского времени, Харьков 1910, стр. 195—196.
[2] ГАФКЭ, б. гос. архив, разряд VII, № 6, ч. 5-я, постановления и указы Тайной канцелярии, л. 1.
[3] Посошков, Зеркало очевидное, под ред. А. Царевского, вып. II, 1905, стр. 337.

регистрировать купчие и закладные на его имущество. Мы видим его изобретательным техником, выполнявшим ответственные казенные заказы, владельцем винокуренного завода и приисков, мастером на казенном водочном дворе, занятым кроме того мелкими откупами, подрядами и коммерческими операциями. К концу жизни он был землевладельцем, собственником крепостных и винокуренного завода, наряду с чем проектировал устройство небольшой текстильной фабрики. Он выступает таким образом разносторонним предпринимателем, типичным представителем среднего купечества конца XVII и начала XVIII в.

Не совсем обычное соединение этой разнообразной предпринимательской деятельности с деятельностью литературной дает нам возможность ознакомиться с идеологией того класса и той эпохи, ярким представителем которых является Посошков.

улице в приходе Кириан Демитиевского стана. И
двор его деревянным строением купле-
но с сына новгородца купецкого человека
Анания за сколько не помнит, дан пятиде-
сят рублев. Другой двор в той же улице
деревянным строением куплен у подья-
чего Степана Сорокина дано и четыре дан
полтораста рублев. А подлинные купчие
на те дворы имеются в письмах его
Ивановых, взятых в Тайную канцелярию.
В Новгородском уезде в Вотцкой пятине
в Устьтроицком погосте, пол деревни Запара-
сенье, крестьян мужеска полу душ
двадцать. Да к тому ж деревни три пус-
тоши, а за сколько, и что четвертной пашни
не помнит. Купил он Иван на свое имя
у свойственника дворянина Ива Ерасимова
сына Запалишина, дал двести рублев. В том же
погосте деревня Мамотова мужеска
полу душ двадцать, да и не вдаль пустоши
Серек. А что четвертной пашни не помнит.
Куплена вдова Степанида у отставного салдата
Мирона Тобизина, дано сто восемьдесят
рублев. Да к тем деревням купил он
Иван

У разных помещиков после 720 году
в разных годех пустошах в десяти
Серек в том уезде цельные пустоши, а ско-
лкое число четвертные пашни и что дано
сколько тех стало вот подлинные купчие.
Да в том же погосте на купленой земле
его Ивановы винные заводы, в которых
было четырнадцать кубов, только варе-
ния вин на тех заводах года с три
нет, и ныне без дела стоят. А стали ему Ива-
ну те заводы в тысяче рублев и больши.
Да он Иван купил у своего же
Ивана Степанова в Галицком уезде
сельцо Марьино, двор помещиков, в нем
дворовых людей душ двадцать,
пашни четверти с тридцать. Дал
семь сот пятьдесят рублев. И на обще
писанные деревни и пустоши по его Иванову
челобитью купчие вотчинной коллегии
явлены и пошлины с них приняты и за-
писаны. И на подлинных купчих подписано,
а те купчие и листы в письмах его

Посошков

в тапыхъ в тайных канцеляриях. И кроме
того заникъ Иваномъ Не[illegible]мого жит[illegible]
ни задъ инниначи по сторонние жена и эта-
ныхъ неиловъдся, когда онъ Иванъ выдавал
дочь свою Пелагию замуж за посадского мужа
воронежского пойду за подпоясанина Гарасима
Борынова. И тогда что обещал в прида-
ные тогда же то все отдалъ. А тысячи
рублев денег за держани и приданого до-
платить вдвойне вещи на триста
рублев ей дочере своей Пелагее онъ
Иванъ никогда дать не обещалъ.
Онъ Борынов умре тому другой годъ.
А за подпояснина Петра родная дочь его
Иванова вышла в нынешнем 1725 году
в апреле месяце без его Иванова ведо-
ма и ему Петру онъ Иванъ приданого
[illegible] ничего дать не обещалъ. К сей
приложил [illegible]

II. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ПОСОШКОВА

«Книга о скудости и богатстве» является наиболее ярким и оригинальным литературным выражением меркантилизма в России в первой четверти XVIII в.

«Первая теоретическая разработка современного способа производства, меркантильная система, — говорит Маркс, — необходимо исходила из поверхностных явлений процесса обращения в том виде, как они обособились в движении торгового капитала, и поэтому она касалась только поверхности явлений. Отчасти потому, что торговый капитал есть первая свободная форма существования капитала вообще. Отчасти вследствие того преобладающего влияния, какое он оказывал в первый период переворота в феодальном производстве, в период возникновения современного производства. Действительная наука современной экономии начинается лишь с того времени, когда теоретическое исследование переходит от процесса обращения к процессу производства»[1].

Маркс указывает, что меркантилисты «касались только поверхности явлений», так как исходили из процесса обращения, в котором они видели источник прибыли. Маркс упрекает их в игнорировании основного определяющего фактора, явлений производства. Вскрывая происхождение меркантилистских идей, Маркс сам обращает внимание не толь-

[1] Маркс, Капитал, т. III, ч. 1-я, изд. 5-е, Гиз, 1930, стр. 260.

ко на движение торгового капитала (хотя меркантилисты ограничивались объяснением с точки зрения товарного обращения), но главным образом на условия производства. Поэтому было бы неточным, определяя меркантилизм как идеологию торгового капитала, не указывать вместе с тем тех производственных условий эпохи, в которой он действовал и «оказывал преобладающее влияние». «Если всеобщая жажда золота гнала народы и князей в XVI и XVIII столетиях, в этот детский период современного буржуазного общества, — говорит Маркс, — в заморские крестовые походы за золотой чашею, то первые истолкователи современного мира, творцы монетарной системы, одним из вариантов которой является меркантильная система, провозгласили золото и серебро, т. е. деньги, единственным богатством. Они справедливо объявили призванием буржуазного общества «делать деньги», следовательно, с точки зрения простого товарного обращения, собирать нетленное сокровище, которого не ест ни тля, ни ржа... Если монетарная и меркантильная системы выделяли мировую торговлю и отдельные отрасли национального труда, непосредственно связанные с мировой торговлей, в качестве единственных истинных источников богатства или денег, то необходимо принять во внимание, что в ту эпоху большая часть национального производства пребывала еще в феодальных формах и служила непосредственным источником существования для самих производителей. Продукты большей частью не превращались еще в товары и следовательно в деньги, вообще не вступали во всеобщий общественный обмен веществ, не выступали поэтому как овеществление всеобщего абстрактного труда и не составляли в действительности буржуазного общества... Собственно буржуазною экономическою сферою была в то время сфера товарного обращения. Поэтому с точки зрения этой элементарной сферы они рассматривали весь сложный процесс буржуазного производства и смешивали деньги с капиталом» [1].

Наиболее развитой является собственно меркантильная система, которую Маркс называет также «мануфактурной или коммерческой». Она связана с эпохой первоначального

[1] Маркс, К критике политической экономии, Сочинения, изд. Института Маркса — Энгельса — Ленина, т. XII, ч. 1-я, стр. 141—142.

накопления, с начальным периодом формирования мануфактуры и колониальной системой, которая способствовала «тепличному росту торговли и судоходства». Колонии представляли для мануфактур рынок сбыта и давали возможность усиленного накопления для «монопольных обществ», осуществлявших крупную торговлю того времени [1].

В соответствии с этим меркантильная система в отличие от монетарной «перенесла источник богатств из предмета в субъективную деятельность, в коммерческий и мануфактурный труд. Однако сама эта деятельность все еще понимается в ограниченной форме, а именно, как производящая деньги» [2]. Если монетарная система есть выражение формы Д—Т—Д, то, напротив, форма Д—Т... П... Т[1]—Д[1] «лежит в основе развитой меркантильной системы, необходимым элементом которой является не только товарное обращение, но и товарное производство» [3]. Источник прибавочной стоимости меркантилисты видели в обращении, а не в производстве, и в связи с этим они отрицали создание абсолютной прибавочной стоимости. «Согласно меркантильной системе прибавочная стоимость только относительна, — говорит Маркс, — что выигрывает один, то теряет другой...». Эта мысль побуждает меркантилистов обращать особое внимание на внешний рынок: «...для капитала, взятого во всей совокупности, внутри данной страны не создается никакой прибавочной стоимости. Она может возникать только в сношениях одной нации с другими. При этом излишек, который одна нация реализует для себя из сношений с другими, выражается в деньгах (торговый баланс), потому что именно деньги представляют непосредственную и самостоятельную форму меновой стоимости» [4]. Таким образом источник прибыли согласно меркантилистам находится во внешней торговле, и Маркс приводит слова английского меркантилиста XVII в. Девенанта, что при потреблении продуктов внутри страны «нация вообще совсем

[1] «Капитал», т. I, изд. 1928, стр. 605.
[2] Маркс и Энгельс, Соч., изд. Института Маркса — Энгельса — Ленина, т. XII, ч. 1-я, «Введение «К критике политической экономии», стр. 194.
[3] Маркс и Энгельс, Капитал, Соч., т. XVIII, т. II, стр. 59—60.
[4] Маркс, Теория прибавочной стоимости, т. I, Партиздат, стр. 46.

не обогащается», тогда как вывоз за границу «представляет явную и верную прибыль»[1].

Маркс предупреждает вместе с тем против вульгаризации взглядов меркантилистов, которые были далеки от того, чтобы отождествлять полностью богатство с золотом и серебром. «Мы понимаем под богатством то, что дает государю и его народу избыток, благополучие и безопасность, — писал Девенант, — равным образом сокровищем является то, что для нужд людей превращено в золото и серебро, в строения и улучшения почвы, а также и другие предметы, которые могут быть обменены на эти металлы...»[2]. Наконец Маркс отметил такую характерную особенность меркантилизма, против которой особенно возражали физиократы и затем классики, как «вмешательство правительства в деятельность гражданского общества»[3]. Для меркантильной системы характерно применение «принудительных средств... в форме охранительных пошлин», а также «ускоренная экспроприация самостоятельных непосредственных производителей посредством насильственно ускоренных накопления и концентрации капитала». Меркантилисты «в действительности объявляют интересы класса капиталистов и обогащение вообще конечной целью государства...». Указывая на кровавое законодательство против рабочих в Англии в XVI—XVII вв., Маркс говорит, что «нарождающейся буржуазии нужна государственная власть, и она действительно применяет государственную власть, чтобы «регулировать» заработную плату... и таким образом удерживать самого рабочего в нормальной зависимости от капитала. В этом существенный момент так называемого первоначального накопления»[4].

Переходя к русскому меркантилизму, надо заметить, что меркантилистический характер имела также экономическая политика петровской эпохи. Однако феодально-крепостническая Россия в начале XVIII в. по своему общественно-экономическому развитию еще значительно отстала по сравнению с Западной Европой.

[1] Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. I, Партиздат, стр. 23—24.
[2] Там же, стр. 24.
[3] Там же, стр. 45.
[4] Маркс, Капитал, т. III, ч. 2-я, изд. 1930, стр. 262, т. I, стр. 592

При изучении петровской эпохи необходимо исходить из характеристики политики Петра, данной т. Сталиным: «Петр Великий сделал много для возвышения класса помещиков и развития нарождавшегося купеческого класса. Петр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев. Надо сказать также, что возвышение класса помещиков, содействие нарождавшемуся классу торговцев и укрепление национального государства этих классов происходило за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры»[1].

Политика петровского правительства была прежде всего дворянско-крепостнической. Указ об единонаследии подвел итог процессу слияния поместий с вотчинами. Подушная подать сравняла крестьян и холопов. Широко раздаются вотчины с крепостными приближенным Петра: Меншиков имел 90 тыс. крестьян, Кантемир получил 17 тыс., Шафиров владел 15 тыс. чел. и т. п.[2]. На той же крепостнической базе строится и развивается военный и бюрократический аппарат петровской монархии. Бесконечные рекрутские наборы и содержание постоянной регулярной армии, нового центрального и местного управления, построение новой столицы, проведение каналов, бесчисленные вновь изобретаемые налоги ложились тяжелым бременем на население, на основную «тяглую» массу, крестьянство. Утроение податных тягостей и одновременная значительная убыль населения в первой четверти XVIII в. являются показателем напряжения народнохозяйственных сил.

Но на этой же основе развивается широкая торговая и промышленная политика Петра, укреплявшая «нарождавшийся купеческий класс». Рост внешней торговли виден из того, что в 1710 г. в единственный русский порт Архангельск прибыло 153 иностранных корабля, а в 1724 г. в один С.-Петербург пришло 240 кораблей, а вместе с другими вновь завоеванными балтийскими гаванями (Рига, Ревель и др.) в следующем году прибыло 914 кораблей. Внешнеторговый ба-

[1] Сталин, Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, «Большевик», 1932, № 8, стр. 33.
[2] Е. Карнович, Замечательные богатства частных лиц, Спб. 1885, стр. 114, 119, 130.

ланс был благоприятен для России. Были созданы крепостные мануфактуры — металлические заводы Урала, Сестрорецкий оружейный завод, полотняные, суконные и прочие мануфактуры, общее число которых в 1727 г., по данным тогдашнего оберсекретаря сената И. Кириллова, составило 233 фабрики и завода. Промышленные и торговые компании, членами которых нередко были наряду с крупными представителями купечества также высшие представители знати, получали привилегии и монопольные права. К горным заводам приписывались крестьяне, и в 1721 г. «купецким людям» было разрешено покупать крепостных к фабрикам и заводам. Создание мануфактур и развитие торговли совершаются на базе крепостного труда и феодальной опеки.

Экономическая политика Петра I была типичной политикой меркантилизма. Представителем меркантилизма был и Посошков. Принадлежа сам к «купецким людям», он занимает более радикальную позицию, оставаясь однако в рамках того же крепостного строя.

Основной задачей книги Посошкова является выяснение причины народной «скудости» и указание, «отчего гобзовитое богатство умножается». Второй проблемой, обсуждаемой Посошковым и тесно связанной с первой, является истребление всякой «неправды» или установление правовых и административных условий, необходимых для обогащения страны. Так как одной из главных его идей является признание неразрывной связи государственного и народного хозяйства, то он должен был подвергнуть критическому рассмотрению все важнейшие экономические и социальные вопросы своего времени.

Он не был новичком в прожектерстве. В 1701 г. он подавал боярину Головину записку по военным вопросам. В «Книгу о скудости и богатстве» он включил также некоторые из своих прежних проектов. Он повторил в ней содержание не дошедшего до нас доношения о денежном деле, которое пытался подать правительству в 1719 г., и вторично излагает проект перепланирования крестьянских дворов в целях борьбы с пожарами, который он развивал уже в «Завещании отеческом к сыну».

В своей литературной деятельности он не был одинок. Петровская эпоха отличалась чрезвычайным развитием политического прожектерства. В «доношениях», «изъявлениях» и «пунктах», подававшихся отдельными лицами правительству, обсуждались самые разнообразные вопросы экономики и политики.

В первое десятилетие XVIII в., в наиболее тяжелые годы Северной войны, в этих проектах чаще всего предлагались меры для пополнения оскудевшей казны посредством введения новых пошлин и налогов. Наибольший успех выпал на долю знаменитого прибыльщика Алексея Курбатова, предложившего пустить в обращение гербовую бумагу, только что изобретенную в Западной Европе. «Худофамильный человек, произведенный в знатность», как называет его князь Куракин, проще говоря, холоп Б. Шереметьева, сопровождавший своего господина в качестве дворецкого в его образовательном заграничном путешествии, он получил награды, был назначен дьяком Оружейной палаты, состоял инспектором ратуши, ведавшей всеми финансами, и затем вице-губернатором Архангельской губернии. Его пример нашел немало подражателей, таких же «прибыльщиков», лишь менее удачливых. Но во втором десятилетии XVIII в., приблизительно с 1713 г., в проектах обсуждаются другие, более общие темы в связи с новой струей в деятельности правительства, связанной с переустройством государственного аппарата.

Прожектерство было весьма развито в то время и в Западной Европе. Об английских прожектерах автор «Путешествия Робинзона» Дефоэ писал в 1697 г. как о людях, которые «ежедневно выдумывали новые ухищрения, уловки и планы, чтобы нажить деньги, о которых прежде никто не знал». В Париже это — donneurs d'avis, которых можно видеть по утрам на площади у выхода из дворца, они обивают пороги должностных лиц, предлагая свои блестящие идеи. По ироническому отзыву одного из героев Мольера—это люди, которые обещают обогатить всех королей мира. Прожектером был знаменитый Джон Ло, современник Посошкова, достигший должности директора банка и министра финансов Франции. Русское правительство заказывало ряду иностранцев записки по отдельным вопросам, и в роли прожектеров выступали в то время в России иностранцы Люберас и Фик.

Н. Павлов-Сильванский делит петровских прожектеров на две группы в зависимости от их отношения к петровским

реформам или, вернее, к «западническому курсу» правительства Петра. Он различает среди них крайних западников, знакомых по личным впечатлениям с Западной Европой, которые предлагали в широких размерах использовать западноевропейский опыт в области государственных учреждений, экономики, техники и культуры. Другую группу авторов проектов этот исследователь называет «московскими прогрессистами». Это люди, не выезжавшие за пределы России, сочувствовавшие лишь некоторым сторонам деятельности правительства, националисты, упорно державшиеся старинного московского благочестия. Они отрицательно относились к умственной жизни Западной Европы, католической и протестантской, но шли навстречу заимствованиям у иностранцев в области техники и отдельных учреждений. К числу «московских прогрессистов» Н. Павлов-Сильванский причисляет и Посошкова [1].

Но самому исследователю не всегда удается приложить свою схему к конкретному материалу. «Московские прогрессисты» часто оказываются в полном согласии с «западниками», а расходятся между собой там, где расходятся их классовые позиции. Родовитый дворянин, родственник царской семьи, стольник Федор Салтыков, посланный Петром в Англию сначала для науки, а затем для закупки кораблей для русского флота, присылал Петру проекты, проникнутые определенной сословно-аристократической тенденцией. Для подъема дворянства он предлагает ввести по английскому образцу майорат, т. е. передачу по наследству земельного владения только старшему сыну. Он хочет, чтобы дворянство получало титулы князей, графов, маркизов, баронов в зависимости от величины своих владений, смотря по количеству крепостных дворов. Необходимо, по его мнению, ввести в употребление дворянские гербы и учредить палату для хранения гербов. Он предлагает запретить другим сословиям, кроме дворянства, владеть населенными имениями и является сторонником крайнего обособления сословий. Характерно, что для усиления связи Украины с Россией он советовал организовать при гетмане дворянскую гвардию, так как «дворянские чины», по его мнению, будут «служить вернее вашему в-ву и государству». Но наряду с этими аристократическими тенденциями он развивал в духе меркантилизма проекты «размножения» фабрик и промыслов и расширения внешней торговли. Салтыков подчеркивал необходимость развития торговли и купеческого класса. И здесь у «западника» Салтыкова оказывается общий язык с Посошковым. Ряд проектов Посошкова, в особенности относительно развития промышленности, вербовки фабричных рабочих и т. п., весьма близок, иногда прямо повторяет проекты Ф. Салтыкова. Это показывает, что у прожектеров, подававших свои записки правительству, имелась общая основа. Все они оставались сторонниками правительства и вместе с ним имели в виду «создание и укрепление национального государства помещиков и торговцев».

[1] Н. Павлов-Сильванский, Проекты реформ в записках современников Петра Великого, Спб. 1897.

Но Посошков ближе всего стоит к группе прожектеров, людей незнатных, которая представлена например Курбатовым, Филипповым, анонимным автором «12 статей» и заводчиком Даниилом Вороновым.

Даниил Воронов в разное время состоял «паточных дел мастером», брал казенные подряды на выделку медных денег как на своем заводе, так и на казенном денежном дворе, имел заводы для выделки сыты и квасцов и производил добычу руды. К сожалению Павлов-Сильванский приводит его письма лишь в своем кратком изложении. Заграничные наблюдения привели Воронова к тем же выводам, что и Посошкова, что «российские товары, которые до них из России идут, все им зело потребны суть и без тех товаров пробыть не могут». Поэтому он предлагает, так же как Посошков, повысить цену на русские экспортные товары, продавать их иноземцам «двойною ценою», отчего в «России пополнится от чужих стран добровольно многое миллионное богатство». Воронов предлагал с этой целью установить «единое место» для отпуска товаров за границу, устроив заставы в остальных пограничных городах. Он проектировал организацию казенных мануфактур, шелковых, хлопчатобумажных, полотняных и канатных, имея в виду вывозить их изделия за границу. Знакомство с Западом отразилось в его проекте выпуска в обращение кредитных знаков, которые он называет «заме-

нами» и советует делать из дерева. К этой же группе следует отнести предложение неизвестного автора, присланное правительству из Голландии в 1715 г., в котором рассматривается вопрос о положении торгово-промышленного класса: «Купечества у вашего величества мало, и можно сказать, что уже нет, ибо все торги отняты от купцов, и торгуют оными товарами высокие персоны и их люди и крестьяне, от которых вашему величеству весьма мало пошлины, и можно сказать, что ни единые копейки». Автор этого доношения отличается подобно Посошкову также враждой к «высокородным людям» и предлагает назначать в губернаторы, а также в сенат «хотя и не из высокородных, но токмо бы были умные, верные и пробованные во услугах вашего в-ва».

Книга Посошкова в отличие от этих донесений является обширным литературным произведением, где с большим публицистическим талантом подвергается острой критике существующее положение и развиваются проекты экономического и государственного переустройства.

Рассуждения Посошкова о торговле и промышленности можно свести к следующим типично меркантилистическим положениям: 1) необходимо стремиться к притоку денег в страну и к сокращению вывоза денег за границу; 2) в этих целях следует развивать внешнюю торговлю и собственную промышленность как для покрытия внутреннего спроса, так и в особенности для производства товаров на вывоз; 3) для того чтобы деньги не уходили из страны, надо ограничить потребление иностранных изделий, в особенности заграничных предметов роскоши; 4) для расширения промышленности и внешней торговли государство должно применять принудительные меры регулирования и поддерживать купечество посредством кредита, организацией компаний и т. п.

По его словам, серебряные деньги «надлежит в торгах русских иметь, за рубежи ж отнюдь их не отпускать, за рубежи одни токмо червонцы отпускать». Последнее объясняется тем, что червонцы не имели большого значения в качестве монеты («понеже червонцы не ради торга или приобретения богатства»). Здесь он подводил итоги и шел лишь немногим дальше современной ему практики. В обширном указе 1721 г. правительство предписало «здешнее золото сохра-

нить, а иностранное в государство привлекать». В указе 1714 г. находится, как этого желал Посошков, прямое запрещение вывоза серебра: «серебра всякого, как в деле, так и в лому... за рубеж отнюдь не отпускать». Однако пришлось разрешить вывоз русских денег иностранным купцам, уезжающим из России [1]. Правительство охотилось преимущественно за иностранной монетой для передела ее в низкопробную русскую. С этой целью например товары из казны продавались только на иностранную монету, пошлины также взимались с иностранцев ефимками или слитками и предписывалось иноземцам покупать «у русских купцов на свои деньги, а не на русские».

Посошков не ограничивался одним запрещением вывоза денег. Задачу привлечения денег в страну он предлагал решить посредством усиленного развития внешней торговли и промышленности, которая понимается им, как и всеми меркантилистами, «в ограниченной форме, а именно, как производящая деньги» (Маркс). Он предпочитает иметь дорогие товары внутреннего производства, нежели более дешевые заграничные: «А и сукон солдатских, мнитца мне, у иноземцов покупать не надобно ж, потому что наши русские сукна аще и дороже заморских станут, обаче тыи денги из царства вон не выдут. Того ради и сукнам нам потребно прониматися своими ж, чтобы те денги у нас в Руси были». С той же целью привлечения денег он предлагал увеличить экспорт готовых изделий, заменив ими вывоз сырья. Предложение усилить выработку полотна взамен вывоза льна мотивировалось им следующим образом: «Чем им лен да пенку продавать, лутче нам продавать им готовые полотна парусные и канаты и камордки и рубки и миткали и брать у них за те полотна яфимки и иные потребные нам вещи» [2].

Современники Посошкова в своих проектах также часто останавливались на вопросах промышленности. Федор Салтыков подобно ему связывал проблему «соблюдения денег» с ростом собственной промышленности. Однако при этом можно заметить известное различие в их проектах. Наряду с устройством фабрик Салтыков предлагал расширить посевы

[1] Полное собрание законов, № 3748, 2793, 2889.
[2] «Книга о скудости и богатстве», гл. 4, стр. 205, гл. 5, стр. 224.

льна с целью увеличить вывоз льна за границу, главным образом в Голландию. Напротив, Посошков, писавший десять лет спустя, проектировал полный отказ от экспорта льна и пеньки, так как считал необходимым перерабатывать все сырье на собственных фабриках: «Аще бо лен и пенку, за море не возя, делать тут, где что родилось, то тыи полотна заморского вдвое или и втрое дешевле ставица станут, а люди бы российския богатились». Он считал, что при обилии сырья имеется возможность «на всю Европу полотен наготовить» и продавать их дешевле заграничного полотна. Исходная точка зрения у Посошкова несколько отлична от взглядов Салтыкова: «Чем к нам возить полотна из наших материалов зделанные, то лучши нам к ним возить готовые полотна». Этого взгляда Посошков держался не только в отношении льна но и выразил его в виде общего положения: «Сие бо велми нужно, еже кои материалы, где родятся, тамо бы они и в дело происходили»[1].

Посошков настойчиво и последовательно защищал характерное для меркантилистской литературы положение, что экспортная торговля наиболее выгодна, когда предметом ее служит не сырье, а готовые изделия. Англичанин Ралей в XVII в. высказал ту же мысль, заметив, что король «одарен богом властью поощрять вывоз только обработанных товаров»[2].

Посошков обстоятельно указывает благоприятные условия для устройства фабрик в России, принимает во внимание дешевизну продовольствия для рабочих по сравнению с заграницей («хлеб и харч у нас тамошнего гораздо дешевле») и советует строить заводы в хлебных местах. Он отмечает дешевизну русского сырья против заграничного: у нас «лен и пенка гораздо ниже тамошной их цены укупить мочно». Он прикидывает, каковы будут цены на русские ткани, и считает, что они против иноземных «ниже половой цены будут».

Те же соображения, как и о полотняном производстве, Посошков развивал относительно других отраслей, например производства стекла и табачной промышленности: «Нам, если заводов пять, шесть построить, то мы все их государство стеклянной посудой наполнить можем». В 1723 г. вышел указ

[1] «Книга о скудости и богатстве», гл. 5, стр. 223.
[2] А. Брикнер, Иван Посошков, стр. 185

о разведении табака на Украине из иностранных семян. Посошков также рекомендует «сеяти и строить его по заморски, как у них водится, чтоб на табак денги из Руси напрасно не тратились», и указывает места, пригодные под посевы табака, — район Поволжья, а также Пензу, Мценск, Воронеж, Киев. Он знает цены на табак и говорит, что «если в Руси его строить, то выше копейки фунт его не станет, а заморского выше десяти алтын фунт покупают». Он рассчитывал в будущем на экспорт табака: «Так нам мочно его запасти, что и кораблями за море мочно его отпускать». И здесь оказывается совпадение между Посошковым и Салтыковым. Ф. Салтыков также писал о разведении табака и также надеялся на его вывоз в Азию «в калмыки, в бухары, в Мунгары и прочия» страны.

Посошков однако далеко не на все отрасли промышленности смотрел столь оптимистически. В отношении железа, сукна и красок он ограничивался замечаниями о необходимости возможно более полного удовлетворения внутреннего рынка и замены заграничных товаров изделиями собственного производства, не надеясь повидимому на значительный их экспорт. Эти отрасли также были в центре внимания правительства, которое например предписывало расширить суконное производство, «так, чтоб в 5 лет не покупать мундиру заморского».

Посошкова сильно занимала задача расширения добычи минеральных красок, и правительство в это время рассылало по стране список «всяких заморских красок» с обещанием награды за их открытие. В этом списке встречаются почти все краски, упоминаемые Посошковым. В привилегии, выданной компании Савелова и Томилина на производство купороса, серы и красок, указывалось, что когда они смогут удовлетворить внутренний спрос, то «имеет быть вывоз таких материй в наше государство из иных чужестранных областей заказан и воспрещен»[1].

Посошков также не выходил за пределы меркантилистской практики того времени, предлагая строить заводы на казенный счет и затем отдавать их из оброка частным предпринимателям. По его мнению, казна должна оказывать поддерж-

[1] Полное собрание законов, 1718, № 3180.

ку маломочным людям, выдавая ссуды на постройку и приобретение инструментов и припасов и для расширения заводов и фабрик, в особенности суконных, полотняных, бумажных, стекольных и железных. При этом он имел в виду дешевый кредит, не более чем на 6% годовых [1].

В связи с проектами устройства заводов и обучения мастеров Посошков рассматривает положение ремесленников. Он проектировал введение цеховой организации ремесла и при этом прямо указывал на иностранный образец. Над каждым ремеслом должны быть поставлены «надзиратели», на обязанности которых лежит следить за качеством работы и за точным выполнением установленного срока ученичества. Мастера после испытания должны получать от них свидетельство на право производства. Не следует видеть здесь только анахронизм, запоздалое подражание средневековым западным образцам. В ряде стран Западной Европы как раз в XVII—XVIII вв. цеховой строй принимает более строгий характер и получает широкое распространение, но уже в виде организаций, подчиненных государству. Регламенты и цеховые уставы издаются в это время государственной властью во Франции и в Германии в целях регулирования и надзора за ремеслом и являются характерными проявлениями меркантилистической политики сословной дворянской монархии. В России в регламенте главного магистрата 1721 г. и указом 27 апреля 1722 г., т. е. в то время, когда Посошков писал свое сочинение, правительство установило обязательство записи в цехи всех ремесленников, работающих на рынок.

В основе рассуждений Посошкова о промышленности, торговле и потреблении лежит мысль о благоприятном торговом балансе. Однако эта идея нигде не формулирована им с достаточной четкостью. В этом отношении Посошков отстает от западных меркантилистов. Томас Мэн, сочинение которого Маркс назвал «евангелием меркантилизма», говорит, что стоимость товаров, вывозимых ежегодно, должна превышать

[1] «Книга о скудости и богатстве», гл. 9, стр. 301. Повидимому средний процент равнялся 12; из такого процента Тайная канцелярия отдавала в рост личные деньги бывшего новгородского архиепископа Феодосия.

стоимость иностранных товаров, потребляемых в стране, и показывает это на цифровых примерах. Девенант считает, что после закупки необходимых иностранных товаров и вывоза собственных продуктов должен оставаться излишек в виде денег или товаров, «этот излишек составляет ту прибыль, которую нация извлекает из торговли» [1]. Такой ясности в формулировках по данному вопросу мы не находим у Посошкова. Представление о торговом балансе однако сквозит во всех рассуждениях его об усилении вывоза русских изделий и сокращении потребления заграничных товаров, а также в той взаимозависимости, в какой он рассматривает вопросы экспорта и импорта. Так, если иноземцы не согласятся на высокие цены, установленные купеческой компанией на русские товары, и, «оставя торг, поедут за море без наших товаров, то и свои они товары, с коими приехали, повезли бы все с собою назад», т. е. ввоз товаров из-за границы, по мнению Посошкова, непременно обусловливается соответствующим выгодным для нас вывозом.

Для торговли с иностранцами на ярмарках он проектировал организацию купеческого «кампанства». Посошков понимал отношения между купцами двух наций по образцу двух враждебных армий. По верному замечанию А. Брикнера, согласно Посошкову, «все купечество русское должно, так сказать, превратиться в войско». Он хотел, чтобы купцы торговали строго организованно: «и с воли командира своего и по согласию купечества, поставя цену товару своему, отпускали бы за море и за прочие рубежи русския товары, как богатые, так и убогие, с воли командира своего по общему согласию кампанства, чтобы никому обиды не было». Купеческая компания должна иметь в виду удерживать цены на свои товары на одном, общем для всех и притом высоком уровне, причем она должна уничтожить конкуренцию между русскими купцами перед лицом иностранцев. Покупка заграничных товаров должна происходить с той же организованностью, «по рассмотрению и по согласию общему и с воли командира своего, а не попрежнему самоволно».

Особенностью проекта Посошкова, на которую следует обратить внимание, является защита интересов маломощных

[1] Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. I, Партиздат, стр. 23.

купцов. Компания объединяет как крупных, так и мелких купцов. Закупленные иностранные товары должны делиться между всеми купцами в соответствии с запроданным каждым из них количеством своих товаров «с общего совета, чтобы никому и малые обиды не было». Если иностранные купцы откажутся покупать русские товары по высоким ценам, то «надлежит у маломочных товары все богатым за себя снять». Дисциплина в этой купеческой стачке поддерживается угрозой штрафа «сторичного» и наказания кнутом. Своеобразие проекта Посошкова заключается как в широком, так сказать, массовом объединении купечества для внешней торговли, так и в стремлении создать условия, выгодные не только крупному, но и среднему и мелкому купечеству. Этим его проект отличается от разнообразных, преимущественно промышленных, компаний, создававшихся тогда при помощи правительства. Но около 1728 г. правительством намечалась также организация ряда торговых компаний, главным образом для внешней торговли, как «компания портовая, компания сибирская, китайская и тамошних краев, компания персидская, бухарская, хивинская, компания украинская, черкасская, польская, шленская и прочих». Однако в перечисленные компании предполагалось принимать лишь более крупное купечество с годовым оборотом не менее 3—4 тыс. руб. на тогдашние деньги [1]. Кроме организации компании Посошков предлагал запретить иностранцам разгружать в порту незапроданные еще товары, продажа иностранных товаров должна разрешаться только с кораблей. Такими мерами он надеялся повернуть внешнюю торговлю в выгодную для русских купцов сторону и «прежнюю их (иноземцев) пыху сломить».

Посошков считал, что Россия в меньшей степени нуждается в иноземных товарах, чем иностранцы в русских, так как те привозят к нам свои «безделки», а мы продаем им «материальные» товары. Он полагал, что в случае несогласия иностранцев на высокие цены русских товаров наши купцы могут отказаться от торговли с ними даже в течение ряда лет. Товары должны в продолжение этого времени лежать в портах, а за задержку в обороте предлагается набавлять каж-

[1] Лаппо-Данилевский, Русские торговые и промышленные компании в XVIII в., Спб. 1899, стр. 22.

дый год цену на товар. «А буде два года иноземцы с торгом не будут, то на прежную цену наложить еще толико же, колико на первой год наложено. И тако колико годов ни проволочат они упрямством своим, то на кийждо год по толикой же накладке на всякой рубль налагать, не уступая ни малым чем, чтобы в купечестве денги в тех залежалых товарах не даром лежали, но процент бы на всякий год умножался». «И аще в тех прецентах товарам нашим возвыситца, что коему прежняя цена была рубль, а во упорстве иноземском возвысится в два рубля, то такову цену уже впредь за упрямство их держать, не уступая ни малым чем».

Таким образом Посошков думает, что цена товара может быть установлена односторонне продавцом. В этом отношении взгляды Посошкова отличались изрядным архаизмом. Еще в 1653 г. де Родес в своем донесении шведскому правительству о русской торговле писал, что московские «гости» лучше оставят товар лежать несколько лет, нежели продадут его по сниженной цене. На примере законтрактованной им партии шелка, которая 5 лет лежала непроданной в Архангельске, Родес показывал, что выгоднее продать ее по сравнительно низкой цене (80 талеров за пуд), нежели спустя 5 лет получить за нее более высокую цену (93 талера), так как разница между этими ценами не окупала проценты на затраченный капитал. Он объяснял эти коммерческие приемы русских купцов тем, что они «не соображают или не знают, что маленькая прибыль и частый оборот гораздо больше может доставить выгоды» [1].

Те враждебные отношения между купечеством разных стран, которые рисует Посошков во внешней торговле, характерны для меркантилистов, которые полагали, что в торговле непременно имеются потери на одной стороне и выигрыш на другой, и видели именно в сфере обращения источник прибыли и прибавочной стоимости.

В какой мере Посошков защищал интересы купечества, показывает его проект запрещения торговли всем остальным сословиям. Он требовал дать купечеству «торг свободный»,

[1] Де Родес, Донесение о русской торговле, «Чтения Общества истории и древностей российских», 1915, кн. II, стр. 151; «Книга о скудости и богатстве», гл. 4, стр. 200.

под которым понимал исключительное монопольное право на торговлю, без конкуренции со стороны других «чинов». «Ныне торгуют бояря, дворяня и люди их и афицеры и салдаты и крестьяне», — говорит он, и притом торгуют беспошлинно, т. е. приносят убыток не только купцам, с которыми они конкурируют, но и казне. Он рассказывает, что в одном Новгородском уезде торгует «сто-другое» крестьян, за которых вступаются дворяне и не дают брать с них пошлины. Среди этих крестьян имеются «богачи, что сот по пяти-шти имеют у себя торгу». Таким образом за спиной крестьян-торговцев стоят их господа, и негодование Посошкова направлено именно в эту сторону, против того, что «прикоснулись к торгу лица сильныя, а кои не сильны, то магистрату не подсудны».

По его мнению, «кто похочет торговать, то надлежит им прежний свой чин отставить и записаться в купечество». Крестьяне-торговцы с оборотом не менее 100 руб. должны записаться в купцы. Какое значение он придавал этому мероприятию, видно из того, что в результате его, по его мнению, «яко от сна купечество возбудится», «купечество так обогатится, что не в пример нынешнему богатству». К этому следует прибавить, что Посошков требовал упорядочения и значительного понижения пошлин с внутренней торговли. Внутренняя пошлина, взимавшаяся с каждой сделки при перепродаже, в общем, по его расчету, составляла 15% на стоимость товара. Он предлагал взимать ее лишь один раз с каждой партии товара и снизить до 10%.

Требования запрещения торговли прочим сословиям настойчиво раздавались из среды купечества как в XVII в., так и на протяжении XVIII в., когда они неоднократно служили поводом к страстной дискуссии. Среди прожектеров, современников Посошкова, Нестеров и Маркелов, исходя из Уложения, возражали главным образом против беспошлинной торговли беломесцев, которые, торгуя, не несли посадского тягла. Но И. Филиппов подобно Посошкову требовал полного устранения дворянства и крестьян от торговли и подкреплял свои требования тем соображением, что торговля отвлекает дворянство от военной службы и науки. Неизвестный прожектер, «обретающийся в Голландии», также считал необходимым прекращение торга лицами других сословий: «Ежели же кто и из высоких господ похочет торговать, то и такому

надлежит записываться в посад со утрачением чести его и уже ему надлежит зватися купцом, а не дворянином или князем». Посошков выразил ту же мысль об обособлении сословий в яркой формуле: «Един раб не может двум господинам служити; так и воину и иного чина человеку всякому свой чин прямо вести... одно взять — либо воевать, либо торговать». Следует заметить, что такой идеолог дворянства, как Ф. Салтыков, также считал необходимым резко разграничить в этом отношении дворянство и купечество. Но он исходил при этом из аристократических тенденций, желая поставить дворянство выше остальной массы населения: «Благородным не довлеет иметь купеческих стяжательств, сиречь лавок, торгов и промыслов... понеже то есть властвует мещанству».

В этом вопросе правительство Петра целиком стояло на противоположной точке зрения, защищая дворянские интересы. В 1711 г. (1/X) была разрешена свободная торговля всем чинам «с платежем обыкновенных пошлин». В середине XVIII в. указами 1745 и 1755 гг. торговля крестьян была ограничена территориально (не ближе 5 верст от города), и закон требовал приписки торгующих крестьян в посад. Однако на практике эти постановления не выполнялись, и торговля оставалась открытым для всех занятием. В знаменитой комиссии 1767—1769 гг., созванной для составления нового Уложения, которое так и не было составлено, по вопросу о праве на торговлю разгорелась острая полемика между городскими и дворянскими депутатами. Первые требовали полного отстранения дворянства и крестьян от торгов или же ограничения их торговли одними сельскохозяйственными продуктами.

Для того чтобы отчетливо выяснить природу экономических воззрений Посошкова, остановимся на его отношении к цене и к конкуренции. Он был противником всякой конкуренции, как это видно уже из его проекта создания компании для внешней торговли. Еще определеннее он высказался в другом своем сочинении «Завещание отеческое к сыну», где на случай, если его сын вступит в купечество, он дает ему следующий совет: «Купцов от чужих лавок не перезывай и товару своего, аще и добр, не весьма выхваливай». Он требует, чтобы купец не скрывал недостатков, точно назы-

вал покупателю сорт и качество товара; если он обманет покупателя, он угрожает ему проклятием[1].

Посошков является сторонником однообразной указной цены, предписанной властями, или, как он называет ее, «уставленной цены». Он вменяет в обязанность сотским и десятским наблюдать, чтобы торговцы «цену брали по пристойнству товару прямую, настоящую, по чему коему товару цена положена, а излишние б цены ни у какова товара не то что взять, но и не припрашивали б». В особенности он настаивал на установлении одной цены на вино, независимо от издержек, причем цена должна быть одинакова как в урожайные годы, так и во время недорода. На все товары следует «положить цена уставленная, чтобы она какова была в первой лавке, такова бы и в последней». Это предложение вызвало недовольное замечание какого-то раннего читателя рукописи «Книги о скудости и богатстве», сделавшего против этого места гневную заметку: «Старик, нельзя одной цены уставить, ведь товару имя одно, да добрата не одна. Ину пору уж и ты врьош!» Этот современник Посошкова или близкий к нему по времени читатель считал уже указную цену стеснительной и неприемлемой[2].

Плеханов считал, что наш «первый экономист» значительно отстал от западноевропейских меркантилистов. В особенности Плеханов нападал на Посошкова за его взгляды на деньги. Однако следует признать, что и при обсуждении проблемы денег Посошков также стоял на почве меркантилизма, и эта сторона его воззрений не заслуживает снисходительно-иронической улыбки, с какой говорит о нем Плеханов[3].

Посошков в своих воззрениях на деньги был номиналистом. Он говорил, что если бы царь «повелел на медной золотниковой цате положить рублевое начертание, то бы она за рубль и ходить в торгах стала во веки веков неизменно». Таким образом он признавал несущественным для ценности денег их металлическое содержание, так как ценность их определяется государственной властью. Юридическая теория денег служит для него основой проекта преобразования монетной системы, сущность которого заключается в выпуске неполноценной, «легкой» монеты. Он предлагал из пуда меди, рыночная стоимость которой равнялась 7 — 8 руб., чеканить медных гривенников на 384 руб., или алтынников более чем на 230 руб., или же копеек на 153 руб. с лишком. Эта операция должна была дать казне прибыли от 140 до 370 руб. на пуд меди. Правительство Петра выпускало, начиная с 1718 г., серебряные алтынники и копейки 38-й пробы, которые давали прибыли 85 руб. на пуд, а в 1723 г. выпущены были медные пятикопеечники по 40 руб. из пуда меди, что должно было давать доход казне с каждого пуда 32 руб. Таким образом Посошков шел в этом отношении даже несколько дальше того, что позволяло себе правительство. Наряду с этим он возражал против низкой пробы русских «сумесных» денег, настаивая в целях предупреждения подделки на выпуске неполноценной монеты из чистого серебра или меди.

Посошков не был одинок в своих проектах. Почти одновременно с ним подал правительству свое «мнение» по денежному вопросу директор петербургской типографии Авраамов, который предлагал чеканить мелкую медную монету на 192 руб. с пуда меди; он считал даже возможным на прибыль, получаемую от одной этой операции, купить «множество золота и серебра»[1].

Трудность в объяснении теории денег Посошкова заключается в том, что значительная часть западноевропейских меркантилистов держалась товарно-металлической точки зрения, противоположной взглядам Посошкова. Но следует заметить, что среди них, в особенности в более позднее время, были также сторонники юридической точки зрения, например англичанин Барбон (1690 г.), провозгласивший, что «деньги есть ценность, созданная законом».

Споры меркантилистов о том, должны ли деньги чеканиться полноценными или нет, зависели от их позиции в отношении внешней торговли. Значение денег как товара во всей силе проявляется во внешней торговле, поэтому те, кто стоял на почве международных сношений, «говорили,

[1] И. Посошков, Завещание отеческое, Спб. 1893, 2-е издание, стр. 157—158.
[2] «Книга о скудости и богатстве», гл. 4, стр. 198.
[3] Плеханов, История русской общественной мысли, т. II, гл. III.

[1] «Книга о скудости и богатстве», гл. 9, стр. 315—316; Брикнер, цит. соч., стр. 348.

что деньги такой же товар, как и всякий другой, и обладают поэтому одной только товарной ценностью. Опиравшиеся на внутренние, национальные сношения признавали двойственность ценности денег и предоставляли территориальным государям право располагать этой прибавочной ценностью, созданной поднятием металлических денег на степень общественного института с принудительным обращением, т. е. употреблять ее в свою пользу посредством соответствующей сбавки благородного или прибавки неблагородного металла при чеканке. При этом впрочем деньги теряют способность к международному обращению. Но это создает ту выгоду, что они остаются в стране»[1].

На этой последней точке зрения и стоял Посошков, как это было указано в специальной литературе. В его взглядах отразилось сравнительно слабое участие России в мировой торговле, несмотря на все ее внешнеторговые успехи при Петре. Посошков стремился прекратить импорт иностранных товаров, заменив их изделиями собственного производства. Относительно экспорта он был спокоен, так как считал, что иностранцы нуждаются в наших товарах более, чем мы в их. Он даже ничего дурного не видел, если они откажутся покупать наши продукты, так как цены на товары внутри страны за их обилием будут при этих условиях понижаться. С этой позиции он мог закрывать глаза на значение денег как товара. Но Посошков знает и противоположную, товарно-металлическую, точку зрения; он считает ее правильной, но только для заграничной торговли, за пределами своего государства, хотя и не может объяснить причину этого явления: «Иноземцы в своих иноземских денгах сличают цену по положению в них материалу, а не по власти королевской, они паче почитают серебро и медь...» «И тыи иноземцы хощут то учинить, чтоб и у нас в Руси денги были по цене в них положенного товара». В другом месте он указывает на повышение иностранцами цен на свои товары и признает их право ценить деньги как товар в своем государстве: «Они в причину поставили русские наши денги, до чего им ни малого дела нет. Денги наши, когда в их землю придут, то хотя они нашу копейку и за денгу не возьмут, то в том они вольны, их земля, их воля»[1]. Таким образом Посошков учитывал значение денег и как средства мирового обмена и в этом случае считал законной товарно-металлическую точку зрения также и в отношении к русским деньгам. Напротив, в качестве национальной валюты внутри русского государства, по его мнению, полную силу имеет юридическая точка зрения. В связи с этим он предлагал серебряные и медные (неполновесные) деньги не выпускать из страны, а «за рубеж токмо одни червонцы отпускать». Юридическая точка зрения на деньги имела в его глазах силу только для России ввиду высокого характера царской власти. У иноземцев, по его мнению, короли не имеют полноты власти, «но самовластны у них подданные их, а паче купецкие люди, и тыи купцы по купечеству своему товары в денгах числят». Напротив, в России «самый властительный и всецелый монарх и не аристократ, ниже демократ и того ради мы не серебро почитаем, ниже медь ценим, но нам честно и сильно именование его и. в.».

Подобно Посошкову англичанин Барбон выдвигал национальный момент денег. Он считал, что чужая монета принимается по своей материальной ценности, а стоимость местной монеты разлагается на два элемента, один из которых определяется законом, а другой заключается в материальной стоимости.

Проекты Посошкова в области промышленности и торговли рисуют его определенным защитником интересов купечества. Государство должно оградить профессиональную торговлю от конкуренции других сословий, оказывать дешевый кредит для устройства фабрик, объединить купечество в компании, обеспечить ему выгодные условия по внешней торговле путем запрещения привоза ряда товаров и облегчением экспорта, наконец отдать фабрикантам несколько тысяч рабочих из числа нищих и тюремных сидельцев в качестве крепостных. При этом он настаивает на защите маломощных купцов от конкуренции богачей.

[1] А. Онкен, История политической экономии до Адама Смита, Спб. 1907, стр. 267.

[1] «Книга о скудости и богатстве», гл. 4, стр. 202; Эйдельнант, Очерки из истории денежных теорий. Предшественники новейшего номинализма, Ранион, М. 1929, стр. 258—269.

Посошков проявил себя в качестве идеолога широкой массы купечества. Но для того чтобы с полной ясностью определить его социально-политическую позицию, необходимо кроме того рассмотреть его отношение к другим классам.

В крестьянском вопросе классовая позиция самого Посошкова порождает известное своеобразие его «программы». Меркантилизм торговый и промышленный дополняется у Посошкова требованием крестьянской реформы. Для осуществления своих проектов Посошков может рекомендовать лишь одно основное средство: регламентирующее воздействие на хозяйственную жизнь со стороны абсолютистского государства, пользующегося для этого «указным установлением», подкрепляемым жестоким наказанием, штрафами, кнутом и батогами. Но при этом вмешательство государственной власти он последовательно распространял и на крепостные отношения. Согласно его концепции все должно было стать «указным», вплоть до крестьянских повинностей в пользу помещиков.

Взгляды Посошкова на крестьянский вопрос неоднократно привлекали внимание историков, но чаще всего о них говорят мимоходом, не подвергая проблему детальному рассмотрению. Это способствовало тому, что здесь больше всего накопилось неясностей и ошибочных суждений, что заставляет несколько дольше задержать внимание читателя на крестьянских проектах Посошкова.

Согласно плану Посошкова необходимо законом точно установить размер «поборов» и повинностей крестьян в пользу помещиков. Правительство должно «помещикам учинить расположение указное, по чему с крестьян оброку и иного чего имать» и «расположить имянно, по чему с целого двора и по чему с полудвора или с четверти или с осмые доли двора имать денег и столовых запасов». Закон должен установить также размер барщины — «сколько дней в неделю на помещика своего работать и иного какого сделья делать».

Размер крестьянских повинностей и платежей устанавливается законом с каждого двора в зависимости от количества принадлежавшей ему земли, так же как с двора (вместо души) по его проекту должны взиматься и подати в пользу казны. Посошков предлагал отделить крестьянскую

землю от помещичьей, «не числить» ее совсем за помещиками. Он считал необходимым наделить «целый тяглый двор» участком в 6 дес. пашни, покосом в 20 копен и 600—720 кв. саж. усадебной земли. Хозяйство, признанное полудвором, должно обладать запашкой и покосом в половинном размере, а на четверть двора приходится надел вчетверо меньший, нежели на целый двор. Размер участка, намечаемый Посошковым, нельзя признать значительным. Во второй половине XVII в. в центральной части Московского государства на крестьянский двор приходилось от 7 до 9,3 дес.[1].

Между размером крестьянской запашки и тяглом, по мысли Посошкова, должно существовать прямо пропорциональное отношение: чем больше пахотный участок, тем тяжелее тягло. Известная пропорциональность между тяглом и «владением земли» соблюдается также в отношении сенокоса и усадьбы. Не следует считать, что Посошков думал о каком-либо всеобщем поравнении земли, и нельзя усматривать в предлагаемом им наделе обязательной нормы. Он признавал значительное разнообразие крестьянских участков, наряду с крупными наделами допускал существование явно недостаточных, мелких наделов. Он допускал хозяйство «семьянистого и лошадистого» крестьянина с участком, соответствующим 2½ дворам (15 дес. пашни), и в то же время не возражал против наделения крестьянина столь малым количеством земли, что он «и четверти ржи на ней не высеет». Он настаивал преимущественно на необходимости соответствия надела с тяглом. При этом «двор» и «полудвор» не только обозначают у него определенный средний или нормальный земельный участок, но и податное бремя. Взаимоотношение между платежами и наделом в проектах Посошкова можно обозначить краткой формулой: тягло по земле, а земля по тяглу. «А буде кто похочет на себя тягла прибавить, толико и земли ему под пашню и сенокосу прибавить». Посошков предлагал уменьшение государственного тягла с двора не менее чем вдвое: до 3—4 руб. с целого двора против существовавшего в его время обложения в размере около 8 руб. При этом он проектировал уста-

[1] «Книга о скудости и богатстве», гл. 7, стр. 257; Ю. Готье, Замосковный край, стр. 509—513.

новление определенной пропорциональности платежей и надела: каждое хозяйство в 6 дес. пашни платит 3—4 руб. налогов и несет определенные оброки и барщину в пользу помещика; двор с половинным тяглом наделяется участком вдвое меньшим.

Следует отметить, что Посошков настаивал на необходимости обязательного обучения грамоте крестьянских детей в возрасте до 10 лет, так как «немалая пакость чинитца и от того, что грамотных людей у них нет». Аналогичное предложение содержится в представленной правительству записке неизвестного автора, состоящей из «12 статей».

Разработку законопроекта, определяющего крестьянские повинности, оброки и барщину, Посошков поручает особому дворянскому съезду: «И о сем яко высоким господам, тако и мелким дворянам надлежит между собою посоветывать о всяких крестьянских поборах помещичьих и о сделье как бы их обложить с общего совета и докладу его и. в-а». Такому же съезду надо передать и вопросы податной реформы, поручить ему в точности определить податную единицу — двор. Посошков, как известно, был противником вводившейся тогда подушной подати. Повидимому Посошкову не пришлось заново придумывать этот дворянский съезд; нечто подобное, хотя и с другими функциями, уже существовало в действительности. Как раз в 1721—1722 гг. был произведен грандиозный смотр всему служилому классу: дворяне и приказные были вызваны в Москву для выяснения служебной годности каждого и назначения ему определенной обязанности. Об этом смотре знал и Посошков и упоминает о нем в «Книге о скудости и богатстве». Такие смотры производились и ранее, они получили характер всероссийских съездов, на которых собирались дворяне со всех концов страны. Кроме того деятельность местных дворянских обществ в последние годы первой четверти XVIII в. в связи с введением подушной подати приобретает характер, сближающий их с проектируемым Посошковым съездом «высоких господ» и «мелких дворян». Так, в Новгородском уезде, где находилось имение Посошкова, еще в 1721 г. генерал-майор Волков размещал полки на «вечные» квартиры. В связи с этим он собирал местных землевладельцев и объявлял им размер и сроки платежа подушной. В 1723 и

1724 гг. повсюду по дворянским съездам происходили выборы нового комиссара от земли, избираемого для сбора подушной. Новгородские дворяне выступили также перед правительством с челобитьем о мерах против крестьянских побегов и т. п. Посошков лишь расширял хозяйственное значение дворянских съездов, передавая на их рассмотрение не только вопросы налогового обложения, но и определение крестьянских повинностей.

В какой мере Посошкову чужды были «освободительные» тенденции, можно видеть из рассмотрения его взглядов на вотчинную власть помещика. Несмотря на ограничение крестьянских повинностей, он наделяет помещиков широкими полицейско-административными функциями. Посошков поручает местным администраторам, «командирам», наблюдать, чтобы дворяне «за крестьянами своими смотрели и приказчикам и старостам накрепко бы наказали, чтобы никакой крестьянин гуляком не был, ни летом, ни зимой...» и т. д. Его идеалом является попечительный и строгий помещик-опекун, якобы имеющий в виду хозяйственные интересы самих крестьян: необходимо «за ними смотреть и жестоко наказывать, чтобы от лености своей в скудость не приходили и в воровство бы ни в пьянство не уклонялись». Помещичья власть под пером Посошкова принимает характер всесторонней и назойливой опеки над крестьянином. При этом советы Посошкова чрезвычайно близки к суждениям, высказанным дворянскими писателями той эпохи. В. Татищев в «Кратких экономических записках» точно так же предлагает целую систему мелочной опеки над крестьянами; он рекомендует строго следить за крепостным, чтобы он даже в собственном хозяйстве работал исправно, а ленивых крестьян советует сажать в тюрьму. Те же мысли высказывает Волынский в своей «Инструкции дворецкому Немчинову», где между прочим предписывается каждый вечер проверять, все ли крестьяне ночевали дома[1]. Следует иметь в виду, что Посошков проектировал ограничить крестьянские повинности определенным «повытком» в соответствии с размером надела, и в его глазах вотчинная полицейская

[1] «Временник Общества истории и древностей российских», т. XII, стр. 18, «Москвитянин», 1854, № 1 и 2.

власть должна потерять для дворянства значение средства выжимать добавочный доход. Он имеет в виду идеального помещика, будто бы пользующегося своей полицейской властью над крепостными не столько в собственных интересах, сколько к выгоде самого крестьянина и его хозяйства. К этому следует добавить, что в другом своем сочинении, «Завещании отеческом сыну», он рекомендует крестьянину прилежно и безропотно работать на своего господина и в точности выполнять барщину, даже если помещик безжалостно отрывает его от работы на собственном участке.

В связи с этим интересно проследить, как решает Посошков острую для того времени проблему подыскания рабочей силы для фабрик, где ощущался недостаток не только в опытных мастерах, но и в рядовых рабочих. Он советовал «хватать» нищих и, записав в приказе, обучать взрослых прясть, а подростков ткать и белить. По его расчетам, для восполнения недостатка в фабричных рабочих можно использовать 20—30 тыс. «нищих и тюремных сидельцов». Они должны итти на фабрики не как наемные рабочие.—Посошков предлагал отдавать их в качестве крепостных. Фабрикантам, которые устраивали фабрики и заводы своим капиталом, по его мнению, следует разрешить «гулящих ребят мужеска пола и женска имать и науча, владеть ими вечно, чьи бы они до поимки ни были, крестьяне или дворовые люди, быти им тут вечно». Правительство того времени так именно и поступало: отправляло на фабрики нищих, бродяг и преступников. Наряду с этим приписывались к фабрикам целые деревни, а в 1721 г. было разрешено фабрикантам покупать населенные имения. Ф. Салтыков также предлагал для борьбы с нищенством устроить работные дома для обучения «мануфактурным и рукодельным делам», а также отдавать нищих «в матросы, в солдаты и во всякие работные дела».

Посошков предлагал властям и помещикам следить, чтобы крестьяне не оставались без дела и чтобы деревенская молодежь зимой шла работать на «полотняные дворы». Он считает «леность» крестьян одной из причин их «скудости»[1]. Следует заметить, что западноевропейские меркантилисты также видели источник нищеты в лености рабочих, они были убеждены в нежелании рабочих трудиться и в необходимости применения к ним принудительных мер.

[1] Посошков, Книга о скудости и богатстве, гл. 7, стр. 242.

Все это ни в какой мере не вяжется с представлением о Посошкове как о принципиальном противнике крепостного права. Между тем в литературе не раз высказывался взгляд на Посошкова как на одного из самых ранних «предвозвестников» крестьянского освобождения. Исследователь истории крестьянства и крестьянского вопроса народник В. Семевский считал, что Посошков являлся «энергичным заступником за порабощенный народ» и «предвидел возможность освобождения крестьян». Правда, В. Семевский сейчас же вносит в свое положение некоторое ограничение. «Предвидя, что рабству крестьян настанет когда-нибудь конец, — говорит он, — Посошков не мечтал однако о полном их освобождении, он считал повидимому несвоевременным прекращение личной зависимости и даже полагал, что надзор помещиков необходим, чтобы крестьяне не предавались праздности... Он желал точно определить размер поборов и повинностей в пользу помещика». Таким образом, по мнению Семевского, Посошков предвидел в будущем освобождение крестьян, но считал для своей эпохи раскрепощение еще несвоевременным и поэтому предлагал ограничиться пока регламентацией крепостных отношений. Этот вывод Семевский обосновывает следующими словами Посошкова: «Крестьянам помещики не вековые владельцы, того ради они не весьма их и берегут, а прямой им владетель всероссийский самодержец, они владеют временно. И того ради не надлежит их помещикам разорять, но надлежит их царским указом охранять, чтобы крестьяне крестьянами были прямыми, а не нищими, понеже крестьянинское богатство — богатство царственное»[1].

Соображения В. Семевского были повторены биографами Посошкова, Е. Прилежаевым и Н. Павловым-Сильванским. Того же мнения держался В. О. Ключевский, выразивший его быть может с наибольшей яркостью. «Безнадзорный рост помещичьей власти пробуждал мысль о необходимости

[1] В. Семевский, Крестьянский вопрос, т. I, стр. 5—6. Текст Посошкова приводится по настоящему изданию, гл. 7, стр. 254.

законодательного ее ограничения, — говорит Ключевский. — К концу царствования Петра эта мысль, можно думать, не у одного Посошкова созрела до ясного и твердого убеждения. Крестьянин по происхождению, он смотрел на крепостную неволю крестьян как на временное зло... Значит среди сколько-нибудь мыслившего крестьянства, литературным выразителем которого выступил Посошков, еще тлела или уже загоралась мысль, что помещичья власть над крестьянами не вещное право, как на рабочий скот, а государственное поручение, которое в свою очередь снимут с помещиков, как снимают должность с чиновников за выслугой лет или за ненадобностью... Очевидно начинали подумывать о развязке крепостного узла». Взгляд Ключевского в особенности требует рассмотрения, так как он дает определенную классовую характеристику Посошкова. Здесь представление о Посошкове как «о крестьянине по происхождению» связывается с мнением о нем как об идейном представителе крестьянства, который смотрел на помещичью власть как на «временное зло» и думал о «развязке крепостного узла». Этот взгляд перешел и в западноевропейскую литературу, и А. Онкен считал, что Посошков «защищал обычные идеи меркантилизма и рядом с ними отмену крепостного права» [1].

Существуют и противники этого мнения, но они писали по данному вопросу мимоходом, не пытаясь детально обосновать свои взгляды. Так, ранее того Брикнер, более определенно высказавшийся по этому вопросу в своей книге о Посошкове на немецком языке, нежели в сочинении о нем на русском языке, замечает, что в его проектах по крестьянскому вопросу «нет и речи о свободе или о человеческих правах» [2]. Затем М. Клочков, писавший в 1911 г., ограничился утверждением, что «Посошков, не касаясь существа крепостного права и не имея в виду освобождение крестьян от крепостной зависимости», предлагал законом определить крестьянские повинности [3]. М. Покровский и Г. Плехановсовсем не упоминают об «освободительных» тенденциях Посошкова.

[1] В. Ключевский, Курс русской истории, ч. IV, изд. 2-е, М. 1915, стр. 134—135; А. Онкен, История политической экономии, русск. пер., Спб. 1907, стр. 250.

[2] A. Brükner, Iwan Possoschkow, Leipzig 1878, S. 318, 322.

[3] М. Клочков, Посошков о крестьянах, в книге «Великая реформа», т. I, 1911, стр. 72.

Для понимания слов Посошкова о временном владении помещиков крестьянами надо учитывать, что Посошков еще чаще говорит о временности прав помещиков на землю. Он возмущается, что помещики не разрешают в своих владениях устраивать казенные кабаки, дворяне «забыли, — говорит он, — что самая истинная земля, коя и под ним самим, не его, но великого государя, а и сам он не свой, но его ж величества, а страха на себе не малого не имеют. И такое препятие, мница, в мелких помещиках, а о сильных лицах и спрашивать нечего. Те и ногою ступить на ту землю, коя под его времянным владением с питием государевым не пускают». Таким образом Посошков называл временным не только право помещика на своих крепостных, но и право его на землю. К этому следует добавить, что он настаивает на условном, обязанном военной службой, характере владельческих прав на крепостных и землю, которая дана им «на пропитание». «Под всеми ими земля вековая царева, а помещикам дается ради пропитания на время, того ради царю и воля в ней большая и вековая, а им меньшая и времянная». Обусловленность помещичьих прав военной службой в концепции Посошкова ясна из его предложения отнимать крепостных у тех дворян-«лежебоков», которые, избегая военной службы, отсиживаются у себя в деревне или стараются пристроиться «в судьи или комиссары».

С этими местами книги Посошкова следует сопоставить и те слова, которые привлекли внимание Семевского: «Крестьянам помещики не вековые владельцы, того ради они не весьма их и берегут, а прямой им владетель всероссийский самодержец, а они владеют временно», или, как сказано в другом месте: «Помещики владеют ими времянно, а царю они всегда вековые» [1].

Таким образом как дворянские земли, так и крепостных Посошков считал лишь условным и временным владением, пожалованным дворянам полным собственником — государем — под условием службы. Нетрудно увидеть здесь сжа-

[1] «Книга о скудости и богатстве», гл. 7, стр. 254, 259.

тую и яркую формулировку феодального характера помещичьего земле- и душевладения, особенно ярко выраженный в поместной системе. И по аналогии с поместным правом Посошков говорит о временном, неполном праве на крестьян каждого дворянина в отдельности, а не о временности самого крепостного строя в целом.

Конечно в то время, когда Посошков писал свое сочинение, в 20-х годах XVIII в., поместное право было глубоким анахронизмом: поместья и вотчины давно слились уже в одну юридическую форму, что было подтверждено указом 1714 г. о единонаследии. Посошков сам хорошо понимает, что речь идет не о чем-то новом, а о старомосковских началах. Дворяне «забыли, — говорит он, — что самая истинная земля, коя и под ним самим, не его, но великого государя». Этими словами он указывает, что временность прав дворян на свои владения и полное право на них государя не является новым, изобретенным им понятием, а старой, позабытой, как бы потерявшей свое значение силой. Однако следует отметить, что и для этой эпохи условная феодальная собственность не была лишь пережитком, и она в полной мере проявилась по отношению к новым объектам — к фабрикам, заводам и фабричным рабочим. Фабриканты владели фабриками, полученными от казны, и крепостной рабочей силой обычно на основе феодального права. Форма собственности в такой мануфактуре XVIII в. была типично феодальной — это условное владение при сохранении верховной собственности за государством. Промышленники являлись не столько собственниками, сколько «содержателями» своих фабрик [1].

Мысль о полноте прав верховной власти на землю и крестьян и представление об условности помещичьего владения нужны Посошкову не для указания на будущее освобождение, а для обоснования своего проекта крестьянской реформы. Государственная власть как верховный собственник должна озаботиться положением крестьянства. Посошков излагает свой план устройства крестьян в качестве прямого вывода из этого основного положения. После слов о том, что прямым их владетелем является государь, а помещики владеют ими временно, он продолжает: «и того ради не надлежит их помещикам разорять, но надлежит их царским указом охранять... и того ради, мнитца мне, лучше и помещикам учинить расположение указное, по чему им с крестьян оброку и иного чего имать».

Таким образом следует признать, что Посошков, хотя и сделал попытку частичной постановки крестьянского вопроса, оставался в своих проектах на почве современных ему феодально-крепостных отношений. Он предлагал нечто похожее на позднейшие «инвентарные правила»: помещик может устанавливать по своему желанию земельный надел крестьянина (хотя он и должен быть затем зафиксирован правительственной переписью), но соблюдая при этом определенное, установленное законом отношение между тяглом и наделом. Дворянский съезд обсуждает детали крестьянской реформы. Дворянам оставляются широкие полицейские функции. Поскольку он не возражал против самого института крепостничества, нет основания видеть в нем идеолога «сколько-нибудь мыслившего крестьянства».

Не покушаясь на крепостной строй в целом, Посошков направлял свои стрелы против дворянства с позиций купечества. С учетом того, что он оставался в своих проектах на почве крепостнического общества, можно говорить в известной мере об антиаристократическом направлении его книги. Особенно резко говорит Посошков о злоупотреблениях лиц «великородных» и «сильных», это — крупные помещики, сильные своей экономической мощью, или же высшая администрация, «господа», которые пишут указы от имени царя и неправильно, в своих интересах, докладывают ему дела. В ряде случаев он берет под защиту интересы мелких помещиков, обижаемых крупными магнатами. Посошков советует назначать в судьи незнатных людей, главным образом приказных, а также мелких дворян, военных и купцов. Он подкрепляет свое предложение тем, что «вси правители дворянского чина своей братьи знатным норовят, а власть имут и дерзновение токмо над самыми маломочными людьми, а нарочитым дворянам не смеют и слова воспретительного изрещи». По его словам, «высокородные на

[1] «Крепостная мануфактура», т. V, изд. Академии наук СССР, Л. 1934, «Московский суконный двор», статья М. Вяткина, К вопросу истории крепостной мануфактуры, стр. XXVI и сл.

уложенные уставы мало смотрят, но как кто восхощет, так и делать будут по своей природной пыхе».

Он приводит многочисленные, известные ему случаи сопротивления дворян правительственным распоряжениям, в особенности примеры уклонения от военной службы. Он называет известных ему помещиков, которые отсиживаются у себя в усадьбах или пристроились к безопасным и прибыльным «делам» в административном аппарате. Это знакомые ему помещики Новгородского и Алексинского уездов: Унковские, Пустошкины, Ушаковы, Чоглоковы, Мусины-Пушкины. При этом он делает различие между широкой дворянской массой и наиболее знатным ее слоем: «Убогие дворяне служат и с службы мало съезжают, инии лет по дватцати и по триттцати служат, а богатые лет пять, шесть послужа, да и промышляют, как бы от службы отбыть, да добиться б к делам, и, добившись к делам, век свой и проживают». Он видит в этом происки знати, правителей, воевод и полковников, отпускающих свою братью дворян в деревню, они докладывают царю «не прямо», «только слово у него, великого государя, изо уст вытянут, да и делают, что хотят и, чаю, запишут в указе, якобы по имяному его и. в. указу отпущен он или послан к такому то делу»[1].

В этом отношении представляют интерес соображения Посошкова по борьбе с побегами крепостных. Он проявил большую заботливость о возвращении беглых крестьян их прежним владельцам, в особенности мелким и средним помещикам. Он рассказывает, что множество беглых крестьян, составляющих «села великие», скрываются в Поволжье и на Украине в обширных владениях «силняков», которых не осмеливаются затронуть даже воеводы. Он резко критикует последний указ о беглых, отмечая в нем стремление облегчить крупным владельцам прием и укрывательство беглых. В этом он видит результат влияния на законодательство высшей знати. «Господа удумали, смеху достойно, — говорит он относительно этого указа, — а о своих уложили легохонько». Этой резкой критике не соответствует его собственный проект, который не представляет чего-либо существенно нового по сравнению с законодательством Петра и

[1] «Книга о скудости и богатстве», стр. 176.

проектами его современников. Он советовал дать годичный срок для возвращения всех беглых, а по истечении срока штрафовать помещиков (по 200—100 руб. за беглого человека) за укрывательство.

Предложение отстранить крестьянство и прочих людей кроме купечества от торгов также направлено преимущественно против дворянства, так как крестьяне торговали нередко от лица помещиков. По словам Посошкова, если местные власти требуют с крестьян-торговцев уплаты внутренней пошлины, то «дворяне за них вступятца и чуть живых оставят». Он указывает на убыток, причиняемый казне дворянским винокурением, при этом дворяне часто не допускают в своих деревнях продажи казенного вина, устраивая в них собственные кабаки. Посошков предлагает совершенно лишить дворянство права выкуривать вино или же взамен того давать ему на откуп продажу вина. Он ссылается на временное, неполное право помещиков на землю и крепостных и полное право собственности на них государства. Исходя из этого принципиального соображения, он советует наряду с проектом определения крестьянских повинностей обложить налогом помещичьи земли, которые останутся за ними после размежевания с крестьянами. Он считает недопустимым, чтобы помещики владели землей «без платы». Посошков опасается только, что «сильные лица будут всячески сие дело препинать, понеже они обыкли по своей воле жить и не так они любят дать, как себе взять».

Предлагаемые им суровые меры для искоренения «неправды» в судах и управлении также направлены в сущности против дворянства. Он считает, что «невозможно правому суду установиться, аще сто-другое судей не падет». Абсолютная власть посредством «жестоких казней» должна преломить «древнее упрямство» со стороны сильных и великородных.

Антидворянские выпады в «Книге о скудости и богатстве» являются наиболее ярким выражением того, что говорили Петру и некоторые другие прожектеры. Замену дворян в административном аппарате приказными и вообще «низкородными» намечали кроме Посошкова Филиппов и неизвестный автор, «обретающийся в Голландии», предлагавший назначать в сенат «хотя не из высокородных, но токмо

бы были умные, верные и пробованные во услугах в. в-ва». К этому подавало повод само правительство назначением отдельных лиц из разночинцев и даже из холопов на видные посты, созданием чиновной бюрократии, которую М. Н. Покровский неверно называл буржуазной администрацией[1]. Из числа «прибыльщиков», бывших крепостных, выдвинулись Ершов, назначенный московским вице-губернатором, оберфискал Нестеров, Курбатов, обер-инспектор ратуши и затем архангельский вице-губернатор. На должности фискалов, обязанных главным образом бороться с расхищением казны, согласно указу 1714 г. должны были назначаться в известном числе лица из купечества.

Весьма характерны для освещения взглядов Посошкова его рассуждения о переустройстве духовенства. Он рисует картину крайне низкого культурного уровня духовенства, в массе своей полуграмотного. О распространении среди него пьянства можно судить из того, что он требует немногого — лишь, чтобы «презвитеры и диаконы чрезмерно до пьяна не напивались», и настаивает на наказании тех, кто, «напившися до пьяна, по улице ходя или где и сидя, будет кричать нелепостно... или дратися с кем». Экономическое положение сельских попов, по его словам, ничем не отличается от крестьянства, они также занимаются земледелием, оставляя церкви без службы: «Самые люди простые, взростет он в деревне, деревенские дела и смышляет... Мужик за соху, и поп за соху, мужик за косу, и поп за косу».

Наряду с мерами по поднятию культурного уровня духовенства (школы, распространение книг и т. п.) он предлагал обложить население десятиной, специальным налогом в натуральной форме в пользу духовенства: «от своего приплоду десятая доля». Он хочет сделать духовенство по быту и одежде «от простолюдинов отменными», превращает его в своего рода чиновников, стоящих высоко над массой населения и наделенных полицейскими полномочиями. В «Завещании отеческом» развивается подробный план организации при церквах переписей паствы и постоянной записи совершения «таинств» крещения, венчания, причащения. Таким

[1] М. Покровский, Русская история с древнейших времен, т. II, гл. 13.

путем священники должны были выявлять старообрядцев. В этих целях рекомендуется попам прибегать к содействию властей для производства обысков. Он требует казнить раскольников смертью — «огню предать божих противников». Так, духовенство должно превратиться в обеспеченных материально, отделенных от массы населения суровых чиновников, преследующих всякое уклонение от господствующей церкви.

Согласно проектам Посошкова, реорганизация должна была коснуться не только социально-экономической жизни, но и администрации и органов высшей власти. Не останавливаясь подробно на этой стороне его проектов, отметим, что для осуществления его плана необходимо искоренение самыми жестокими мерами «древней неправды». Кроме обновления судебного и административного аппарата он проектировал «особливую канцелярию», во главе которой стоял бы «самый ближний и верный царю». Этот правитель является «оком царевым» и напоминает генерал-ревизора или генерал-прокурора сената.

В отношении политических учреждений мысль Посошкова проявилась главным образом в проекте двух институтов. Новое Уложение должно быть составлено земским собором, в который должны входить «человека два или три» от духовенства, опытные администраторы и дворяне, из купечества и от фискалов, от солдат, а также крестьяне и «люди боярские», правда, что касается последних двух категорий, то Посошков имеет в виду тех, кто «за делы ходят» и «в старостах и в сотских бывали».

За исключением привлечения представителей крестьянства следует отметить близость этого предложения Посошкова к содержанию вступления к хорошо ему известному Уложению 1649 г., на которое он неоднократно ссылается в своем сочинении. На земский сбор 1648 г. для составления Уложения было приказано «выбрати из стольников и из стряпчих и из дворян московских и из жильцов ис чину по два человека; также всех городов из дворян и из детей боярских взяти из больших городов опричь Новогорода по два человека; а из Новгородцев с пятины по человеку; а из меньших городов по человеку; а из гостей трех человек» и т. д. Затем Посошков говорит о составлении нового су-

дебника «совершенным общесоветием». Во вступлении к Уложению 1649 г. также предписывается в случае отсутствия какого-либо указа соответствующие новые статьи «написати и изложити по его государеву указу общим советом»[1]. Уложение было важным источником книги Посошкова.

В предложении использовать для нового Уложения «немецкие судебники» Посошков сходится с практикой петровского законодательства. Самая мысль о необходимости составления нового уложения была широко распространена в это время. Правительство, начиная с 1700 г., сделало несколько соответствующих попыток: в этом году Петр приказал свести Уложение 1649 г. с новыми указами и статьями, в 1718 г. приказано было перевести на русский язык шведское уложение для использования его в русском законодательстве, в декабре 1719 г. вышел указ о слушании в сенате нового уложения, в 1721 г. приказано было ряду чиновников три дня в неделю работать над проектом нового свода законов. Однако все эти попытки были безуспешны[2]. Из числа прожектеров о том же писал Петру I А. Курбатов. В записке о «кабинет-коллегиуме» он предлагал поручить этому учреждению сочинение «российского статута» с использованием западноевропейского законодательства, с характерной однако оговоркой: «избирая приличное правлению всероссийского самодержавия».

Второе предложение Посошкова — «освидетельствование» новых законов «вольным голосом» — не привлекло должного внимания исследователей. Его надо сопоставить с некоторыми соображениями других прожектеров.

Почти одновременно с Посошковым Курбатов в своих «пунктах о кабинет-коллегиуме» писал: «Которые всяких чинов люди желают по своему усердию о повреждении государственных интересов и о прибытках казны и о прочих к тому надлежащих делех доносить самому ц. в-ву, и таковые доношения дабы позволено было всем невозбранно подавать в той канцелярии». Еще ранее Ф. Салтыков рекомендовал учредить должность «референдаря»: «Ежели кто объявит какие прибыли в государстве и о том подаст письма, таких людей и такие их письма отсылать к нему под рассуждение и ему то рассуждая советовать в сенате о том, как то учинить; однако ж лутче бы чтоб он в. ц. в-у о том доносил»[3]. В этих замечаниях следует видеть проект узаконения деятельности прожектеров и прибыльщиков, здесь выражена мысль о праве подданного «невозбранно» представлять правительству «доношения» относительно «прибыли» казны. Дальнейшим развитием подобной же мысли является «освидетельствование вольным голосом» у Посошкова. Он имел в виду предоставить каждому возможность подавать правительству письменные мнения о необходимых исправлениях в проекте нового Уложения. «И написав тыя новосочиненные пункты, всем народам освидетельствовати самым вольным голосом», — и далее прямо говорит о подаче соответствующих проектов: «И аще кто узрит какую неправостную статью, то бы без всякого сумнения написал бы, что в ней неправости, и ничего не опасаяся, подал бы ко исправлению тоя книги, понеже всяк рану свою в себе лучши чует, нежели во ином ком».

Нельзя не видеть здесь отражение практики прожектерства того времени и стремление превратить его в систему, в государственный институт. Посошков заранее спешит предупредить возможное возражение в том, что эти проекты противоречат принципам абсолютизма. Он спешит заверить в противном, что «аз не снижая его в-ва самодержавия, но ради самые истинные правды» и т. д.

У нас имеется возможность выявить довольно полно мировоззрение Посошкова благодаря наличию в его литературном наследстве кроме знаменитого экономического трактата также других сочинений на темы религиозного и этического характера. Не давая здесь полного освещения этой стороны его мировоззрения, я коснусь лишь некоторых черт, поскольку они могут помочь освещению его политических и экономических идей. В книге «Зеркало очевидное», направленной против раскола, сектантства и лютеран, он подробно рассматривает основные пункты и догматы, разделяющие

[1] «Книга о скудости и богатстве», гл. 3, стр. 162; «Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года», изд. Московского университета, М. 1907, стр. 5.

[2] С. Соловьев, История России, кн. IV, изд. «Общественная польза», стр. 149.

[3] Н. Павлов-Сильванский, Проекты реформ, т. II, стр. 37, 49.

«старую» и «новую» веру. Наряду с этим он высказывает некоторые общие, принципиальные соображения. По его мнению, источник раскола лежит не только в невежестве, в незнании «священного писания», к чему сводит его взгляды А. Царевский [1]. Посошков упрекает старообрядчество в «своемудрии», он настойчиво повторяет мысль о необходимости послушания церковной и светской власти, настаивает на непререкаемости авторитета церкви. «Всяк бо, своемудрствуя, впадет в погибель», «священникам покоряйся яко богу», — говорит Посошков. Он отрицает за отдельным человеком какое-либо право на самостоятельное суждение в церковных делах, это дело «архиереев и иереев». «Простецы» не должны входить в вопросы «книжного исправления», им даже «не подобает книги читати и о неведомых вами словесех рассуждати» [2]. В обширной главе о «иконоборной ереси» он полемизирует с лютеранством и кальвинизмом, но при этом стрелы его направляются не только в иноземцев, но и в их русских «подражателей», которые «начинают шататися». Он обвиняет протестантизм в нарушении старого церковного порядка, поставленного апостолами. Кроме того он полон негодования на лютеран за отказ от идеала «духовного жития», за светский образ жизни: «Они же пьют и ядят с музыками и со всяким весельем жизнь свою провождают». Он признает однако, что иноземцы «в мирских делах и в гражданстве разумны», но все же рекомендует избегать общения с иностранцами, чтобы от них «не умаратися» [3]. В отношении раскола он был сторонником не только полного отказа от какого-либо общения («бежать от них, яко от змия»), но и применения крайних мер в виде смертной казни через сожжение.

Другое сочинение Посошкова, «Завещание отеческое», написано в форме наставления сыну, если он окажется в положении солдата или офицера, приказного или ремесленника, крепостного или нищего, монаха, попа или епископа. Он

[1] А. Царевский, Посошков и его сочинения, обзор сочинений Посошкова со стороны их религиозного характера, М. 1883, стр. 129.

[2] Посошков, Сочинения, ч. 2-я, «Зеркало очевидное», М. 1863, стр. 100, 144, 190, 201.

[3] Посошков, «Зеркало очевидное» (полная редакция), под ред. А. Царевского, вып. II, Казань 1905, стр. 146, 280, 285.

обошел молчанием только дворянство и обязанности помещика. Проповедь рабской морали под видом «духовного жития» достаточно ярко выражается в советах холопу терпеть лишения и жестокость и выполнять все, что ни повелит господин, а крепостному крестьянину он рекомендует на помещика работать «как работаеши на себя» [1].

Средневековое, старомосковское мировоззрение проявляется в домостроевских воспитательных рецептах наказывать детей «нещадно» и в цитировании текстов: «Сыну своему не давай воли в юности его, но сокруши ребра ему». От женщин «начинание греха приходит», поэтому юноши должны избегать женского общества. Он резко возражает против нового светского быта, против ношения париков и т. п. и советует знаться с иностранцами «лехкостно, токмо ради потребы гражданские». Эти черты мировоззрения Посошкова также определяются его классовой позицией: «европеизация» русского общества в XVIII в. коснулась в известной мере только дворянства.

Этика «Завещания отеческого» носит сухой, рассудочный и вместе с тем расчетливый характер: проповедуя бережливость и умеренность, Посошков не отказывается от стремления к накоплению и обогащению. Следует заметить, что в системе меркантилизма борьба с роскошью была в известной мере программным требованием: рекомендовались скромность и умеренность, с тем чтобы остаток от внутреннего потребления страна могла вывозить за границу, кроме того в минимальном потреблении заграничных товаров видели средство прекратить отлив денег из страны. У писателей-меркантилистов «имеются пространные проповеди на ту тему, что отдельный капиталист должен потреблять лишь столько же, как и рабочий, и что нация капиталистов должна предоставить потребление своих товаров и вообще процесс потребления другим более глупым нациям, сама же, напротив, должна сделать своей жизненной задачей производительное потребление. Эти проповеди по своей форме и содержанию напоминают аналогичные аскетические увещания отцов церкви» [2].

[1] Посошков, Завещание отеческое, изд. 2-е, 1893, стр. 168.

[2] Маркс, Капитал, т. II, Маркс и Энгельс, Сочинения, изд. Института Маркса — Энгельса — Ленина, т. XVIII, стр. 57.

Посошков дает хороший образец подобного решения проблемы потребления. В «Книге о скудости и богатстве» он выступил с проектом определенной обязательной одежды для разных сословий, чтобы по платью можно было отличить купца от дворянина или крестьянина. Он считает нужным, чтобы не только по верхнему платью или по исподнему, но и по рубашкам «все бы были знатны, кто какова звания есть». В какой степени детально должна, по его мнению, регламентироваться одежда, видно из того, что купечество должно иметь различное платье в зависимости от размера капитала. Собольи шапки разрешается носить только «гостям да гостинной сотне, кии выше десяти тысяч имут у себя пожитку». Следующая, первая «статья» купечества может одеваться лишь в кафтаны из сукна ценою свыше двух рублей за аршин с серебряными и позолоченными пуговицами, причем это платье должно быть «служиваго платья длиннее, а церковного чина покороче». Таким же образом он устанавливает одежду для средней и нижней статей купечества. Экономический смысл этого проекта подтверждается замечанием, что «аще сие дело не великое, а царственному обогащению будет великая помога, никто излишняго тратить не будет». В Московском государстве высокие собольи шапки действительно означали знатность, а Петр заставлял дворян и чиновничество носить определенное немецкое платье. Наряду с этим издавались указы об одежде, имеющие в виду цели экономического порядка, например в 1718 г. было приказано «позументов убавить» ввиду убытка как «партикулярным», так и государству, «ибо англичане богатее нас, а позументов не носят». Точно так же Посошков например рекомендовал экономию в расходовании бумаги, указывая, что «у немец аще она и дома делается, а и жители тамошние богатее нас, обаче бумагу вельмы берегут... того ради и богаты, что умеют бережно жить».

В «Завещании отеческом» купцу предписываются экономия и расчетливость, рекомендуется одежду носить «не выше меры своея», и много говорится о необходимости вести точную запись расходов, «не записав, никогда ни каковому человеку ни малые дачи не давай». Интересны соображения его о богатстве: он советует не гнаться за богатством и отмечает, что когда будешь «о малом благодарен, то и с великим богатством будеши наполнен».

Уже А. Брикнер отметил, что в этих рассуждениях сквозит «соединение коммерческих расчетов с благочестием», что в них «стремление к материальным выгодам маскируется мнимым аскетизмом». Он заметил, что Посошков «рассуждал о торговле не столько в качестве государственного человека, сколько с точки зрения русского купечества», т. е. этот исследователь не мог не признать определенный классовый характер его воззрений. Наконец, М. Н. Покровский и Плеханов указали, что Посошков является по своим взглядам представителем среднего русского купечества того времени. Соединяя идеалы «духовного жития» с проповедью скопидомства и расчетливости, сочетая крепостническое полицейское государство с проектами, направленными в защиту торговли и промышленности, Посошков неизменно выступает последовательным выразителем классовых стремлений «нарождавшегося купеческого класса». Оставаясь в рамках феодально-крепостного строя, Посошков развивал широкий план реформ, включавший основные вопросы, стоявшие на очереди в России в начале XVIII в.

Б. КАФЕНГАУЗ

АРХЕОГРАФИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ

«Книга о скудости и богатстве» И. Посошкова издавалась дважды. В 1842 г. она была издана М. Погодиным в «Сочинениях И. Посошкова» вместе с его запиской о ратном поведении и одним из доношений его Стефану Яворскому, а также с неправильно приписанным Посошкову сочинением, содержащим поучение отца посланному за границу для науки сыну [1]. Второе издание, вышедшее в 1911 г. с предисловием А. Кизеветтера, имело в виду учебные цели и было простой перепечаткой погодинского издания [2]. Настоящее, третье по счету, издание не повторяет предыдущие, а выполнено заново по сохранившимся рукописным спискам XVIII в., именно по списку, принадлежащему Академии наук, с использованием других списков.

Погодин напечатал «Книгу о скудости и богатстве» по списку, принадлежавшему И. Лаптеву и приобретенному Погодиным у Г. П. Большакова для своего собрания рукописей, с привлечением в отдельных случаях другого списка из собрания Строева, также вошедшего в состав «древлехранилища» Погодина. Произведенное мною сличение печатного текста с Лаптевским списком показало, что в печатном тексте имеются пропуски и что Погодин допускал в отдельных случаях перестановку слов и некоторые мелкие исправления текста, особенно частые в гадежах и в согласовании слов. Следует отметить например, что Погодин неверно напечатал суммы прибыли от предлагаемой Посошковым денежной реформы, отбросил в каждой цифре по нулю и тем уменьшил их в десять раз, хотя в Лаптевском списке, за одним исключением, они

[1] «Сочинения Ивана Посошкова, изданы на иждивении Московского Общества истории и древностей российских Михайлом Погодиным, профессором русской истории», М. 1842.

[2] Иван Посошков, Книга о скудости и о богатстве и некоторые более мелкие сочинения, с предисловием А. А. Кизеветтера», в серии «Памятники русской истории», издаваемой под редакцией преподавателей русской истории в Московском университете, изд. Н. Клочкова. М. 1911 г.

написаны правильно, так же как и в списке Строева (стр. 256 погодинского издания). Только в одном случае, где выпущен абзац, содержащий резкую брань против лютеран, Погодин указал в примечании произведенное им сокращение (стр. 135 погодинского издания). В отдельных случаях им не отмечены и не восстановлены пропуски целых фраз или значительной части фраз, отсутствующих в Лаптевском списке, но имеющихся в списке Строева (например стр. 104, а также стр. 180, 195 погодинского издания). Вообще разночтения со Строевским списком указаны Погодиным только в отдельных, очень немногих случаях. Наконец даже при слабом различии списков «Книги о скудости и богатстве» нельзя признать удачным выбор списка, положенного Погодиным в основу своего издания. В своем предисловии он отметил, что «оба списка довольно хороши, особенно второй» (Строевский). Однако Погодин напечатал «Книгу о скудости и богатстве» не по второму списку, а по Лаптевскому, хотя этот список, как оказалось, имеет ошибки, описки и пропуски.

Недостатки погодинского издания привели к необходимости выполнить настоящее издание заново по рукописям. С этой целью были изучены сохранившиеся списки этого сочинения Посошкова, в результате чего был произведен отбор одного списка, Академического, на основании которого сделано данное издание, и двух, привлеченных для вариантов [1].

Автограф «Книги о скудости и богатстве» до нас не дошел, сохранились следующие шесть списков второй половины XVIII в., находящиеся в собраниях рукописей библиотеки Академии наук и ленинградской Государственной публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина.

I. Список «Книги о скудости и богатстве», находящийся в отделе рукописей библиотеки Академии наук СССР (под № 16, 3, 15), представляет собой книгу в лист, на 257 нумерованных листах и 6 листах ненумерованных (263 листа новейшей нумерации). Бумажный знак чистых листов, вклеенных переплетчиком, состоит из даты «1752 году» и букв «Е. К.». Этот знак указан у Тромонина (№ 1089 и 1090) [2]. Бумага самой рукописи имеет водяной знак «Pro Patria LAS», фигуру льва с молниями и контрамарку из двух букв G.R. под короной. Точная дата списка устанавливается имеющейся в конце его припиской (л. 257), которая указывает также на интерес, проявленный к сочинениям Посошкова Ломоносовым: «Списана 1752 году, а для списания получена от господина советника Михаила Васильевича Ломоносова». Эта дата подтверждается сообщением акад. А. Куника о записи в журнале канцелярии Академии наук под 11 февраля 1752 г.: «Книгу, называемую О скудости и богатстве, в ведомстве асессора и унтер-библиотекаря г. Тауберта начисто переписать и по переписанию... орегинал взнесть в канцелярию» [3].

[1] Пользуюсь случаем выразить свою благодарность за содействие в настоящей работе дирекции библиотеки Академии наук СССР, заведующему рукописным отделом ленинградской Государственной публичной библиотеки И. А. Бычкову, зам. директора Государственного исторического музея в Москве Л. И. Пономареву и научному сотруднику рукописного отдела ГИМ М. В. Щепкиной.

[2] К. Тромонин, нЗаки писчей бумаги. М. 1844. стр. XXVII.

[3] «Известия Императорской академии наук», 1864, т. V. Акад. Куник, Известие о неизданных сочинениях Ивана Посошкова, стр. 62—63.

Список написан тремя писцами (первый почерк — л. 1 — л. 92 об., второй почерк — л. 93 — л. 164 об. и третий — л. 165 — 257) крупной четкой скорописью почти без сокращений и лишь в редких случаях буквы вынесены над строкою. Книга имеет переплет из темной кожи, на корешке и крышках переплета золотое тиснение с орнаментом, на крышках виньетка с государственным гербом в виде двуглавого орла, на корешке вытиснено: «Посошков. О скудости и богатстве книга».

Этот список отличается от остальных своей полнотой и тщательностью, он имеет отсутствующие во всех остальных списках титульный лист с полным заглавием книги и с упоминанием автора и оглавление на отдельном листе и содержит второй чертеж расположения крестьянских дворов, помещенный на отдельном ненумерованном листе (после л. 198), такой же чертеж имеется кроме того только в одном Беляевском списке (см. ниже).

Как и в большинстве списков (в четырех, за исключением списка Строева и списка Козловского), в списке Академии наук имеются попавшие при переписке в текст две заметки читателя: на л. 119 («Старик, нельзя одной цены уставить...») и на л. 66 об. («Осмотрись, старичок...»). Первая вставка только в настоящем списке в отличие от других приведена в неискаженной, единственно понятной форме. В списке Академии наук имеются небольшие пропуски, легко восстанавливаемые по другим спискам, наиболее крупные из них, размером около строки, имеются на лл. 104, 156, 162, 219, 225 (в последнем случае около 2 строк).

Этот список был известен Н. Новикову, который в 1772 г. в своем словаре русских писателей писал о Посошкове, что «из сочинений его осталась одна только книга «О скудости и богатстве», хранящаяся рукописною в Императорской библиотеке»[1]. Затем он был описан в каталоге рукописей Академии наук, изданном в 1818 г., с указанием на имеющуюся в этом списке запись, что он списан с книги, полученной от Ломоносова в 1752 г.[2].

М. Погодин очевидно не знал об этом списке, так как не упоминает о нем ни в предисловии к своему изданию сочинений Посошкова в 1842 г., ни в обширной статье о Посошкове, предпосланной второй части сочинений Посошкова («Зеркало очевидное»), изданной им в 1863 г. О нем вновь напомнил в 1864 г. А. Куник, затем в предисловии к полному изданию книги Посошкова «Завещание отеческое сыну» в 1893 г. Е. Прилежаев дал краткое его описание наряду с другими известными в то время списками «Книги о скудости и богатстве», и он поставил этот список среди них на первом месте[3]. Настоящее издание воспроизводит полностью этот список, который в дальнейшем я называю Академическим списком.

II. Список ленинградской Государственной публичной библиотеки, поступивший в годы революции из собрания Общества любителей древней

[1] Н. Новиков, Опыт исторического словаря о российских писателях, Спб. 1772, стр. 172.

[2] С. Соколов, Каталог обстоятельный российским рукописным книгам, к российской истории и географии принадлежащим и в Академической библиотеке находящимся, Спб. 1818, стр. 135.

[3] И. Посошков, Завещание отеческое. Новое издание, дополненное под ред. Е. М. Прилежаева, Спб. 1893, стр. XCIII.

письменности (под шифром Q. 781)[1]. Этот список состоит из 50 тетрадей в четверть листа с нумерацией лишь на первом листе каждой тетради (405 листов позднейшей несплошной нумерации и 1 чистый лист). Бумажный знак «Б.К.С.» с гербом имеется у Н. Лихачева под 1759 г.[2]. По листам идет запись другим почерком, чем книга: «Сия книга князь Алексея Семеновича Казловского лейб-гвардии полк., примэр-маэора, сенатора и ковалера». Кн. А. С. Козловский состоял обер-прокурором синода с 1758 по 1763 г. и сенатором повидимому до 1771 г.[3]. Сын его, рано умерший, Федор Козловский, известен как поэт[4].

Каждая страница этого списка заполнена с оставлением широких полей в половину страницы; писан скорописью одним почерком. Переплет из темной кожи, на корешке и внутри переплета под верхней коркой имеется ярлык с монограммой Общества любителей древней письменности и шифром. На первом чистом листе приклеен отдельный листок, содержащий краткое описание списка, составленное секретарем общества В. Майковым; им же сделана карандашная запись о приобретении списка 26/III 1910 г. от г. Федорова.

На обороте последнего чистого листа списка Козловского помещена стихотворная надпись почерком XVIII в.:

«О! естли бы твой ум желанью отвечал,
Ты б знание твое на прочих утверждал,
О пользе б общества радел он не напрасно,
Ты б видел следствие с намерением согласно
И мысли о добре (рабу)[5] тово б не позабыли,
О чем ты говоря [?] отнюдь не говорили».

Список Козловского близок к Академическому, но в отличие от последнего в нем отсутствуют оба чертежа расположения крестьянских дворов, титульный лист и оглавление и кроме того он не имеет обеих читательских вставок. В списке Козловского по сравнению с Академическим имеются отдельные небольшие разночтения, перестановки слов и мелкие пропуски, из которых отметим три пропуска: один размером около 4 пе-

[1] О приобретении этого списка сказано в «Отчетах о заседаниях Общества любителей древней письменности в 1907—1910 гг. Отчет за 1909—1910 гг.», Спб. 1911, стр. 42. Этот список любезно указан мне заведующим рукописным отделом ленинградской Государственной публичной библиотеки И. А. Бычковым.

[2] Н. Лихачев, Палеографическое значение бумажных знаков, Спб. 1899, ч. III, № 3551.

[3] Ф. Благовидов, Обер-прокуроры синода в XVIII—XIX вв., 2-е изд., Казань 1900, стр. 226, 247; С. Соловьев, История России, изд. «Общественная польза», кн. VI, стр. 1044.

[4] Поэт Ф. Козловский, по словам Н. Новикова, «был человек острого ума и основательного рассуждения» и «имел непреодолимую склонность к словесным наукам». Он учился в Московском университете, служил в гвардии, состоял «сочинителем» в Екатерининской комиссии и затем был отправлен за границу где побывал у Вольтера; погиб в Чесменском бою в 1770 г. (Н. Новиков, Опыт исторического словаря о российских писателях, Спб. 1772, стр. 102—104). Стихотворения его напечатаны в «Вечерах» за 1772 г., ч. II, и в «Московских ежемесячных изданиях Новикова за 1781 г., ч. II. Можно высказать предположение, что приведенная ниже стихотворная надпись принадлежит Ф. Козловскому.

[5] «Рабу» — слегка замазано чернилами, поэтому поставлено мною в скобки.

чатных строк в тетради 30 л. 1 об. и два меньшего размера (тетрадь 18, л. 7 об. и тетрадь 37, л. 8).

III. Список Государственной публичной библиотеки в Ленинграде из собрания М. Погодина под № 1749, доставшийся Погодину от П. М. Строева. Список в лист, на 134 нумерованных листах и 4 листах, вклеенных при переплете. Бумага с водяными знаками типа Pro Patria, лев с мечом и контрамаркой G. & J. Honnig. Аналогичный бумажный знак имеется в рукописи уваровского собрания (№ 624 в четверку) в Государственном историческом музее в Москве, датированной 1758 г. Написан скорописью попеременно тремя писцами. На втором ненумерованном листе, вклеенном переплетчиком, написано новейшим почерком: «Посошкова предложения», на 3-м л., ненумерованном, тем же почерком: «О народном богатстве и скудости. Предложено императору Петру великому Иваном Посошковым в 1724 году». Внутри на крышке переплета наклеен ярлычок: «П. М. Строева № 222». Переплет XIX в., картонный, оклеенный переплетной бумагой, корешок и углы кожаные, на корешке ярлычки собрания Погодина и золотом вытиснено название книги.

Строевский список отличается от Академического отсутствием второго чертежа (имеется один чертеж в главе VII, О крестьянстве), титульного листа и оглавления. Так же как в списке Козловского, в нем отсутствуют обе читательские вставки. В этом списке имеются отдельные пропуски, из которых более значительны следующие: в главе о крестьянстве на л. 96 пропущен абзац, около 5 строк, начинающийся словами: «и того ради не надлежит их помещикам разорять, а надлежит их царским указом охранять...». Повидимому это место пропущено писцом случайно при переходе от одной страницы к другой. Пропущен абзац, около 4 строк, на л. 129 («а которой порочной хмель взят будет на государя...») и пропуски размером около одной-двух строк имеются на л. 13 об., л. 38 об., л. 54 об., л. 118, л. 125 об.

Эти три списка являются лучшими. Кроме того имеются еще следующие списки:

IV. Список, хранящийся в ленинградской Государственной публичной библиотеке в собрании М. Погодина под № 1747. Приобретен Погодиным от Т. Большакова, купившего его на аукционе из собрания коллекционера И. И. Лаптева. Список в четверку, на 243 л. нумерованных (+5 л. чистых). Водяные знаки на бумаге — виньетка в виде круга с двумя буквами внутри его «Ф. К.», «Р. К.», «П. Р.» — имеются у Тромонина под 1764 г.[1]. Список написан одним писцом, плохой скорописью. Переплет из белой кожи, на корешке ярлык с номером, наклейка с надписью позднейшим почерком: «Ивана Посошкова, XVIII в.», красный ярлычок: «из древлехранилища Погодина», по обрезу надпись: «О скудости и богатстве». На первом чистом листе значится почерком XIX в.: «из книг Г...ва». На чистых листах и на внутренней стороне крышек переплета сохранились заметки Погодина, на полях книги имеются многочисленные отчеркивания карандашом и в двух местах карандашные заметки Погодина (л. 53 и л. 178); против рассуждения Посошкова о том, чтобы при сборе податей крестьянам было «нетягостно», Погодин на полях написал: «Целую руку твою!».

[1] К. Тромонин, Знаки писчей бумаги. М. 1884, № 592 и № 780.

По составу Лаптевский список в основном не отличается от Академического, за исключением недостающих в Лаптевском списке второго чертежа, титульного листа и оглавления; в Лаптевском списке также имеются обе читательские вставки (л. 60 и л. 122), хотя в несколько иной форме. Но в списке часты мелкие ошибки, пропуски и описки. Более значительные пропуски, в несколько строк, имеются на л. 104 («Есть бо много таких помещиков...») и около 1 — 1½ строк на л. 25, л. 180, л. 195, л. 206.

V. Список ленинградской Государственной публичной библиотеки из собрания М. Погодина (№ 1748), в лист, на 140 нумерованных листах и 2 л. чистых. Водяные знаки на бумаге состоят из букв «В. Ф.» и «С. Т.», причем каждая пара букв помещена в квадратной рамке с волнистым орнаментом. Бумажные знаки имеются у Тромонина под № 1700 и № 1701. Дата рукописи устанавливается благодаря имеющейся под верхней крышкой переплета плохо сохранившейся надписи: «1761 года октября 15 числа... начата сия книга, с книги Якова... а списана ноября 29 числа».

На обороте первого, чистого листа, находится крупная надпись тем же почерком, что и список: «Посошкова», на л. 1 ниже текста написано: «Григория Челищева». На последнем чистом листе позднейшим почерком: «из книг Н. Беляева», а на обороте первого ненумерованного листа рукою Погодина поставлено: «от Ф. Н. Беляева, 1845, сентябрь в промен на мое издание». Список написан одним писцом крупной скорописью. Переплет из темной кожи, на корешке ярлык древлехранилища Погодина, номерок и белый ярлык с надписью: «Посошков 18 века». Список не имеет заголовка и начинается прямо с текста («Аз, мизирный е. и. в. рабичищ»). На л. 112 имеется второй чертеж крестьянских дворов, аналогичный чертежу Академического списка. По составу Беляевский список не отличается от других, но в большей мере изобилует ошибками, пропусками отдельных слов и целых строк и перестановками слов. В главе о правосудии после л. 41 имеется пропуск в объеме двух страниц, помещенный далее на л. 47 — л. 48.

VI. Список ленинградской Государственной публичной библиотеки (под шифром II № 209), поступивший из Усть-сысольской общественной библиотеки, в лист, на 63 нумерованных листах. Бумажный знак с буквами «В. Ф.» и «С. Т.» в квадратной раме с волнистыми линиями, аналогичный водяным знакам предшествующего, Беляевского, списка, который датируется 1761 г. Написан одним почерком неопытным писцом, в картонном переплете, оклеенном желтой бумагой, корешок холщевый, на верхней крышке переплета белая наклейка с номером и названием книги.

Усть-сысольский список — неполный, он прерывается на второй половине VII главы, которая обрывается словами: «и о сем яко высоким господам, тако и мелким... обложить с общего совета из доклада е. и. в.». Кроме того пропущена целиком глава II о воинских делах, пропущен конец главы I «о духовности» (около 3 листов). Выпущено не менее ²/₃ главы о правосудии, которая начинается в Усть-сысольском списке словами: «и собирает она мед не корчагами, но самыми малыми крупицами». Не на месте стоит целая тетрадь (л. 49—л. 56), содержащая конец главы IV о купечестве, которая должна итти после л. 40. При этом повторения, имеющиеся на л. 48 и л. 57, повидимому указывают, что также перепу-

таны были листы в рукописи, которую списывал писец. Отсутствует чертеж расположения крестьянских дворов в главе о крестьянстве, на месте его оставлено чистое место (л. 60). Кроме того в списке имеется много ошибок, искажающих смысл, и пропуски отдельных слов и целых строк; в середине многих страниц некстати повторены заголовки глав, которые в его оригинале вероятно стояли вверху каждой страницы, и т. п. Вставка читателя в главе о купечестве имеется в той же форме, как в Лаптевском и Беляевском списках («спорить нельзя...»), но первая вставка («Старик...») отсутствует вместе с большей частью главы III о правосудии.

VII. Кроме перечисленных списков в собрании рукописей Вахрамеева имелся еще один неполный список книги Посошкова, который значится в описании этого собрания, составленном А. А. Титовым[1]. Однако при передаче собрания Вахрамеева в Государственный исторический музей в Москве этот список в музей не поступил, и мои попытки разыскать его в других музеях и собраниях остались тщетными. Повидимому этот список следует считать утраченным.

Шесть указанных выше рукописей по своему составу не имеют значительных различий и не дают оснований говорить о разных редакциях книги Посошкова. Можно различать среди них только лучшие и худшие списки. Лучшими списками следует считать указанные выше три первых, именно Академический, являющийся наиболее полным, Строевский и список Козловского; уступают им Лаптевский и Беляевский, определенно дефектным списком является неполный Усть-сысольский.

Четыре списка (Академический, Беляевский, Лаптевский, Усть-сысольский) имеют вставки, являющиеся заметками читателя, попавшими при дальнейшей переписке в текст. Остальные два списка (Строевский и Козловского) этих вставок не имеют, причем в Строевском списке на месте одной из вставок оставлена чистая строка, что может быть указывает на сознательно допущенный писцом пропуск этой заметки. Два из них (Академический и Беляевский) имеют по два чертежа расположения крестьянских дворов, два списка имеют по одному чертежу (Строевский и Лаптевский), списки Козловского и Усть-сысольский совершенно лишены чертежей.

Рукописи как датированные (Академический и Беляевский), так и недатированные, судя по бумажным знакам, относятся к 50—60-м годам XVIII в. Наиболее ранним является список, принадлежащий Академии наук (1752 г.); в то же время наиболее тщательно выполненный и полный, он служит вместе с тем свидетельством интереса и внимания М. В. Ломоносова к сочинениям Посошкова. Этот Академический список воспроизведен в настоящем издании. Списки Строева и Козловского привлечены для вариантов, вынесенных в подстрочные примечания.

Настоящее издание воспроизводит Академический список; кроме многочисленных отдельных отличий от издания Погодина в нем восстановлены пропуски, сделанные самим Погодиным, или места, пропущенные в Лаптевском списке. Из них следует отметить в особенности крупные пропуски погодинского издания, восстанавливаемые на л. 108 Академического списка («Есть бо много таких помещиков...»), на л. 135 Академического списка («не вем с коего разума...»), на л. 189 об. («и от того холма такожде до другой поворотки...»), на л. 51 об. («то хотя через два дни...»), а также пропуски в несколько слов, восстанавливаемые на л. 43 об., л. 63, л. 153, л. 163, л. 172 об., л. 195 об., л. 199, л. 219 об. и л. 244 Академического списка. Кроме того в настоящем издании имеются многочисленные дополнения в 1—2 слова. Затем следует указать на исправления в цифрах прибыли от денежной реформы против погодинского издания согласно тому, что дано на л. 253 Академического списка, наконец отметим наличие многочисленных отдельных исправлений против издания Погодина, например «подрядом» в Академическом списке вместо неправильного у Погодина «порядком» (л. 153 Академического списка), «выжечь» вместо неверного «вышед» (л. 170), «проворен» вместо «правоверен» (л. 229 Академического списка) и т. п.

В издании М. Погодина, как и в издании Клочкова, вместе с «Книгой о скудости и богатстве» напечатаны доношение Посошкова о ратном поведении и одно из его доношений Стефану Яворскому, совершенно не связанные с «Книгой о скудости и богатстве». В настоящем издании тексту «Книги о скудости и богатстве» предшествует доношение Посошкова Петру I о своем сочинении, где он излагает основные задачи, которые он имел в виду в «Книге о скудости и богатстве». Черновик доношения был найден Г. Есиповым и опубликован им почти двадцать лет после первого издания книги Посошкова[1] и перепечатан Погодиным в предисловии ко второй части сочинений Посошкова (1863 г.) и затем А. Брикнером в его известной книге о Посошкове. Н. Павлов-Сильванский отыскал и напечатал в 1904 г. другой, краткий вариант доношения, также сохранившийся в виде собственноручного черновика, который он признал более ранней его редакцией[2]. Оба варианта плохо сохранились.

В настоящем издании напечатана пространная редакция доношения по собственноручной черновой рукописи Посошкова. Текст другой, более сжатой редакции доношения использован для восстановления отдельных истлевших мест первой рукописи, при этом все вставки включены при печатании в прямые скобки. Оба варианта доношения дошли до нас в архивном фонде дел Тайной канцелярии и печатаются с рукописей, хранящихся в московском Государственном архиве феодально-крепостной эпохи[3].

В транскрипции передачи текста «Книги о скудости и богатстве» и доношения соблюдены все особенности памятника в сочетании с применением советского правописания (без ять, і, ъ). Не сохранено весьма частое в рукописи слияние союзов с существительными или, напротив, раздельное написание приставок. Твердый знак в середине слова и в приставках, написанных отдельно от корня, сохранен даже в тех случаях, где он в

[1] А. А. Титов, Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахрамееву, вып. 3, Сергиев посад 1892, № 783.

[1] Журнал «Русское слово», 1861, № 7. Есипов, Иван Посошкин.

[2] Н. Павлов-Сильванский, Новые известия о Посошкове, Очерки по русской истории XVIII — XIX вв., Спб. 1910, стр. 81 — 82.

[3] ГАФКЭ, б. государственный архив, разряд VII, дела Преображенского приказа и Тайной канцелярии, № 209, отрывки из дела о Посошкове, л. 74. Другой черновик того же доношения, открытый Павловым-Сильванским, находится также в ГАФКЭ, быв. гос. архив., разряд VII, неразобранные дела, № 1, черновое доношение Петру I Ив. Посошкова.

настоящее время не ставится; немногочисленные сокращения слов раскрыты. Знаки препинания расставлены мною; деление текста рукописи на абзацы полностью сохранено, за отдельными редкими исключениями, где оно разрывало фразу. Явные пропуски, ошибки и неясности Академического списка, там, где они затрудняют чтение, восполнялись из текста других списков и исправления ставились в прямые скобки. Описки, допущенные переписчиком Академического списка, исправлялись на основании других списков большей частью без особого обозначения. Варианты из других списков приведены в подстрочных примечаниях. Чтобы не загромождать книгу подстрочными примечаниями, не отмечаются мелкие и несущественные различия в списках, перестановки слов и зачеркнутые повторения слов.

Б. КАФЕНГАУЗ

СОЧИНЕНИЯ И. Т. ПОСОШКОВА

1. «Письмо о денежном деле и пошлинном сборе», поданное правительству до 1701 г., до нас не дошло, известно только из слов Посошкова в «Доношении о ратном поведении», где он между прочим указывает на возможное увеличение дохода казны, если денежное дело будет сделано «против прежнего моего письма» и будут выпущены деньги «мелкою дробью», «яко и прежде явих в денежном письме» [1].

2. «О ратном поведении» (1701 г.). Первый раз напечатано еще в конце XVIII в. в книге «Россиянин прошедшего века или предложение Ивана Посошкова, поданное боярину Феодору Алексеевичу Головину 1701 г., с присовокуплением отеческого завещательного поучения, посланному для учения в дальния страны, юному сыну, писанное в 1708 году. Иждивением Ф. Розанова. В Москве 1793 г.». Вторично перепечатано М. Погодиным в «Сочинениях Ивана Посошкова», М. 1842.

В третий раз это доношение переиздано в 1911 г. в издании: «Иван Посошкова, Книга о скудости и о богатстве и некоторые более мелкие его сочинения с предисловием А. А. Кизеветтера. Издание Н. Клочкова, М. 1911». В иной, неполной редакции это доношение напечатано С. Белокуровым в статье «Подметные письма Голосова, Посошкова и др. (1700—1703 гг.)» в «Чтениях Общества истории и древностей российских», 1888, кн. 2, и в книге того же автора «Материалы по русской истории», М. 1888. Эта краткая редакция важна тем, что восстанавливает большой пропуск, имеющийся в первой рукописи [2].

3. Три записки митрополиту Стефану Яворскому (1704—1710 гг.). Первая из них, относящаяся к 1704 г., напечатана К. Калайдовичем в сборнике «Русские достопамятности», изд. «Общества истории и древностей российских», ч. 1, М. 1815. Вторично издана М. Погодиным в «Сочинениях И. Посошкова», М. 1842, и перепечатана вместе с «Книгой о скудости и богатстве» в 1911 г. в изд. Н. Клочкова. Второе и третье доношение Стефану Яворскому (около 1708—1710 гг.) вместе с первым были напечатаны В. И. Срезневским в «Известиях отделения русского языка и словесности Академии наук» за 1899 г., т. IV, кн. 4, и отдельным изданием: «Сборник писем И. Т. Посошкова к митрополиту Стефану Яворскому», сообщил В. И. Срезневский, Спб. 1899.

4. «Зеркало, сиречь изъявление очевидное и известное на суемудрия расколнича» (1708 г.), известно в двух редакциях. В сокращенной издано М. Погодиным: «Сочинения Ивана Посошкова», часть вторая, Москва, 1863 г. Полная редакция издана лишь в XX в.: «Зеркало очевидное» И. Т. Посошкова. Редакция полная по рукописному списку, хранящемуся в библиотеке Казанской духовной академии. Издал проф. А. Царевский», вып. I, Казань 1898, вып. II, 1905.

5. «Доношение о новоначинающихся деньгах» (1718 г.) не сохранилось. Известно только по сообщению И. Посошкова в гл. 9 «Книги о скудости и богатстве», где он повторяет его содержание и рассказывает о своих попытках передать это сочинение кабинет-секретарю А. В. Макарову.

6. «Завещание отеческое к сыну своему» (1719 г.) издавалось дважды. В первый раз по неполной рукописи, содержащей первые шесть глав из общего числа 9 глав в издании: «Завещание отеческое к сыну», сочинение Ивана Посошкова, открыто и издано Андреем Поповым (с приложением подлинного снимка), Москва 1873». Вторично издано полностью комиссией для описания архива синода, в котором была найдена полная рукопись: «Завещание отеческое», сочинение И. Т. Посошкова. Новое издание, дополненное вновь открытою второю половиною «Завещания», под ред. Е. М. Прилежаева, Спб. 1893».

7. «Книга о скудости и богатстве» (1724 г.), впервые напечатана в издании: «Сочинения Ивана Посошкова», изданы на иждивении Московского Общества истории и древностей российских Михаилом Погодиным, профессором русской истории, Москва 1842. Вторично перепечатана с погодинского издания в 1911 г. в серии «Памятники русской истории, издаваемые под редакцией преподавателей русской истории в Московском университете»: «Иван Посошков, Книга о скудости и о богатстве и некоторые более мелкие сочинения с предисловием А. А. Кизеветтера. Издание Н. Н. Клочкова. Москва 1911». Настоящее издание Соцэкгиза, третье по счету, не является перепечаткой предыдущих, а вновь выполнено по сохранившимся рукописным спискам книги Посошкова.

В тесной связи с этим сочинением находится «Доношение» Посошкова Петру I о «Книге о скудости и богатстве», сохранившееся в двух черновых редакциях, из которых пространная редакция впервые издана Г. Есиповым в статье «Иван Посошков» в журнале «Русское слово», 1861, № 7, затем перепечатана М. Погодиным в предисловии к «Сочинениям И. Посошкова», часть вторая, М. 1863, и А. Брикнером в книге «Иван Посошков», Спб. 1876, вновь издается по рукописи Посошкова в настоящем издании «Книги о скудости и богатстве». Первоначальная краткая, также черновая рукопись этого доношения напечатана Н. Павловым-Сильванским в статье «Новые известия о Посошкове» в «Известиях отдела русского языка и словесности Академии наук», 1904, т. IX, кн. 3, и в сочи-

[1] «Сочинения И. Посошкова», изд. М. Погодиным, М. 1842, стр. 291.

[2] С. Белокуров приписывал Посошкову проект неизвестного автора, который сопровождался письмом, адресованным Меньшикову, и по содержанию напоминает «Книгу о скудости и богатстве». Е. Прилежаев отнесся отрицательно к предположению С. Белокурова, и вопрос об авторстве Посошкова следует считать требующим дополнительного исследования.

нениях Н. П. Павлова-Сильванского, т. II, «Очерки по русской истории XVIII—XIX вв.», Спб. 1910. Им же напечатана краткая записка Посошкова «О исправлении всех неисправ», написанная до 1704 г. и являющаяся лишь неоконченным наброском.

БИБЛИОГРАФИЯ[1]

М. Погодин, Крестьянин Иван Посошков, государственный муж времен Петра Великого, «Москвитянин», 1842, № 3.

М. Погодин, Биографические сведения о Посошкове (в «Сочинениях Ивана Посошкова», ч. II, 1863, стр XI—XLV).

С. Соловьев, Школа Посошкова, «Библиографические записки», 1861, № 5.

Г. Есипов, Иван Посошков, журнал «Русское слово», 1861, № 7.

А. Брикнер, Иван Посошков, ч. I, Посошков как экономист, Спб. 1876.

А. Брикнер, Мнения Посошкова, М. 1879.

A. Brükner, Iwan Possoschkow. Ideen und Zustände in Russland zur Zeit Peters des Grossen, Leipzig 1878.

А. Брикнер, О некоторых сочинениях, приписываемых Посошкову, «Русский вестник», 1874, август.

А. Царевский, Посошков и его сочинения, М. 1883.

В. Семевский, Крестьянский вопрос в России, т. I. Спб. 1888.

Е. М. Прилежаев, Предисловие к «Завещанию отеческому» И. Т. Посошкова, Спб. 1893.

Н. П. Павлов-Сильванский, Проекты реформ в записках современников Петра Великого, Спб. 1897.

Н. П. Павлов-Сильванский, Сочинения, т. II, «Очерки по русской истории XVIII—XIX вв.», Спб. 1910 (статьи «Иван Тихонович Посошков» и «Новые известия о Посошкове»).

И. С. Беляев, Предки и потомство Посошкова, «Чтения Общества истории и древностей российских», 1905, № 2, смесь.

М. Клочков, Посошков о крестьянах, сборник «Великая реформа», изд. Сытина, М. 1911.

В. О. Ключевский, Курс русской истории, т. IV.

М. Н. Покровский, Русская история с древнейших времен, т. II, гл. XIII.

Г. В. Плеханов, История русской общественной мысли, т. II, гл. XIII.

Кроме того отдельные документы о Посошкове напечатаны также в следующих изданиях:

Полное собрание законов, т. IV, № 2194. Докладные пункты Меншикова, 1708 г.

Доклады и приговоры сената, Спб. 1883, т. III, № 511, 728, 1083. О взыскании долгов с Посошкова, 1713 г.

Странник, 1861 г., т. I, февраль, стр. 104—105 Рекомендательное письмо митр. Иова к Я. Римскому-Корсакову о Посошкове 1712 г. (в статье И. Чистовича, Новогородский митрополит Иов, его жизнь и переписка. Письма).

А. Викторов, Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов, вып. II, М. 1883, стр. 480. О выдаче Посошкову денег из Оружейной палаты в 1704 г.

Чтения Общества истории и древностей российских, 1898, № 4; 1902, № 1 Челобитные вдовы Посошкова 1728 и 1735 гг.

Акты Угличской провинциальной канцелярии под редакцией Ф. Тарановского, т. II (Труды Ярославской ученой архивной комиссии, кн. 5), Ярославль 1909, стр. 328. Указ 1726 г. о запрещении регистрировать купчие и закладные на имя Посошкова.

---

[1] Указана лишь основная литература о Посошкове.

КНИГА О СКУДОСТИ И БОГАТСТВЕ И ДОНОШЕНИЕ ПЕТРУ I

*

Всепресветлейшему державнейшему императору и самодержцу всероссийскому
Петру Великому. отцу отечествия. царю всемилостивейшему

Доношение

Въ российском народе. присмотрих азъ: яко возрастающии судия. тако и подвластныхъ
многое множество. содевающие неправды. и обиды и всякия неисправности.
И того ради пред очи твоего императорского величества от достоверныхъ и слышанных въ
делехъ преложити по мнению своему изъявление
И на оныя неправды, и неисправности, елико ми Богъ даровалъ. мнения своего изложение
Кон исправности техъ неправостей, и неисправностей: трекратное претрятие изъявляю.
Первое претрятие от неправд. и непорядков. духовенства воинства, и правосудия,
Второе претрятие. от неисправ, и непорядков. купечества, художества и разбойников [illegible].
Третие претрятие, от неисправ и непорядков. яко крестьянских тако и [illegible] земли обидимом. и от собрания царскаго интереса. многогобзовитаго.
И на тое трезлие написах трелетним своим трудомъ книжицу. и нарекох ю книга скудости
и богатства, понеже имать в себе изъявление, от чего содевается напрасная скудость, и от чего
умножитися может изобилное богатство и притомъ приложихъ. мнением своимъ
Какобы истребити в народе неправду. и неисправности. и какобы насадити прямую правду
и правосудное дело исправление. и какобы вкоренити любовь, и безпечное житие народное.
И тако мнение мое исполнитися [illegible] аще будет милостивно призрение нанем: и ваше
императорское величество, по настоящему [illegible] благоволит вступити оно.
То я безсумнительно мнения моего рещи с еже на [illegible] тричисленный сбор, на малое примение
[illegible] в царскую сокровищу милиона по три приходити будет
[illegible] таковое расположение. то лишно собирать и осми милионов [illegible]
[illegible] прямо установится и твердо [illegible], без утя[illegible]
то будет собиратися милионов и по десяти. или и болши, на сея [illegible]
[illegible] мнения того расположении делам не будеть то год от году
[illegible] таков и весь народ умножатися будеть
[illegible] и обиды вся истребятся, и [illegible] Бога. [illegible]
[illegible] разными [illegible]. [illegible] а [illegible] простым народом будет
[illegible] дворян. могут претворитися [illegible]
[illegible]. и простаго народа, понеже вси [illegible]
[illegible] то можно разумети [illegible]
[illegible]. и прося [illegible]
[illegible] и богатство [illegible]

Всепресветлейшему державнейшему имъператору и самодержцу всероссийскому, Петру Великому, отцу отечествия, государю всемилостивейшему [1].

ДОНОШЕНИЕ

В российском народе присмотрих отчасти, яко во владущих судиях, тако и в подъвластных многое множество содевающияся неправды и всяких неисправностей.

И того ради [2] возжелах пред очи твоего имъператоръскаго величества о достоверных и слышанных и о мнимых [3] делех предложити по мнению своему изъявление.

И на оныя неправды и неисправности, елико ми бог даровал, мнения своего изложение ко исправности тех неправостей и неисправностей трекратное трекратие предлагаю [4], а имянно: Первое трекратие о неисправе и поправе духовенъства, воинъства и правосудия. Второе трекратие о неисправе и поправе купечества, художества и разбойников з беглецами. Третие трекратие о неисправе и подправе яко во крестьянех, тако и во владении земли безобидном и о собрании царского интереса многогобзовитаго.

И на тое тречислие написах трелетним своим трудом книжицу и нарекох ю «Книга скудости и богатъства», понеже имеет в себе изъяснение, отчего содевается напрасная ску-

---

[1] Собственноручный черновик с истлевшим левым нижним углом. См. выше, Археографическое введение.

[2] Того ради — вписано над строкой.

[3] И о мнимых — вписано над строкой.

[4] Написано над зачеркнутым: предложих.

дости и отчего умножитися может изобильное богатство. И притом предложих мнением своим, како бы истребити из народа неправду и неисправности и како бы насадити прямую правду и во всяких делех исправление и како бы водрузити любовь и безпечное житие народное.

И тако мнение мое о помянутых делех лежит, аще бог милостивно призрит на не[1] и ваше императорское[2] величество по настоящему царскаго правления[3] благоволит[4] вступити в ня, то я без всякаго сумнения могу рещи, еже на киждо год при нынешних зборех на малой пример [собр]ания[5] казны в царская сокровища милиона по три[6] приходити будет.

[А буде твердо] устоят тая новая расположения, то легко будет[7] собиратися и по шти миллионов на год. [А буде вся] изъявленная дела прямо установятся и твердо вкоренятца без уятия пред..., то будет собиратися милионов и по десяти[8] или больши на всякой год.

[И аще ни]когда изменения тем новорасположенным делам не будет, то год от году [богатство] яко царское, тако и всенародное умножатися будет.

...[вра]жды и обиды вси истребятца и надеюсь на всещедраго бога, что аще волею [или неволею], обаче разные чины яко военные афицеры с простым народом будут... высокомнимые дворяня могут претворитися в кроткия [овчата и будут иметь] любовь и с простым народом, понеже вси едины державы люди есмы. [А егда правда вкоренитца и] любовь в людех утвердится, то мочно разумети, что бог на всех [нас призрит милостивым своим] призрением и прославит

---

[1] Не — переправлено, было написано: н я.

[2] Императорское вписано над строкой; зачеркнуто: царское.

[3] Царского правления — вписано над зачеркнутым: своему желанию.

[4] Переправлено вместо: благоволишь.

[5] Начало слова оторвано, восстанавливается по другому, сохранившемуся варианту доношения, являющемуся более краткой, повидимому первоначальной его редакцией. Восстановленные по этой редакции места ставятся в дальнейшем в прямые скобки. См. выше, Археографическое введение.

[6] Зачеркнуто: будет.

[7] Будет — вписано над строкой.

[8] Неясно, может быть: девяти.

нас во весь свет славою... восхощет, понеже вся слава и богатство в его суть руце божией.

Прошение же мое величеству твоему[1] предлагаю токмо еди[но][2], еже б желание мое в дело произвелось, иного ж ничесого не требую, токмо да не явится мое имя[3] ненавистливым и завистьливым людям, паче же ябедникам и обидникам и любителем неправду[4], понеже не похлебуя им писах. А еще уведят о моей мизирности, то не попустят мне на свете ни малого времяни жить, но прекратят живот мой[5]. Обаче буди в том воля бога моего и воля твоего императорскаго[6] величества, яко ти бог, всевидящее око[7], во сердце положит и дух святый наставит[8], тако и да будет. Ведает про то бог, что не себя ради потрудихся в нем, но токмо от вложения в мя[9] от бога ревности потрудихся.

Доносит о сем величества вашего[10] всенижайший[11] раб Иван Посошков, пиша своеручно.

---

[1] Величеству твоему — вставлено над зачеркнутым: токмо едино.

[2] Токмо еди — вписано над строкой.

[3] Иного ж... мое имя — вписано сбоку на полях; зачеркнуто дабы.

[4] Зачеркнуто: быть ми неявлену.

[5] Но прекратят живот мой — вписано над строкой.

[6] Императорскаго — вставлено над сттрокой; зачеркнуто: вел.

[7] Зачеркнуто: духом своим святым.

[8] Зачеркнуто: т я.

[9] Зачеркнуто: ми.

[10] Величества вашего — вписано над строкой.

[11] Зачеркнуто: и далечайший.

Книга

О скудости и богатстве

сіесть

изъявленіе

отъ чего приключается напрасная

скудость

и

отъ чего собо гобзовитое

богатство

умножается

изданная

чрезъ

Івана Посошкова

.1724. года.

КНИГА О СКУДОСТИ И БОГАТСТВЕ[1]

СИ ЕСТЬ ИЗЪЯВЛЕНИЕ, ОТЧЕСОГО ПРИКЛЮЧАЕТСЯ НАПРАСНАЯ СКУДОСТЬ И ОТЧЕСО БО[2] ГОБЗОВИТОЕ БОГАТСТВО УМНОЖАЕТСЯ

(Л. 1) Аз, мизирный его императорскаго величества рабичищ[3], мнение свое сицевое предълагаю о собрании царских сокровищ, сице, еже верным его величества рабом тако подобает пещися, еже бы елико о собрании казны старатися толико и о[4] еже бы и собраное туне не погибало, и не токмо собраннаго, и несобраннаго прилежно смотрети, дабы даром ничто нигде не лежало и не погибало.

Подобное и[5] о всенародном обогащении подобает пещися без уятия усердия, дабы и они даром и напрасно ничего не тратили, но жили бы от пьянственного питья воздержнее[6], а и[7] во одеждах не весма тщеславно (л. 1 об.), но посредственно, чтобы от излишняго украшения своего, наипаче же жен своих и детей, в скудость не приходили, но вси бы по мерности своей в приличном богатстве разширялись.

---

[1] Так в Акад. и Стр.; Книга о скудости и о богатстве — в Козл. и Лапт.

[2] Отчесого — Козл.; отчего — Стр., Лапт. Весь следующий раздел до первой главы в Козл. сп. имеет сверху каждого листа повторяющийся заголовок: Предречие изъявлению дел.

[3] Рабитище — Козл.

[4] Вместо «и о» в Стр.: но.

[5] Опущено: и — Стр.

[6] Повоздержнее — Стр., Козл.

[7] Опущ.: и — Стр.

Понеже не то царственное богатство, еже в царской казне лежащия казны много, нежели[1] то царственное богатство, еже сиг[кл]ит царского величества в златотканных одеждах ходит[2], но то, самое царственное богатство, еже бы весь народ по мерностям своим богат был самыми домовыми въпутренными своими богатствы, а не внешними одеждами или позументным украшением, ибо украшением одежд не мы богатимся, но те государства богатятся, из коих те украшения привозят к нам, а нас во имении теми украшенми истосчевают. Паче же вещественнаго богатства надлежит всем нам обще пещися о невещественном богатстве, то есть о истинной правде. Правда[3] (л. 2) отец бог, и правда велми[4] богатство и славу умножает и от смерти избавляет, а неправде отец диавол и неправда не токмо въновь богатит, но и древнее богатство отончевает и в нищету приводит и смерть наводит.

Сам бо господь бог рек (Матфия, глава 6, стих 33)[5]: «Ищите прежде царства божия и правды его», и приречe, глаголя, «яко вся приложатся[6] вам» (то есть богатство и слава). По[7] такому словеси господню подобает нам паче всего пещися о снискании правды, а егда правда в нас утвердится и твердо въкоренится, то не можно царству нашему росъсийскому не обогатится и славно не возвыситися.

То бо есть самое царству украшение и прославление и честное богатство, аще правда яко в великих лицах, тако и в мизирных, она насадится и твердо вкоренится и вси яко богатии, тако и убозии, между собою любовно имут жить, то всяких чинов люди по своему бытию в богатстве доволни будут, понеже правда (л. 2 об.) никого обидить не попускает, а любовь принудит друг друга[8] в нуждах помогати. И тако вси обогатятся, а царския сокровища со излишеством наполнятся и, аще и побор какой прибавочной случится, то, не морщася, платить будут.

---

[1] Вместо нежели: ниже — Стр., Козл.
[2] Опущ.: но то — Стр.
[3] Правде — Козл.; опущ. Стр.
[4] Вместо велми — Стр.: весма.
[5] Вписано на полях Акад. и Козл., опущ. в Стр.
[6] Приложится — Стр.
[7] И по — Стр.
[8] Друг другу — Стр., Козл.

И аще великий наш монарх Петр Алексеевич, по данной ему от бога благодати и по самодержавной своей власти, вся нижеписанная моего мнения предложения в бытие произвести повелит, то, я чаю, и без прибавочных поборов преизлише царская сокровища наполнятся. И тако на бога надежду имам, еже и настоящих прежних со крестьян поборов убудет.

По моему мнению сие дело невеликое и весма нетрудное, еже царская сокровища наполнити богатством, за еже царь, яко бог, еже возхощет, во облости своей может сотворить. Но то великое и многотрудное есть дело, еже бы народ весь обогатить, понеже без насаждения правды (л. 3) и без истребления обидников и воров и разбойников и всяких разных явных и потаенных грабителей никоими мерами народу всесовершенно обогатитися невозможно[1].

*

Первее же предложим расположение о духовном правлении, потом о воинском и о протчих мирских делех и о здравом и гобзовитом и постоянном собрании интереса его и. в-ва[2].

1. Священство столп и утверждение всему благочестию и всему человеческому спасению, ибо без него никаковыми мерами до царства небесного никакову человеку дойти невозможно. Они наши пастыри, они и отцы, они и вожди, а в книжном учении и разумении не весма доволни. И сего не вем, чего[3] ради тако деется, токмо, мню, аще и страшно ми изрещи, дабы архиерейская клятва на мя не пала, а иначе[4] не вем, како ми возъписати, понеже аз признаваю, еже от оплошки архиерейския тако чинится, понеже полагаются на служебников своих в поставлении поповъстем. Тии бо приимут (л. 4) от новоставлиника дары и затвердят ему во псалтыри псалъма два-три и перед архиереем заставят то твержение читати, и той ставленик ясно и внятно и поспеш-

---

[1] После этих слов в Акад. и Козл. оставлена чистой бóльшая часть страницы, а следующий абзац начинается с новой страницы и выделен крупным шрифтом.
[2] В дальнейшем титул приводим в сокращении.
[3] Чесо — Козл., Стр.
[4] Наипаче — Стр.

но пробежит, и архиереи, не ведая того ухищреннаго подлога, посвящают во презвитеры, и от такова порятка у иных грамота и плоха. А по моему мнению, аще бы кой ставленик и в школе учился [1], обаче надлежит его испытати, каков он в разуме и во всяком разсуждении, да тогда уже ево посвящати бы. А буде которой и грамоте [2] учился, а смыслу к разсуждению несть в нем, и таковых во презвитеры посвящать, мне ся мнит, отнюд не надлежит. Паче учения надлежит во презвитерех искать умнаго разсудительства, чтобы он мог пастырем быть словесных овец. Аще бы попы яко градские, тако и селские, были разумительны, то никоими делы расколникам в простом народе множится [3] было (л. 4 об.) невозможно и нимало возъникнути было б им некак. И о сем речется в настоящей главе.

2. Военной люд — стена и твердое забрало царству, а камандиры их и судии военного правления не имут попечения о них, чтобы они ни голодни, ни холодны были, но всем бы довольны. Зело бо от них слышно, что от недостатку великую нужду подъемлют, ибо иным салдатам на месяц и по десяти алтын не приходит, то чем ему прожить, где ему взять шуба или рукавицы и иные потребности, такожде и харчу на что ему купить? И в таковой скудости живучи, как ему и не своровать и как ему и с службы не бежать? Нужда не токмо к бежанию принудит, но и изменить готов будет, а изменя, и ратником на своих будет.

О салдатех и о драгунех надлежит весьма великое попечение имети и пильно того смотрети, дабы они пищею и одеждою были не скудны, (л. 5) а егда будут всем доволни, то они и в службе будут исправнее. И сего ради, яко главных полков, тако и последних и новобраных полков, вси не были бы ни голодни, ни холодни.

А и сие едва право ли учиненно по немецкому ли артикулу или наших командиров вымысл, еже солдату или драгуну мундир дадут, а последи за весь тот мундир из жалованья и вычтут, и того ради вычету иным солдатам и по десяти алтын на месяц не приходит. И мню я, что е. и. в-ву

[1] Обучился — Стр.
[2] Граматике — Стр., Козл.
[3] Множитися б — Стр., Козл.

не весьма известно, и о всем пространнее речется в настоящей главе о воинстве.

3. Древний российских судей обычай был, еже в приказех иметь челобитчиков множество, и так бывало их много, что иногда никоими делы до судьи дойти худосильному не мочи. К тому ж, насажают колодников множество, а решения (л. 5 об.) им не чинят, да, перековав, роспустят по улицам милостыни просить. И тем они росъсийское царство безчестят, что ни в коем государстве такого [1] числа колодников не сыщется, колико у нас. И сие чинитца ни от чего иного токмо от нерадения судейскаго, и о сем пространнее речется во главе судейства.

4. И купечество у нас в России чинитца вельми неправо: друг друга обманывает и друг друга обидит, товары худые закрашивают [2] добрыми и вместо добрых продают худые и цену берут непрямую, и между собою союзства ни малого не имеют, друг друга ядят, и тако вси погибают, а в зарубежных торгах коварства [3] между собою не имеют и у иноземцов товары покупают без согласия своего товарищства.

А торг дело великое! Надобно судьям всем об них попечение иметь неоскудное, понеже купечеством всякое царство богатитца, а без купечества (л. 6) никакое и малое государство быть не может. И того ради под великим охранением блюсти их надлежит и от обид их оберегати, дабы они ни от кого обидимы не были и во убожество б не входили и его и. в-ву приплод бы несли со усердием. И о сем пространнее речется в настоящей главе.

5. И в художественных мастерствах весьма деется у нас в Руси неисправно. Вначале, егда кой человек отъдастца в научение к мастеру и поставит срок, х которому ему выучитца, и аще мастер не скроется и научит его скоро, то он, не дожив срока, и станет прочь отъбиватца, и, отъшед, станет делать собою, и аще хуже мастерского станет делать, то он цены збавит, да и мастерство все погубит. А за таким порятком в Руси у нас и нет самого доброго мастерства. И о художествах пространнее речется в настоящей главе.

[1] Толикого — Стр., Козл.
[2] Закрывают — Стр.
[3] Компанства — Стр., Козл.

(Л. 6 об.) 6. Разбойников у нас в Руси паче иных государств множество, ибо не токмо по десяти или двадцати человек, но бывает по сту и по двести человек в артеле и больши (и аще их[1] весьма не истребити, то царству нашему российскому ни коими делы обогатитися невозможно). А вся сия чинится[2] от неправаго судейства, ибо егда какова вора или разбойника приведут, то аще и попытают его, да посадя в тюрьму, да[3] кормят его лет десять или больши. И в такое протяжное время многие и уходили, а, ушод, пуще старого воровали, а иных разбойников судьи, вместо смерти, паки отпускали на старые их промыслы и, то[4], надеясь, безбоязненно воровали. И о истреблении их в настоящей главе речется.

7. Надлежит же и о крестьянстве воспомянуть, чтобы и их от разорения и от обид поохранить и в леностиб пребывать им не попускать, дабы (л. 7) от лености во всеконечную скудость не приходили. Аще бо кои крестьяня живут и в хлебных местех, обаче и те бы зимою даром не лежали, но трудились бы, овыя в лесах, овыя ж в домовых рукоделиях и иныи ж в подводах бы ездили, а лежа и своего припасеннаго хлеба, не потрудясь[5], не ели бы и дней бы своих даром[6] не теряли. А у коих крестьян лошадей добрых нет и в подводы нанятся не на чем, те шли бы в людския работы и работали бы из найму или и[7] из хлеба, а даром бы не лежали. И о сем пространнее в настоящей главе речется.

8. Дворяня при животе своем и по смерти сродников своих земли делят на малые разные жеребьи, одну пустош разделяют частей на десять и болши. И в том лише съсора да беда да смертное убивство, и такое[8] обыкновение весьма нездраво.

А и сие не токмо не право, но и весьма (л. 7 об.) гнило, еже землям достоверного размерения и меж не зделано, и колико ее под рукою монарха нашего есть, а платежа с нея

[1] Опущ.: их — Козл.
[2] Чинятся — Козл.
[3] Опущ.: да — Козл.
[4] И на то — Стр., Козл.
[5] Не потрудився — Стр., Козл.
[6] Опущ.: даром — Козл.
[7] Опущ.: и — Козл.
[8] Таковое — Стр.

ни малого нет[1]. Дворяня накупив пустошей, да в наймы отдают, и многия деньги на киййдой год кортомы с нее берут, а великому государю ни по деньге на год не платят. И о сем о всем пространнее в настоящей главе речется.

9. Российское царство на пространнем месте стоит и многонародно оно есть, а собрания казны в царския[2] сокровища весьма негобзовита собирается, ибо в военное время не достает того собрания на военные росходы, а пространства земли в нем толико, еже и исчислити неможно, а несть с нее[3] ни малого особливаго собрания. А аще бы с нея учинен платеж по ней и самой малой, чтоб лишше никто на ней даром не жил, то и одного и земляного платежа милионное собрание бы было[4] и было бы (л. 8) оно недвижимо. Земля самый гобзовитый данник ему, великому нашему монарху, было[5] бы и никогда измены бы ему не было. И аще прямо вся собрания исправятся и собиратели будут прямо собирати, то тако мочно нашему великому государю довольну казною быть и без наметных поборов, еже на киййдой год милиона по два-три за всякими расходы в царских сокровищах и оставатися будет. И о сем в настоящее царского интереса речется[6].

Во изъявлении моем сем предложив[7] девять глав, а вся сия деватерица глав состязаются[8] к насаждению правды, неправды же и всякого воровства ко истреблению. И аще на всю сию девятерицу с высоты бог милостивно призрит, а с низоты императора нашего великаго изволение всеусердное произыдет, то не токмо едина царская сокровища со излишеством наполнятся, (л. 8 об.) но и весь народ обогатится и вражды многия прекратятся. И егда сия девятерица оснуется и твердо укоренится, то яко река тещи имать повсегодно, неумолчно и неизменно.

[1] И малого несть — Стр., Козл.
[2] В царская — Стр. Козл.
[3] С них — Стр.
[4] Было б — Козл.
[5] Была — Стр., Козл.
[6] В настоящей царского интереса главе речетца — Козл.
[7] Предложих — Стр., Козл.
[8] Состягаются — Стр., Козл.

ГЛАВА 1

О ДУХОВНОСТИ

(Л. 9) В духовном чине, аще будут люди неученые и в писании неискусные и веры христианские всесовершенного основания неведующии и воли божией неразумеющии, к тому же аще будут пьяницы и иного всякаго безъумия и безъчинства наполнены, то благочестивая наша христианская вера вся исказится и весьма испразднится и вместо древняго единогласнаго[1] благочестия вси разъидутся в разногласныя расколы и во иные еретические веры.

От презвитерского[2] небрежения уже много нашего российского народа в погибельные ереси уклонились. Большая бо часть склонилась в погибельный путь, в древнем же благочестии уже малая часть остается, ибо в Великом Новеграде едва и сотая часть обрящется[3] ли древняго благочестия держащихъся. А презвитеров (л. 9 об.) аще и много во граде, обаче не пекутся о том, еже бы от таковыя погибели их отвратити и на правый путь направити, но есть еще и такие презвитери, что и потакают им, и того ради церквы все уже запустели. И так было до нынешняго 723 года в церквах пусто, что и в недельный день человек дву-трех настоящих прихожан не обреталося. А ныне архиерейским указом, слава богу, мало-мало починают ходить ко святей церкви. Где бывало человека по два-три в церкви, а ныне и десятка по два-три бывает по воскресным дням, а в большия праздники бывает и больше, и то страха ради, а не ради истиннаго обращения. И въпредь, аще подкрепления не будет, то вси по прежнему ходить к церквам не будут, вельми бо в них вкоренилась раскольницкая ересь.

А вся сия гибель чинится от презвитеров, ибо не токмо от люторские (л. 10) или от римския ереси, но и от самаго дурацкаго раскола не знают чем оправити себя, а их бы обличить и научить, как им жить и от пропасти адъския како

[1] Единогласного — Стр., Козл.
[2] Доб.: бо — Стр., Козл.
[3] Обретаетца — Козл.

им изъбыть. Но и закрепить[1] крепонько[2] не разумеют, или не смеют, или на пенязи склоняются и небрегут о сем.

Не постави, господи боже мой, сего моего словесе но[3] во осуждение, еже дерзнух поносительно на пастырей своих писати. Сам весь ни пред богом, ни пред царем, ни пред простым народом чем исправен, но токмо едино от м[н]ения моего припало желание, да нет ли[4] из сего моего изъявления бог возрастит некое исправление.

Видел я в Москве презвитера из знатнаго дому боярина Льва Кириловича Нарышкина, что и татарке против ея задания ответу здраваго дать не умел. Что же может рещи сельской поп, иже[5] веры (л. 10 об.) христианския, на чем основана, не ведает?

И ради таковыя священнической неисправности надлежит о священницех великое попечение приложити, дабы презвитеры были всему благочестию опора и от ересей забрало, и от адских волков оборона и людей божиих о[т]влачили бы от погибельных врат. Презвитеру подобает быть подобну апостолом христовым, чтоб они ни о здравии своем, ни о богатстве, ни о пище своей тако не пеклися, како о спасении душ человеческих, понеже бог всех погибших взыщет на них.

И ради таковаго исправления, мне ся мнит, его и. в-у надлежит постаратися о граматике, чтоб принудить ее выправить добрым расположением с самым добрым[6] истолкованием, и тако дробно ее разобрать, чтоб всякие скрытности ясно отъкровенныя (л. 11) были, и чтоб и без учителя можно познать всякия падежи и склонения и, тако исправя ю, напечатать бы их тысяч пять-шесть или[7] десяток.

Ныне есть напечатано в Москве[8] тысяч пять-шесть грамматик, да бог весть, какие на печатном дворе камандиры, напечатали ее толь просто, что без учителя и орфографии

[1] Запретить — Стр., Козл.
[2] Доб. и пост. в скобки: (непонько) — Акад.
[3] Опущ.: но — Стр., Козл.
[4] Негли — Стр., Козл.
[5] Доб.: и — Стр., Козл.
[6] Дробным — Стр., Козл
[7] Или и — Стр., Козл.
[8] На Москве напечатано — Козл.

не можно без учителя[1] растолковати и научитися, чтоб по ней правописание разуметь. К тому ж еще и бумагу положили в них самую плохую, коя никуды кроме черных писем, по нужде что разве на такой бумаге календари печатать, потому что они на один только год печатаются. А грамъматика дело высокое и прочное, и того ради и печатать ее надлежит на самой доброй бумаги, чтобы она прочна была.

И во всех епархиях построить бы школы пространные и в те школы (л. 11 об.) собрать всех поповых и дьяконовых и дьячковых и понамарских детей, от градских церквей и от уездных, от десятилетных[2]. И буде которые отцы добром их в школы отпустить не похотят, то брать бы их и неволею и учить грамматике и всякаго книжнаго разума.

И положить о сем недвижимый предел: буде кой человек школьнаго учения не принял и грамматическаго разумения не научился, таковых бы отнюд во презвитеры и в дияконы не посвящати. Такии причетники церьковные пожелают презвитерства, то будет[3] и тритцатилетные, в школы и без понуждения приходя, учитися и учением своим будут поспешати. И таковые люди годы и в два-три научится могут, понеже себя ради будут поспешати и с охотою учится имут.

И которой из них учение грамматическое (л. 12) твердо приимет, а летами своими юн[4], то таковых надлежит и риторики поучить или и[5] философии. И тии не токмо во презвитерской сан, но во архиерейство будут годны и учителями могут застати.

И таковым способом вся Россиа может умудритися не весьма многими леты. И сие преславное дело трудно токмо начати, да основати, а тамо будет оно уже само правитися, понеже и учение грамъматическое и прочиих наук умным и острым людям вельми охотно и любезно бывает.

А аще сие утвердится, еже во презвитерство неучившихъся в школах не посвящати, то не мочно будет того миновати,

[1] Опущ.: без учителя — Козл.
[2] Доб.: даже до дватдесятипятилетних — Стр., Козл.
[3] Будут — Стр., Козл.
[4] Еще юн — Стр., Козл.
[5] Опущ.: и — Стр., Козл.

еже бы желающему презвитерства не поучитися в школе, то я[1] чаю, что друг друга будут учением своим и предваряти.

А аще и в манастырях во аргимандриты (л. 12 об.) и во игумны, не бывших в школьном учении не посвящити[2] же, то многия и иноки будут граматическаго учения касатся и всякому книжному разумению внимати, а в возрасте сущим паче грамматическаго учения потребно книжное разумение. И того ради вельми потребно инокам до школы ходити и тамо от духовного учителя учитися и вразумлятися всякому благочестию и страху божию и священная писания толковати и всякому доброму нраву навыкати и в доспытацыях подтверждатися.

А егда грамотники[3] и всякаго благоразумия научатся и книг божественнаго писания начтутся, то не то что раскольнику, но и лютору и римлянину, могут отъпор дать и уста их заградить, понеже вси они от истинаго христианства совратились, и бродят вси, яко козлята, по непроходимым[4] дебрям и по неудобным возшествия стреминам, и тако в далекия пути зашли, (л. 13) что и возвратитися к прежнему благочестию не могут.

И егда священничестии дети и прочие церковники научатся грамматическаго учения, и книжного разумения навыкнут всесовершенно, то и о пастве своей прилежнее будут пещися, дабы адъския волки не распудили их.

А ныне истинно таковых презвитеров много, [ч]то не то, чтобы кого от неверия в веру привести, но и того не знают, что то есть речение вера, и не до сего ста, но есть и таковые, что и церьковные службы, како прямо отправити, не знают, да и знать не по чему: печатнаго двора справщики от многово питья и от роскошного житья утыли и не хощут ясного изъявления о всяком церковном служении напечатать, чтобы всякой мог разумети, как что отъправляти. Но токмо той презвитер мало-мало и может прямо отъправляти, кой довольное время (л. 13 об.) побудет в городе при соборе или при разумном презвитере в подначальстве, то тот то лише может по надлежащему службу церьковную отпра-

[1] Опущ.: я — Стр.
[2] Не поставляти — Стр.
[3] Грамматики — Стр., Козл.
[4] По непроходным — Стр., Козл.

вити. А буде кой под началом не много побыл, тот ничего по книгам отправить не может.

А по прямому делу надлежало о всяком служении напечатать в тех же служебных книгах ясно, дабы и простолюдин мог разумети, как что отправити. А ныне многия наугад отправляют, как кому примыслитца. И сие стало не [ве]сьма добро, что так деетца и того ради и во градех в церквах многое несогласие бывает, а о сельных[1] и дивить нечего.

И ради совершеннаго в церьковных служениях исправления о всякой службе надлежит в тех же служебных книгах напечатать мелкою печатью тонкостное расположение, как коя служба или действо какое (л. 14) начать и как отправить и совершить. И аще обо всем будет ясно напечатано, то во всех церьквах не токмо во градских одних, но и в засельских всякое служение отправлятися имать согласно.

И ради всесовершенного исправления не можно пробыть, еже б не напечатать тонкастнаго расположения о всяком священнодействии, а в совершенные[2] школы послать учителей иноческаго чина и мирскаго, кии грамъматическаго учения искусны, и других учителей к ним, кии книжнаго разумения искусни и церьковнаго круга навычни и кии в божественном писании силу знающии, еже непоемыя[3] речения могли разсуждати.

И грамматические бы учители учили своего учения грамъматическаго до обеда, или рещи, до полудни. А по полудни бы те другие учители, иже божественнаго писания искусни, учили б (л. 14 об.) их страху божию и книжному чтению и церьковному обхождению, паче[4] того, как бога знать и как его почитать и как к нему молитвы своя приносити, и божественна литоргия с каковым страхом служити, и в действиях тоя святыя литургии, как к богу ум свой возводити и детей своих духовных пасти, чтобы от паствы им адъския волки не разхитили, и сверъх того учения давали бы им книги читать духовные и гражданские и бытейские. И того ради надлежит библии напечатать не малое число, и во все

[1] О селских — Стр., Козл.
[2] В состроенные — Стр., Козл.
[3] Непоемныя — Стр., Козл.
[4] Паче же — Стр., Козл.

школы книг по пяти-шти разослать, такожде маргаритов, соборников учительных, евангелиев толковых и апостольских бесед и четьих миней, а ради церковнаго служения месячные минеи и прочих, кии в церьковном служении употребляются, дабы в школе будучи, научилися (л. 15) прежде приятия священства всего церьковнаго служения и управления здраваго.

И ради утверждения в вере и ради охранения от люторския и калвинския и от протчих иконоборцов напечатать книг, колико надлежит, «Камень Веры», иже блаженныя памяти преосвященный резанский митрополит Стефан Еворский сочинил, и книг по пяти-шти в школу отослать, и чтобы тот многоценный Камень желающии презвитерства затвердили его на память, чтобы о всяком ответе помнил изусть сказать, такожде и иноки, желающии во благочестии жити. А негли[1] случится коему во архиереях быти и, в том сане будучи, весьма паче презвитерскаго той святой Камень во устех имети, чтобы тыим каменем могли изоустно еритическия челюсти сокрушати. (Л. 15 об.) Ради же обличения раскольнича книгу «Розыск» и «Зеркало Очевидное», иже раскольниче блядословие обличают и всю их неправость ясно показуют, паче же книгу, названную «Пращею», дабы ис тоя пращи камением духовным, испущеным далече их прогнати и без вести их сотворити, дабы они во двор овец стада христова не влезли и христовых овец не вреждали бы. И тыих книг Розыска и Пращи и Зеркало, буде будет принято к печати, книг по пяти-шти в школу разослать же.

А не худо бы и на иные еретические веры, на римлянскую, на унеятскую, на армянскую и на древние ереси, яко на арианскую, на несториеву, на аполлинариеву, на евтихееву, на севирову и на прочие, кии уже и истребишася, напечатать изъявления, дабы наши пастыри вся та лукаваго диавола стрелы разумели и возразить их чем знали. (Л. 16) И аще презвитеры будут всех вер еретических силу знати, и будут разуметь, чем их обличить и чем себя от них оградить, то свое стадо могут от тыих волков адъских охранити.

А буде кой презвитер еретических вер в конец знать не

[1] И не глаголи — Стр.

будет, то и уличить ему их ересей невозможно. Того бо ради и святый апостол Павел написал, еже подобает в нас ересем быти. Яве есть, яко того ради написал, дабы мы, ведая их ереси, могли их уличить и их же орудием самих их побеждати и, зная их ереси, могли бы мы от них остеречи себя.

И все школьники читали бы книги неспешно, но с самым вниманием, дабы чтомое мог разумети и памятствовати. И кой ученик невнятно будет читати, то той (л. 16 об.) учитель, кой ко чтению и вразумлению книжному приставлен, непрестанно их понуждал и вразумлял, как их вразумительно читать[1] и чего не дознают, толковал бы им. И кои книги[2] кто читает, от тех бы книг спрашивал их по одинкам и внимал бы, каково кто памятно сказывает, и той учитель в памятную б книгу[3] записывал, кто каков есть.

И буде кой ничего сказать не помнит, и тому чинил бы наказание и велено бы[4] ему в другой ряд[5] прочести. И буде и в другой ряд прочтет, а что читал, не помнит, то яве есть, еже тот во презвитерство не будет годен.

А кии внятно и памятно будут читать, тем надлежит давать читать книги церковнаго круга, месячные минеи и триоди и осмогласники, и прочие, иже во святей церковной (л. 17) службе употребляются. А чаю не худо бы и летописных книг дать им почитать, чтобы обо всем знали, что досюль[6] бывало.

И тыи школьники по чтении книжном под вечер по часу место учились бы писать, чтобы все школьники читать и писать добре умели скорописью и уставом.

А в день недельный велели бы им чинить между собою доспытации от священных писаний. А учители оба бы слушали и внимали, кто каков в разуме и в разумении святаго писания, и каково кто разсуждает, все бы то впредь для памяти записывали, а и того смотрили бы, кто к какому делу склонен, к духовному ли или к светскому.

---

[1] Как им разуметь читать — Стр.
[2] Или книги — Стр.
[3] В памятную б книжку — Козл.; в помянутую книгу — Стр.
[4] И велел бы — Стр., Козл.
[5] Раз — Стр.
[6] Досель — Стр.

И буде кой ученик склонен к духовностии и писания святыя разсуждает здраво, то тех бы отличали в особливость и давать им (л. 17 об.) книги читать о чине священства и учить их уже прилежнее, как им стадо христовых овец пасти, и как им духовных детей в пастве своей блюсти.

И аще книга «Отеческаго Завещания» принята к печати будет, еже[1] аз сыну своему, Николаю, сочиних, то надлежит готовящемуся во презвитерство и ее дать читать, понеже тамо положено отчасти, как презвитеру духовенство свое вести, и не токмо единому презвитеру, но тако[2] и простому монаху жить, и како во архимандритах будучи, как братия пасти и как себя вести и что подобает и архиерею творити, и каковым способом раскольников истребляти, и как и мирянам душеполезно жити, и как и детей своих малых учити, дабы отцу не на пагубу они были, и как между (л. 18) собою любовь хранити, и как правда творити, и как бога любити, и как молитвы своя к нему приносити, и как ему угождати. Вся суть тамо изъявлена, поелику бог даровал ми проразумети.

И егда куды потребуют презвитера, то из тыих бы учеников отсылать во презвитерство не по отечеству, ни по богатству, ниже по прошению прихожан, но по разуму и по истинному священства достоинству. И достинство бы[3] того школьника подъписывались оба тыи учителя, еже он годен во презвитерской сан.

И послать ко всем архиереам, чтоб ни единаго ставленика без свидетельства учительскаго во презвитерство не посвящали. Прежнее архиерейское слушание ставлениче вельми ми не понравилось, (л. 18 об.) понеже архиерейские служителие у новоставленников[4] приемлют дары и, приняв дары, дадут ему затвердить во псалтыри некоторые псальмы и, заложа, дадут перед архиереем тому ставлинику прочести. И архиерей, видя его твердо и разумно читающа псалтырь, возмнит, яко бы и во всяком чтении таков, благословит его во презвитерство. И тако те служителие архиереев своих в порок приводят.

---

[1] Юже — Стр., Козл.
[2] Како — Стр., Козл.
[3] И в достоинстве бы — Козл.
[4] Новоставленика — Козл.

И я сына своего в сем поостерег, написал ему в таком же[1] своем Завещании, аще случится ему быть во архиерействе, чтобы он в слушании ставлеников на служителей своих не покладывался, но сам бы всякого своего ставленика свидетельствовал, и книгу не псалтырь, но давал бы незнаемыя книги читать, а потом бы и на словах (л. 19) его спросил. И на разглаголных речах всячески познать мочно, каков кто смыслен или несмыслен.

В Новегороде видел я прошлого 720 года[2] новоставленика такова в диаконстве, что на литургии не мог единыя страницы во евангелии прочести, еже бы разов пяти-шти не помешатися. А был он в подъначальстве в соборе Николая чюдотворца, иже на Дворищи, и так он и отпущон во свояси.

А иноков, кии возжелают архимандричества, то тыих архиерею наипаче надлежит на словах дробно распрашивать, како он божественныя писания разъсуждает и како он общую свою братию намерился пасти, дабы ему, перед богом став, рещи: «се аз и дети, их же ми дал еси», или токмо единаго себя хощет богу предъставити. И аще хощет токмо единаго себя (л. 19 об.) спасти, то таковаго не подобает во архимандриты поставляти, понеже архимандриту не токмо о иноках, но и мирских жителех попечение имети и на спасение наставляти надлежит. И того за хотящим архимандричества смотрити, не лаком ли ко имению и не падок ли к питью и ни склонен ли к блуду, чтоб, будучи во архимандритстве, не нанес бы на тот свой чин пороку. И того ради надлежит первее освидетельствовать братиею, в коем манастыре он жил, а потом и мирских людей надлежит спросить, кие при том манастырю живут. И аще от всех будет похвален, то, буде в писании доволен, надлежит возъвести в таковый чин.

Да в Завещании ж своем написал я сыну своему, чтобы новоставленнаго презвитера, несовершенно (л. 20) научившися всякого[3] священнодействия, ис подъначала отнют бы не отпускать, дабы на аргиерея поречения какова за неисправность его не понести.

[1] В том же — Стр., Козл.
[2] 620 года — Акад.; исправл. по Стр., Козл.
[3] Опущ.: всякого — Стр.

И в том же Завещании написах всякое презвитерское дело, как что ему управляти и как детей своих духовных исповедывати и как богатых и убогих пасти, елико мя бог въразумил, вся написах. И того ради, мнитца мне, вельми ко исправлению священническаго бытия то Завещание потребно будет.

И аще коея церкви попов сын возъжелает отцу своему наследником быть, а по свидетельству учителей своих явится к тому чину негоден, то, аще и заручная о нем челобитная будет, отказать ему, (л. 20 об.) но таковых ко гражданству отсылать. А кии ко учению и непоемны, а во нраве добры и страх божий в себе имут, то тех поставлять в церьковной причет в дьячки и понамари.

А кой из них будет понарочитее, тово мочно в дьяконство вчинить. А в презвитерство отсылать самых достаточных[1], и в писании разсудительных и во нраве кротких, чтобы он был свет миру, а не тма. И таковых достойных священства, аще и понамарские дети или крестьянские, отсылать во презвитерство к церьквам, а не по отечеству, ни по заступе.

А буде кой и разумен на всякое разсуждение, а нравом неключим, и таковых не токмо в презвитеры, но и в причет церьковной отнюдь не отсылать, но таковых разве отсылать к приказным делам (л. 21) или како[2] ни есть, кроме священства и причету церьковнаго.

А которой и весьма добр, да пить будет любить, то и таковых во священный чин отнюд не отсылать же, понеже пьянство велик порок презвитеру наносит и причетникам не весьма оно добро.

И не токмо новоставленных презвитеров, но и старых, кои уже и состарелись во презвитерех, вреждает оно. И того ради надлежит предел учинить сицевы: аще кой презвитер, напившись до пьяна, по улице ходя или где и сидя, будет кричать нелепостно или бранитца и сквернословити или дратися с кем или песни петь, то таковых имать и во архиерейской приказ отъводить, а за такое нелепство[3] их

[1] Досветчоных — Стр., Козл.
[2] Или кому — Стр.; или камо — Козл.
[3] Нелепотство — Стр., Козл.

наказывать утруждением[1] (л. 21 об.) во архиерейских и монастырских работах, и сверьх утруждения[2] обложением штрафа или отъятием свещеннодействия или како том уложено будет от архииереев, дабы презвитеры и диаконы презъмерно до пьяна не напивались. А буде каковым случаем и напьетца, то шол бы во утишное место и выспался, а народу бы себя отнюд не открывал, что он пьян.

А буде кой поп или диакон, паче же аще инок, пойдет пить на кабак или в корчму, то таковых надлежит наказать сугубо, дабы на духовной чин пороку не наносили.

И аще священный чин от таковых неключимств исправится, то яко новый свет в России возсияет. И тако их надлежит изучити, чтобы во время исповедавания детей своих духовных паче всего научали о благочестии[3] и о благоверии, (л. 22) како в нем твердо стояти, дабы никаковы блазьни люторские и римлянския не склонялися и с раскольниками бы, никакова разглагольства не знаючи, не разговаривали. И на той же исповеди учили бы, как молитвы своя к богу возсылати с богомыслием[4] и како святыя иконы почитати и каковая честь им отъдавати и како духовный чин почитати и как за царя и за вся християны бога молити и како обходитися в мире со клевреты своими и с соседми и в каковом наказании детей своих родных ростити и как их страху божию учити, чтоб, родив детей плотию, от бога вложенную душу вечно не погубити и каковым им к сродникам и чужеродным любительным быти, и чтоб никому зла никакова не делали, понеже вси мы по Христе братия есмы.

(Л. 22 об.) И о сем всех бы своих детей духовных увещевали, чтобы они детей своих юных, не токмо градския, но и поселанския[5] учили бы грамоте и всякому благонравию научили[6] их, а по улицам играть и без дела шататися не попускали[7] с великим и твердым запрещением, чтобы то их наказание в детях духовных незабвенно было, но вси бы

[1] Удручением — Стр., Козл.
[2] Удручения — Стр., Козл.
[3] О благочтении — Стр., Козл.
[4] С благомыслием — Козл.
[5] Поселянския — Стр., Козл.
[6] Научали — Стр.
[7] Доб.: бы — Козл.

отцы и матери детей своих в страсе божиим возвращали[1], и о сем на всякой исповеди подътверждли бы, чтобы им незабвенно было.

А аще како[2] в духовности будет строитися, то и во всем народе свет возъсияет благоразумия, понеже вси людие от такова отцов своих духовных твердаго и прилежнаго попечения яко от сна возбудятся, ибо вси стали бы прямо разумети, как бога знати, и как его молити, и как угодников божиих (л. 23) почитати, и како их в помощ себе призывати, и как все свое житие христиански вести.

Тако бо пастырем духовным надобно[3] о пастве своей пещися, дабы вси праведно жили, и не токмо чтобы им чужое похищати, но и не желали б чужого ничего, и аще и на пути кто что обрящет лежащее, искал бы обронизшаго или во устроенное место относили; и чего себе не хощут, того бы отнюд никому иному не токмо творили, но и не желали бы. И тако живущие вси, и в мирском житии будучи, не далече бы от царствия божия были.

И аще уложено будет, еже попам сельским и причетникам их пашни по прежнему не пахать и сена не косить, но пещися им токмо[4] о церьковной службе, да о пастве духовной, а вместо пашни давать им дворянам и крестьянам, кои (л. 23 об.) у них в приходе, от своего приплоду десятая доля, то презвитерам в той же исповеди детей своих духовных твердо подтверждати, чтоб неизменно от всякого приплоду, колико отложить себе на пищу, то без утайки и без желания отделяли бы десятую долю как из хлеба, так и из мяса и из яиц и из прочего харчу, и отсылали бы к церкви на пищу презвитерам с причетники и нищим, кои при церкви живут.

А колико отделят хлеба или скота или иного чего на продажу, то ис того бы отделяли великому государю на пошлину такую ж десятину. И отцам духовным твердо детям своим духовным заказывать, чтоб отнюд ничего не таили, и буде правдою будут яко богу, тако и царю отделять десятину, то бог их благословит (л. 24) всяким изобилием, понеже

[1] Возращали — Стр., Козл.
[2] Тако — Стр., Козл.
[3] Надлежит — Козл.
[4] Толко — Козл.

уравнятся они древним законникам, иже от всего своего притяжания давали десятину.

О сем я неизвестен как деется в протчих христианских землях, чем питаются сельские попы, а о сем весьма известен, что у нас в Руси[1] сельские попы питаются своею работою и ни чем они от пахатных мужиков неотменны. Мужик за соху и поп за соху, мужик за косу и поп за косу, а церковь святая и духовная паства остаетца в стороне. И от такова их земледелия многия христиане помирают, не токмо[2] сподобившися приятия тела христова, но и покаяния лишаются и умирают яко скот. И сие како бы поисправити, не вем, жалования государева им нет, от миру подаяния никакова им нет же и чем (л. 24 об.) им питатися, бог весть. И я мнение свое предлагаю сицевое: аще возможно учинить тако, чтобы прихожан всех у всякия церкви одесятствовать, чтобы от всякия своея пищи отделяли церьковникам десятину или двацатину, как о сем царское и архиерейское произыдет изволение, то бы таковым порядком были сыти и без пашни. А и правильно им без пашни быть, понеже они слуги суть божии и подобает им по господню словеси питатися от церкви, а не от земледелия.

А аще презвитеру земля пахать, то церкви святей будет солгать и паства своя истерять.

Презвитеру не токмо земля пахать, но и торгом ему никаким не торговать[3], а и мастерства ему художественного делать не надлежит, (л. 25) дабы и того[4] помешательства церьковной службе и пастве духовной не чинилось, понеже они от мирскаго[5] жития отделены суть на службу божию, и того ради не о чесом[6] ином кроме службы церьковные и паствы духовныя пещися им не подобает. А и питатися им по повелению божию надлежит от церьквы, а не от работы и не от рукоделия своего. И егда службы церковныя, ни потребы не случится, то бы забавлялися чтением книг бо-

[3] В России — Козл.
[2] Доб.: не — Козл.
[3] Никаковым не подобает торговать — Стр., Козл.
[4] И от того — Стр., Козл.
[5] От мирских — Стр.
[6] Ни о чем — Козл.

жественнаго писания или бы что полезное и писали ко спасению человеческому или ко украшению церьковному[1].

Сам бо господь бог в самом начале священства, егда изведе израиля из земли египетския и въвед во обетованну землю, всем израильтянам землю по жеребьям их повелел давать, а иереем и служителем церьковным не повеле (л. 25 об.) земли давати[2], яве есть, дабы прилежны были к церьковному служению, и повелел им питаться от церьквы, а не от земледельства.

Кольми же паче в новой благодати подобает о служении церьковнем пещися презвитерам, понеже и души человеческия им быша вручены. А у нас сельския попы обременены земледельством и того ради не тако пекутся о служении церьковном, яко о пашне своей, а паства душевная уже в стороне стала быть, и того ради многое множество христиан православных умирает без покаяния и без причащения тела христова. Сельские бо презвитеры самые люди простые, взростет он в деревне, деревенския дела и смышляет.

А что бог сыщет[3] всякия погибшия (л. 26) души на них, ничего[4] того не смышляют, и коль у бога душа человеческа велика, ничего того не знают.

И аще сия моя изречения вознепщует кто, яко бы аз написал сие во[5] осуждение и на поругание презвитерам, и о сем бог есть свидетель, что не ругания ради написах сия, но ради исправления. И сам я не без страха, что в такое дело великое вступих, обаче буди божия воля, он вся весть, чего[6] ради[7] дерзнух.

И аще великий наш монарх благоволит по господню повелению презвитеров от земледельныя роботы освободить, то надлежит указом его и. в. определити, чтобы как помещики, так и крестьяня их и дворцовых волостей и архиерейские и монастырские, все от приплоду своего хлебнаго, которой ему надлежит на пищу (л. 26 об.) себе употребити, и

[1] Ко украшению царъскому — Стр.
[2] Опущ.: а иереем... земли давати — Стр.
[3] Взыщет — Стр.
[4] Опущ.: ничего — Стр., Козл.
[5] На — Стр., Козл.
[6] Чесо — Стр., Козл.
[7] Доб.: тако — Стр., Козл.

от того хлеба отделяли бы десятую часть и отдавали презвитерам с причетники во время молочения з гумна своего. И во вся дни живота своего тако бы творили неизменно, дабы благословил их бог и всего бы у них усугубил. И аще сие дело сперва повидится и тяжеловато, а егда обыкнут, и божие благословение на них почнет[1] и нивы у них будут гобзовиты, то всю[2] тягость забудут.

А что того десятиннаго хлеба отделено презвитерам с причетники и что того хлеба за росходом останетца, и тот хлеб употреблять нищим и странным на пропитание.

А ради нищих больных яко в городах, тако в селех и на погосте[3] построить больницы и богадельни, (л. 27) по приходу смотря, и питать их тем осталым хлебом или как о том изволение царское состоится.

А которыми землями владели и пахали попы с причетники, и те земли, мнитца мне, еже бы их отдати в наймы и теми деньгами строить церьковное строение и нищим больницы.

А кой хлеб надлежит продать помещику или крестьянину, из того хлеба отделяли бы такожде десятую часть великому государю на пошлину. Такожде и от скота, которой определен будет продать, то из тоя цены такожде отделить десятая часть в пошлину. А кою скотину употребит кто себе на пищу, то и с тое скотины отделить десятая ж доля в церьковь на пищу служителем церьковным и в богадельни. Такожде (л. 27 об.) и в меду и в масле и в рыбе и в яйцах и во всяких прибытках, от всего, неизменно про себя употребляемом, отделять к церькви десятая доля, а от продажного отделять великому государю в пошлину десятая ж часть.

И тако творя, уподобимся мы древним благочестивым законникам, ибо будем яко богу, тако и царю, от всякого приплоду давать десятину и тем подаянием презвитеры и с причетники[4] без земледельства довольни всякою пищею будут. А от подаяния молебеннаго и иных потреб будут презвитеры с причетники своими домы своя и одежды строить.

---

[1] Почиет — Стр., Козл.
[2] Доб.: ту — Стр., Козл.
[3] И на погостех — Стр., Козл.
[4] Доб.: своими — Козл.

И аще тако устроитца, то могут презвитеры и повседневно утренние и литургии служить и на всякую потребу всегда будут готовы. (Л. 28) И тако творя, презвитери будут всесовершенные слуги божии и за царя и за вся люди богомольцы.

А ныне вси сельстии попы, аще у коея церкви попа и два-три, то мало церковныя службы у них бывает.

В Новгородском уезде, в Устрицком погосте, случилось мне быть, и у тоя церьквы три попа да дьякон, а на святую пасху только по два дни литургия была. А тутошные жители сказывали, что больши де одной обедни на святой неделе прежде сего не бывало, то де тебя поопаслись, что две обедни были. И жил я ту неделю, ничим же отменну от простых недель, ни обеден, ни вечерен, ни утренних не было.

А у коих церьквей по одному попу, то, чаю, и во весь год обеден десятка другова не отъслужит, (л. 28 об.) понеже аще пашня ему не пахать, то голодну быть.

И ради земледельства поповскаго стоят божия церьквы яко пустые храмины без словословия[1] божия, а православные христианы за их земледельством умирают ничим же отменно от скота.

И сельские презвитери ничим не отменны от простых мужиков, мужик за соху, и поп за соху, мужик за косу и поп за косу. И в празднуемый день, где было итти в церьковь на словословие[2] божие, а поп с мужиками пойдет овина сушить, и где было обедня служить, а поп с причетники хлеб молотить. И в таковых суетах живуще, не токмо стадо христово пасти, но и себя не упасти.

А аще по вышеназначенному[3] о них[4] устроит бог, то во святых церьквах (л. 29) всегда служба будет и пещися будут о пастве словесных овец, а уже не о пашне. А отъслужа церьковную службу, книги бы читали и по домам детей своих духовных ходили и смотрили, как они живут, исправно ли в его приказании и не погрешил ли в чем. И тако на всякой месяц всякого своего сына посещал бы и подкрепля их, чтоб памятовали то, чему его на исповеди учил и что

---

[1] Славословия — Козл.
[2] Славословие — Козл.
[3] По вышеозначенному — Стр.
[4] От них — Козл.

ему приказал, незабытно бы исправлял. И в тех посещениях отнюд бы ничему не касался и вина бы не пили, потому что он ради надзирания духовныя паствы ходит, а не ради потребы, и чтобы те презвитеры уподобились святым апостолом, туне бы их посещали и на спасение наставляли.

А кому даст бог смысл в книжном писании, то между дел книги бы певчие писали, охочим людям продавали. (Л 29 об.) А егда с потребою куда позовут, то, всякое свое дело бросив, шол бы с поспешением, дабы исправить та нужда, понюже требуют его. И тако творя, вси бы и сельские попы были пастырьми совершенными и в крестьянском житии свет бы возсиял.

А нынешная паства вельми[1] неисправна и сего вельми опасна есть, чтобы бог не взыскал на главных пастырех, понеже кии презвитери и во градех живут, и тии не весьма знают, в чем грех или в чем спасение. И того ради прихожан своих к покаянию не принуждают и, как кому жить спасительно[2], не наставляют и от того многия людии в неведении своем погибают.

Я, истинно, таковых стариков много и при Москве видел, что лет (л. 30) по штидесят и больши жития своего имеют, а у отцов духовных на исповеди не бывали, не ради раскольничества, но ради непонуждения презвитерскаго. Тако у них обычай был, что, не состаревся, деревенские мужики на исповедь не хаживали, и тако инии, не дожив до старости, и умирали. А сие чинилось ни от чего иного, токмо от нерадения презвитерскаго, и о таковом нашем неисправном житии и помыслить ужасно. А вся сия царским изволением и синодским радением исправится могут.

А не радить о таком великом и страшном деле вельми яко царю, тако и архиереем опасно есть, ибо чрез уста святаго пророка Иезекииля (Иезекииля, глава 17, стих)[3] тако дух святы возгреме, еже хощет бог всех погибших (л. 30 об.) душ человеческих[4] взыскати от руки господствующих ими.

И сего ради ужасно такова грома, от бога изошедшаго, и

[1] Вельми и вельми — Козл.
[2] Душеспасительно — Стр., Козл.
[3] Написано на полях; указание стиха отсутствует в Акад., Стр., Козл.; глава указана неправильно, должно быть: Иезекииля, глава 33, стих 3.
[4] Человечих — Стр.

яко духовным властям, тако и мирским надлежит великое попечение приложити[1], дабы та неисправность исправити, и от того бы избыти, еже бы не взыскал бог погибающих душ на правителях господствующих ими.

И мое мнение тако мысли моея касается, яко вся наша погибель и спасение залежит во презвитерех. Аще они будут несмыслени, то и люди паствы его несмыслени будут, а аще презвитери будут благоразумны и святи, то и люди паствы его вси будут вразумительны[2] и к святости блиски. Их бо наставлением всякаго благоразумия могут наполнитися и в христианстве прямо и твердо стояти и души (л. 31) свои от вечныя погибели соблюдати, и за твердым их наставлением вси благодатиею божиею приближатся к царству небесному.

И егда презвитери во учении своем исправятся и всякаго благонравия навыкнут, и тогда и одежда им прежняя своя гнюсная[3] и многошвенная годствует изменити. И не токмо градские, но и сельские попы и дьяконы не токмо гнюсные[4] и раздранные носили, но и серьмяжных бы серых и белых сукон некрашеных отнюд бы не носили, но носили бы рясы широкорукавые[5] и длинные. Буде кому сукна немецкаго купить не в мочь, то делали бы из яренку, а буде и того не в мочь, то бы и серьмяжные сукна белые[6] красили в вишневую или в лазоривую краску.

А в непотребном одеянии презвитерам (л. 31 об.) и диаконам отнюд ходить не подобает, понеже они слуги суть божии и предстоят у престола божия, жертвы приносяще за царя и за вся христианы.

И за их близость к богу сам господь бог еще и в ветхозаконной церькви не токмо священникам, но и служителем церьковным повелел в чистых одеждах служити.

Кольми же паче подобает в новой благодати священному чину чистоту во всем имети яко в теле, тако и в души, подобне и во одежде и во всяком своем и житейском исправ-

[1] Вместо приложити: имети — Стр.
[2] Разумительны — Стр., Козл.
[3] Гнусная — Стр.
[4] Гнусные — Стр.
[5] Широкорукавные — Стр., Козл.
[6] Опущ.: белые — Стр.

лении, чтобы они яко житием своим, тако и одеждою быти от простолюдинов отменным не одною верхнею одеждою, но и нижнею и всем своим убором: шапка бы была з бобром или с лисицею круглая, сапоги бы (л. 32) были ниские, переды круглые, а лаптей бы отнюд ни в каковых местех не носили. И з запрещением отсещи сие, еже бы отнюд к престолу божию в лаптях не приступали, сии бо[1] не токмо чин свой, но и божией чести уятие творят. Ради бо чести божия повелено презвитерам у престола божия служить в украшенных ризах и по тому уставу оной[2] презвитер во время служения своего возложит на ся одежду златотканную, а на ногах лапти растоптанные и во всяком кале обваленные, а и кафтан нижней весь гнусен. И[3] такое презвитерское убрание зря, кто не удивится, что злато мешают з блатом. И царево дело подлежит[4] вести честно, а божие и наипаче.

И презвитеру подобает быть всегда трезву и слово ко всякому человеку (л. 32 об.) иметь умилительное, взор кроткой, ступание ног тихое. И к людем, кии им словеса не полезны, отнюд бы тыих не говорили, но что на пользу, то б токмо и говорили. И тако творя, подобни будут апостолом христовым, и за такое их житие вси люди будут их почитать и, что уложено будет им на пропитание давать, то с радостию будут им давать.

И о сем како его и. в. соизволит, тако ли, яко я мнение свое изъявих[5], или кто ин иначе примыслить, тако и да будет. Аминь.

---

[1] Сим бы — Стр.: с ним бо — Козл.
[2] Иной — Стр., Козл.
[3] И на — Стр., Козл.
[4] Надлежит — Стр., Козл.
[5] Изъявил — Стр.

ГЛАВА 2

О ВОИНСКИХ ДЕЛЕХ

(Л. 33) В военном деле аще люд будут[1] в военном артикуле[2] не весьма навыклый и в ружье силы неразумеющии, к тому же аще и стрелять цельно неумеющии, то весьма таковые люди в военном деле будут не споры и неприятелю не страшны. А аще же к тому и пищею будут не изобильны, то и наипаче плоха будет у таковых служба. Есть слух, что иным солдатам и по десяти алтын на месяц денежнаго жалованья не приходит и о таковой их скудости, чаю, что никто великому государю не донесет, но, чаю, доносят, бутьто вси сыти и всем довольны. Годов тому с шесть или с семь назад на Вышнем Волочке новобранному солдату (л. 33 об.) за вычетом досталось на месяц[3] две гривны и он, приняв деньги, вынял нож, да брюхо у себя и перерезал. И сие яве есть, еже не от радости так он учинил, что и живот свой ему не смилился. И о такой причине командиры их, чаю, что никогда его ц. в-ву прямо о том не донесут, что он от великия своея скудости в жалованье так над собою учинил.

И от такова порядка и от бескормицы служба вельми не спора, потому что, голодной идучи, за соломину[4] зацепляется, а не то что ему неприятеля гнать и чрез колоды и чрез ручьи скакать. Голодной человек подобен осиновому листу и от малаго ветра шатаетца, у голоднаго и работа худа, а не то что служба. Истинно, слыхал я от солдат и такую речь, что (л. 34) ради смерти своей. И от таковых какая спорынья в службе, что не желает неприятеля убить, но желает сам убиен быть, дабы ему вместо здешния нужды тамо каковое либо упокоение за приятие смерти своея прияти.

А аще же и всем довольны и военному делу научены будут добре, а дана им будет воля и потачка яко рядовым, тако и афицерам их, то паки дело военное неспоро у них будет, ибо аще что и во армии не по нраву им будет, то па-

---

[1] Будет — Козл.
[2] Военного артикула — Стр., Козл.
[3] Опущ.: досталось на месяц — Стр.
[4] За солому — Стр.

кости от них опасно: самовольство никогда добра не делает, кроме пакости.

И при квартерах солдаты и драгуны так несмирно стоят и обиды штрашныя[1] чинят, что и исчислити их не можно, а где афицеры их стоят, то и того горши (л. 34 об.) чинят, дрова жгут нагло, а буде дров не достанет, то и надобной лес рубят. А буде кто станет говорить, что де вам по указу великаго государя велено вам[2] дрова свои жечь, то жестокое будут чинить, и того ради многие и домам своим не ради.

А во обидах их суда на них сыскать негде, военной суд аще и жесток учинен, да жестоко и доступить его, понеже далек он от простых людей. Не токмо простолюдину доступить по нему, но и военной человек не на равного себе не скоро суд сыщет.

В прошлом 721 году прислан был в Новъгород Преображенского полку капитан Иван Моисеев сын Невельской для розыску во взятых луданах, которые присланы были из Москвы в Новъгород на продажу. И к тому камочному делу (л. 35) приличился новгородец, посадской человек Петр Терентьев, токмо в одном свидетельстве, а я и ни к чему не приличен, а тот Невельской, взяв ево, Петра, на постоялой свой двор, и держал под караулом больши дву недель. И аще и до него, Петра, дела нет, а он прислал писаря своего с салдаты и животы ево петровы запечатали, а меня из задние горницы выбили. И жена моя стала говорить: «Покажи де указ, почему нас из хором вон выбиваешь и животы наши печатаешь». И ее солдаты сильно выволокли из горницы и стали и[3] из двора вон выбивать и мы поупрямились, не пошли вон. И он, Невельской, прислал с такими грозами: «Буде[4] вы из двора вон не выдите, то де приеду сам и совсем де вымечу на улицу, а жену де твою за косы (л. 35 об.) выволоку вон». И жена моя, убоявся увечья и такова великаго бесчестья, по чужим дворам больши дву недель скиталась, а я на том петрове дворе по приказу воеводы князя Юрья Яковливича Хилкова жил.

---

[1] Страшныя — Стр., Козл.
[2] Опущ.: вам — Стр., Козл.
[3] Опущ.: и — Стр.
[4] Буде де вы — Стр., Козл.

И того капитана Невельского называют добрым и разумным человеком, а такия обиды чинил. И Петр побывал у него з гостинцом, то он ево животы отъпечатал, а моих не распечатал, знатное дело, что и с меня хотелось ему нечто сорвать, и едва упросил ево воевода князь Юрей Яковлич, что приказал роспечатать и караул свесть.

И того же 721 года полковник Дмитрей Ларионов сын Порецкой, будучи в Новегороде в концелярии (л. 36) провинциальнаго суда, бранил меня всякою скверною бранью и называл вором и похвалялся посадить меня на шпагу, а за что посадить хотел, вины своея ни малыя не знаю. И то ругание мне от него было и шпагою похвальныя слова при судейском столе, а судей в то время уже не было, только был тут натариус Роман Семиков. И то мне ругание и похвальные его слова он, натариус, и приказные подьячие и дворяне многия слышали. А я наутро принес судьям челобитную, чтоб в брани и в похвальных словах ево, полковника, допросить, и он, Порецкой, в допрос не пошел: «Я де судим в военной коллегии, а у вас де в Новегороде отвечать не буду».

И я, аще и не весьма последней человек, а суда не сыскал. Как же (л. 36 об.) сыщет суд, кто мизирнее меня? Только что о обидах своих жалуйся на служивой чин богу.

А аще учинен будет суд равный, каков простолюдину, таков без поноровки и афицеру, то и нехотя все пры́ткость свою отложат и будут ко всякову чину склонны и не токмо на квартерах, но и на пути, по прежнему никого обидить не будут.

И аще служивые вси яко рядовые солдаты и драгуны его и. в. указу ослушны не будут и обижать престанут и начнут со всеми чины в любви быть, такожде, аще и афицеры их в такое[1] ж послушание внидут и со всеми чинми в любви будут, и к тому аще у всех полков пехотных военной артикул гораздо будет тверд, еже ни от какова (л. 37) замешания неприятельскаго им не смешатися, то на бою будут яко каменная стена.

А буде же в ружье будут[2] силу знать и у фузей огнивы

---

[1] В таковое — Стр., Козл.
[2] Будет — Стр.

будут иметь огнистые и кремни приправные, чтоб осечки никогда не было, и фузеи каковы чисты свону, паче же того внутри, и к струне нутрь приправленной, то таковое ружье вельми будет надежно и к стрелянию цельно и в ратоборстве споро. А к тому, аще и стрелять будут не по прежнему на ветер, но в самое дело, чтоб ни пуля, ни порох даром не пропадал[1], и аще толь твердо научатся с руки[2] стрелять, чтоб никакого бегуна, скачущаго на коне не упустили, то таковые солдаты на бою неприятелю будут вельми страшны, не токмо на сухопутном бою, но и на водяном будут страшны.

(Л. 37 об.) И ради морскаго бою вельми учить молодых солдат, чтоб они навыкли с руки в цель бить без погрешения, чтоб, и на малых шлюпках едучи, могли и во время волнения в цель без погрешения убивать. И аще тако затвердят, то самая честная морская битва будет и чаю, что и на весь свет славна[3] и ужасна была.

К тому ж, аще и рукобитное ружье будут иметь самое острое, то и в таковом ружье спорынья будет немалая, понеже острое[4] ружье, хотя чуть коснетца кишкам и прочиим внутренным, то той человек жив быти уже не может и никто излечить ево не может. А тупым ружьем, аще и сквозь утробу человечью проколет, то та рана залечить можно, потому что оной[5] кишок не повредил[6], а самое острое ружье — смертная язва.

(Л. 38) И таковым солдатам, мнитца мне, не худо бы перед рядовыми солдаты и жалования прибавить. Рядовому солдату в год жалованья 16 рублев, а тем, которые будут из фузеи с руки в 20 саженях по шапке[7] бить без погрешения, то таковым, видится, мочно дать и по 20 рублев на год, дабы, на то смотря, и иные острились на такое[8] умение. А буде же в таковой же мере будут по подвижной цели убивать без погрешения же, и таковым, видитца, мочно и по 25 рублев на год дать, понеже таковы солдат заслужит за два или и за три человека неумеющих.

И на сухопутном бою на сходе с неприятелем, аще таковых солдат тысяца человек выстрелят, то на худой конец повалили бы неприятельских людей сот пять-шесть, (л. 38 об.) то каков бы ни был неприятель жесток, умякнул бы, и, нехотя, рожу свою отворотил бы назад. Я чаю, что другова запалу не стали бы дожидатися, стали[1] смекать, как бы на побег пойтить.

Есть слово похвальное про фины, что де так крепко на бою стоят, что убьют де человека, а другой на то место и станет. И то не дивно, буде убьют у ста человек человека одного или двух, то плохо заступать, а буде же у ста человек, да убьют пятьдесят или шестьдесят человек, то я не знаю, как бы и те славные фины могли заступить. А буде же на побег не пойдут, но станут на месте том укреплятися и дождутца другово запалу, то и бежать будет некому, но вси тут уснут.

Я сего не могу знать, что то за повычай древней солдатской, что (л. 39) только одно ладят, чтобы всем вдруг выстрелить бутто из одной пищали. И такая стрельба угодна при потехе или при банкете веселостном, а при банкете кровавом тот артикул не годитца, там не игрушки надобно делать, но самое дело, чтоб даром пороху не жечь[2] и свинцу бы на ветер не метать[3], но весь тот припас шол бы в дело, почто сошлися. Я много слыхал от иноземцов военной похвалы такой: «Так де жестоко билися, что во огне де стояли часов с шесть, и никто де никово с места збить не мог»[4]. И сия похвала немецкая у них бы она и была, а нам дай боже ту похвалу нажить: «С русскими де людми битца нельзя, естьли де одиножды выпалят, то де большую половину поварят». И такая битва не в шесть часов, но в одну минуту. И естьли бог изволит (л. 39 об.) тако нашим руским солдатом научитися, что ни один бы пули даром не терял, и та-

---

[1] Не пропал — Стр.
[2] Опущ.: с руки — Стр.
[3] Славна б — Стр., Козл.
[4] Опущ.: то и в таковом... понеже острое — Стр.
[5] Оно — Стр.
[6] Не повредит — Стр., Козл.
[7] По шапкам — Козл.
[8] Доб.: же — Стр., Козл.

[1] Доб.: бы — Стр., Козл.
[2] Ни зжечь — Стр.
[3] Не кидать — Стр.
[4] Не могли — Стр., Козл.

ковых[1] солдат естьли тысячь десяток набрать, то я знаю[2], что и з дватцатью тысячами не пошел бы никто на битву с ними, от русских солдат, бутто от лютаго зверя, всякой бы неприятель бежал без оглядки.

Под Азовом на Швартов полк набежали татары, и солдаты по приказу своего полковника по немецки все однем разом выпалили и всем полком не убили и десяти человек. И те татарове увидели, что почали ружье[3] заправлять, скочили[4] вдруг, ружья им заправить не дали и всех, что овец, погнали в свою землю и с полковником.

А естьли бы не на ветер стреляли, да половина бы выстрелила, (л. 40) а другая б в запасе была, то бы не погнали, что овец. А аще бы все умели цельно стрелять, то и на худой конец ста два-три убили бы, то и татарове не смели бы толь смело на целой полк навалится, а естьли бы сот пять-шесть у них убили, то бы они к чорту забежали, что и сыскать бы их негде было. Татарове смелы как большого урону нет, а егда человек сотницу другую потеряют, то и они щоку свою отворачивают, любят они даром взять.

Был я еще в молодых летех на Пензе и тамошние жители, служивые люди, усмотрили во мне, что я гораздо цельно стреляю, то истинно не лгу, что говорили мне: «Останься де ты здесь в лето, то де мы татар не будем боятися». И я стал говорить, еже одному мне нечево с ними[5] делать, и они (л. 40 об.) мне сказали: «Видем де мы, что ты скор стрелять и пулей[6] даром не теряешь, а татары де напорчиво напирают, что мы не умеем никого из них убить, а тебя де видим, что ты и птицу[7] убиваешь; а от них де выезжают нартики и сажен в десятке разъезжают, а мы де, уставя пищали, да стоим[8] пред ними, а ты де хотя одного б из них убил, то бы они уже не стали так наезжать, а естьли де человек двух-трех убил, то бы де и все изчезли».

[1] Доб.: бы — Стр.
[2] То я чаю — Козл.
[3] Ружьи — Стр.
[4] Вскочили — Стр.
[5] Опущ.: с ними — Стр.
[6] Пули — Стр.
[7] По яйцу — Козл.
[8] Да достоим — Стр.

И по такому примеру, аще бы бог изволил таковых бойцов тысячь десяток другой набрать, то ведаю я, что стали бы все неприятели трусить, а естьли же к таковым бойцам да сострoить рогатки огнестрельныя з затинными пищальми, то из таковых пищалей въстретили б (л. 41) неприятеля сажен во сте и пока к сражению сходятся, а у них бы начальных людей, кои перед полком выступают, поубавил бы. А егда саженях в 30 будут, то бы встретил их рогаточною стрельбою, а кои от рогаточныя стрельбы останутся, то тех бы те[1] солдаты из своих фузей подхватили. И от тоя стрельбы кои остальцы будут, то бы их ручным боем прикололи, а буде устемятца на побег, то конные, такие же[2] огнестрельные драгуны, проводили бы их до упокоения вечнаго.

И к таковой огнестрельной пехоты[3] да устроить конных бойцов, хотя одну тысячу человек таковых, чтоб, на коне скачучи или и рысью бегучи, стрелять могли по цели въпред себя и на обе стороны и назад себя, то таковая и одна тысяча заменит у дела паче десяти (л. 41 об.) тысячь. А дело бы у них споряе и дватцати тысячь было, потому что противу таковых бойцов, я невем, кто бы мог устояти и чтобы по прежнему во огне целой день стояти, но и[4] в четверть часа скучат. Я то могу разуметь, что и дву запалов не вытерпят, но все остальцы будут смякать[5], как бы голова своя унести.

И аще бы бог помог таковых воинов набрать тысяч пятьшесть, то не почто бы пятьдесят тысячь войска коннаго держать и кормить напрасно. И аще как пехота, так и конница, не будет[6] пулей даром терять, то от таковых бойцов неприятелю трудно будет и на убег бежать, а и догонять[7] таковых бойцов неприятель не посмеет. И таковым воинам подобает и ружье самое доброе и цельное иметь (л. 42) и имел бы конной воин ружья при себе, фузею, да пару пистолетов длинных, да коротышков карманных пару ж, да копей-

[1] Отпущ.: те — Стр.
[2] Там же — Стр.
[3] Пехоте — Стр., Козл.
[4] Опущ.: и — Стр.
[5] Смекать — Стр.
[6] Не будут — Стр., Козл
[7] Нагонять — Козл.

цо при седле самое острое иметь под ногою, ратовище аршина в три или в полчетверта. И таковым воинам подобает носить одежда красная, понеже они огнистые люди, яко огнь малой многие древеса пожигает, тако и сии; а аще на пространном и свободном месте, то и малыми людми, а ще бог помощь свою им послет[1], могут многих поразити.

И таковые бойцы при свободных местех десятию тысящами заслужили бы за пятьдесят тысящь. И аще[2] не таковы будут уметельны стрелять, еже бы ни единые пули даром не потерять, обаче надобно служивой люд беречи, чтобы им нужда ни хлебная, ни одеждная не касалася. Зело бо о них[3] слышно, еже иным (л. 42 об.) на месяц и по десяти алтын не приходит, то чем ему прониматися, где ему взять шуба и иные потребности, и харчу на что ему купить? И в таковой скудности будучи, как ему не своровать и как ему из службы не бежать? Нужда пригонит к побегу, а иной и изменить будет готов.

О салдатех и о драгунех надлежит великое попечение имети и пильно того смотрити и при квартирах, чтобы они ни пищею, ни одеждою не скудны были, а при армии и наипаче подобает их довольствовати, чтоб они радующеся служили. И егде всем будут довольни, то и служба их будет исправнее яко в главных полкех, тако и в последних и в новобранных. Аще будут вси пищею и одеждою довольны, то вси, радуюся, будут служити.

(Л. 43) А и сие, мнится мне, не весьма прямо учинено, аще и с немецкого переводу взято, еже мундир солдату или драгуны[4] дать, а последи за весь тот мундир из жалованья месячнаго и вычесть. И от таковых вычетов как солдатам нужде не быть? Жалованья ему на месяц учинено только тритцать алтын, а за вычетом дасца ему только десять алтын или меньше. И ис таково малого жалованья чем ему шуба и шапка и рукавицы и чулки или онучи купить? И мне мнитца, и вычеты оставить[5] и по гривне денег на месяц надлежит им и прибавить, чтобы им было чем исправить свои нужды. Мне мнитца, аще вычеты оставлены будут, то гораздо радостнее и радетельнее будут служить.

[1] П о ш л е т — Стр.
[2] Доб.: и — Стр., Козл.
[3] О т н и х — Козл.
[4] Д р а г у н у — Стр., Козл.
[5] О т с т а в и т ь — Козл.

Я истинно видел, в Санкт-Петербурге (л. 43 об.) солдат купил мяса на грош на последней недели рожественскаго мясоеда и говорит: «Хотя бы де для заговенья оскоромится». И сие не самая ли нужда, что весь мясоед ел сухой хлеб? И буде и в службе будучи, при армии такую ж нужду принимают, то трудна их служба. Я мню, аще бы пищею и одеждою довольни были, то чаю, что и служба у них вдвое спорне была. А егда голоден и холоден и ходит скорчася, то он какой воин, что служа воет?

А буде кой солдат или драгун и от довольной сытости да станет плутать и из службы збежит, то, поимав ево, распросить, отъчего он побежал. И буде не хотя служить, то учинить ему смертная казнь или вместо смертныя казни наложить ему на лоб хер или иной (л. 44) какой знак, чтобы он всякому знатен был, что он беглец, то уже тот впредь не побежит[1], потому что за таким знаком никто его на двор не пустит и ни к какой работе нигде ево не примут, и где кто ево не увидит, аще не при полку, то поимать ево может и, съвязав, отослать к суду, а суд ему уже смертен.

А буде же пойманной солдат скажет, что бежал он от обиды афицера своего, то надлежит розыскать. И буде обида будет явна, то надлежит дать кара[2] афицеру, а солдата от хера свободить.

Многия бы[3] солдаты и драгуны на афицеров своих жалуютца, что великия им обиды чинят, а управы на них не сыщут.

И ради общежительства любовнаго, аще великий наш монарх (л. 44 об.) повелит суд устроити един, каков земледельцу, таков и купецкому человеку, убогому и богатому, таков и солдату, таков и афицеру, ничим[4] отменен, и[5] полковнику и генералу, и чтоб и суд учинить близостной, чтобы всякому и нискочинному человеку легко было ево до-

[1] Н е у б е ж и т — Стр., Козл.
[2] К а р у — Стр.
[3] Б о — Стр., Козл.
[4] Доб.: ж е — Стр., Козл
[5] Опущ.: и — Стр.

ступить, како на простолюдина[1], тако и на служиваго, то по таковому уставу не то что афицерам солдат изобижать, но и земледельцев не будут обидить. Аще увидят прямой правой суд, то вси прежную свою гордость и озорничество и обиды все отложат и будут со всеми чинами любовно обходитися и на квартерах стоять будут смирно, и чего им не указано, не станут того делать и указы его и. в. (л. 45) не станут ничтожить, ибо те же люди, да вси изменятся. И зато всякому чину будут милы и в квартерном стоянии вси будут им ради яко[2] свойственникам.

Сей же суд, мне мнится, не весьма прав, еже простолюдину[3] о обиде своей на солдата у солдата ж милости просить, а на афицера у афицера ж. Старая пословица есть, еже ворон ворону глаза не выкълюнет. Сие бо есть явное дело, что салдат на салдата никогда не посягнет, а офицеры и давно не променяют своего брата и на салдата, а не то что на простолюдина[4]. Всегда бо свой своему поневоле друг, а нельзя им друг другу и не наровить, потому ныне тот виннен, а на иной день будет и он винен[5], и того ради не можно им правого суда на своего брата изнести.

(Л. 45 об.) А аще суд будет по нынешнему и разной, служивым особливой, а прочиим чинам особливые ж, да будут единой главной канторе подсудны и во всем послушны, то может правда уставитися. Абаче ради нелицеприятного суда надлежит судьям быть особливым, кроме солдат и афицеров, чтоб уже был суд всем людям без понаровки, и судьям страшно жестокой указ предложить, дабы никаковому лицу ни понаровки, ни посяжки не чинили, а неправедно ни самого земледельца безвинно осудить или и челобитной у него не принять не смели.

Прежней суд у салдат таков был: буде солдаты кого убьют или ограбят, то они ж будут и правы, а кого били иль грабили, то того ж и виноватым делали. И хотя кто салдата и поимает, (л. 46) то и сам не рад будет, ибо аще и с полишным приведет к ним, то поимщик же бит будет. Мой человек поимался за лошадь мою, то лошадь у него отняли да его ж капитан Маврин высек батоги: «Для чего[1] ты обоз останавливаеш, ты б де за лошадью шол в Санкт-Петербург, там бы де и суд на него дали». И тот суд далек стал быть и труден, лошадь дана 4 рубли, а послать туды бит[2] челом, то больши того еще приложи[3]. И та лошадь была у подвотчика[4], а не у салдата, только под обиходом афицерским, а и тут суда не сыскал.

[1] На простолюдима — Стр.
[2] Доб.: своим — Козл.
[3] Простолюдиму — Стр.
[4] На простолюдима — Стр.
[5] Виден — Стр.

А и сие изложение, мню я, что не весьма здраво положено, еже и служивому на служиваго бит челом служивым же афицерам. И буде на равнаго себе бьет челом, то всячески дадут суд, а буде на афицера, то и мыслить нечего, что суда не сыщет, как ни есть, а изволочат. Буде кто не вельми (л. 46 об.) докушлив, то ево манами проволочат, а будет кто докушливо станет бит челом, того посылками удручат, что не рад будет и челобитью своему.

И то стало быть худой суд, и того ради надлежит всячески потщатися о правом суде, дабы никто к богу не воздыхал и на суд поречения бы никакова не наносил и чтоб богу никто не жаловался, но всякому б человеку суд был правой и всякой вине решение б чинить на земле, а до небесного судьи не допустить бы.

И аще суд у нас в Руси устроитца праведной и приступ к нему будет близостной и нетрудной, то никто никого суду божию предавать не будет, но кийждо по вине своей и суд и награждение приимет на земли.

[1] Доб.: де — Козл.; — ди — Стр.
[2] Так в подлиннике.
[3] Приложить — Козл., Стр.
[4] У подводчика — Стр.

ГЛАВА 3

О ПРАВОСУДИИ

(Л. 47) Бог правда, правду он и любит. И аще кто возхощет богу угодити, то подобает ему во всяком деле правда творити. Наипаче[1] всех чинов надлежит судьям правда хранити не токмо в одних делах, но и в словах лживо ничего не говорити, но что прилично к правде, то и говорить, а лживых слов судья никогда б не говорил.

Понеже судья судит имянем царским, а суд имянуется божий, того ради всячески судье подобает ни о чом тако не старатися, яко о правде, дабы ни бога, ни царя не прогневити.

Буде судья суд поведет неправой, то от царя приимет времянную казнь[2], а от бога вечную[3] не токмо на теле, но, и на души казнь вечную понесет.

(Л. 47 об.) А буде же судья поведет суд самой правдивой и нелицеприятный по самой истинне яко на богатаго и славнаго, тако и на самаго убогаго и безславного, то от царя будет ему честь и слава, а от бога милость и царство небесное.

Судья бо аще будет делать неправду, то ни пост, ни молитва его не поможет ему, понеже уподобится лживому диаволу.

А буде же будет делать прямую правду, то подобен будет богу, понеже бог самая правда. И аще судья не погрешит в суде, то паче поста и молитвы поможет ему правосудие его, писано бо есть, яко правда избавляет от смерти.

Судье ни о чем не подобает у бога просити, токмо о том, дабы бог ему открыл, како между людми (л. 48) божиими суд правдив судити, дабы от незнания[4] своего правого не обвинити, а винного не оправити[5].

---

[1] Доб.: бо — Стр., Козл.
[2] Смерть — Стр.
[3] Зачерк.: вечную — Стр.
[4] Недознания — Стр., Козл.
[5] А виновного не оправити — Стр.; а виноватого не оправдати — Козл.

Мой ум не постизает сего, како бы прямое правосудие устроити, но, елико ми бог дарует, готов, написав, предложити. Токмо не без страха есть[1] о сем, еже аз весьма мизирен и учению школьному неискусен, и како по надлежащему достоит писати, ни следа несть во мне, ибо самый простец есм, но токмо возложився на его божию волю, дерзнух мнения свое изъявити простотным письмом.

Первое же мнение свое предлагаю о судействе сицевое: егда кто его и. в. определен будет ко управлению судному, то подобает ему умолить презвитера, дабы господу богу всенощное бдение отправил и литургию (л. 48 об.) и молебное пение богу отцу нашему небесному б возъпел. И в том молении просил бы о откровении в делах у господа бога со слезами, еже бы бог подал ему познавати[2] правость и винность во всяком деле. И во всем том правлении надлежит всего себя вручить богу и ежели бы[3] он не допустил до какова либо искушения и чтоб от неправости какой не впасти бы в каковые напасти.

А не худо бы и на всякой день, востав от ложа своего, тот новосочиненной богу отцу нашему небесному канон прочитовати с богомыслием, дабы дела его судные строились по воли его божией и не допустил бы бог до какова либо искушения и избавил бы от всякаго лукаваго дела.

И положить себе надлежит устав недвижимый такой, еже, вшед в канцелярию и седши на место, перьвее (л. 49) велел бы колодников, что их есть, поставить перед себя налицо и спросил бы всех порознь, кто в чем сидит, и у коего подьячего дело его, то справитца з делом. И буде дело до кого невеликое, то того ж часа и решить ево, а буде коего дела решить того часа невозможно, то велел бы того свободить на поруки или на росписку или[4] за пристава и положил бы срок, когда коему явитца. А что ежедневно являтца, то самое безделье и излишня волокита, стал бы он на положенной срок. А в приказе бы кроме розыскных дел, отнюд бы никого не было. И до коего сроку кто будет свобожон, то

---

[1] Есм — Стр., Козл.
[2] Признавати — Козл.
[3] И еже бы — Стр., Козл.
[4] Доб.: и — Стр., Козл.

судья бы написал в памятную свою книжку, чтобы того числа решить ево, и тот срок судье вельми надлежит памятовати, чтобы на себя пороку не навести[1].

(Л. 49 об.) И тако на всякой день судье годствует колодников пересматривать, чтобы не был кто напрасно посажон. Изъдревле много того было, что иного подъячей посадит без судейскаго ведома, а иного и пристав посадит, и без вины просидит много время. И аще кой судья сего смотрить не будет, то взыщется на нем вина в главной канторе, коя на управу неправым судьям учинена будет.

А древняго у судей обыкновения такова не было, еже бы колодников самому судье пересматривати и дела их без докуки разсматривати, только одни подьячие перекликают и то того ради, что все ли целы, а не ради решения, и того ради много и безвинно сидят и помирают голодом.

В прошлом 707 году при моем виденье привел в Преображенское (л. 50) слуга боярской деловаго человека за то, что он сказал за собою слово государево. И князь Федор Юрьевич спросил у него о слове и он сказал: «Я де желая великому государю служить в салдатех, а помещик де зато велел меня сковать, я де того ради и сказал за собою слово государево». И князь Федор Юрьевич и отослал ево в салдатство, а каторой человек ево привел, посажон был в острог и сидел тот приводец недель с пятнадцать с великова поста до петрова дни, и то пришол их стряпчей, да вынул на росписку. А по правому разсуждению не довелось было и единаго дня ево[2] держать, а и росписка было брать не для чего. Все сие затейки приказных людей, а людям божиим таким задержанием и напрасными росписками чинят великой убыток, (л. 50 об.) до кого дела нет, не по что того роспискую вязать.

Тако и по всем приказам чинят. В прошлом 719 году сыщик Истленьев в Устрике у таможенного целовальника взял с работы дву человек плотников за то, что у них пошпор-

[1] В сп. Козл. на полях другим почерком написано: смотреть же и того, дабы [?] по банковой, так и по соляной все купцы в переводе и в прияти денег удовольствованы были, дабы циркуляция в обоих местах могла быть.

[2] Опущ.: ево — Козл.

тов не было, и отослал их в Новъгород. И в Новегороде судья Иван Мякинин кинул их в тюрьму и один товарищь, год пересидя, умер, а другой, два года сидел, да едва-едва на росписку свободил. И тако[1] многое множество без разсмотрения судейскаго людей божиих погибает.

На что добрее[2] и разумнее господина князь Дмитрея Михайловича Голицына, а в прошлом 719 году подал я ему челобитную, чтоб мне завод построить винокурной и водку взять на подряд, и, не ведомо чево ради, велел меня (л. 51) за караул посадить. И я сидел целую неделю и стало мне скушно быть, что сижу долго и[3] за что сижу не знаю. В самое заговенье госпожинское велел я уряднику доложить о себе и он, князь Дмитрей Михайлович, сказал: «Давно ль де он под караулом сидит?». И урядник ему сказал: «Уже де он[4] целую неделю сидит». И тотъчас и велел меня выпустить. И я, кажетца, и не последней человек и он, князь Дмитрей Михайлович, меня знает, а просидел целую неделю ни за что, кольми же паче коего мизирнаго посадят, да и забудут. И тако многое множество безвинно сидят и помирают безвременно. А по мелким городам многие и дворяне приводят людей своих и крестьян и отдают под караул. И того ради как по приказам[5], так (л. 51 об.) и по городам надобно иметь росписи, что есть колодников, и чтобы без записки[6] в роспись никакова бы колодника ни в приказе, ни в тюрме не держали[7]. А буде в пересмотре явится кто в роспись не въписан, то кто его посадил без записки, надлежит жестоко наказать, дабы впредь так не делали. А и старых колодников, буде по вся дни пересматривать судья за многоделием не управится, то хотя чрез два дни или чрез три, а буде же и тако не управится, то неотложно пересматривать понедельно, а наипаче по понедельникам. И приказных сидельцов в приказе и пересматривать, а тюремных сидельцов, в тюрму приехав, и пересмотреть накрепко, нет ли

[1] И такое — Стр.
[2] На что бодряя — Стр., Козл.
[3] А — Стр., Козл.
[4] Опущ.: он — Стр.; опущ.: де он — Козл
[5] Опущ.: как по приказам — Стр.
[6] Без росписки — Стр.
[7] Не держать — Козл.

какова незаписнова (л. 52) колодника или нет ли уходца из записных. (Я истинно удивляюсь, что то у судей за нрав, что в тюрьму посадя, держат[1] лет по пяти-шти и больши)[2].

А естьли бы судьи и воеводы новоприводных колодников ежедневно пересматривали, то бы сего уже не было и никому бы безвинно посадить и под караулом держать было некак.

А и делам всем, по моему мнению, надлежит всякому судье учинить росписи же и ту роспись по вся дни прочитать и подьячих понуждать, чтоб от челобитчиков докуки не ждали, но то бы и помнили, чтоб дело не лежало без делания и готовили бы к слушанию.

И егда кое дело к слушанию готово, (л. 52 об.) то судье с товарищи слушать, не дожидаясь от исца иль от ответчика докуки о вершенье. Судье надобно помнить то, чтобы даром и единаго дня не пропустить, чтоб дела какова ис той росписи не вершить и, слушав, чинить решение немедленно, дабы людие божии во изълиших[3] волокитах напрасно не мучились.

А и дела к слушанию[4] готовить, по мнению моему, надлежит сице. Которой подьячей из коего дела делал выписку, тот бы и подъписал под тою выпиской: «Я, имрак, выписку сию делал и истец по сему и по сему прав». А буде истец винен, а ответчик прав, то такожде имянно подписать, почему он прав и почему другой виноват.

И судьям, то дело выслушав, (л. 53) высмотрить хорошенько правды и неправды, и ради лутшаго разумения зделать из дела выметка коротенькая и расписать имянно правости и винности и, высмотря тое выметку, посмотрить подьяческого оговору, кого он правит. И буде подъяческой оговор с судейским сходен, то и ладно так, а буде у подьячего оговор зделан разумнее и правильнее, то такова подьячего надобно поберегать, а буде дел пять-шесть иль десяток зделает и оговоры его правильны, то надлежит ево и честью повысить.

А буде же подьячей зделал вопреки правде, то учинить ему наказание неоскудное, а буде же делал токой приговор

---

[1] Да держат — Козл.
[2] В Козл. сп. скобки раскрыты.
[3] Во излишних — Стр., Козл.
[4] А и дела слушать — Стр.

по пристрастию, то люте[1] наказать и жалованья убавить. А буде же в другой ряд такожде (л. 53 об.) неправо подпишет, то уже и казни подпадет.

И егда кто богатой или и самой убогой челобитную о обиде своей или и в каковом ни есть случае подаст, то, по моему мнению пристойному[2], надлежит ее судье принять и заметить число подачи, а к записке ее в протокол не отдавать, и самому судье вычести ее со вниманием, чтоб чтеное памятовать. И, высмотря челобитную в тонкость, взять того челобитчика в особое место и спросил[3] его сице: «Друже! Подал ты челобитную о обиде своей, право ль ты на него бьеш челом?» И аще он речет: «самою правдою», то надлежит ему молвить: «Господа ради, сам ся осмотри, чтобы тебе не впасти в напасть и в великой убыток, паче же убытку в грех не впади, чтобы тебе во второе (л. 54) христово пришествие праведным его судом осуждену не быть», и[4] сказать: «Мы судим овогда право, овогда же и неправо, понеже мы не сердцевидцы[5], а тамо не наш гнилой суд будет, но самый чистый и здравы и всякая лож и правда будет явна, и не токмо большие дела, но и самая малая крупина будет обнажена, понеже сам сердцевидец[6] бог имать судити».

Святый апостол Павел глаголет, яко страшно есть впасти в руце бога жива (Ко ев[реям], глава 10, стих 31)[7]. И сего ради ты, друже мой, сам в себе помысли, дабы тебе не впасти в божей суд. Вельми надобно божия суда страшитися, понеже бог ни на каковыя лица не смотрит, но на самое дело. И аще ты сего человека изубытчиш напрасно и на нашем суде аще и прав будеш, а тамо оправдание (л. 54 об.) наше буде тебе не[8] в большее осуждение, буде напрасно его изубытчиш, а и нас на грех приведеш».

«А аще же ты сам пред ним чем винен, а надеясь на свою мочь потолочишь ево, то уже самое горшее осуждение

---

[1] То люте, люте — Стр., Козл.
[2] То по моему мнению простотному — Стр., Козл.
[3] Спросить — Стр., Козл.
[4] Опущ.: и — Стр.
[5] Не сердцеведцы — Козл.
[6] Сердцеведец — Козл.
[7] Вставлено на полях Акад. и Козл. сп.; опущено в Стр.
[8] Опущ.: не — Стр., Козл.

примешь. И аще тогда и каятися будеши, да ничего себе не поможеши, и того ради ныне осмотрись, дабы тебе в вечную погибель не врынутися. Кто пред богом не грешен и кто пред царем не винен? Такожде и между собою како бы в чом не посъсоритися; господа ради не входи в большую съсору, ни приложи болезни к болезни и суперника своего не вводи в большей убыток. Естьли ты и прав будеш, то не без убытку тебе будет, а естьли же да неправ будешь, то ево (л. 55) изубытчиш, а себя и наипаче в великую напасть въвалишь, понеже все убытки ево, что он ни скажет, безсрочно доправлено на тебе будет, да в казну заплатиш пошлину [1], а приказным людям даш заработные деньги. Пойди себе и з добрыми людми подумай, и как ни есть, хотя на себя наступя [2], а лутши помирись, а челобитную ево у себя поблюди, дондеже о миру договор учинят».

И потом ответчика велеть сыскать, и егда ответчик приведен будет, то такожде на словах ево poрocпросить, чем он ему виновен, и спросить ево за верою, чтобы он сказал всю правду, как что было и за что у них стало. И буде он тебе повинитца, то ты для памяти вину ево у себя запиши и за повиновение (л. 55 об.) надлежит над ним милость показать, како бы их смирить, а до больших бы убытков не допустить. А аще повинится в малой вине и о прочем скажет с клятвою, что написал на него излишнее, то уже судье надлежит более пороздробить исца на словах и поискать правды всякими примерами. И буде ответчик прямо сказал, то в исце мочно поклепной иск познать.

А буде ответчик, за таким великим притужанием, вины своея ничего не скажет и клятвою закрепит, что он ни знает, ни ведает, напал де на него челобитчик напрасно, и то, что он ни скажет, записать и всячески на словах ево пороздробить, как кого на тот час бог вразумит.

(Л. 56) И аще кто умно будет разговаривать, то на тонкостных словах мочно познать, правду ль сперва сказал или неправду. И буде признаетца в нем вина, то надлежит ево и наипаче принудить с великим притужанием, чтоб он помиловал себя и помирился бы.

[1] Пошлины — Стр., Козл.
[2] Поступя — Стр., Козл.

А буде же признана будет исцова неправда, что ищет он нападком, то надлежит ево понудить к миру, чтобы он ни ответчика, ни себя в убыток бы ни вводил и вражду свою порвали б без допросов, чтобы им обоим убытку напраснаго не было.

А буде же истец или и ответчик будет гордо говорить и на мир итти не похощет, и таковому сказать: «Добро то, буде ты прав будеш, а буде же явишися винен, то тогда ни малыя милости (л. 56 об.) от нас не получиш. Однако же, аще ты и весьма прав, а лучши без больших убытков помиритца, потому что и худой мир лучши добрыя брани, и живите себе в любви. Ведаеш ли ты о сем, что иде же любовь, тут и бог, а иде же вражда, тамо диавол?» И дать им сроку дни на три или на четыре и аще во всем помиритца [1], то пришли бы они оба перед судью и объявили бы о миру своем. И тот их мир записать в книгу, на то устроенную, и записать имянно, о чом у них было дело подлинником, а не перечнем, и к той записке приложили бы руки, а челобитная подрать и отдать челобитчику. И мировые пошлины взять с них по указу и в мировой книге под запискою их и под взятьем пошлин закрепил бы сам судья иль воевода (л. 57). А аще кои суперники в мир не пойдут, то чинить им допрос по указу перед судьею, и кто кого чем будет уличать, надлежит судье слушать и внимать и на словах обоих их надобно судье поводить и искать в них правды. И на многих и тонкостных словах означится правда и неправда.

И буде из них один силен и честен и словесен, а другой беден или не беден [2], да безсловесен, к тому же аще и малосмыслящь, то судье надобно на сильное лицо, не стыдяся, востати, аще во убогом или и неубогом, да безсловесном исце или ответчике призначится правость. А которой многословесием [3] своим не даст ему (л. 57 об.) в словах выправиться [4], то всячески, ради любве божия, помощи подобает безсловесному, и сильному не давать ево, безсловесного, изобидити, понеже суд имянуется божий, то тако надлежит и чинить, чтобы суд был подобен божию суду, нелицеприя-

[1] В Стр. сп. переправлено: помирятся.
[2] Опущ.: или не беден — Стр.
[3] Многословием — Стр.
[4] Исправитца — Стр.

тен. И чтобы на суде и в допросех были исцы и ответчики сами, а не наемные ябедники, понеже ябедники ябедничеством своим и многословесием[1] и самую правду заминают и праваго виноватым[2] поставляют, а виноватого правым, и так правду заминают, что и судьи слов своих[3] разобрать не могут[4]. А кой не ябедник, а ябедник буде мешать ему не будет, то он больши правду (л. 58) будет говорить и буде молвит какое слово неправое, то он и сомнетца, и того ради не у ябедника скоряя винность и правость познать мочно. И того ради супернику не надобно давать слов его заминать, а и подьячему, кой записывает, торопить ево, ни спорить, ничего не надобно, как он знает, так пусть и выправляется, только бы лиш посторонних и к тому делу неприличных слов не говорил бы.

И егда будут в допросех и станут на очной ставке друг друга уличать, то судье при себе надобно держать та записка, которая записана в канторе в первых их разговорех и смотрить прилежно, не будет ли ищик[5] или ответчик с первыми своими словами разбиватца. Буде станет говорить не так, как на одине[6] (л. 58 об.) сказал, то во зъизменных[7] словах паче перваго надлежит в словах раздробить, чтобы дощупатца самые правды. И аще безъсловеснаго явятся слова с первыми сходны, а у многословесника[8] явятся разны[9], то всячески надобно безъсловесному помогати и сильному не дать ему теснить и обиду чинить[10].

А буде во время допросу подойдет кто с стороны и станет в каких-либо словах учить, то того учителя надлежит взять под караул. И буде безхитростно поучил, то штрафом ево обложить, а буде нарочно, на то уготовавшись, пришол, то и розыску подлежит.

---

[1] Многословием — Стр.
[2] Винным — Стр.
[3] Их — Стр.
[4] В Лапт. сп. на полях против этих слов карандашная запись Погодина: след. ябедники адвокаты.
[5] Истец — Стр., Козл.
[6] На один — Стр.
[7] Во зыменных — Стр.; во изменных — Козл.
[8] А у мнословеснаго — Стр.
[9] Явитца разнь — Стр.
[10] Ево — Стр., Козл.

И того ради во всякой канцелярии надлежит зделать особые чуланцы, чтоб во время допроса никто (л. 59) посторонней тут не был, а и судье бы никто не мешал.

А за обидимаго и самому судье надлежит быть стряпчим, обидъникому[1] же быть жестоким судьею и немилостивым. Так надобно здраво судить, чтоб аще и самый свойственник ближне[2] под суд прилучится, а по делу винен будет, то отнюд не надлежит ево щадить, чтобы во второе свое пришествие господь бог не стал пересуживати, а за неправой суд не быть бы осуждену самому судье на вечное мучение.

И у коих суперников учинится какая съсылка общая или и необщая, то паче судные записки прилежно и разсмотрително надлежить в них поискать прямые правды, потому что ни в чом таковые лжи не обретается колико в свидетельстве.

(Л. 59 об.) А что в проклятых повалных обысках, то сам сатана сидит, а божия правды ни следа нет: всех свидетелей пишут заочно, а и попы и дьячки, не видя тех людей, на коих кто послалъся и на словах не слыша, да руки к обыскам прикладывают.

И ради истребления таковые ябеднические неправды надлежит первее по обыкновению приказному взять у них скаски за руками, и чтоб подьячие их в словах не разбивали и не научали бы, как лутчи сказать, но дали бы им в словах волю, и что ни скажут, добро или худо и сходно или и несходно, так бы и писали[3] и чтобы к тем скаскам приложили они руки, а дьяк или секретарь закрепил бы того ж часа, дабы последи нельзя им переменить тех сказак. А буде кой скажет: «за мною де те ж речи», то (л. 60) так и записать, что сказал те ж речи и за мною, кои первой третей сказал.

А кто послался на повальной обыск, то по прежнему взять у них свидетельство за тамошними руками. И егда те обыски приняты будут в приказ, то надлежит велеть им привести ис тех свидетелей человек двух или трех из разных деревень, а буде большой сыск, со всякаго десятка по человеку ради достовернаго свидетельства.

---

[1] Обиднику же — Стр., Козл.
[2] Ближней — Стр., Козл.
[3] И написали — Стр.

И егда свидетели явитца в канцелярии, и судье, те обыски приняв и высмотря их, взять из тех свидетелей одного в кантору, и поставя ево пред образ божий и рещи: «Ты, друг мой, написан свидетелем, скажи ты мне так, как тебе на втором христовом (л. 60 об.) пришествии стать, и не моги ты ни единова ложнова слова сказать. Аще неправду скажеш, то себя погубиш, и ты сам себя побереги и ни моги ты ни прибавить, ни убавить, как что ты видел, так и сказывай. Я тебе сказываю, что естьли ты мне солжеш и скажеш по дружбе или изо мзды неправду, то кто тебя принудил солгать, виновен будеш[1] платежу, а тебе за неправое твое свидетельство по новоизложенному его и. в. указу отсекут голову. И ради незабытныя памяти и иным лжесвидетелем на показание голову твою возложат на кол и поставят ее при входе в канцелярию, дабы всем всегда зрима была (и колико лжесвидетелей ни явитца, всех рядом (л. 61) головы на колье тыкать). А пожитки все их взяты будут на великаго государя, а жены и дети будут отданы в вечную работу. И того ради сам ты себя и детей своих побереги, буде ты подьячему сказал и ложно, то ты теперь исправся и скажи мне самую правду, как ты что видел или слышел от кого, или только от того слышел, кто на тебя послатъся. И буде ныне прямую правду мне скажеш, то себя избавиш ты от смерти, а что подьячему ложно сказал, в том прощон будеш».

И аще кто скажет пред судьею прямо, что он по научению того суперника, кой на него слался, сказал ложно, то та вина разделить на двое, половина тому лжесвидетелю, а другая учителю, и учинить им наказание равное (л. 61 об.) и по жестоком наказании запятнать их на лице и на руке лжесвидетельным пятном. И буде впредь в таком же ложном свидетельстве явятся, то безъотложная[2] чинить смертная казнь.

И кто в таковом[3] деле не принесет повинную, то таковых от наказания жестокого чинить облегчение. И на такия дела и книга иметь особливая, чтоб, кроме повинных, иных никаких дел не писать, чтобы мочно было без замедления

---

[1] Будет — Стр., Козл.
[2] То без отложения — Стр.
[3] В каком — Стр., Козл.

сыскать, хотя в десять лет. А буде кто в таковой же вине явитца впредь, то чинить ему указ уложенный.

А буде же пред судьею в канторе не повинитца, а в словах своих станет мятца, то таковаго надобно с великим притужанием напорно всякими образы разными (л. 62) допрашивать: давно ль то было и товарищи ево, кои в росписи написаны, все ли тут были, и прежде ево они пришли или после, или все они вместе пришли, и отъкуду пришли и где они сошлися, и отъчего у них сталось и как кончилось, и о коем часе дня или ночи и в какой хоромине или на дворе или в ином каком месте; и буде в хоромах, то в коем месте, в переднем ли углу или у дверей или у печи за столом, и сидя ли или стоя, и рано ль или поздо, на дворе ведрено ли в то время или ненасливо было и после того случая, как разошлися и кто из них прежде пошол от него или кто остался или все вместе пошли и колько их было и всех ли он знает иль и никого не знает?

(Л. 62 об.) И как кого бог вразумит, надлежит в самую тонкость свидетелей допрашивать и все те дробные речи записывать имянно, как кто о чом ни скажет[1], потому что в свидетельстве без меры много ложных свидетелей бывает, а на тонкостных роспросех мудрено ему ложь свою укрыть будет. И, допрося, отвести ево в особное место, чтобы он ни с кем никакова слова не промолвил.

И потом, другова свидетеля взяв, такожде в тонкость допросить и у того допросу никто бы посторонней не был, но токмо подьячей один, кой будет записывать. И буде грамоте кто умеет, то руку бы приложил, а буде кой не умеет, то печать бы свою приложил, чтобы последи спорить не стал.

(Л. 63) А буде каким случаем тот допрашеваной свидетель промолвит с товарищи слово какое, ко льже подтвердительное, то надлежит распросить ево уже и в застенке, чево ради такую речь им промолвил.

И колико их свидетелей не будет, всех допрашивать таковым же образом, а буде не все свидетели придут, то никово из них не допрашивать, пока все на лице не будут.

И по таковому тонкостному допросу вся будет правда и неправда явна. И буде кои свидетели были б ложные, то

---

[1] Именно так, как о чем кто ни скажет, — Козл.

как бы они не ухищряли, а в таковых допросах ни коими делы ложнаго свидетельства утаить будет не можно. При Данииле пророце (л. 63 об.) и два свидетеля не могли своея лжи сокрыти, и зато оба смерти преданы. А естьли где случится свидетелей человек пять-шесть, то хотя бы они все целый год твердили как им сказать, то не могут неправаго свидетельства сочинить, но всех их ков явен будет[1].

А буде же в свидетельстве случится токмо один человек, то такожде надлежит ево сперва по приказному обыкновению подьячему допросить, потом по вышеписанному ж изъявлению взять ево в кантору и роспросить ево[2] таким же тонкостным допросом или и вящши того, как на тот час бог вразумит судью, понеже в одном свидетеле многотрудно прямая правда сыскать. Обаче, допрося ево, отдать под караул (л. 64) и въвести в кантору того, каго оправит и роспросить ево имянно противо свидетельскаго[3] порядка без уятия дробных вопрошений, но еще и приложить тонкостнейших допрошений, дабы и в одном свидетеле мочно было правду и неправду сыскать, и спросить ево о том свидетеле, прежде ли суперника ево пришол к нему или после и, пришед, в коем он месте сел или стоял, и от него вместе ли с тем суперником пошол вон или прежде или после?

И буде тот истец или ответчик в роспросе своем размолвитца, то паки взять того свидетеля и объявить ему размолвка и пристрастить ево гораздо, чтобы он сказал самую правду (л. 64 об.) без пытки. И буде повинится, что был он научон на такое ложное свидетельство, то по вышеписанному ж вина разложить на обоих, кто ево научил и на него, послушника лжи.

А буде теми допросами рознять не мочно, то привести в кантору, кого свидетель винит. И буде тот суперник, видя себе обличение прямое, повинится, то и конец делу. А буде же не повинится и скажет с клятвою, что свидетель на него свидетельствует ложно, и ради изыскания правды и его спросить тем же порядком в дробь, как они в то время случились с суперником оным, и свидетель тот, как тут прилучился быть, при нем ли пришол, или до него тут был, и чтобы сказал всему тому делу начало (л. 65) и конец, и всему тому делу весь порядок, как что было.

И буде с третьим будет у него различие в порятке того случая, то паки взять в кантору свидетеля и, применяясь к различным словам, спросить ево обо всем снова иным уже порядком. И буде сомнетца в словах своих и явитца в порядке том разность, то, немедля, и в застенок и спросить уже и с пристрастием и с розыску. Естьли явитца, что он налжесвидетельствовал по дружбе иль по свойству, а не из найму, то мнитца мне, мочно ему от смерти быть и свободну, а наказание весьма жестокое учинить, как о том уложено будет. А знак не токмо на руке, но и на лице положить такое, чтобы он всем людям знатен (л. 65 об.) был, что он лжесвидетель, и никто б ему не верил.

И ради таковых допросов изыскательных надлежит судье приезжать по обеде, чтобы допрашивать всякими разными порядками, не торопясь, не так допрашивать как семо написано, но смотря по делу и по случаю и на самое дело зря, а не наизуст, ибо, дела не видев, не можно о всем въполности написать, семо токмо означено для примеру, каким порядком что чинить. И к тому применяяся, надлежит у бога милости просить всякому судье, чтобы вразумил ево, как ему правда сыскать и как неправда познать. И во время допроса не надлежит в судейскую полату излишних людей пускать, чтобы в допросах (л. 66) помешательства какова не чинили.

И егда исцовы и ответчиковы и свидетельские допросы кончатся и правда вся означится, то немедленно надлежит и вершить ево, чтобы, за тем делом волочась, люди божии не разорялись и напрасно не убытчились.

Буде же кои люди повинны будут смерти, то и их держать долго не надлежит, токмо для покаяния неделя место или дней десять, дабы в тыя дни постился и молилъся и о грехах своих каялся.

А буде кои люди явятся богохульцы[1], иже тело христово и животворящую ево кровь в скверну вменяют и ругающеся мерзостью запустения нарицают, то таковому не над-

[1] Но всех их лож явна будет — Козл.
[2] Опущ.: ево — Козл.
[3] Доб. ж — Стр., Козл.

[1] Богохульницы — Стр.

лежит живу быть ни суток, но, из застенка вышед, (л. 66 об.) и вершить ево, потому что таковых сам бог еще при Моисее повелел предавать смерти.

Осмотрись, старичок, и эту речь вонми, несть грех, цобеждающий божие человеколюбие![1]

А буде кто из таковых хульников проситца будет на покаяние, верить тому не подобает, понеже несть таковым покаяния. Сам бо господ бог усты своими рекл[2]: «Аще кто духа святого возхулит, не отпуститца ему той хрех ни в сей век, ни в будущий» (Матфея, глава 12, стих 31)[3]. А тыи богохульцы[4] явно духа святаго возхуливши[5], иже действо духа святого хулят и силу его божественную снижают и отъемлют, яко бы ныне дух святый ни какая[6] церьковная действа не сходит и не действует.

Вси бо богохульцы[7] последуют диаволу, како диавол, что ни речет, то все (л. 67) ложь, ничим же разни и богохульцы, что не скажут, то все ложь, как законы их ложны, так и слова их все лживы.

И буде вступится[8] за них духовнаго чина или мирскаго и будут просить, чтоб из таковых богохульцов от смерти свободить, и буде поручатся в том, что он совершенно каетца и хощет к православной древне вере приступить неложно, то в поручной записи написать имянно, что въпредь ему богохульником не быть и людей божиих из древней веры в новыя своя разноверия не привлачить, но и старых своих товарищей, отпадших от благочестия, обращать на истинную христианскую древнюю веру. И аще кого увещает на покаяние, приводил бы в приказ к записке, а буде обращать от своего заблуждения не будет, (л. 67 об.) то он лестно по-

[1] Очевидно, заметка читателя, попавшая при последующей переписке в текст; имеется в Акад., Лапт., Беляев. сп., но опущена в сп. Козл. и Стр., в последнем на месте ее оставлена чистая строка и на полях поставлен крест.
[2] Р е к — Стр., Козл.
[3] Вставлено на полях; в Козл. сп.: с т и х 31, 32; в Стр. сп.: с т и х 32.
[4] Б о г о х у л ь н и ц ы — Стр., Козл.
[5] В о с х у л и ш а — Стр., Козл.
[6] Н и н а к а к а я — Стр.
[7] Б о г о х у л ь н и ц ы — Стр.
[8] В с т у п я т ц а — Стр., Козл.

каелся и зато порутчиков ево оштрафовать надлежит, а ево в вечное заточение отослать или уже и вершить ево.

А буде же кто по покаянии своем будет учить своему зловерию, то уже отнюд сроку ему не давать ево жестокой смерти[1], а порутчиков ево оштрафовать с наказанием.

А разбойников, мнитца мне, больши трех пыток не для чего пытать, дабы во многих пытках не продолжилось их сиденье. Вора и разбойника держать долго отнюд не надобно, что доле он сидит, то боле от него пакости. И каково вор в первом и в последнем застенке говорит согласно, то и, привед его к плахе, паки спросить, правду ли на них сказал? И буде и при самой смерти то же скажет, (л. 68) то ево вершить, а по оговорных людей послать и, как прилично будет, так и розыскивать и последи его.

И аще такой краткостной суд будет ворам и разбойникам, то им страшнее жестоких смертей будет, понеже кой разбойник ни попадетца, то уже взвороту ему не будет и по прежнему долго жить не станет, что попал, то и пропал. А долгое сидение великая была им потачка, а и каторга им не великая угроза, потому что и с каторги уходят. А аще в неделю конец будет, то всякой вор и разбойник страшен будет.

И егда приведут какова вора, а тут есть какой вор давной сиделец, то новоприводнаго отънюд к нему сажать не надобно, не распрося, но посадить его особливо, (л. 68 об.) чтоб ни с кем он не виделся, а после и роспросу не весьма спускать надобно; потому что многия с приводу всю правду сказывают и в убойстве винятся. А егда старые колодники подъкрепят, то уже и станет с себя зговаривать и с огня уже не будет винитца, и тако иные и на свободу выходят.

Буде воры оговорят в товарыщстве своем жителей домовых, то в домех их во всех клетях переискать накрепко, нет ли какова платья или и[2] иной какой рухляди, коя ему не свойственна. И буде у кого явитца приличие к воровству, то и без свидетельства будет он явен, а буде[3] никакой прилики не сыщется, то соседей всех допросить накрепъко, ведают ли за ним какое воровство, и чтобы сказали без утай-

[1] Доб.: п р е д а т ь — Козл.
[2] Опущ.: и — Стр.
[3] И б у д е — Стр.; а б у д е ж е — Козл.

ки. И сказать (л. 69) тем соседям[1] имянно, буде о воровстве ведаете и не[2] скажете, а последи явитца, что ведали, то какова смерть вору, такова и вам будет.

И аще и ничего ближние соседи не скажут, обаче спросить и дальных, и буде и дальные соседи скажут, что он доброй человек, то положа на руце его такой знак, что был он в оговоре и отпущен на свободу. А буде впредь иные воры оговаривать ево будут[3], то надлежит уже ево пытать.

А буде посланной по воров учинит ворам какую понаровку и понаровка ево буде явна будет, то, чаю, достоин будет смерти.

Мне мнится, естьли бы новоприводных воров после приказнаго распросу, не медля ни часа и в застенок бы, чтобы он не надумался (л. 69 об.), то он оторопеет и скажет правдивее, а егда надумается, то уже прямой правды не скажет. И аще кой вор в приказном распросе винился, а с пытки станет запиратца, то надлежит ево жестокими муками мучить, чтобы он сказал, кто ево научил с себя зговаривать. И егда скажет научившего его, то, взяв того учителя, жесточайшими пытками пытать, чтобы он сказал то, чего ради он учил зговаривать с себя и учинить ему наказание жесточайшее.

А которым ворам надлежит живот дать, то тех просто отнюд не отпускать, но учиня наказание уставленное, на обеих руках и на лице положить клейма, чтобы он был всем людям явен, в какой вине был. И буде впредь хотя мало приключится (л. 70) к такому ж[4] делу, то уже конец ему известной.

И о сем судьям вельми надлежит пещися, чтобы в тюрьмах колодников не много было, то бы добро, ежели бы[5] и единаго узника не было. Худая судьям похвала, что колодников много держат, но то самая честная похвала, чтобы ни одного колодника не было.

То судье прямая честь, еже бы не токмо колодников, но и челобитчиков в канцеляриях немного шаталось. Я не знаю,

[1] Опущ.: соседям — Стр
[2] А не — Стр., Козл.
[3] Станут — Козл.
[4] К таковому ж — Стр., Козл.
[5] Еже бы — Стр.

что в сием за краса, еже так в канцелярию[1] челобитчиков натиснетца[2], что до судьи и дойти не моги[3].

То бы добро, еже бы пред судьею человека два-три иль пять, шесть стояло и то, коим дело есть, а кому дела нет, то бы, поклон отдав, да и шол бы вон, а челобитчикам (л. 70 об.) бы не мешал, такожде и судье в разсуждении препоны бы не делал.

По моему мнению, надлежит судьям так учинить, чтобы не то что перед ними, но и в подьяческих столах никто бы без дела не шатался.

И подьячим всем надлежит приказать с крепким подтверждением, чтобы челобитчиков отнюд долго не волочили. И о сем всякой судья за подьячими смотрил бы прилежно, чтобы они без подлиннаго повеления ничего бы не делали. И буде кому надлежит выписка или и иное какое дело делать, то всякой бы подьячей своему делу срок положил и челобитчику велел бы на положенной срок приходить к себе, а до сроку отнюд бы в приказе (л. 71) не шатался. И для верности давали бы подьячие челобитчикам рукописные ерлыки и в тех ярлыках писали бы имянно, к коему числу[4] то ево дело он изготовит. И буде на тот срок он не зделает и челобитчик придет пред судью с срочным ерлыком, и по тому ерлыку судье надлежит призвать подьячего и спросить, чего ради он того дела по слову своему не зделал? И буде какое принесет о себе оправдание явное и прилучное[5], а не самоизвольное[6] медление, и тому надлежит дать сроку. И буде и к тому сроку не зделает, то уже надлежит ему дать наказание и со штрафом.

И аще в коей канцелярии тако устроено будет, то в том приказе никогда людей много шататца (л. 71 об.) не будет. А челобитчики вместо излишие[7] волокиты будут управлятися — купецкия люди за купечеством, а мастеровые за рукоделием своим, и от того в народе пополнение будет.

[1] В канцеляриях — Стр.; челобитчиков в канцелярию — Козл.
[2] Натесница — Стр.
[3] Не можно — Стр.
[4] Часу — Козл.
[5] Приличное — Козл.
[6] А не самовольное — Стр.
[7] Излишние — Стр., Козл.

А гостинцев у исцов и у ответчиков отнюд принимать не надлежит, понеже мзда заслепляет и мудрому очи. Уже бо кто у кого примет подарки, то всячески ему будет способствовать, а на другова посягать, и то дело уже никогда право и здраво разсуждено не будет, но всячески будет на одну сторону криво. И того ради отнюд почести ни малые судье принимать не годствует, дабы в неправом разсуждении пред богом и царем не согрешити.

А кто пред судью придет и будет стоять молча, и такова человека (л. 72) надлежит судье самому спросить тихим гласом, какова ради дела стоит. И егда скажет он о деле своем, то надлежит дело ево паче докушливаго управить, потому что многие люди бывают самые смирные и застинчивые и, аще и самая кровная нужда, помощника ему нет, а сам подокучить не смеет. И того ради всячески ему помогати, и буде ево есть правость, то и наипаче подать ему руку помощи, понеже, таковых безсловесных многословные[1] ябедники вельми изобижают и многоречием своим и правду их заминают. А буде кто бедной человек и на пути на кого либо побьет челом о обиде своей, а дело ево невеликое, вагою ниже рубля, то буде мочно, то тут бы ево и решил, а в приказ бы не волочить ево[2].

(Л. 72 об.) В канцелярии ж егда случится дел каковых слушать, то надлежит слушать ни одними ушми, но и самым умом, такожде и товарищи бы все слушали с прилежным вниманием. И во время слушания ни с каковым делом побочным не надлежит припускать к себе и ни с кем ни о чем не разговаривать, дабы от прилежнаго внимания ума судейскаго не отводили. Так надобно разсмотрительно судить, чтобы никакой судья последи того вершенья не мог перерешить. Наипаче ж того годствует страшитися, дабы бог того суда пересуживать не стал, а за неправое суждение не отослал бы в вечное мучение.

И егда все то дело прочту, то главному судье ни на кою сторону (л. 73) оговаривать не надобно, но токмо еже и уразумел, то держать в мысли своей. И егда товарищи мнения своя подпишут, то, высмотря их мнения, и свое объявить.

[1] Многословестныя — Стр., Козл.
[2] А в приказы не волочить ево — Стр.

И аще мнения их с его мнением согласны, то прочесть подьяческие оговоры, и буде и подьяческие оговоры сходны ж, то нечего много и разсуждать, но так ево и вершить.

А буде же во оговорех чьих разнь[1] явится, то надлежит наипаче потолковать и хотя и в другой ряд прочесть и разногласие разобрать, не торопясь, и кои приговоры правее явятся, то, высмотря гораздо, вершить.

И в вершении первее бы подьячие приговор закрепили, а потом товарищи судейския, а последи всех главной бы судья закрепил, чтобы уже ни прибавить, ни убавить было невозможно.

(Л. 73 об.) А буде же кое дело спорно и к разсуждению не поемно, то надлежит подлинное дело отдать в другой стол, который на то устроенной — и подьячие б в нем сидели[2] самые свидетельствованные и ко всяким делам разумительные. И велеть ему зделать из подлиннаго дела выметку и, по выметке разобрав, зделать выписка полная, а другая перечневая, и под выпискою подписать ему свое мнение. И аще и по той выписке разобрать будет не мочно, то аще и отъречено в древних указах, еже по окончании суда в пополнение ни челобитен, ни доношеней принимать не велено, а мне ся мнит, не то что челобитен не принимать, но и неволею[3] брать у них изъяснительные скаски, дабы незаметно мочно решить их дело, или пополнительные челобитные (л. 74) или и снова суд дать, дабы мочно без погрешения ево вершить.

А буде кой подьячей подпишет мнение свое неправо, станет праваго винить, а виноватого править[4] или какую фальш сочинить, правому иль к вине или виноватому[5] к правости, то надлежит тонкостнее у него выспросить и с товарищи своими прилежно разсмотреть и выразуметь. И буде означитца ево неправость и коварство, то таковаго надлежит и в застенке разпросить, чево ради так он делал.

А буде же объявил он самую правду, то надлежит ему жалованья прибавить и честию ево при иных повысить, по-

[1] Разность — Стр.
[2] Доб.: и — Стр.
[3] Но и волею — Стр.
[4] Опущ.: а виноватаго править — Стр.
[5] Или винному — Стр., Козл.

неже, чего судьи разобрать не могли, а он разобрал и ясно показал самую правду.

(Л. 74 об.) А буде кой истец или ответчик станет судейское вершенье спорить, а оправдания себе не сыщет, то на нем за неправой спор пошлины и проести вдвое доправить.

А буде и после втораго вершенья станет спорить, то взять уже на нем пошлины и проести вчетверо, а судьям доправить на нем безчестье.

Я по своему мнению судное дело и управление судейское вельми поставляю высоко, паче всех художеств, на свете сущих. И того ради никакому человеку, не токмо малосмысленному, но и самому разумному не подобает судейства или начальства искать, но всячески от него отрицатися, понеже весьма тяжелоносно[1] оно.

(Л. 75) Не великое дело, кажется, что из городов в уезды посылают солдат по дворян и по иных всяких чинов людей и дела прямого аще и на алтын нет, а по кого пошлют, то самые легкое дело, что рубля два-три убытку зделают, а иному рублев и десять учинат[2] убытку и тем людей божиих вельми убытчат.

Хотя малая какая справка приказная, то не хотят подождать до иного времени, но как здумаит, то и посылают[3] безсрочно. А того отнюд не чинят, чтоб послать о том, еже взять писменное ведение, или о чом ни надлежит взять на писме отповедь[4], но только то у приказных людей вытвержено, что поволоки со всякою отповедью в город. И аще кто живет от города верстах во сте-другом, то и тут рубля (л. 75 об.) два-три убытку будет, а в роспутную пору, то будет рублев пять-шесть истраты, а кто сот в пяти-шти случится, то и десятью рублями вряд изънятца. А приказные люди людских убытков не исчисляют, они только свою тягость исчисляют, а людская нивочто, а естьли в деловую пору пришлют, то и без хлеба зделают.

И от таковых посылак вельми много пакости людям чинитца, а судьи о сем попечения ни малого не имеют, чтобы

[1] Тяжелостно — Стр.
[2] Учинят — Стр., Козл.
[3] Так и посылают — Стр., Козл.
[4] Отповеди — Стр.

им людей государевых в чем поберечь и до убытка какова не допустить.

А кто хощет прямо его и. в. парадеть, то людейево паче себя надлежит беречи, чтоб во убожество не приходили и того ради ни малого бы убытку им не чинили. Всякому (л. 76) судье надобно недреманно смотрить за всеми и непрестанно то и смекать, како бы правда прямая учинить и чтоб никого не озлобить и не разорить. Истинно[1], не имеют не малого попечения, чтобы в чем людей от убытку поберечь.

А и сие здраво ли господа судьи разсуждают, еже из Санкт-Петербурга из губернской канцелярии годы по три, по четыре, присылки были жестокие по новгородских служителей[2], кои были в бурмистрах и в целовальниках у денежных зборов, чтобы ехали к отчоту. И ездили годы по три и по четыре и больши, да приехав[3], да там поживут недель десяток и денег десятка по два-три всякой изсорит, да и назад. И кой лет пять-шесть ездил[4], то я ведаю, что рублев по сотнице (л. 76 об.) проездили кроме гостинцов, а з гостинцами будет и по другому сту. И отътого людям чинитца великое разоренье и народное оскудение. Буде щитать, то не пошто откладывать из году в год, а буде не щитать, то волочить не почто.

А на что бы того лучши, что в коем городе кто служил, то там бы их и щитать. И щитать бы не десять лет спустя, но приняв казну да приходные и росходные книги, да и щитали бы тутошные судьи безътотложно, то бы всякому служителю легко было служить и отчитатца не трудно, потому что всякое дело ис памяти еще не вышло. А десять лет спустя, я не знаю, какой щот правой будет, только приказным людям покормка. А в скором отчоте и разорения бы (л. 77) ни малого служителем не было и, отъслужа, всякой бы за свой промысл принялся, и от такова управления никогда бы во всеконечное убожество купецкие люди не приходили б.

В немецких землях вельми людей берегут, а наипаче купецких, и того ради у них купецкие люди и богати зело. А

[1] Доб. повторно: истинно — Стр., Козл.
[2] Жителей — Козл.
[3] А приехав — Стр., Козл.
[4] И кои лет пять-шесть ездили — Стр., Козл.

наши судьи нимало людей не берегут и тем небрежением все царство в скудость приводят, ибо в коем царстве люди богаты, то и царство то богато, а в коем царстве будут люди убоги, то и царству тому не можно слыть богатому. Я сего не могу знать, что то у наших судей[1] за разум, что ничего в прок государству не прочат, только прочат имение себе[2], и то на час, а царству так они прочат, что ни за что многие тысящи рублев (л. 77 об.) теряют. Буде по какой причине возмут пожитки чьи на государя, то взяв власно, что в огонь бросят, ибо, взяв, положа их в полату, да держав[3] възаперти год или больши[4], да станут ценить, то кая шуба соболья была рублев[5] сот в пять, ажно вымут[6] гной один, что и пяти рублев не стоит. И естьли бы о сем предел положить сицевый, аще у кого под судом тако учинят, то згноеные пожитки доправить на тех начальниках, кои то учинят, то стали бы беречь и нехотя. И такова ради их управления те пожитки с сего света губят напрасно в невозвратну погибель.

А надобно судьям вельми сего[7] смотрить, чтобы ничто ничье нигде даром не пропадало, понеже все, что есть в народе богатства — богатство (л. 78) царственное, подобне и оскудение народное — оскудение царственное[8].

Я и сего не могу разуметь, чево[9] ради бурмистров и иных зборщиков весьма турбуют[10] и недочоты безъвременно правят. Буде кой человек каким недоразумением неколько казны утратит[11] или и на свою потребу взял и у отчоту в платеже не достанет, то, мне мнитца, надлежит у него взять скаска, как он те деньги заплатит. И буде скажет, что вскоре заплатит, то и добро так, а буде скажет в год или в два или

[1] Людей — Стр.
[2] Именье свое — Стр
[3] Да держат — Стр.
[4] Иль и больши — Стр.
[5] Рублев вписано между строками — Акад.
[6] Вынут — Стр.
[7] Того — Стр.
[8] Опущ.; подобне и оскудение народное — оскудение царственное — Стр.
[9] Чесо — Козл.
[10] Трубуют — Козл.; требуют — Стр.
[11] Утратил — Стр., Козл.

в три, то безъвремянно разорять ево не надобно, но всять на нем на те деньги по указу процент.

И отътого великому государю пополнение интереса, а люди будут целы и промыслов своих не отбудут (л. 78 об.). А безъвременные правежи яко на крестьян, тако[1] и купечеству явное разорение и царству истощение, а не собрание.

Царския собрания не истощатся аще и не круто будут[2] собиратися, всячески свое место наполняет, а крутое собрание не собрание, но разорение. И буде на ком и недочот какой явитца, то только для известия надлежит писать в коллегию, чтоб там явно было, на ком что останетца недочотные казны.

И от такова порядка казне великаго государя будет великое пополнение и царственное украшение, понеже никто разорен не будет и в нищету пригнан не будет же и дом ево цел будет. А по прежнему уставу за доимку двор и пожитки оберут[3], да оценив впол или в треть или и в десятую долю, да и продадут (л. 79) и тако совсем его и разорят.

А по новосостоявшемуся его и. в. указу на те доимочные деньги на всякой год на сто рублев придет прибыли по десяти рублев. И тако казна великаго государя будет цела и с приплодом, а люди все будут целы и ничим невредимы. И кои люди держат на откупу кабаки или что иное и аще и срок пройдет[4] платежу, то ни по нево, ни по поручиков посылать отнюд не надобно, потому что в том излишнем задержании умножатися будет царской интерес. А посылками судьи промышленникам чинят великия убытки, а и царскому величеству не прибыль[5] чинят, но токмо препятие его величества интересу.

Сего судьям вельми прилежно (л. 79 об.) надлежит смотрить, буде дело важное и вельми нужное, а буде и неважное[6], да к скорости не нужное, то мочно ему и посрочить. Во всяком деле надобно смекать, чтобы ему, великому государю, прибыток был, а напрасно б ничто не пропало[7].

[1] То — Козл.
[2] Будет — Стр.
[3] Отберут — Стр.
[4] Придет — Козл.
[5] Не прибыли — Козл.
[6] А буде и важное — Стр., Козл.
[7] Не пропадало — Стр.

А буде кто похочет коликаго числа на промысл денег, то по требованию надлежит и из казны дать, только того смотрить, чтоб мочно ему верить, и на такую дачу учинить особливая книга.

А у крепостных дел на иманцов из царския казны денег или каких товаров или и в подрядных делах, по моему мнению, отнюд имать не надлежит, но во устроенной на то книге надлежит иманцу росписатца, а под его рукою подписались бы порутчики и свидетели по обычаю.

(Л. 80) А ежели царю брать на своих природных рабов записи, вельми несличио и чести царстей неприлично. Записи писать надлежит народу между собою, того ради, буде против записи кто не устоит, то по записям друг на друга бьют челом и ищут судом.

А царю несличио на людях своих судом искать, но аще кто винен будет, то вся может имения его взять, и не токмо имения, но и смерть и живот в руце ево есть. И того ради отнюд не надлежит царю людей своих записьми крепостными крепить, только бы руки он приложил, то и крепость на него.

И аще у кого иманье будет из казны рублев тысячь на десять или и на сто тысячь, то надлежит во устроенной на то книге (л. 80 об.) росписатца. И буде он человек не весьма полной, то и порутчики тут же бы подписались, а свидетелем подписыватца не надобно, для того что судья закрепит. И аще тако устроено будет, то во иманье великое поспешение имать быти, ибо коего дня понадобитца, того дня и совершится.

А и в купеческом деле не весьма потребно во иманье товаров писать у крепостных дел крепости, понеже в писании крепостей великое чинитца замедление. На что того лутче, что не токмо у иноземцев християнския веры, но и у бесурманов, в турецкой земле, не то что во сте рублях, но и в десяти тысячах и вящши не пишут записей по нашему на целых листах, но токмо роспишется иманец, да тому и верят и вместо нашего листа напишет строки две (л. 81) или три. А у нас, пока неправда не искоренитца, то для верности надлежит под иманцовою рукою порутчикам подписыватца и со свидетельми, то и въмеж[1] купечеством единодневная бы

[1] Т о и м е ж — Стр.

зделка была и купечеству великая бы способность стала быть. А у крепостных дел чинитца великая волокида и торгу остановка и излишняя трата.

Мне ся мнит, паче всякого дела надлежит старатися о правом суде, и, аще правосудие у нас уставится, то все люди будут боятися неправды. Всему добру основание праведный и нелицеприятный суд[1], тогда и собрание царския казны будет сугубо. И того ради надлежит сочинить[2] правосудную книгу с подлинным разсуждением на всякия дела.

А буде не[3] сочинить на решенье всяких (л. 81 об.) дел новаго изложения, то и правому суду быть невозможно, понеже у всякого судьи свой ум и како кому понравитца, так и судить[4], а надобно так его усидеть, чтобы и невесьма смысленной судья мог право судити.

И правосуднаго ради уставу надлежит древняго суда Уложение и новоуставные гражданския и военные, печатные и писменные, новосостоящияся и древние указные статьи собрать и по приказам из прежних вершеных дел выписать такие приговоры, на которые дела ни в Уложенье, ни в новоуказных статьях решения не положено. И к таковым вершениям, применяяся, надлежит учинить пункты новыя, дабы впредь такия дела не[5] наизусть вершить и в сенат бы не взносить, но на всякия б дела были указные статьи (л. 82) ясные с совершенным расположением.

И к тем русским разсуждением[6], прежним и нынешним, приложить и из немецких судебников, и кои статьи и из иноземских уставов будут к нашему правлению пригодны, то тыи статьи и взять и присовокупить к нашему судебнику.

И лутшаго ради исправления надлежит и турецкой судебник перевести на славенской язык и прочия их судебныя и гражданскаго устава порятки управительныя преписать, и кои сличны нам то бы тыя и от них принять. Слышно бо о них, яко всякому правлению расположено у них ясно и праведно, паче немецкаго правления, и того ради и дела у них

[1] П р а в е д н ы и н е л и ц е м е р н ы с у д — Стр.
[2] Опущ.: с о ч и н и т ь — Козл.
[3] Н е — вписано между строками — Акад.
[4] Т а к и с у д и т — Стр., Козл.
[5] Опущ.: н е — Стр.
[6] Р а с с у ж д е н и я м — Козл.

скоро и право решат и бумаги по нашему много не тратят, а и хлеба напрасно не теряют, а наипаче купечество праведно хранят.

(Л. 82 об.) И к сочинению тоя судебныя книги избрать человека два или три из духовнаго чина самых разумных и ученых[1] людей и в божественном писании искусных, такожде и от гражданства, кии в судебных и во иных правительных делах искусных[2], от высокого чина, кои не горды и ко всяким людям нисходительны[3], и от ниских чинов, кои не высокоумны, и от приказных людей, кои в делах разумны, и от дворянства, кои разумны и правдолюбивы, и от купечества, кии во всяких делах перебывались, и от солдат, кии смыслены и в службах и в нуждах натерлися и правдолюбивые, и из людей боярских, кии за делы хотят, и из фискалов. А мнитца мне, не худо бы[4] было[5] выбрать и из крестьян, кии в старостах и в соцких бывали и во всяких нуждах перебывались и в разуме смысленые. (Л. 83) Я видал, что и в мордве разумные люди есть, то како во крестьянех не быть людем разумным?

И написав тыя новосочиненныя пункты, всем народом освидетельствовати самым вольным голосом, а не под принуждением, дабы в том изложении как высокородным, так и нискородным и как богатым, так и убогим и как высокочинцам, так и нискочинцам и самым земледельцам обиды[6] бы и утеснения от недознания коегождо их бытия в том новоисправном изложении не было.

И, написав с совершенным общесоветием, предложить его и. в., да разсмотрит его умная острота. И кии статьи его в-ву угодны, то тыи тако и да будут, а кии непотребны, тыи да извергнутца или исправить по пристоинству надлежащему. (Л. 83 об.) И сие мое речение мнозии[7] вознепщуют, якобы аз его и. в. самодержавную власть народосоветием снижаю. Аз же не снижая его в-ва самодержавия, но ради самыя истинные правды, дабы всякой человек осмотрел в своей

[1] Опущ.: и ученых — Стр.
[2] Искусны — Козл.
[3] Снисходительны — Стр., Козл.
[4] Повторено и поставлено в скобки: (бы) — Акад.
[5] Опущ.: было — Стр., Козл.
[6] Обид — Стр.
[7] Многии — Стр

бытности, нет ли кому в тыих новоизложенных статьях каковыя[1] непотребныя противности, иже правости противна. И аще кто узрит какую неправостную статью, то бы без всякаго сумнения написал бы, что в ней неправости и, ничего не опасаяся, подал бы ко исправлению тоя книги, понеже всяк рану свою в себе лучши чует, нежели во ином ком. И того ради надобно всяким людям свои бытности выстеречи, дондеже книга не совершитца, и егда она совершится, то уже никто не может помогти. Того бо ради и дана (л. 84) свободность, дабы последи не жаловались на сочинителей тоя новосочиненныя книги, то того ради[2] надлежит ю вольным голосом освидетельствовати, дабы всякая статья ни от кого порочна не была, но всяк бы себя выстерег и чтобы впредь никому спорить было[3] не мочно, но во веки веков было бы оно нерушимо.

Правосуднаго установление самое есть дело высокое[4] и надлежит его так разсмотрительно состроити, чтобы оно ни от какова чина незыблимо было. И того ради без многосоветия и без вольного голоса никоими делы невозможно, понеже бог никому во всяком деле одному совершеннаго разумения не дал, но разделил в малые дробинки, комуждо по силе его, овому дал много, овому ж меньше[5]. Обаче несть такова человека, ему ж бы не дал бог ничего, и что дал бог знать (л. 84 об.) малосмысленному, того не дал знать многосмысленному. И того ради и самому премудрому человеку не надлежит гордитися и умом своим возноситися и малосмысленных ничтожить не надлежит, но и их в совет призывать надобно, понеже маломысленными человеки многащи бог вещает, того ради и наипаче ничтожить их душевредно есть.

И того ради во установлении правосудия вельми пристойно изъследовати многонародным советом. И аще и с самым многотрудным многосоветием учинена она будет, обаче въскоре печатать их [не][6] надлежит, но первее попробовать[7]

[1] Какия — Стр.
[2] Того то ради — Стр., Козл.
[3] Опущ.: было — Стр.
[4] Дело великое — Козл.
[5] Менее — Стр., Козл.
[6] Опущ.: в Акад., восстановлено по Стр. и Козл.
[7] Попробить — Стр., Козл.

на делах и, буде никакой вредности в правлении том не будет, то быть ему так, а буде в какой статье явитца некакая (л. 85) неисправность, то о ней надлежит поразсудить и поправить ее. И того ради не худо бы годы два-три посудить по писменным или и по печатным маленьким тетраткам, и донележе тая новосочиненая книга строитца, многия бы статьи и опробавались [1].

И аще и иное какое дело с таковым смирением нисходительным будет строитися, то сам бог при таковом деле имать быти и помощь свою ко исправлению подаст, понеже всегда бог со смиренным [2] пребывает, а от гордых и высокоумных отвращается.

А правосудное дело самое святое и богоугодное, и того ради всячески надлежит потщитися [3], дабы суд царев был яко божий. Бог бо всем нам судья есть праведный (л. 85 об.) и на суде его несть лицеприятия, тако и на цареве суде не требе быть лицеприятию. Бог есть правосудец, того ради и в человецех требует правого суда. И аз о правосудии тако мню, еже царю не тако полезен пост и молитва, яко правосудие.

И аще его и. в. укажет правосудное изложение, избрав из старого Уложения и из иных многих примеров, сочинить новое и пространное по своему природному глубокоумию и по данной ему от бога благодати, благоволит и моего малосмыслия объявленныя дела разсмотрити, и аще, кии угодны явятца, приняты будут, то по пробе, аще оной [4] за многие дикие дела не вредно будет, то напечатать их великое (л. 86) множество, дабы не токмо в городех, но и в селех без того бы судебника не былю [5], чтобы всяк его читал и волю его и. в. ведал и ничего бы противно его в-ва воле не делал и от всяких неправых дел отъдалялся бы.

И впреди тоя книги надлежит зделать всем делам изъявление и разобрав их по азбуке и по чину дел разноличных, чтобы всякой человек без труда на всякое дело указ и совершенное решение мог во едину минуту обрести. А аще суду и всякому правлению, како его правити, совершенного

---

[1] Опробились — Стр., Козл.
[2] С смиренным — Стр., Козл.
[3] Потщатися — Стр., Козл.
[4] Оно — Стр., Козл.
[5] Не было б — Стр.

основания писменного не учинить и в том правлении самые неподвижные твердости не устроить, то колико [1] о правом суде не старатися, а правосудия прямаго (л. 86 об.) уставити будет невозможно.

А и основание положа, мнитца мне, надлежит утвердить его жестоким указом и недвижимым. Аще кто великородной или и худородной вышъшаго суда или и нижняго в коем городе или и в уезде главной камисар или подчиненой или и иной какой правитель или и посыльщик, наипаче же аще сыщик или фискал, не против того нового изложения станет что чинить своим вымыслом и хотя малую статью нарушит, то казнить ево неотложно, как о том уложено будет.

И ради самыя твердости надлежит судьям и прозьбы ни от каковых лиц не принимать, дабы правосудию ни малого нарушения не было. И аще кто и вельми заслужил и възънадеяся на заслуги, (л. 87) да по прежнему обыкновению учинит какую кому обиду, аще и самому мизирному человеку, то и тому суд был бы неотменен и за вину чинить указ неизменный по изложению, чему он подпадет, а заслуг ево в зачисление вины его не зачислять, чтоб тот правосудный устав ненарушим был.

А аще кой человек нехитростно вине какой подпадет и от надлежащего наказания или и казни аще надлежит послабить ему, то таковому на руке наложить знак, да аще паки в таковой же вине явится, то уже без всякого милосердия учинить ему указ надлежащий неизменно.

И аще в таковой твердости неподвижно правосудие годов пять-шесть постоит неизменно (л. 87 об.) без нарушения, то вси яко малочинцы и худородные, тако и великочинцы и великородные и заслуженые люди будут страшны и не токмо по прежнему обиды чинить, но и от неправд будут остерегатца и со всяким тщанием будут делать правду.

И ради самые твердости в судах и во всяком правлении, чтобы от правосудия ни много, ни мало судьи не колебались, надлежит учинить особливая канцелярия, в которой бы правитель был самой ближней и верной царю. Еже бы он был око царево, верное око, иже бы [2] над всеми судьями

---

[1] Толико — Акад., исправлено по Стр., Козл.
[2] И еже бы — Стр.

и правительми был вышний и за всякими бы правительми смотрил властительно и никого бы он кроме бога да (л. 88) его и. в. не боялся.

И к той канцелярии приход бы был самой свободной, а и сам бы тот правитель был низок и ко всяким бы людям был нисходителен и не тяжол бы он был. Аще и не по вся дни, обаче, улуча время, по коллегиям ходил бы и смотрил, каково кто дело свое управляет и нет ли каковыя в делах неисправности и нет ли каких на них жалобщиков.

Такожде, обходя судебныя места, и челобитчиков бы спрашивал, не чинят ли кому какова нападка и излишней волокиты и не осудили ль кого не против данного им изложения и не взял ли какой[1] судья или подьячей (л. 88 об.) изълишняго взятка?

И у всех коллег и у[2] канцелярий прибить печатные листы со изъявлением таким: буде судья или подьячей какую учинит в деле неправду, то приходили бы в тое канцелярию, то всякому лицу будет там управа.

Такожде, буде кто из сильных лиц изобидит кого убогово иль судья гражданства[3] иль военной офицер чем солдата иль драгуна изобидит, а он суда[4] не сыщет, то тут бы изобиженной искал обороны.

А буде кой судья или камисар или фискал неправду какую зделает, какую гибель царской казне похищением или небрежением, и аще кто о том подлинно уведомитца, то доносили бы[5] (л. 89) в той канцелярии, не обинуяся и никого не опасаяся, потому аще и на господина своего или на камандира, аще и сильнаго, уже выдачи ис той надзирательной канцелярии не будет. Только бы верно доношение было и доносили бы не догатками своими или мнением своим, но усмотря самое дело, и за такое доношение доносители великим жалованием пожалованы будут.

А судьям и всем приказным людям государево жалованье денежное и хлебное надлежит оставить[6], чтобы в том

[1] Кой — Стр., Козл.
[2] Опущ.: у — Стр.
[3] Гражданской — Стр., Козл.
[4] Доб.: на него — Стр., Козл.
[5] То доносил бы — Стр.
[6] Отставить — Стр., Козл.

жалованье казна великаго государя напрасно не тратилась. Я чаю, что судьям и приказным людям на всякой год тысячь десятка по два-три исходит, а пропадает она даром, ни за одну деньгу гинет, (л. 89 об.) потому что они не много делают даром а аще бы и даром делали, то что в том великому государю прибыли?

Мне мнитца, лучши учинить, пропитания ради, главным судьям и приказным людям учинить оклад з дел, по чему с какова дела брать за работу, и уложить имянно, по чему брать с рубля на виноватом и по чему с. рубля[1] с праваго и по чему брать с рубля в приеме денег в казну и по чему с роздачи жалованной и по чему с купецких и подрядных дел и по чему с каковые выписки иль с указу какова иль с грамоты, иль с памяти. И так надобно усидеть, чтоб ни самаго малого дела не обойтить, чтобы никакова дела даром не делали и брали б самое праведное (л. 90) по расположению.

И по таковому новоизложенному уставу давать вси[2] будут охотно, а и приказные люди будут дела делать охотнее и волочить уже не будут, потому что буде зделает во уреченное время, то примет себе мзду против указу полную, а буде ко уреченному[3] числу не зделает, то возмет половину, а буде же гораздо заволочит, то и всея своея лишится мзды. И того ради всякой подьячей будет с поспешением делать, а и челобитчикам будет весьма[4] полезно.

И тако надобно расположить, чтобы от рублеваго дела даже и до многотысящнаго всяким разным делам учинить указ определенной и чтобы всякой человек по своей работе оплату брать[5], а сверх указнаго числа отнюд бы ни единые деньги не брали.

(Л. 90 об.) А буде кто сверх указнаго числа лишку, хотя малое что возмет, то взять на нем штрафу, за всякую излишную копейку по рублю. А кто и даст сверх указнаго числа излишнее, то и на нем по рублю ж за излишную копейку имать штрафу.

[1] Доб.: имать — Стр., Козл.
[2] Все — Козл.
[3] Ко учрежденному — Стр.
[4] Вельми — Стр., Козл.
[5] И оплату брал — Стр., Козл.

И аще тако устроитца, то в приказной работе никому обиды не будет яко исцу, тако и ответчику и всякому челобитчику вестно будет, что от чего кому дать. И такова ради уставу и волокиты никакому делу чинить не будут, но всякой для себя поспешать будет. Обаче ради лутшаго исправления надлежит расположение учинить и делам всяким, буде кто одноденное дело проволочит три дни, то дать ему противо указные дачи половина, а буде же (л. 91) одноденное дело проволочит неделю, то лишен будет всего своего взятия за труды, а буде проволочит две недели, то чинить ему наказание неотложное. А о больших делах, которого не мочно меньши недели зделать, а он проволочит две недели, то такожде дать ему половина, а буде проволочит недели четыре, то лишен будет всего своего труда, а буде проволочит недель шесть, то нещадно бить его батоги. И всяким делам чинить расчисление по величеству дела и по количеству дней.

И ради достовернаго свидетельства брать челобитчикам у подьячих ерлыки, записав в коем числе взял от протоколу челобитную или и иное что и к коему числу обещался зделать. И буде к тому сроку не зделает, то по тому и указ чинить, буде к сроку зделал, (л. 91 об.) то взять ему за работу по указу сполна, а буде за срок проволочил толикое ж число, то взять половина, а буде за сроком здвое того проволочил [1], то ничего ему за работу не давать, а за вящую волокиту наказание чинить неотложное.

А о сем всем судьям и приказным людям задать страх великой и жестокой, чтоб никто сверх указного числа ни от какова дела сверх работных указных денег никаких гостинцов не принимали б.

А аще запрещения о излишнем имании и даянии [2] не учинить, то указного числа взятие ни во что им буде и будут брать паче прежняго, такожде как ныне у крепостных дел за гривенное дело берут по полтине и больши.

И того ради и у крепостных дел надлежит учинить такое ж (л. 92) расположение [3], по чему с каковыя крепости

[1] Проволочит — Козл.
[2] И дани — Стр.
[3] Опущ.: такое ж расположение — Козл.

брать за работу, а в казну с крепостей брать токмо пошлины [1], а писменные деньги отставить, а брать по указу писцу и насмотрщику [2] за свои труды самим, по чему кому надлежит. И буде того ж дни напишет, коего взял, то взять ему полная плата, а буде в двои сутки напишет, то взять половина, а буде в трои сутки напишет, то уже не брать за работу ничего, отдавать те крепости без заплаты [3]. А буде кто, в трои сутки написав, да возмет за работу, аще и не сполна, взять на нем штраф сторичной [4].

И писать бы не токмо крепостные, но и приказные и всякия письма писали бы строк по пятидесяте и больши на странице. Сие вельми дивно, что во всем свете пишут (л. 92 об.) мелким писмом, а на нас все окрестные государства бумаги напасти не могут. А [5] аще зритца дело сие и невелико, что бумаги беречь, а, по моему мнению, оно не весьма мало, потому что от крупнаго писма и от небрежения рублев тысячь по десятку ни за одну деньгу из царства пропадает. У немец аще и домо [6] она делаетца, а и жители тамошние богатее нас, обаче бумагу вельми берегут. Они не токмо бумаги, но и всякой вещи берегут и для того [7] они и богати, что умеют бережно жить.

А и мы пока сами ся [8] не осмотрим и всякия вещи не токмо из инова царства принесенныя [9], но аще и домашния вещи беречь не станем, то никогда богати не будем.

(Л. 93) И ради подкрепления от излишних дач приказным людям и о излишних тратах пищие бумаги, напечатать листы и у всех каллег и у [10] концелярий те листы прибить, дабы все люди прочитали и никаких бы излишних трат ни себе, ни людям не делали. Пчела муха весма не велика и собирает она мед не карчагами, но самыми малыми крупи-

[1] Только пошлина — Козл.
[2] Надсмотрщику — Стр.
[3] Без платы — Стр.
[4] Взять с него штраф вторичной — Стр.
[5] И — Стр., Козл.
[6] Дома — Стр., Козл.
[7] И того ради — Стр.
[8] Сами себя — Козл.
[9] И всякия вещи беречь не станем, из ынова царства принесенныя — Стр.
[10] Опущ.: у — Стр.

цами, обаче множество[1] их собирают многия тысячи пуд. Тако и собирание богатства царственнаго: аще вси[2] люди будут жить бережно и ничего напрасно тратить не будут, но всякие вещи будут от погибели хранить, то тое царство[3] может весма обогатитися.

А буде кто покусится взять излишнее в другой ряд, то и штраф на нем взять сугубой: за рубль по двести рублев, наказание на козле, а за третью вину либо смерть, либо в вечную работу к рудокопным делам.

А аще кой судья и не по взятку, но по дружбе или по чьей прозьбе учинить[4] не по новоизложенному уставу, то без всякаго милосердия учинить ему определенной указ, как о том уложено будет.

А аще кто изо взятку нарушит тот (л. 93 об.) новоизданной устав, то, мнитца мне, надлежит и дом его совсем разорить и на неколико лет сотворить его пуст и прибить на том дому писмо со изъявлением вины, еже за нарушение правосуднаго изложения господину того дому учинен указ, а дом его оставлен пуст и живущаго в нем несть, но токмо мышеве и нетопыри да вогнеждаются в нем. И таковое штрафование будет вроды родов памятно.

А аще судей малых и великих не казнить и великими штрафы их не штрафовать, то, и правое изложение учиня, правды и праваго суда уставит будет невозможно.

А аще ради установления правды правителей судебных и много падет, быть уже так. А без урону, я не чаю, установитися в правде[5], а прямо рещи[6], и невозможно правому суду уставитися, аще сто другое судей не падет, понеже у нас в Руси неправда велми застарела.

А не таким страхом не чаю я того злаго корения истребить. Аще бо коя и земля велми задернеет и дондеже того терния огнем не выжгут, то не можно на ней пшеницы сеяти, тако и в народе злую застарелость злом надлежит и истреб-

---

[1] Множество — Стр.
[2] Все — Стр., Козл.
[3] Царство — вписано между строками — Акад.
[4] Учинит — Стр., Козл.
[5] Установитися правде — Стр., Козл.
[6] А право рещи — Стр.

ляти[1]. (Л. 94) А аще не тако, то, по моему мнению, не токмо в судех, но во всяком правлении правды не будет.

И аще великородных судей поберечи от жестоких казней, то лутши изъначала ради уставления правды в суды[2] посадить из ниских чинов, а паче из приказных людей, кои в делах искусны и страх божий в себе имут. И с ними посадить, где пристойно, и из военнаго чина, кии от службы отставлены, и ис купечества, в которых острота умная есть. И за таковых нискородных, аще кто и погрешит, стоять за них и управивать[3] никто не будет, да и сами они паче высокородных боятися будут. А высокородные на уложенныя уставы мало смотрят, но как кто восхощет, так и делать будет по своей природной пыхе.

И тем низкородным судьям надлежит дать такое величество, чтобы они никаковых лиц не боялись, кроме бога да царя, и делали б все свои дела по новосочиненному его и. в. указу неизменно, а от своего ума не мудрствовали бы и ни на едину (л. 94 об.) черту сверх указу не прибавливали бы, ни убавливали. И аще что потребное усмотрит кто, то доносили бы до[4] царскаго величества, донележе то новое изложение еще не напечатано.

А буде из приказных людей в судьи выбрать некого, то бы из дворян мелких, кои остроумны и в делах искусны и боящиеся бога. А за нарушение новоизложеннаго указа известная и неотложная им смерти[5] объявить, дабы они судили, а о смерти своей помнили.

И таковым порядком, аще бог на не призрит и помощь свою низпослет, то мочно правосудию устроитися и у нас в Руси. Нам сие велми зарочно[6], что не то что у иноземцев, свойственных христианьству, но и у бесурман, суд чинят праведен, а у нас вера святая, благочестивая и на весь свет славная, а судная росправа никуды не годная и какие указы и. в. ни состоятся, вси ни во что обращаются, но всяк по своему обычаю делает.

---

[1] Истребити — Козл.
[2] В судьи — Стр.
[3] Упрашивать — Козл.; управлять — Стр.
[4] Доб.: его — Стр.
[5] Смерть — Стр., Козл.
[6] Зазорно — Стр., Козл.

И донележе прямое правосудие у нас в Руси не устроитса и всесовершено не (л. 95) укоренитца оно, то никоими мерами от обит[1] богатым нам быть, яко и в прочиих землях, невозможно быть[2]. Такожде и славы добрыя нам не нажить, понеже все пакости и непостоянство в нас чинитца от неправаго суда и от нездраваго разсуждения и от неразсмотрителнаго правление.

И разбоев и иного воровъства множество чинитца и всякие обиды содеваются в людях не от чего иного, токмо от неправнаго[3] суда. И крестьяне, оставя свои домы, бегут от неправды и росъсийская земля во многих местех запустела, а все от неправды и от нездраваго разсуждения, и какие гибели ни чинятся, а все от неправды.

И самыя правды и праваго[4] разсуждения ни милостию, ни жесточию, ни изменниками судиями[5], ни иными каковыми вымыслы, мне мнится, учинить невозможно, аще прежде не сочинить всяким[6] великим и малым делам расположения недвижимаго сочинением особливым, понеже древние уставы все обветшали и от неправых судей вси исказались[7].

И аще бог на дело сие милостивно призрит и помощь свою святую ниспослет и что ни случается в мире дел, на вся тая (л. 95 об.) аще изложатся решения подлинная, новоисправная, и коемуждо делу собственное решение, то и немудрой судья может здраво судить. А без основательного изложения ничему полезному и к правде склонному быть невозможно.

Яко бо здания высокаго без твердаго основания не утвердити, тако и с правды[8] совершенныя без основательнаго изложения никоими мерами уставити невозможно, понеже в нас неправда велми твердо въкоренилась. Кто с кого сможет, тот[9] того и давит, а кои люди ядовитые, то маломочных и в конец разоряют, а судьи силняков и ябедников аще

[1] Обид — Стр., Козл.
[2] Опущ.: быть — Стр.
[3] От неправого — Стр., Козл.
[4] Доб.: здравого — Стр., Козл.
[5] Ни изменными судьями — Стр., Козл.
[6] Опущ.: всяким — Козл.
[7] Исказились — Стр., Козл.
[8] И правды — Стр., Козл.
[9] То — Стр.

и видят, что напрасно нападают, а воспретить не смеют. И того ради велми трудно правду установити и не токмо всем правда творити, но чаю, что и изложение правое трудно сочинять, понеже сильные люди, кии обыкли обижати, не возложат на себя сила, но всячески будут препинати, дабы не весма им от праваго суда потиснутым быть. И того ради всячески будут тщатися, дабы им, по прежнему, мочно было убогих и маломочных обижать и разорять.

И аще препинатели правосудию явится[1] прежде начинания правосуднаго, то (л. 96) всячески надлежит их отсекати, дабы начинанию правде препинания ни малого не чинили.

А ради совершенныя правды ни коими делы, древних уставов не изменя, а[2] самого правосудия насадити и утвердити невозможно. В правителех бо велми трудна вещь, еже бы их от неправды отправити[3] и правда в них [насадити, понеже неправда в них][4] вельми въкоренилась и застарела. И от мала даже и до велика все стали быть поползновенны, овыя ко взяткам, овыя же, боящеся сильных лиц, инии же боящеся ябидников, а инии того боязся, да аще въпредь примет той власть таковую ж, какову он имеет, и чтоб тогда такожде б ему послабил. И того ради всякие дела государевы и неспоры и сыски неправы и указы его и. в. недействительны, ибо вси правителие дворянскаго чина своей брать[е] знатным наровят, а власти[5] имут и дерзновение токмо над самыми маломочными людьми, а нарочитым дворянам не смеют и слова воспретителнаго изрещи, но как кому что угодна, так то и чинят и за тем всякие дела и неисправны суть.

Се бо колико послано указов во все города о недорослях и о молодых дворянских детях (л. 96 об.) и, аще коего дворянина и на имя указано выслать, то и того нескоро вышлят, но по старому Уложению дождався третьего указа и буде ничем отбыть не могут, то уже вышлют. И в таковом ослушании и указов ц. в-ва презрении иные дворяне уже состарелись, в деревнях живучи, а на службе одною ногою не бывали.

[1] Явятца — Козл.
[2] Опущ.: а — Стр., Козл.
[3] Отвратити — Стр., Козл.
[4] В Акад. сп. повидимому пропуск, восстанавливается по Стр., Козл.
[5] Власть — Стр., Козл.

И, мне мнитца, сие велми странно, что царскому указу ослушну быть, и в Уложенные напечатали [1], что третьяго указа дожидаться, сие учинено самая потачка плутам и ц. в-ва презирателем. Но ныне надлежит так учинить: буде по первому указу зазывному не поедет кто, то другая позывка чинить со штрафом, колико иску, толико и штрафу взять на нем, а челобитчику з другой позывки числить проести [2] по указу.

А буде по кого послан будет с указом его и. в. салдат или и иной какой посыльщик, а он укроетца или отобьетца или з дороги уйдет, то и по первой посылке винить и штрафовать, и исцу проести числить с того времяни и иск весь без суда и без очные ставки доправить, то от такова указа и от перваго ноги задрожат и опрометью побежит к ответу (л. 97) и попрежнему не станут третея присылки [3] ждать.

Тем прежним указом так дворяня избалованы: в Устрицком стану есть дворянин Федор Мокеев сын Пустошкин, уже состарелся, а на службе ни на какой и одною ногою не бывал и какие посылки жестокие по него ни бывали, никто взять ево не мог, овых дарами угобзит, а кого дарами угобзить не может, то притворит себе тяжкую болезнь или возложит на ся [4] юродство и возгри [5] по бород[е] [6] попустит. И за таким ево пронырством инии и з дороги отпущали, а егда из глаз у посылщиков выедет, то и юродство свое отложит и, домой приехав, яко лев рыкает. И аще и никаковые службы великому государю кроме огурствае не показал, а соседи все ево боятца.

Детей у него четыре сына выращены и меньшому есть лет семнатцать, а по 719 год никто их в службу выслать не мог, а в том 719-м году, не вем по какому случаю, дву ево сынов записали в службу, обаче все записаные и незаписаные большую половину домо [7] живут, (л. 97 об.) а каким способом живут, того я не могу сказать.

---

[1] Напечатано — Стр.
[2] Опущ.: проести — Стр.
[3] Посылки — Стр., Козл.
[4] На себя — Стр.
[5] Возгри — Акад. и в остальных списках, кроме Лапт. сп., в котором: в озери.
[6] По бород — Акад. сп.; во всех остальных списках: по бороде.
[7] Дома — Стр., Козл.

И не сей токмо Пустошкин, но многое множество дворян веки свои проживают. В Алексинском уезде видел я такова дворянина, имянем Иван Васильев сын Золотарев, домо [1] соседям своим страшен яко лев, а на службе хуже козы. В Крымской поход не мог он отбыть, чтоб нейтить на службу, то он послал въместо себя убогово дворянина, прозванием Темирязева, и дал ему лошадь да человека своего, то он ево имянем и был на службе, а сам он домо [2] был и по деревням шестерлом розъежжал и соседей своих разорял. И сему я велми удивляюсь, как они так делают, знатное дело, что и в полкех воеводы и полковники скупы, с них берут, да мирволят им.

И не токмо городовые дворяне, но кои и по Москве служат и называются царедворцами, а и те множайшия великому государю лгут. Егда [3] наряд им бывает на службу, то инии напишутся в сыск за беглыми салдаты и, взяв указ, заедет в свои вотчины, да там и пробудет военную пору. А иные напишутся в выимщики, по дворам вино корчемное вынимать, и ко иным всяким делам бездельным добившись, (л. 98) да тако и проживали военную пору.

А и ныне, естьли, посмотрить, многое множество у дел таких брызгал, что мог бы один пятерых неприятелей гнать, а он, добившись х какому делу наживочному, да живет себе да наживает пожитки, ибо овыя, добившись в камисары и в четверщики и в подкамисарья и в судьи и во иныя управления, и живут в покое да богатятся. А убогие дворяня служат и с службы мало съезжжают, инии лет по дватцати и по тритцати служат. А богатые, лет пять-шесть послужа [4], да и промышляет, как бы от службы отбыть да добитися б к делам и, добившись к делам, век свой и проживают.

Яко же видеть, Сергей Степанов сын Унковской лет всего с пят[ь] служил, да добился к делам, и лет с пятнадцать живет у дел, а ныне живет он в Устрике камисаром, да наживает. А и ныне ему вряд быть лет сороку и такой волот, еще бы в лучшую служил и в великанех бы мог служить,

---

[1] Дома — Козл.; домо — Стр.
[2] Дома — Стр., Козл.
[3] А егда — Козл.
[4] Послужат — Стр.

токо[1] бы он не выше ль указные меры, и знатное дело, что отставлен он не з болшим двадцати лет от службы. И посему (л. 98 об.) откуду ни посмотриш, нет у великаго государя прямых радетелей, но все судьи криво едут, кому было служить, тех отставливают[2], а кто не может служить, тех заставливают. В Новегороде у седелнаго дела приставлен камандиром Иван Иванов сын Ушаков, и я ево застал в 710 году у того дела лет не з болшим дватцати был и ныне не з болшим ему тритцать лет, а службу едва и знает ли, что то она. А и дядя ево, Иван Наумов сын Ушаков, у дел болши десяти лет, а такой человек и отныне лет десяток и болши мог бы служить. И тако вси, кои богатые, от служеб[3] линяют, а бедные и стары, а служат, а сытые, хотя и молоди, да служить не хотят. Ивана Артемьева сына Мусина-Пушкина дети, Марко да Григорей, записаны во Преображенской полк в салдаты и едва на службе едва[4] и бывали ль, а отпущены уж к делам, а молодиож, не з болшим по дватцати лет, и тако год за год, да и весь свой век проживут. И я о сем мню, что ему, великому государю, о сем не весма известно, но делают все правители, что здоровых молодиков отпускают и, аще (л. 99) и з докладу опускают, да докладывают непрямо, но прилпом доложат, толко слово у него, великаго государя, изо уст вытянут, да и делают, что хотят, и, чаю, запишут в указе, якобы по имянному его и. в. указу отпущон он или послан к такому то делу. И где было от таких молодиков службе быть, а они, заехав в город, живут себе да проклаждаются, и не то что службы, но, чаю, и караулу мало знают, и, живучи у дел, вместо военнаго дела учатся, как наживать, да век свой без службы провожать. А о том ни они, ниже те правители, кои их отпустили, ни мало не пекутца, чтоб они навыкали воинскому делу, как неприятеля[5] побеждать, но учат[6] тому, как бы им наживать и от службы отлинять[7].

А и прежде сих времен многия дворяня, на службе не

[1] Тако — Стр.; токо — Акад., Козл.
[2] Оставляют — Стр.
[3] От службы — Стр.
[4] Опущ.: едва — Стр., Козл.
[5] Опущ.: неприятеля — Стр.
[6] Научат — Стр.
[7] Отлынять — Стр.

быв, да добились к делам и живут у наживочных дел. Яко же видеть, в Устрицком стану есть дворяня два брата, Роман да Сергей Ивановы дети Чоглоковы, сказывают про них, что нигде на службе не бывали (л. 99 об.), а каким-то случаем добылись[1] в судьи. И один сидел на Устюжне Железной судьею годы с три и болши, а другой брат сидел на Вышнем Волочке[2] и сказывали о себе высоко, бутто они по имянному его и. в. указу в судьи пожалованы. И того ради всяк их боялъся и, на кого ни нападут, всяк им уступал и перед ними не смели никто и слова молвить. А с нынешнаго московскаго смотру нивесь зачем судейство их позамялось, писали они с Москвы о себе, бутто по прежнему судьями им быть, обаче то их намерение не состоялось, знатное дело, что не могли перелесть.

И я сему не могу веры нять, чтоб таких здоровяков, и в службе не бывавших, великий государь в судьи пожаловал. Видим мы все, что его в-во, что[3] даром никого не жалует, а жалует за службу да за выслугу. А они такие здоровяки, что на службе заслужили бы человек за десять, потому что они люди богатыя и могли б около себя держать неимущих дворян.

От сего бо служба не весма спора, что здоровые и богатые и в самых совершенных мужества[4] летах домо[5] живут, а убогие и хворые на службе служат, а от маломочного и голоднаго и служба плоха.

(Л. 100) Сему я велми удивляюсь, что как монарх наш стараетца и страсть дает без пощады великую, а не уймутся, ибо многое множество здоровых молодиков под прикрытие правители хранят, овых защищением своим, овых же при себе держанием, якобы спожения ради дел царственных, а самою вещию, како бы кое время прошло без службы; а иные и в службе записаны, а каким-то промыслом, приехав, в домы свои живут.

[1] Добились — Стр., Козл.
[2] И один сидел на Устюжне Железнопольской года с три или больше, а другой сидел на Вышнем Волочке — Козл.
[3] Опущ.: что — Козл.
[4] Мужественных — Стр.
[5] Дома — Стр., Козл.

И сего ради, мнитца мне, не худо бы всем людям указ великаго государя сказать, чтоб у приежжаго в службы[1] или от какова дела соседям всем требовать у него отпускного пошпорта[2], а буде пошпорта отпускново тех чисел нет, то надлежит ево отослать в город под караулом. А буде в пошпорте написан срок, колико ему времяни быть в доме, то всем соседям смотрить, чтоб за срок и единаго[3] дня не жил. А буде видя кого без пошпорта или и с пошпортом, да за срок будет жить, а они, соседи, умолчат, то за молчание сосед всех ближних штрафовать.

А кои дворяня в службу написаны[4] и ни на какой службе не бывали, и буде каким пролазом добьютца начальства, а буде (л. 100 об.) кто, какова чина ни буди, хотя дворянин, хотя холоп ево или чужой чей или церковник, хотя и крестьянин, подлинно уведает, что пожалован в судьи иль в камиссары или и[5] во иное какое правление, или кто и без начальства в доме своем живет и крестьянами владеет, а великому государю никаковые службы не показал, то у таковых бы людей отнимать и отдавать тем, кои его ц. в-ву служат. А доводчику дать четвертая доля изо всего владения его или и половина, чтоб лучши радели и о таковых лежебоках доносили.

И аще таковых указов напечатать множество и разослать не то, что по городам токмо[6], но и по селам и по всем погостам и велеть дьячкам в неделные дни по отпении литургии дня по три иль по четыре прочитать всем въслух, чтобы все тот его и. в. указ ведали и лежебоков бы не таили, то одним годом всех кроющихся дворян и детей их явных сотворят.

И естьли бы господь[7] бог помощь свою низпослал к нам, еже бы из судей и из фискалов и ис прочиих правителей древнюю страсть неправды искоренить, то всякое бы дело не токмо царское, но и мирское споро бы было.

---

[1] С службы — Козл.; у приежающего с службы — Стр.
[2] В Акад. сп. везде стоит пошпорт; во всех других списках: пашпорт.
[3] Ни единого — Стр.
[4] В службу не записаны — Стр., Козл.
[5] Опущ.: и — Стр., Козл.
[6] Только — Козл.
[7] Государь — Акад., исправл. по Стр., Козл.

(Л. 101) И о сем аз мню, аще и самыя жесточайшия казни вышшим и нижшим судьям чинить, а древняго уложения не изменить и всем делам новаго регула не учинить, то не можно и[1] правде в приказных делах состоятись[2].

Видим мы вси, как великий наш монарх о сем трудит себя[3], да ничего не успеет, потому что пособников по его желанию не много, он на гору аще и сам-десят тянет, а под гору миллионы тянут, то како дело его споро будет? И аще кого он и жестоко накажет, ажно на то место сто готово, и того ради, не изменя древних порядков[4], колко ни бившись, покинуть будет.

Не токмо суда весма застарелаго, не разсыпав его и подробну не разсмотря, не исправить, но и хоромины ветхия, не разсыпав всея и не разсмотря всякаго бревна, всея гнилости из нея не очистити. А судебное дело не токмо одному человеку, но и множество умных голов надобно созвать, дабы всякая древняя гнилость и малейшая кривость исправити, тяжка бо есть судебная статья.

Се бо и сам господь бог, ветхаго завета не отставя, новаго не насадил, но егда ветхий отставил[5], тогда новой водрузил (л. 101 об.) и тако он укоренился, еже и адова врата одолети не могут. Тако и правосудия никто разрушить уже не может, аще древние неправды все отсечены будут въконец.

Се бо ныне колико новых статей издано, а немного в них действа, ибо всех их древносная неправда одолевает. И того ради по старому, кто с кого сможет, тот того и изобижать[6], а суда по старому на силнаго сыскать не можно.

На что нынешняго жесточае указу, иже сочинен о беглых крестьянех, а немного и в нем исправления будет, понеже тот указ токмо[7] на одних маломочных людей, а сильным людям он ничтожен есть, старых не отдадут, а вновь кто к ним придет, принимать будут. Се бо и у меня человек пять-шесть збежало, однако и за тем указом место себе сыскали. И се

---

[1] Опущ.: и — Стр.
[2] Состоять — Козл.
[3] Трудитца — Козл.
[4] Прежних порядков — Стр.
[5] Оставил — Козл.
[6] И изобижает — Стр., Козл.
[7] Опущ.: токмо — Козл.

уже другой год, збежали прошлаго 722-го года июля 9-го числа, а и поныне живут, а аще бы указу боялись, то бы никто их не принял. О беглых людех так надлежит учинить, чтоб как маломочные, так и силные блиско к себе не припускали и, мочи ль, не мочи ль, тако укрепить, яко же ниже явитца. А в вышеспомянутой статье господа удумали смеху достойно, въмесное ль то дело, что подлым людям уложили, (л. 102) еже беглых крестьян отвозить к помещикам их на подводах и денег за все годы, колко у него крестьянин жил, по двантцати рублев на год с ними же отвозить и отдавать прежним их помещикам. А о своих уложили легохонко, буде жили за кем беглыя люди по приему прикащиков их или старост, а буде принял[1] без писменнаго их господскаго повеления, то высечь того прикащика или старосту кнутом, а пожилых на тех владелцах не имать ничего. И то стал наружной провод, у них, господ, есть населено беглых крестьян в понизовых местех и в украиных всецелые села великия, иже есть в них дворов ста по два и по три и болши. И сие не самой ли их разказ, чтоб толикое множество населить без ведома господина своего. И, мне ся мнит, с таковых силняков надлежит пред убогими въдвое взять. И в тех их селах живут никого не боятся, хотя кой помещик и уведает, то разве из под руки на них посмотрит, а взять и помыслить нелзя. И воеводы в такие вотчины и посылщиков послать[2] не смеют, а прикащик и староста, кои принимали, давно (л. 102 об.) умерли и кнутом бить некого. И сего ради сей указ велми зделан прямой правде противен.

То бы указ прав[3] был, естли бы[4] написан был как богатому, так и убогому единоравен и написан бы он был с подлинным расположением и с явным изявлением, за какую вину брать зажилых денег по сту рублев и за какую вину брать по дватцати рублев и за какую вину и не довелось брать зажилых денег. И по нашему простолюдинскому мнению, аще не изменитца той указ, то великия пакости людям сочинятца.

[1] Приняли — Стр., Козл.
[2] Посылать — Стр., Козл.
[3] Прямой — Стр.
[4] Ежели бы — Козл.
[5] Доб.: люди — Стр.
[6] Опущ.: весма — Стр.

Многия бо дворяня маломочные и купецкие[5] весма[6] разорятца, понеже, аще кто и не на вековое житье кого примет, но наймет поработать на неделю или на месяц за денги или в деревне в пастухи, не ведая, что он беглой, наймут токмо на лето, а не в вечное усвоение, то помещик его возмет сто рублев зажилых, да на нем же будет сносных животов искать, елико хощет. И от такова расположения многие и без вины разорятца[1].

Мне же ся мнит, сия статья (л. 103) надлежит расположить сиц: аще кто беглаго человека примет на житье к себе в проки во крестьянство или в дворовые люди или и в бобыли, и принял хотя сам помещик, хотя прикащик ево, хотя староста, единаче зажилые денги брать на помещике том, в чьей деревне жил[2], потому, чья земля, того и беда. А прикащик иль староста невинен, потому что он не себе[3] ево принял, но господину своему, того ради и беда господину, а не прикащику ево. Нестаточное дело, чтоб прикащику иль старосте без воли помещика своего принять кого на житье.

Подобне и купецкой человек аще примет кого в вековое житье, а не на время, то всячески надлежит на таковых править по сту рублев, аще и недели у него не жил.

А буде кто станет насилно владеть чьим человеком, дворовым, или крестьянином, то, мне ся мнит, таковых и тяжчайши беглых людей штрафовать.

(Л. 103 об.) А естьли же кто наймет работать на год, а записи у крепостных дел не возьмет, то доволно и дватцать рублев с него взять, потому что он не в вечное владение его принял, но на время из заплата денежной.

А буде же кто наймет на день или на неделю в дому или где и инамо поработать, то на таковых наемщиков поручных записей брать некак. И таковые ни малому платежу неприличны, потому что они наняты на мало время.

А аще за наемщиков поденных и неделных и месячных брать зажилые денги, то всенародное разорение будет. Токмо то надлежит учинить, чтоб крестьяне всякаго звания, по прежнему просто, не токмо на год, но и на неделю, никуды

[1] Разоряются — Стр.
[2] Был — Козл.
[3] Не к себе — Стр.

бы ни в подводы от жилищь своих просто не ходили, но все бы государевых воластей [1] и властелинских и монастырских у соцких своих брали бы отпуски за их печатьми. Такожде и помещичьи крестьяня без писменных отпусков никуды бы не исходили, а с писмом таковым кто у кого ни наиметца из денежные (л. 104) заплаты, то нанявый от всякого платежа свободен.

Мне же ся мнит, ради самые правды надлежит о беглых крестьянех так учинить, чтобы как богатым и силным, так и убогим и маломочным безъобидно было. И я правее сего не могу предложити, еже написать сице.

Всякаго звания силные и безсилные послали бы во все свои вотчины, кои в близости и кои [2] и в понизовые новые и старые свои вотчины, и во украинные займища к прикащикам своим и старостам указы, чтобы без отлагательства новых и старых пришлых людей выслал [3] за проводниками, кои лет и по пятидесять или и больши жили за ними, и отдали б руками з женами и з детми и со внучаты их старым помещикам, чьи они были. И не то что по сту рублев на год, но и по сту копеек не надобно, толко б со всеми их животы движимыми отпустили бы, то и тому старые помещики велми [4] будут ради.

И во исправлении тоя отдачи дать (л. 104 об.) хотя на год сроку или и болши, чтобы все силные и безсилные совсем исправились в отдаче. И аще сиц состоитца его пресветлаго и. в. указ, то все помещики ради будут и без зажилых денег будут благодарны, и так бы все господа вотчины свои очистили, чтоб ни жадные души не оставили у себя пришлых людей ни мужеска, ни женска пола.

А буде кто за тою отдачею оставить [5] у себя, хотя малых робят, не то что многое число, но хотя одного, а после отдачи обличится, то на господине взять за женскую голову сто рублев, а за мужескую двесте рублев, а прикащику, да старосте по пятидесять ударов кнутом, а крестьяном всем по десяти ударов за тое утайку, чтоб и впредь государев указ помнили, и чево спросят, не таили бы.

---

[1] Властей — Стр.
[2] Доб.: и в дальности — Стр., Козл.
[3] Выслали — Стр., Козл.
[4] Опущ.: велми — Козл.
[5] Оставит — Стр., Козл.

И за сицевым указом, чаю я, что и высокие персоны не станут старых беглецов держать, а вновь, чаю, поопасутся, не то что сами господа, и прикащики и крестьяня все будут исправны [1].

А буде кто, не похотя [2] отвозить пришлых (л. 105) людей, да в воде потопит или и инако каким случаем умертвит, то за всякую голову по десяти человек повешено [3] будет. А кто пожиткам их коснетца, то на нем доправлено будет десятерицею и отдано будет тому, чьи те крестьяне были.

И сицевым образом, чаю, что все беглые крестьяня возвращены будут и во всей России пустоту всю населят, а во иных местех и со обилием наполнилось бы теми пришлецами.

И силным персонам и то будет забедно, что аще и без зажилых денег, но токмо з женами и з детми и со внучаты их и с пожитками их крестьянскими отдать их, то ведаю, что и о том будут охать. А тут им было легко приговорить, еже в прежнем указе написано, чтоб мелким помещикам отвозить з женами и з детми и з зажилами денгами, а самим, ведаю, что и подвод будет жаль дать. И того ради, чаю, что будут всячески сию статью спорить, чтобы сицевому указу не быть, любят они на чужой спине [4] ехать.

А буде не сице зделать о возвращении беглых крестьян, то не чаю я (л. 105 об.) концу быть, еже бы беглых всех возвратить на старые места и пустота б наполнить. Аще ныне высоким персонам послабить в отдаче беглых крестьян, то они старых всех у себя зажмут [5], а и вновь принимать будут, и правосудие прямое за такою их силою в России у нас не состоится. Сия статья видитца и не велми тяжка, что чужое отдать без наддачи, а высоким персонам покажетца за великую беду.

И аще сицевый его и. в. указ состоится, что всем, как нисским, так и высоким персонам всех пришлых людей вывести з женами и з детми и со внучаты, то я чаю, что одним годом вся пустота во всех деревнях наполнитца, и чаю, что иные и порожжия пустоши будут населять. И егда пустота вся напол-

---

[1] Будут страшны — Стр., Козл.
[2] Не хотя — Козл.
[3] Повелено — Стр.
[4] Земле — Стр.
[5] Заживут — Стр.

нитца людми, то и[1] интерес царскаго величества умножитца и егда жилее будет земля, то и купеческие промыслы разширятца.

Толко разве останутца те беглецы, кои бежали за рубежи, а и тех естьли его и. в. указ состоитца, что послать и за рубежи (л. 106) к тамошним жителем, то и они, чаю, что ослушны его в-ву не будут, вышлют все, у кого колко их есть. А буде кои на королевское имя записались, то и наипаче короли и курфисты тамошние с царским величеством в тех беглых пришлецах соритися не будут и колико у кого есть, чаю, что поскоряе наших велможь, а ис черкаских маетностей мочно, чаю, и посылкою взять.

В старом Уложенье напечатано: буде кто, похотя кого изубытчить, побьет челом напрасно, и егда сыщется, что бил челом он напрасно, то взять на том проести и волокиты по гривне денегь[2]. И кто и в прямом деле побьет челом, проести та ж гривна на день, хотя в рубле, хотя во сте рублех, хотя в тысяче иль в десяти тысячах рублев, то числитца та же гривна на день. И в том древнем расположении какая правда? А естьли прямо разсудить, то надобно всему розмер положить, по колику проести числить на день в рублевом деле и по колику в десятирублевом, такожде и во сте рублях и в тысяче, и вящши тысящи надлежит расположить имянно, по колику проестей[3] брать на день с какова иску, (л. 106 об.) и то чинить по записям и по иным случаям в прямых искех.

А буде кто нападет нагло, похотя кого изубытчить, и егда допряма сыщется, еже напал он напрасно, то чего он искал, без всякаго милосердия доправить на нем то ж число, чего он искал[4], и отдать тому, на кого он бил челом. А и проесть, по величеству иску расположа, доправить на нем же и отдать ему же, ответчику, да на нем же доправить пошлина въдвое дабы въпредь было ему и иным так делать неповадно.

Паки, егда кого обвинят в десяти тысячах, то указано стоять на правеже сто месяцев, и того времяни будет девять годов и два месяца. А егда выстоит те лета на правеже, то тот

[1] Опущ.: и — Козл.
[2] По гривне на день — Стр., Козл.
[3] Проестей — вписано на полях — Акад.
[4] Опущ.: без всякаго милосердия доправить на нем то ж число, чего он искал — Стр., Козл.

виноватой принесет челобитную, чтоб ему те денги собирать в перевод и в том переводе повелено дать сроку на толико ж лет, и истец, волочась[1], да и иску своему не рад будет. И то стала самая явная ворам и ябедникам потачька.

Мне же ся мнит, тыи статьи стараго Уложенья обе надлежит отставить и зделать так, чтоб каков иск (л. 107) ни был мал или велик, и егда кого обвинят в иску, то допросить ево, чтобы он дал сказку, когда он денги принесет. И буде на колко времени поволит ему истец дать во исправе сроку, то истец волен, хотя на год даст сроку. А приказным порядком болши недели на сто рублев дать не мочно, а в тысяче рублех[2] на десять недель, а болши того иль менши, то давать срок по росчислению платежа.

А буде скажет, что платить нечем, то послать все ево пожитки движимые и недвижимыя описать и, оценя, велеть продавать с наддачею. А ценовщикам велеть ценить прямою настоящею ценою, а буде ценовщики половинною ценою оценят, то за такую неправую оценку бить их кнутом. А буде выше настоящия цены оценят, то отдать им, ценовщикам, а у них денги принять и колико тех денег соберетца, отдавать исцу.

А и нынешней указ о нищих учинен не весма здраво, потому велено штрафовать тех, кои милостыню подают. (Л. 107 об.) И тем никогда не унять, да и невозможно унять, и то положение и богу не без противности, бог положил предел, что давать милостыня, а судьи наши за то штрафуют. [А им штрафовать] давалцов не надлежало, [но надлежало][3] по тому указу его ц. в. нищих всех перехватать и допросить, чьи они крестьяня иль посадские иль какие иные люди. И чьи они скажутся, то надлежало их розсылать на те места, откуды они пришли, а они, то отставя, давалцов штрафуют.

И сия статья правилнее б так учинить: кои хворы и увечны и престарелые, тем бы учинить покой, а кои ходят здоровые крестьяня и крестьянки и дети их, и тех, естли повелено будет, всякаго чина людям хватать, хотя в городе, хотя в деревне. Какой человек ни увидит нищаго здороваго, то, ухватя бы его, привел в приказную полату, и записать, где его взял, и, записав, отдавали бы их из приказу тому, кто ево

[1] Доб. повторно: волочась — Стр., Козл.
[2] Рублев — Козл.
[3] В Акад. сп. повидимому пропуск, восстановлен по Стр. и Козл.

привел, а буде он не возмет, то кто ево востребует, отдават бы вовсе, чей бы он ни был. А буде никто не возмет, то отсылат бы[1] их х каковым делам государевым. То дворяня (л. 108) лище заслышат, часу не будут мешкать, всех заберут к себе и по миру ходить уже не будут пускать. И таким способом одним годом или менши нищие бродить не будут и по улицам ходить не станут.

Есть бо много таких помещиков, летом крестьян своих и людей держат у себя на работе, а зимою посылают в мир и велят по улицам бродить и милостыни просить. И скитаючись по миру, аще у кого буде[2] найметца поработать и за роботу свою денги возмут, а те помещики, уведав то, что нанявшись, пожил месяц место иль другой, то они скажут, что он бутто збежал и, записав поимку, будет бит челом на того, у кого он из найму работал, о зажилых по указу. И тем не токмо купецким людям, но и дворянам чинят убытки великия.

А иные посадские такия люди[3] есть лежебоки, что живут своими домами, а не хотя ни торговать, ни работать, ходя по миру, милостыню собирают. А иные, сковавшись, ходят бутто тюремныя сиделцы и, набрав (л. 108 об.) милостыни, да домо[4] лежа, едят. А иные сами и промышляют, а детей своих посылают милостыни просить. И таковым нищим, освидетельствовав, надлежит и наказание дать неоскудное, чтобы даром хлеба не ели; буде кто промыслом своим прокормить себя не может, то шол бы на поденную работу или бы пошол в люди жить, а детей бы своих роздал мастеровым людям в научение, и, научась мастерства, могли и отца своего кормить. А скитаючись по миру, иного ничего не научится[5], только что воровать и тунеядцами быть. И таковые люди уподобились червию, что ничего не делают, а хлеб с свету губят даром.

Такожде и по тюрмам насажено у судей множество людей и те люди, тюремные сиделцы, ничесо[6] же не делают, толко лежат, да глеб[7] ядят, яко червие ж. И сия дела яко нищих,

---

[1] Опущ.: бы — Стр.
[2] Опущ.: буде — Стр.
[3] Опущ.: люди — Козл.
[4] Дома — Стр., Козл.
[5] Не научатся — Стр., Козл.
[6] Ничего — Козл.
[7] Хлеб — Стр., Козл.

тако и тюремщиков, не надобно судьям в презрение полагать, но велми надобно пещися[1] и не токмо одним судьям, но и подъячим, чтоб дней (л. 109) своих никакия люди даром не теряли и хлеба бы даром не ели. Бог не на то хлеб нам дал, чтоб нам ево яко червию съев, да в тлю претворить.

Но надобно, хлеб ядши, делать прибытак[2] богу и царя своему и своей братье и себе, дабы не уподобитися непотребному червию, иже токмо в тлю вся претворяют, а ползы ни малыя людям кроме пакости не содевают.

В России во всех городах и в селех и деревнях нищих и тюремных сидельцев, чаю, что наберетца тысячь десятка дватри или и[3] болши и на кийждо год хлеба они съедят на худой конец, что тысячь пятдесять четвертей или и шестьдесят. И естьли положить на человека с хлебом и с хорчом[4] и со одеждою их на самой малой оклад по шти рублев на год коемуждо человеку, то такими тунеядцами казны на кийждо год в тлю претворитца близ дву сот тысячь рублев. И такая великая гибель чинитца вся от нерадения судейскаго, в поборех за гривну хотят из человека душу вытянуть, а где многия тысячи погибают напрасно, того ни мало не смотрят и не внимают тому, как бы в чом прок зделать (л. 109 об.) к пополнению царственнаго богатства, но толко то считают, что налицо принимают, то и в прибыль почитают. А что тем собиранием своим бед наделает людям, паче же самому великому государю наделает убытков множество, то ничего того не смотрят и не радят о том.

Самое основание собранию то радетелное, еже его и. в-ву кто потщится казну собирати, а людей не разорит[5]. А сего всем правителем паче собрания смотрить, чтобы ничто нигде даром не пропадало и никакие б люди хлеба даром не ели, но вси бы трудились и плод приносили.

Вси бо судьи и правители[6] нарицатся[7] ц. в-ву радетели и слугами верными наричут себя. А естьли здравым оком по-

---

[1] Тщится — Стр.
[2] Прибыток — Стр., Козл.
[3] Опущ.: и — Козл.
[4] С харчом — Стр., Козл.
[5] Не разорить — Козл.
[6] Управители — Стр., Козл.
[7] Нарицаются — Стр., Козл.

смотрить на них, то все их радения вопреки явятся прямому радетелю, не то, что чего собраннаго беречи, но и не собраннаго смотрить пилно, чтобы ничто нигде не тратилось и дней бы своих никто даром не терял.

И всякия собранныя вещи не токмо в царских сокровищах, но и во всем (л. 110) мире за богатыми и за убогими прилежно смотрить, чтобы нигде ничто и их даром не пропадало и излишняго ничего б нигде не тратили, то то такой человек прямой будет царственному богатству собират[ел]ь.

И всякому правителю во своей провинцыи или и канцелярии, аще кто восхощет государю своему порадети, то не надобно ему много пить и прохладно жить и по лесам зайцов ловить, но о том все свое попечение иметь, како бы скоряе дела вершить и чтоб в приказе и в тюрме лишних дней не сидели и хлеба бы напрасно без работы не ели, но все бы были у дел своих. Кои по вине своей достойны[1] смерти, то тех не для чего долго[2] и томить и даром хлеб в них тратить, но надлежит их вершить.

А и по кабакам надобно смотрить, чтобы ярышки голые без работы не жили тут. А буде кои для работы годны, то брать на них крепости, чтобы им никаким дурном не промышлять и зерьнью не играть и пристани никаким лишним (л. 110 об.) людям не держать, чтобы без работы никакой человек не был.

А кои люди надлежат какова наказания, то таковых не надлежит и дня единаго в тюрме иль в приказе держать, чтоб он дней своих даром не терял. А коих надлежит сослать на рудокопные дела и на иные черные работы, то и тех долго держать не для чего ж, но, запятнав вечным или времянным пятном, отсылать их, кои куды надлежат[3], не мотчав[4], чтобы они даром хлеба не ели.

А и кроме приказа всякому командиру во своей каманде смотрить накрепко, чтобы никто нигде даром не шатался и робята молодые кроме праздничных дней отнюд бы по улицам ни кознами, ни кубарями, ни иными какими играми не

[1] Достойны — вписано над строкой; зачеркнуто: не — перед смерти — Акад.
[2] Не для чего болше — Козл.
[3] Надлежит — Стр., Козл.
[4] Не мешкав — Стр.

играли, а и в мужестве сущия никаковые вещи напраско не тратили и яйцами б не билися. И никакова чина люди и дворяня без писменнаго указа хлеба бы в вино не переводили и за крестьянами своими сами бы смотрили и прикащикам и старостам накрепко бы заказали, чтобы никакой крестьянин гуляком не был ни летом (л. 111) ни зимою. Не токмо болшие но и малыя ребята даром не шатались бы, но овыя училиcь бы грамоте, а иные рукоделью, каковые[1] водитца во крестьянах, училиcь бы. Буде кой топором еще и не сможет владеть, то бы прясть училиcь и, научась, шли бы на полотняные дворы и там бы зимою из найму или и из хлеба работали, а летом полевую б работу работали. И аще в юности навыкнет работать, то и под старость гуляком не будет.

А сие и не без греха есть, что за самыя [малые][2] вины да в тюрму сажают, а иных и безвинно сажают, иного посадят и на час, да забудут, то он в забвении просидит и год место. И ради памятования надобно всякому судье безотложно на всякой день колодников своих всех пересматривать, и всех их ставить перед себя налицо, то нелзя будет подьячему иль приставу посадить за хоженое свое. И смотря колодников, всех бы новоприводных сам допрашивал, кто в каком деле приведен. И буде дело до кого малое, то того бы часа и решение ему учинил, то бы он промышлял, а, в приказе б сидя, дней своих не терял.

(Л. 111 об.) И аще все судьи тако будут управлять, колодников повседневно пересматривати и решение им чинить немедленное, то и тюрмные[3] дворы не надобны будут. От неуправления судейского велми много в мире пакостей и разорения чинитца и погибают многие напрасно, ибо многия, в заключении сидя, з голоду и от всякия нужды умирают безвременною смерьтию.

И о колодничем сиденье, мнитца, надлежит предел учинить сицевый: буде кто взят в розыскном деле, то решить ево в неделю и болшое что в две, а в исцовых делах держать больши суток отнюд не надобно. А буде за сутки будет кой судья в исцове деле держать, то кормит[ь] того колодника

[1] Каковое — Стр.; каково — Козл.
[2] Опущ. в Акад.; восстановлено по Стр., Козл.
[3] Тюремные — Стр., Козл.

судье своим хлебом, и естьли учинено будет тако, то по нынешнему держать долго не будут. А сие весма надлежит отставить [1], чтобы по улицам перекованным колодникам, ходя [2], милостыни не собирать. Ныне, истинно, стыдное дело, что в нищих да в колодниках пройти невозможно.

В старом управлении судебных дел было уставлено [3], буде в каком займе или иманье из казны денег поручатца поручтчики в тысяче рублех (л. 112) человек десять или дватцать, а писали в записях, взять те денги на заимщике и на поручтчиках, кто из них в лицах будет. И по такому обыкновению, аще заимщик [4] не исправитца, то, высмотря ис поручтчиков, которой посытнее, да буде не умеет за себя стать, то на одном на нем и доправят и совсем ево разорят. А иной заимодавец немилостивой, как срок придет платежу, а заимщик не исправитца, то не даст сроку ни на неделю, всех поручтчиков захватит в приказ, и егда обвинят их, то всех их разорит [5] до основания. Буде денег не принесут [6] въскоре, то пожитки у всех заберут безсрочно и оценять [7] дешевле половины и все распродадут за бесценок. И тако всех поручтчиков и разорят и межь двор пустят и от такова порядка многое множество народа в нищие пошло и то стало быть самое царственное разорение.

А аще зделать, так, чтобы во всякие поруки ручались поручтчики по своей мочи, аще и в великом займе тысящном или и многотысящном (л. 112 об.) станут ручатца, то всякой поручтчик ручался б по своей силе. Буде кой может тысячу рублев заплатить, то бы в том и ручался и в руке своей имянно бы и описал, что он ручаетца в тысяче рублех, а кто с тысячу рублев не сможет, то всякой бы по своей могуте, кто во сте рублех, кто болши иль менши. И буде кто больши десяти рублев заплатить повытку своего не сможет, то в десяти руб-

[1] Оставить — Козл.
[2] Хотя — Стр., Козл.
[3] Было уложено — Козл.
[4] И на поручтчиках, кто из них в лицах будет. И по такому обыкновению, аще заимщик — вставлено на полях — Акад.
[5] Разорят — Стр.
[6] Не принесет — Стр.
[7] Оценят — Стр., Козл.

лех и подписался бы, и егда заимщик платежем не исправится, то болши десяти рублев с него бы не было взятья. И тако всякой поручтчик, что в руке своей написал, то и заплатит и по такому регулу никогда бы поручтчики от поручения своего не разорялись и ручатца бы стали охотнее.

В старом Уложенье напечатано, еже сажать в некоторых делах за вину сажать [1] в тюрму годы на три и на четыре и болши, и та статья мне возмнилася весма непристойна. Но чем посадить в тюрму да морить лет пять иль шость, то лучши приложить ему наказания или иного (л. 113) какова штрафования, а дней жития человеческаго терять не надобно. Человек, на воле будучи, иной подле себя и посторонних человек пять-шесть или и болши может прокормит [2], а в тюрме сидячи, и себя прокормить не можно, но въместо червя будет хлеб есть и в тлю претворять без прибытку.

В Новегороде в прошлом 718-м году пойман Ямъбурских стеклянных заводов того стекляннаго дела ученик Иван Семенов в том, что он сам себе пошпорт [3] написал своею рукою. И дважды он розыскиван в том, что не писывал лы [4] кому иному пошпортов или иных каких писем. И кроме того своего пошпорта не явилось, и видя, что иной вины никакой нет, то бросили ево в тюрму. И сидел в тюрме при Иване Мякинине три годы, а решить ево не мог, знатное дело, что дать тому ученику было нечево, а он, Мякинин, любил денги, а даром он никому ничего не делал. И буде, кто болши принесет, тот и прав будет его судейским разсуждением; он, будучи в судействе, не смотрил (л. 113 об.) на правду, но смотрил на денги.

И таким судейским гнилосуждением пять лет без одного месяца просидел в тюрме и вся та пят[ь] лет погибла. А естьли бы он, Мякинин, не алтынничал, да, по указу учиня б ему наказание, свободил, то бы он ста два-три прибыли в царстве зделал бы, а, сидя в тюрме, хлеб ел лежа, и тот хлеб пропал даром.

И ради совершеннаго таковых дел исправления, надобно у бога всещедраго милости попросить, чтобы он, человеколюби-

[1] Опущ.: сажать — Стр., Козл.
[2] Прокормить — Стр., Козл.
[3] В Стр. и Козл. везде: пашпорт.
[4] Ли — Стр., Козл.

вый бог, на дело сие милостивно призрил. И возложась на его божию волю, надлежить для установления самые правды первее состроить судебная книга с тонкостным расположением на великия и малыя дела, как кои дела решить. И так надобно ево устроить, чтоб никакова дела наизусть не вершить, но всяким бы делам[1] решение наказания и милости ясно означено было, за что какая жесточь и за что какая милость, чтобы по тому расположению и маломысленной судья мог прямо всякия дела разсуждати.

ГЛАВА 4

О КУПЕЧЕСТВЕ

(Л. 114) И купечества в ничтожность повергать не надобно, понеже без купечества никаковое[2], не токмо великое, но и малое царство стояти не может. Купечество и воинству товарыщь, воинство воюет, а купечество помогает и всякия потребности им уготовляет.

И того ради и о них попечение неоскудное надлежит имети. Яко бо душа без тела не может быти, тако и воинство без купечества пробыть не может; не можно бо ни воинству без купечества быть[3], ни купечеству без воинства жить.

И царство воинством разширяется, а купечеством украшается, и того ради и от обидников велми надлежит их охраняти, дабы ни малыя обиды им от служивых людей не чинилось. Есть многие несмысленные люди, купечество ни во что ставят и гнушаются ими и обидят их напрасно. Нет на свете такова чина, коему бы купецкой человек не потребен был.

(Л. 114 об.) И так купечество годствует блюсти, чтоб не токмо от обидников посторонних, но и они между собою друг бы друга не обидели и в купечество их иночинные люди отнюд бы не въступали и помешательства ни малаго им не чинили, но дать им торг свободной, дабы от торгов своих сами полнились и его и. в. интерес умножали.

[1] Делам — вписано над строкой — Акад.
[2] Никакое — Козл.
[3] Пробыть — Козл.

Егда бо торг дан будет рускому купечеству свободной, чтоб не токмо иночинцы, но и иноземцы в торгу руским людям помешательства ни малого б не чинили, то и пошлинной збор будет не в том сочислении. Я так мню, что при нынешнем зборе пошлины будет собиратися въдвое или и[1] въ трое, а ныне от разночинных промышлеников пропадает ее болшая половина.

Буде кто, коего чина нибудь, аще от сигклита, или от афицеров или от дворянства или и[2] из приказных людей или церковные причетники или и крестьяня похотят торговать, то надлежит им прежней свой чин отставить (л. 115) и записатца в купечество и промышлять уже прямым лицом, а не пролазом и всякие торги вести купечески[3] с платежем пошлин и иных каких поборов с купечества равно со всем главным купечеством. И без согласия купеческаго камандира утайкою по прежнему, воровски, ничего не делать и пошлиннаго платежа ни малаго числа не таить.

Надобно всякому чину прямо себя вести, чтобы[4] пред богом не погрешить и пред царем в вине не быть. И как жить, так надлежит и слыть, аще воин, то воин и да будет, и аще иного звания человек, то всяк[5] свое звание и да хранит цело.

Сам господь бог рек, глаголя, яко един раб не может дву господам служити (Матф., глава 6, стих 24)[6]. Тако и воину и инаго чина человеку всякому[7] свой чин прямо вести, а в другой предел не вступати, аще бо кому х купечеству прилпнутися, то в военном деле солгать будет. Сам же спаситель наш рек, глаголя, яко иде же сокровище ваше[8], ту и сердце ваше будет. (Л. 115 об.) А святый Павел апостол глаголет, яко никто воин обязуяйся куплями угоден будет воеводе (2 Тим., глава 2, стих 4)[9]. А и по простонародному речению

[1] Опущ.: и — Стр.
[2] Опущ.: и — Стр.
[3] Купеческие — Стр.
[4] Чтобы — вписано над строкой — Акад.
[5] Доб.: бы — Стр.
[6] Вставлено на полях.
[7] Доб.: бы — Стр.
[8] Наше — Акад.; исправлено по Стр., Козл.
[9] Вставлено на полях — Акад.

есть глагол приличен сему, еже глаголетца: одно взять, либо воевать, либо торговать.

И посему воину и всякому иночинцу отнюд купечествовать не подобает, но буде у кого желание х купечеству припадет, то уже в тот чин и въписатися надлежит.

И сего ради, аще не учинить о сем предела, еже посторонних торговцов из господ и из протчих приказных и военных людей и ис крестьян не унят[1], то весьма обогатитись купечеству невозможно и собранию пошлинныя казны умножатися не от чего будет.

А аще господь бог у нас в российском царстве устроит сице, еже судьи и все правители будут кийждо управлять свое дело с прилежанием, а в купечество не въступати, но токмо их от обидников защищати, такожде и военным людям, ни афицерам, ни салдатам в купечество (л. 116) не въступати же и ничем их не обижати, токмо пещися о своем деле военном. Такожде и приказные люди пеклись бы о своих приказных делах, а в купечество отнюд бы не въступали ж, а и мастеровые люди питались бы своим рукоделием, а в купечество и тии не въступали ж бы, такожде и крестьяня знали бы свою крестьянскую работу, а в купецкое дело ни мало не прикасались бы. А буде кой крестьянин может рублев на сто торговать, то тот бы, чей ни был крестьянин, государев ли или царицын или митрополей или монастырской или санатской или дворянской или какова звания ни был, а торгу на ста рублев имеет, тот бы записался в купечество. И аще и там поволено[2] будет им жить на старине, а уже пахоты ему не пахать и крестьянином не слыть, но слыть купеческим человеком и надлежит уже быть под ведением (л. 116 об.) магистратским и с торгу своего пошлина платить в мелочные зборы или по окладу со всего торгу уколом, то так тому и платить неизменно.

А дворяня ради себя пасли бы своих крестьян неоплошно и прикащикам своим и старостам наказали б накрепко, чтоб крестьяня ево ни мало к торгу не прикасались бы и никогда бы даром ни летом ни зимою не гуляли, но всегда б были в работе, а х купечеству ни малым торгом[3] отнюд не

[1] Не унять — Стр., Козл.
[2] Повелено — Стр.
[3] Ни малых торгов — Козл.

касались бы, такожде и сами дворяня ни х каковому торгу не касались бы.

И буде кой крестьянин и богат, то бы он пустоши нанимал, да хлебом бы насевал и тот излишней хлеб продавал бы, а сам у иных крестьян ни малаго числа для прибытку своего не покупал бы. А буде купит[1] хотя одну[2] осмину, а кто свой брат крестьянин или и тот, кто продал, пришев[3] в таможню, известит, то у того торгаши[4] взято будет штрафу сто осмин, а кто о том донесет, дать десять осмин. А буде кто купит для продажи десять четвертей, то взято будет (л. 117) на нем штрафу тысяча четвертей, а кто доведет, тому сто четвертей.

А буде коему крестьянину припадет охота х купечеству, чей бы он ни был, явился б в магистрате и сказал, что могу я торговать на сто рублев или на двесте или и вящши, то указом его и. в. взят будет в купечество.

И аще сие бог устроит, еже всякаго звания человек будет пещися о своем деле, то всякие дела будут споры, а купечество так обогатится, что не в пример нынешнему богатству. А пошлины будет с них собиратися не то что въдвое, чаю, что нынешняго збору и въtрое больши будет[5] или и вящши.

Потому что ныне торгуют бояря, дворяня и люди их и афицеры и салдаты и крестьяне, то все те торгуют безпошлинно, а и купецкие люди за их имяны множество провозят[6] безпошлинно же. И я не чаю, чтобы ныне и половина прямо пошлин собиралося, да и собрать ее не мочно, аще не отставить (л. 117 об.) вовсе торгу от господ и от служивых людей, потому что прикоснулись торгу лица силные, а кои и несилны, то магистрату неподсудны.

Я и о сем всесовершенно знаю, что в одном Новгородском уезде крестьян, кои торгуют, будет сто другое, а пошлин ни по денге не дают. И аще кой зборщик, увидя их, похочет пошлину взять, то дворяня за них въступятца и чуть

[1] Доб.: кто — Стр.
[2] Опущ.: одну — Козл.
[3] Пришед — Стр., Козл.
[4] Торгаша — Козл.
[5] Будут — Козл.
[6] Производят — Стр.

живых оставят, и на то смотря, никакие целовальники и прикоснутца к ним не смеют. А есть такие богачи, что сот по пяти-шти имеют у себя торгу, а великому государю не платят ни по денге.

И естьли вся сия устроятся[1], то яко от сна купечество возбудится.

А сей древней купецких людей обвычай[2] велми есть не прав, еже и между собою друг другу неправо чинят, ибо друг друга обманывает, товары яко иноземцы, тако и руские, на лицо являют добрые, а внутрь положены или соделаны плохи. А иные товары и самые плохие да, закрасив добрыми, (л. 118) продают за добрые и цену берут неправедную и неискусных людей тем обманом велми изьянят и в весах обвешивают и в мерах обмеривают и в цене облыгают. И тое неправды и в грех себе не поставляют и от такова неправаго порядка незнающим людям великия пакости чинятца.

А кои и обманивают, последи за неправду свою и сами все пропадают и во убожество вящшее приходят, и тако вси оттончевают.

А аще бы в купечестве самая християнская правда уставилася, еже добрые товары за добрые бы и продавали, а средние за средние, а плохие за плохие и цену б брали по пристоинству товара прямую настоящую, по чему коему товару цена положена, а излишние б цены ни у какова товара не то что взять, но и не припрашивали б, и ни стара, ни мала, ни несмысленнаго не обманывали бы, но во всем поступали б самою правдою, (л. 118 об.) то благодать бы божия возсияла на купечестве и божие благословение почило бы на них и торг бы их святой был.

И ради неподвижные в купечестве правды надлежит во всех рядех устроит[3] сотских и пятидесятских[4]. И в коей лавке сидит сотской, то над дверми лавочными прибить дошочка окруженная покрытая белилами, дабы всем она знат-

[1] Строится — Стр.
[2] Обычай — Стр., Козл
[3] Устроить — Стр., Козл.
[4] Доб.: и десяцких — Стр., Козл.

на была, и на такой дщице[1] написать сице: сотской[2]. Такожде над лавкою и пятидесятскаго и десятскаго, чтобы купующие, купя какой товар, знали где тот товар показать, прямо ли отвесил или отмерял и товар доброй или плохой и настоящую ль цену взял.

И буде взял цену не противо настоящия цены излишную, то за всякую излишную копейку взять на нем штрафу по гривне или по две и высечь батоги или плетми, чтоб вътредь так не делал. А буде в другой ряд так (л. 119) же учинит, то доправить штрафу сугубо и наказание учинить сугубое жь.

А буде кто неправо отвесит или неправо отмеряет или не такой товар даст, какова купец требовал, или вместо добраго худой[3] продаст, то таковому жесточае чинить наказание, а штраф противо товарные цены взять десятерично[4].

А буде в той неправости помирволит[5] продавцу сотской или пятидесятской или десяцкой, то взять штраф на десяцком в десять мер, а на пятидесятском[6] в пятдесят мер, а на сотском во сто мер[7], и наказание чинить им кнутное по колику ударов уложено будет.

И дать тем сотским и пятидесятским инъструкцыи с великим подкреплением, чтобы они за своими десятскими смотрили неоплошно, дабы они никаковому десятчинину[8] понаровки ни малые не чинили и плохо б сего не клали, но боялись бы яко огня, дабы не дошло до великих лиц. И чтобы те десятские и по лавкам досматривали, чтобы (л. 119 об.) никакова товара худово добрым не закрашивали, но каков кой есть, таков бы и продавали, доброй за доброй, а средней за средней, а плохой за плохой и весили бы и меряли самою правдою и излишние цены ни у какова товара не прибавливали бы и не припрашивали бы, но чего стоит, того бы

[1] Дощице — Козл.
[2] Сотской — крупными буквами; в Акад. и Козл. сп. обведено пунктиром.
[3] Доб.: простой — Козл.
[4] Десятирицею — Козл.
[5] Позволит — Стр.
[6] Или десяцкой, то взять штраф на десяцком в десять мер, а на пятидесятском — вписано на полях — Акад.
[7] Опущ.: а на сотском во сто мер — Стр.
[8] Десятчинину — вписано над строкой — Акад.

и просили. А и[1] заморские б товары, сукна и камки и прочие парчи меряли бы и продавали с перваго конца, а не з раваднего. И каков купец ни пришол, богат или убог, аще разумен или и ничего не смышлящь, всем бы единаче правдою продавали и ни у рубля, ни у десяти рублев единые копейки не имали и не припрашивали бы.

Старик, нелзя одной цены уставит[ь], веть товару имя одно, да добрата не одна. Ину пору уж и ты врьош![2]. И самыя ради безпорочные правды не худо бы всяким товарам весовым и локотным положить цена уставленная, чтоб она какова в первой лавке, такова была и в последней.

(Л. 120) А что с кого надлежит за какую вину взять штрафу, и тот бы штраф собирали сотские, не отлагая до иного дня, но когда кто провинитца, тогда бы и платился и, приняв штраф, записывали бы в закрепленную книгу и помесячно относили бы их в кантору надлежащую.

А со иноземцы приежжими на ярманках без воли главнаго купеческаго правления камандира ни великаго, ни малаго торгу не чинили бы. А буде кто, хотя на один рубль дерзнет приежжим[3] иноземцам продать какова нибудь товара, без воли вышняго своего камандира, то взять на нем штраф сторичной, за всякой[4] рубль по сту рублев и наказанье учинить кнутом, колико уложено будет ударов дать, дабы помнил и въпредь так не делал.

И с воли камандира своего и по согласию купечества, поставя цену товару своему, отпускали бы за море и за прочие рубежи руские товары как богатые, так и убогие с воли камандира своего по общему (л. 120 об.) согласию кампанства, чтобы никому обиды не было.

И егда иноземец сторгует какова товара рускаго многое

[1] Опущ.: и — Стр.

[2] Старик... и ты врьош — является очевидно вставкой или заметкой читателя, попавшей затем при дальнейшей переписке в текст; имеется кроме Акад. сп. в ином варианте в Лапт., Бел., Усть-сыс. сп.; опущено в Стр., Козл. В Лапт. и Усть-сыс. сп.: спорить нельзя одной цены уставить, веть (весть — Лапт.) товару имя одно, да доброта не одна, ину пору да и поплоше; в Бел.: уставить нелзя одной цены, веть товару имя одно, да доброта не одна.

[3] Проезжим — Козл.

[4] Доб.: взятой — Стр., Козл.

число или и малое, то всем руским людям, как богатым, так и убогим, комуждо из своих товаров поверстався по количеству товаров своих, чтоб ни богату, ни убогу обиды не было. А буде кто не похочет товару своего для малыя продажи росчинать, то как кто похочет, в том воля мочно дать.

И тако творя, между всеми купецкими людми будет мирно и согласно и цены никому уронить будет нелзя. И по чему какому товару цену с общаго совета наложат, то уже иноземцы по той цене и нехотя возмут.

А буде иноземцы, похотя[1] нашим товарам цену снизить, и товаров по наложенно[й] цене брать не станут, то надлежит у маломочных товары все богатым на себя снять[2].

И буде купецкие люди за недостатком денежным не соймут, то выдать (л. 121) бы им денги из ратуши и отпустить их восвояси, и въпредь до указу таковых товаров не возили бы, хотя годы два-три или и болши, донележе со иноземцы торгу не будет, промышляли бы иным каковым промыслом.

И пока иноземцы по наложенной цене товаров наших принимать не будут, до тех времен отнюд ни малого числа таких товаров на иноземческие торги не возили бы.

И буде иноземцы, восхотя[3] наших купцов принудить к своему умыслу, еже бы наших руских товаров[4] ценою не звысит[5], а своих не снизить, оставя торг, поедут за море без наших товаров, то и свои они товары, с коими приехали, повезли бы все с собою назад. А в анбары с кораблей, не сторговавшись, отнюд класть им не попускать бы, хотя за анбары въдвое или втрое наемные денги давать станут, или где в домы похотят сложить, отнюд того им не попускать. Но когда (л. 121 об.) наших товаров им не брать, то и своих товаров оставлять им не для чего, как привезли, так пусть и назад повезут.

А в другое лето буде приедут, то надлежит нам на свои руские товары ко уставленной прошлогодной цене приложить на рубль по гривне иль по четыре алтына или как о том указ великаго государя состоится, како бы купечеству

[1] Похотят — Стр., Козл.

[2] Взять — Козл.

[3] Восхотят — Козл.

[4] Вместо товаров: купцов — Козл.

[5] Не взвысить — Стр.; не возвысити — Козл.

сличчно было и денги бы в том товаре даром не прогуляли.

А буде два года иноземцы с торгом не будут, то на прежнюю цену наложить еще толико же, колико на первый год наложено. И тако колико годов ни проволочат они упрямством своим, то на кийждо год по толикой же накладке на всякой рубль налагать, не уступая ни малым чем, чтобы в купечестве денги в тех залежалых товарех не даром лежали, но прецент бы на всякой год умножался.

И аще в тех прецентах товарам (л. 122) нашим возвыситца, что коему прежняя цена была рубль, а во упорстве иноземском возвысится в два рубля, то такову цену уже и въпредь за упрямство их держать, не уступая ни малым чем.

И аще иноземцы упрямство свое и отложат и станут товары свои возить к нам по прежнему и наших товаров себе вострребуют, а уже цены на руские товары прибавленой отнюд бы не убавливать и в предьбудущие годы по той же наложенной цене продавать, почему во упорстве их иноземском наложилась.

И буде двойные цены за наши товары не похотят нам дать, то и их товары перед ними, мы за божиим благословением можем и без их товаров пробыть.

Обаче же я мню, хотя они и хитры в купечестве и во иных гражданских росправах, а аще уведают нашего купечества твердое положение о возвышении цены, то не допустят до двойные цены, будут торг иметь (л. 122 об.) повсегодно. Видя бо наше твердое постоянство, всячески упрямство свое прежнее и гордость свою всю, и нехотя отложат, нужда пригоняет и к поганой луже. Для нас хотя вовсе они товаров своих к нам возить не будут, мы можем прожить и без их товаров, а они без наших товаров и десяти лет прожить не могут. И того ради подобает нам над ними господствовати, а им рабствовати пред нами и во всем упадка[1] пред нами держать, а не гордость.

Сие странное дело, что к нам приехав с своими безделками, да нашим материалным товарам цену уставливают нискую, а своим цену ставят двойную, а иным товарам и выше двойные цены.

И не до сего ста, но и денги нашего великаго царя ценят,

[1] Упадки — Стр.

до чего было им ни малаго дела не надлежало, им надлежит денги ценить своих государей, потому что они власть имут над своими владельцы. А наш великий император сам (л. 123) собою владеет и в своем государстве[1] аще и копейку повелит за гривну имать, то так и может правитися. Мы в своем царстве с воли монарха своего волны на привезеные их товары цену налагать, а буде им нелюбо, то на ту цену не отдавай[2], волен он и отдать и не отдать, нам силою у него не отнять. А в том мы можем стоять, что несторгованому и негодному на сухом берегу места не дать, либо назад повези, либо[3] в корабле держи.

Время было уже им прежняя своя гордость и отложить, плохо им было над нами ломатца тогда, когда сами наши монархи в купеческия дела не въступали, но управляли боляря. И, приехав, они, иноземцы, засунут[4] силным персонам подарок рублев во сто-другое, то за сто рублев зделают они, иноземцы, прибыли себе по милиону, почему что[5] бояря не ставили купечества ни в яишную скорлупу, бывало на грош все купечество променяют.

А ныне, слава богу, монарх наш вся сия разсмотрил и подлесть им (л. 123 об.) уже некак, еже бы им по прежнему своему хотению уставить и на своем поставить.

И естьли они[6], иноземцы, от упрямства своего годы двατри или и пять-шесть торговатца с нами не будут, то купечеству нашему великая и неисчислимая[7] прибыль будет, потому которые товары покупались у нас в Руси по рублю, то будут уже в покупке по полтине или и менши. А иноземцам менши уставленные цены за иноземческое упорство збавить отнюд не мочно, потому что такая цена уставилась за их непокорство.

Они на свои товары[8] без жадные причины наложили цену высокую и тем нас велми изневажили, а им изневага не

[1] Царстве — Козл.
[2] Не отдавали — Стр.
[3] Или — Стр.
[4] Да сунут — Стр.
[5] Потому что — Стр., Козл.
[6] Опущ.: они — Козл.
[7] Неищисленная — Стр.
[8] Товары — вписано над строкой — Акад.

от нас, но от своего им упрямства. Они в причину поставили руские наши денги, до чего им ни малаго дела нет. Денги наши когда в их землю придут, то хотя они (л. 124) нашу копейку и за денгу не возмут, то в том они волны: их земля, их и воля. А в нашей земле нет им ни малыя власти, но волен нашь монарх, а по его монаршей воле и мы имеем некую часть воли. А они, пришед в нашу землю, ценя наши денги, да всяким своим товарам цену возвысили. Червонные были без гривны по сороку алтын, а ныне по два рубли, яфимки были по осмнатцати алтын, а ныне и по осми гривен. Меди пуд был по три рубли, а ныне по семи и по осми рублев, олово было не з болшим по три рубли, а ныне выше шти рублев, горючая сера была по полтине пуд, а ныне втрое выше[1] продают. Бумага пищая, коя была стопа по осми гривен, ту ныне продают по два рубли. Оконечных стекол ящик покупали по три рубли, а ныне продают по десяти рублев. И колико ни есть заморских товаров, на все наложили они цену двойную, да тройную и тем они хощут российское царство пригнать (л. 124 об.) ко оскудению. И издеваяся над нами, вьместо материалных товаров возят к нам разные питья, да похваляют их: «то питье честное и весма похвалное», дабы[2] слыша их такую похвалу болшим[3] у них покупали и денег бы им болши давали. А нам бы то их пить[е] выпить, да высать, а иное и выблевать. Да привозят к нам стекляную посуду, чтоб нам, купив, разбить да бросить. А нам естьли заводов пять-шесть построить, то мы все их государства стекляною посудою наполнить можем.

И того ради велми надлежит нам себя осмотрить, их немецких росказов нам не переслушать, они какую безделицу ни привезут, то, надседаяся, хвалят, чтоб мы болши у них купили. И уже чево не затеют, и пиво, наваря да налив в бутылки, привозят, да продают бутылку по десяти алтын, а нам мочно та бутылка наложить на (л. 125) алтын или на две копейки.

И аще нашим товарам высокая цена уставитца или и не

[1] Болши — Стр.
[2] Дабы — вписано над строкой — Акад.
[3] Болши о — Стр., Козл.

уставитца, то в воли монарха нашего, как он поволит, так[1] и будет неизменно.

А их заморские товары весма надлежит принимать купечеству нашему[2] по разсмотрению и по согласию общему и с воли камандира своего, а не по прежнему, самоволно. И выбирались бы[3], кои товары были[4] прочны и самые б были добрые, а плохих отнюд бы не принимали. И те принятые товары такожде делили бы между собою полюбовно по количеству своих товаров с общаго же совета, чтобы ни кому и малыя обиды не было.

А буде же иноземцы на тот отборной товар еще сверх настоящия цены [наложат цену][5] излишную, то и того отборнаго товара с наложением прибавочной их цены не брать бы у них ничего, но брать по настоящей цене, какова до того отбирания уставилась.

(Л. 125 об.) А буде заупрямятца и отдавать тех товаров по настоящей цене не похотят, то отказать им, пусть весь свой товар повезут назад. А плохих и непотребных товаров и на полцены отнюд бы не принимать ни малаго числа для того, чтобы они дураками нас не называли и в товарах наших над нами не издевались бы.

А наипаче таких товаров не принимать, которые, купя, выпить, да выссати, или, приняв, розбить и бросить[6]. Стекляная посуда мочно нам к ним возить, а не им к нам, и всякие товары, кои непрочны и портятся скоро, яко же обшивные их иноземческие пугвицы, принимать их и на полцены не надобно, понеже пока человек кафтан носит[7], то обшивные пугвицы двои или и трои переменит. И того ради годствует принимать пугвицы медные плотные, кои паяны не оловом или кои и без пайки, да насажены на деревяные болвашки, или оловянные серебром посеребрены на жестяных чашках. (Л. 126) Такожде кои вьместо сталных привозят визмутовые пугвицы, то и таких принимать не надобно

[1] Опущ.: так — Стр.
[2] Опущ.: купечеству нашему — Стр.
[3] И выбирали бы — Стр.
[4] Опущ.: были — Стр.
[5] Опущ. в Акад. сп.; восстановлено по Стр. и Козл.
[6] И бросить — вписано над строкой — Акад.
[7] Носит — Стр., Козл.

ж, для того что и они непрочны ж, а принимать самые прочные, с коими бы мочно было кафтана два-три износить, буде и стеклянные черные, да зделаны на железных самых плотных ушках, то таковые мочно брать, потому что они велми потребны, платья не дерут, а к носке прочны, а цена им не высокая. Буде станут ушки делать у них гораздо плотны, то они портищь пять-шесть переносят.

А и во всяких товарех смотрить того накрепко, чтобы был прочен. И парчи всякие, кои бывают к носке прочны, те и брать, а кои на клею камчицы и атласцы и стофцы[1] хотя кои и цветны, таковых и на полцены принимать не надобно и никому[2] из таких парчей и платья делать надлежит[3] призапретить[4], потому что в них денгам перевод.

(Л. 126 об.) И не токмо шелковых, но и гарусных товаров, кои неплотные и к носке непрочны, чулки и парчевые вещи, кои скоро пропадают, таковых никогда ж принимать не надобно. Такожде и линтов, кои весма тонки и плохи, хотя самою малою ценою не доведетца же брать, но брать те линты[5], кои весма плотны, хотя и ценою выше, толко б к носке были прочны. А с мишурною битью и никаких линтов не принимать, потому что в них никакова проку нет, токмо денежная напрасная трата.

Такожде и платков шелковых немецких и персидских не надлежит же покупать нам, потому что и в них токмо одна денежная истрата, а самые потребы ни полу нужные нет. Дать за него рубль или полтара рубли и годом платка два-три истеряет, а на другой год толико же надобно, и лет в десяток иной щоголь (л. 127) платков пятдесят истеряет, и хотя по рублю положить платков[6], то пятдесят рублев истратит. И на всякой год и в той безделице из царства тысячь десятка по два-три пропадает.

А на утирание носа и на утирание на лице пота гораздо

[1] Штофцы — Стр.
[2] Доб.: бы — Стр., Козл.
[3] Опущ.: надлежит — Козл.
[4] Позапретить — Козл.
[5] Ленты — Стр.
[6] Платок — Стр.

потребнее платки лняные, нежели шелковые, а в шелковых токмо одни хвасти[1], да иноземцев обогащение.

И естьли заказ о шелковых платках будет, то никто их не востребует и будут по прежнему полотняными платками утиратися.

Немцы никогда нас не поучат на то, чтоб мы бережно жили и ничего б напрасно не тратили, только то выхваляют, отчего бы пожиток какой им припал, а не нам. Они не токмо себя, но и прочих свою братию всякими вымыслы богатят, а нас болши к скудости пригоняют.

И того ради надобно нам разумея разуметь о всяких их делах яко[2] (л. 127 об.) о купецких, тако и о военных и о художных делах. Не тут то у них правда, что на словах ладогазят, надобно смотрить их на делах, а не на словах и смотрить прозителным[3] оком.

А кои у нас в Руси обретаются вещи, яко же соль, железо, иглы, стекляная посуда, зеркалы, очки, оконешные стекла, шляпы, скипидар, робячьи игрушки, вохра, черлень, празелень[4] пулмент, то всем тем надобно управлятися нам своим, а у иноземцев отнюд бы никаковых тех вещей и на полцены не покупать.

А и сукон салдатских, мнитца мне, у иноземцов покупать не надобно ж, потому что наши руские сукна, аще и дороже заморских станут, обаче тыи денги из царства вон не выдут. Того ради и сукнами нам потребно пронre ниматися своими ж, чтоб те денги у нас в Руси были.

(Л. 128) И управителем не токмо одним купецких дел, но и гражданским надлежит смотрить того накрепко, чтобы непотребнаго и непрочнаго ничего из-за моря и из-за рубежей в Русь не покупали, но покупали б такие вещи, кои прочны и коих в Руси у нас не обретается или без коих пробыть не мочно.

Нам надобно не парчами себя украшати, но надлежит добрым нравом и школным учением и христианскою правдою и между себя истинною любовию[5] и неколебемым постоян-

[1] Хвастни — Стр., Козл.
[2] Како — Козл.
[3] Пронзительным — Стр.; прозрительным — Козл.
[4] Празелень — вписано над строкой — Акад.
[5] Любовию — вписано над строкой — Акад.

ством яко в благочестивой христианской вере, тако и во всяких делех. И за таковое украшение не токмо на земли, но и на небеси будем славны.

А сие[1] в купецких людях деетца велми неправильно, еже аще которой человек, проча себе и детям своим, построит полаты, и аще он построит их и одолжась, а соседи и клеврети его вси (въместо ежебы (л. 128 об.) сего[2] зато паче перваго любити и благодарити, что зделал от побочнаго огня преграду и царьственную учинил украсу), вознегодуют на каго[3] и налягут на него тяжелыми податми и службами. И то стала быть диавалская ненависть: за что было надлежало ему полготить, потому, что он, строя полаты, изубытчился, а они въместо льготы нападут на него с разорением.

А мне мнится, не худо бы и царским указом сие подтвердити, чтобы лет на пять-шесть или болши построившим полаты в царских поборах давать лготы. И в те лготные лета в службы никаковы не выбирать бы, дабы он пооправился и, на то смотря, стали бы и иные тщатися полаты строить.

Паки и сие, мнитца, не весма право, еже посадския люди многия украшают себя паче меры своея, а жен своих и детей и наипаче (л. 129) того со излишеством украшений и в том украшении излишнем себя истощевают.

Паки и сие мнитца, не худо бы расположить, чтобы всякой чин свое бы определение имех[4], посадские люди и все купечество собственное свое платье носили, чтобы оно ничем ни военному, ни приказному согласно не было.

А ныне никоими делы не мочно по платью познать, кто какова чина есть, посадской ли или приказной или дворянин или холоп чей. И не токмо с военными людми но и с царедворцы распознать не мочно.

А мнитца, быть то самое прямое дело, чтоб не то что от царедворцов или от салдат, но и между собою надлежит им различие иметь.

Первая статья купеческаго чина, кии вышши тысящи рублев, даже до десяти тысящь пожитка у себя имеют, тыи бы носили на верьхних кафтанех от сукна кармазиннаго,

[1] А и сие — Стр.
[2] Его — Стр., Козл.
[3] На него — Стр., Козл.
[4] Имел — Стр., Козл.

кой купуютца выше двух рублев, а камзолы луданые (л. 129 об.) и стофные[1] и прочие шелковые парчи, кои без золота и без испещрения разных цветов, а разноцветных парчей купечество и на малых своих детей не надевали бы. Пуговицы носили бы серебреные позолоченые, а позументов и снурков золотных и серебряных, ни пуговиц обшивных, отнюд бы не было и на малых их детях. А покроем надлежит, мнитца, въсему купечеству иметь верхние кафтаны, были б ниже подвяски, чтоб оно было служиваго платья длиннее, а церковнаго чина покороче, а штаны бы имели суконные и триповые, а камчатых и парчевых отнюд бы не было у них, а на ногах имели бы сапоги, а башмаков тот чин отнюд не носил же бы. А на головах бы летом носили шляпы и носили бы их аще и пуховые, а пол по служивому манеру[2] не заворачивали, а зимою носили бы шапки с околыши лисьими и с расъсамашными, а собольих бы отнюд не носили.

(Л. 130) Собольи шапки носили бы гости да гостиные сотни, кии выше десяти тысячь имут у себя пожитку.

А средние статьи, кии имут у себя пожитку ото ста рублев, даже до тысящи, то тии бы носили сукна аглинские, кои около рубля покупает[3] аршин, а камзолы китайчатые и суконные носить, а пугвицы серебряные белые и медные, паяные медью и серебром посеребреные. А на головах летом носили бы шляпы без заломов, а зимою шапки лисьи и бобровые, а покроем особым от первостатейного купечества, а на нагах сапоги.

А нижняя статья, кии от десяти рублев имеют пожитка токмо до ста рублев, тыи бы носили сукна руские крашеные лазоривые и иными цветами, хотя валеные, хотя неваленые, толко бы были крашеные, а некрашеные[4] носили бы работныя люди и крестьяня.

И о одежном расположении, аще инем повидитца дело невеликое, мне же (л. 130 об.) мнитца, велико оно. Первое, что чин от чина явен будет и всяк свою мерность будет знать, другое, что у всякаго чина денежные истраты излишные не будет, третье, что царству наполнение будет немалое.

[1] Штофные — Стр.
[2] Маниру — Стр.
[3] Покупается — Стр., Козл.
[4] Некрашеные — вписано между строками — Акад.

И платеное расположение, я чаю, что иноземцы будут велми спорить того ради, что росходу парчам их будет гораздо менши. И о сем всем как воля его и. в. произыдет, тако и будет, и расположить бы все статьи особливостно, не токмо материалными статьями, но и покроями, и утвердить бы накрепко, чтоб въпредь уже неподвижну быть. И того ради штрафом подтвердить и страх предложить, дабы никто не дерзал на изменение предела сего.

У кого пожитку на тысящу рублев есть, тот бы себя не ругал, но благодаря бога носил бы достойное платье по прыстоинству[1] своему.

(Л. 131) А ныне таковых много есть, что тысячи две-три имеют, а ходит в сером кафтане, а у иного и ста рублев нет, а он носит платье против тысящника. А по прямому, у кого пожитку болшого нет, тот бы не тщеславился, но всяк бы свою мерность знал.

И аще у кого пожитку[2] выше тысячи рублев, а он платья по своему достоинству противо своего клевретства носит[3] не будет, и кто ведая ево пожиток, донесет о нем, то все ево пожитки переписать. И аще явится тысячи на две иль на три, то оставить ему ста [на два][4] иль на три, потому что он сам того себе возжелал, а излишнее все, аще и выше того будет, взять на великаго государя, а доносителю из взятого пожитку выдать десятая доля.

А буде у кого по смете явитца не з большим на тысячю рублев, тому в пеню не ставить, аще сто-другое или и третье явится излишнее, (л. 131 об.) и кто и доносит[5], нет ему ничего. А буде сот пять излишняя будет, то излишняя пятьсот иль и болши взять на государя, а ему оставить тысяча рублев или сот пять-шесть.

А[6] кто выше своея меры платье себе зделает, и по доношению то платье снять с него и отдать тому, кто о том непристойном платье обличит ево. И учинить ему наказание.

---

[1] По пристоинству — Стр., Козл.
[2] Доб.: и — Козл.
[3] Носить — Стр.; носити — Козл.
[4] Опущ. в Акад. сп., восст. по Стр., Козл.
[5] Доносил — Стр., Козл.
[6] Доб.: буде — Козл.

чтобы въпредь так он и иные не делали и себя бы не убытчили.

И аще сие дело и не великое, а царственному обогащению будет великая помога, никто излишняго тратить не будет.

И аще воля великаго нашего монарха на сие дело произыдет, то надлежит закрепит[1] штрафом великим и страхом немалым, дабы не токмо во градех, но и в путех ездили бы во определенном своем платье.

(Л. 132) А буде кто оденется не своего чина одеждею, то наказание чинить ему жестокое, а по людям смотря, надлежит и розыскать. А наипаче, аще крестьяня, да уберутца людми боярскими или и самыми дворянами или салдатами, то уже явно, что хощут итти на лехкую работу, на разбой.

Во одеждах так бы хорошо устроить, что не то, чтоб по верхнему платью иль по исподнему, но и по рубашкам все бы были знатныя[2], кто какова звания есть.

И по такому расположению все чины будут явны и никто волгатись во иной чин не может и, мне видитца, от такова порядъка и озорничества поубудет. Ныне бо многие, убравшись по салдатъски, ходя по улицам, чинят, что хотят, а никто пристать к ним не смеет, мнят быть их прямых салдатов[3], наипаче же кии убираются подобиям преображенских или семеновских салдат и, тако творя, наносят слово на прямых (л. 132 об.) салдат недоброе. А естьли бы все чины были расположены, то аще бы кто и поозорничал, то положил бы он порок на свой чин, а и сыскать бы[4] скоро мочно было, кто озорничает.

И не худо бы расположить какими знаками и полки все яко салдатския, тако и драгунские, чтобы всякий салдат и драгун знатен был, коего он полку.

И аще все чины расположить повидитца трудно, то хотя б то учинить, чтобы мочно было[5] знать, кто идет иль едет, господин ли или раб. Обаче о всем сем како воля божия и его и. в. произыдет, тако и может быть.

---

[1] Закрепить — Стр.
[2] Знатны — Стр., Козл.
[3] Салдат — Стр.
[4] А искать бы — Стр.
[5] Опущ.: было — Козл.

А сие велми потребно, еже бы[1] то учинить, чтобы никто выше меры своея одежд и всяких украшений не строили.

А наипаче монахам шелковые одежды носить неприлично, а сие и[2] весма непристойно, еже они носят (л. 133) рясы луданные, атласы[3] и штофные. Они бо уже мира сего отреклися и, яже суть в мире, и миру подобает от них отречену быть, они живые мертвецы, они токмо богу живы, а миру мертвы суть. И того ради ни малаго убрания не подобает им не токмо во одеждах иметь, но и во всяких вещех украшати себя светскими украшеньями не надлежит, но подобает им украшати себя святым житием и всякими добродетелми, паче же смирением и из монастырей неисхождением. Им по чину своему подобает носить самое простотное одеяние, от волны сотканное, а и покрой рясам их надлежит быть мешковатой, чтобы и в том украшения никакова не было.

А и[4] исподы носили бы смиренные овечьи, а собольих и куньих, ни лисьих, ни бельих, отнюд бы не носили, ибо на худой конец, что они во всей России на всякой год тысячь десятка по два-три в том украшении истратят. И тая истрата (л. 133 об.) самая непотребная, ни она царству украшение, ни она миру увесиление, но токмо тщеславие и к блудницам присвоение и иного ничего в том украшении несть кроме греха.

И аз не вем, како у инех на сие разсуждение будет, а мое мнение тако лежит, что отнюд им не то что одежд[5], но и опушки шелковые не подобает им иметь: чернец — мертвец. И от пянственнаго питья подобает им весма удалятися и между мирскими людми не шататися и в деревнях монастырских управителми не подобает им быть.

Но токмо знать им монастыры[6] свои да святую церковь и келей своих никаковым[7] украшением не украшати, а[8] не

[1] Ежели бы — Стр.
[2] Опущ.: и — Козл.
[3] Атласные — Стр., Козл.
[4] Опущ.: и — Козл.
[5] Одежды — Стр.
[6] Монастырь — Стр., Козл.
[7] Никаким — Стр.
[8] И — Козл.

худо, чтоб и стен не тесати и в кельях своих не токмо хлопцов молодых при себе держати, но и родных своих детей отнюд при себе не надлежит имети.

У инока инако всякому делу подобает быть. У инока ни отца, ни матери, ни детей, ни сродников нет, кроме (л. 134) единаго бога. Им и пища сладимая и приправная и маслом гораздо усмаженная не весма подобает ясти. А егда случится торжественный день, то и тогда токмо[1] ради разрешения[2] маслица положит[3] самую малую часть, дабы не весма ядь усладило, такожде и на питье разрешить от самые же малыя части, чтоб пьянства в себе не почуяти.

Чернцу подобает непрестанно быть в молитве, да в труде и в непрестанном богомысли[и]. Им так надобно жить, чтобы он весь был в бозе и бог бы был в нем неисходно, и не токмо ему сладостные ествы ясти или по люторскому мясу коснутися, но и рыбы[4] кроме разрешеных дней не подобает вкушати. Вся бо та в мире суть, а не в монастыре и егда на рыбу разрешено, то и рыба не весма усмаживати маслом и иными приправами, но варить ее просто и кроме соли никакой потравы в нее класть не весма потребно. В монастыре[5] токмо труд и алкание, а не роскошь какая и того ради называетца (л. 134 об.) равно ангельное[6] житие их, потому что непрестанно в церковном пении и в келейном правиле и в посте и в молитве пребывают и в богомыслии.

И в монастырех каков труд и воздержание всей братии, таков и архимандриту, и пища какова всем соборным и работным инокам, такова и самому архимандриту, и в таковых[7] бытии самое будет братство. Такожде и одежда у всех бы была равная, безъукрасная и ничим одежда от одежды не отменная. И тако бы они в манастыре трудились, чтобы никто посторонней человек познать не мог, кто какова чина есть.

[1] Опущ.: токмо — Стр.
[2] Доб.: масличного — Козл.
[3] Положить — Стр.
[4] Доб.: бы — Стр.
[5] Но в монастыре — Козл.
[6] Ангелское — Стр., Козл.
[7] И в таковом — Стр.

Христос, дая нам образ, будучи на земли, платья украшеннаго и изменнаго не имел и яко сам едину ризу имел, тако и прочиим ученикам своим повелел единаризным быти.

А и пищу Христос требовал[1] простую без приправы[2] (Лука, глава 1, зачало 54)[3], егда бо пришел в весь посетити Лазаревых сестер и Мария (л. 135) села при ногу Иисусову, слушаше словес его, а Марфа начала припасать про Христа яди со учреждением, господь же похвалил Марию, коя от пищи[4] не пеклася, но седши, слушаше словес его господних, а Марфе рек: «Марфо[5], печешися о мнозе, едино же есть на потребу». Что же сие, еже едино на потребу? Яве есть, яко повелел ей припасти то, чем мочно человеку сыту быть. Тако и инокам токмо то припасать, чем мочно человеку сыту быть[6], и есть надобно не чрез сытость, чтобы не отяготись[7] себя и имения иноку никакова не подобает имети.

И в таковом житии могут они слыть евангеликами, понеже они никаковые утехи себе, кроме бога, не имеют, всегда пребывают в посте и в молитве и мяса не вкушают и никакими сладостми не услаждают себя и яко Христос жил, тако и они живут. И живут житие безженное, а мнози в них обретаются и девстеницы (л. 135 об.), и того ради весма им надлежит слыть евангеликами.

А люторы, я невем, с коего разума называются евангеликами. Они живут скотски, а не евангельски, мясо ядят яко безсловесной скот или яко безграмотная мордва. Им не то что таким высоким названием себя нарицати, но и человеками не весма пристойно им нарицати себя, но токмо прилично и свойственно нарицати себя свиньею и житие свое нарицать свинским, а не евангельским.

И ради всенароднаго охранения надлежит не одних иноков, но и купечество от излишняго пианства и от роскошнаго жития повоздержать, а наипаче надлежит закрепить от заморских питей, чтобы сами не пили и в гостинцы никому

[1] Доб.: едину — Козл.
[2] Без приправ — Стр.
[3] На полях Акад., Стр.; опущ. в Козл. сп.
[4] О пищи — Стр., Козл.
[5] Марфо, Марфо — Стр., Козл.
[6] Опущ.: тако и инокам... сыту быть — Козл.
[7] Не отяготить — Стр., Козл.

бы[1] не носили. А чаю, не худо бы и приказным людям и служивым и прочиим всякаго чина людям призапретить, чтобы они в заморских питьях не касались и денег бы напрасно не теряли. Буде (л. 136) кто похочет прокладитца, то может и рускими питьи забавитися и не то, чтоб покупаючи пить, но и приноснаго никакова заморскаго питья не поваживались бы пить. И буде кто учинит и пиршество, аще и про высокия персоны, а заморских питей и духу бы не было, кроме табаку (а и табак не худо бы в Руси жь завести сеять и строить ево позаморские, как у них водитца, чтобы и на табаке денги из Руси напрасно не тратились)[2], но чем бог нашу страну наполнил, тем надлежит и чествоватись.

Иноземцам то прилично питье свое заморское в домех своих держать и ково ни похотят поить им, хотя ренским иль алканом, но хотя венгерским безденежно. А на денги буде продаст много или и мало, брать штраф сторичный, за копейку по рублю, а за рубль по сту рублев, а досталное питье, колико у него не сыщетца, взять на великаго государя.

(Л. 136 об.) А буде кто и иноземцов позовет к себе в гости, то потчивали бы своими питьи, а на заморские питья отнюд ни малаго числа денег не тратили бы. Но токмо заморские питья покупали бы одни санаты, да из царскаго сигъклита, кои самые богатые люди, обаче с разсуждением же, чтобы денгам не весма истратно было.

Разве х кому случится пришествие царскаго величества, то уже тут нет предела, иде же царское пришествие, тут и закон изменяется.

Нам от заморских питей кроме тщеты и богатству нашему росъсийскому препятия[3] и здравию повреждения иного несть ничего. И дадим мы из российскаго царства за него червонные да яфимки и иные потребности, без коих им пробыть не можно, и отчего они богатства[4] себе приобретают, а от них, иноземцов, примем мы то, что выпить да высъсать и на землю вылить, а иное и выблевать и здравие свое повредить, (л. 137) а и веку своему[5] присечение учинить.

[1] Опущ.: бы — Стр.
[2] Без скобок — Козл.
[3] Препятствия — Стр.
[4] Богатство — Стр., Козл.
[5] Своего — Козл.

А нас, росъсиян, благословляя, благословил бог хлебом и медом и всяких питей довольством. Водак[1] у нас такое довольство, что и числа им нет, пива у нас предорогие и меды у нас преславные вареные[2] самые чистые, что ничем не хуже ренскаго, а плохово ренсково и гораздо лучше. Есть же у нас и крастные[3] питья, каразин и меды крастные жь вишневые, малиновые, смородинные, костяничные и яблочные.

И аще заморские питья отставить, а повелеть строить меды разными виды, различными и въкусы и продавать их из авъстерии, то так их настроят, что болши заморских питей их будет.

А аще и табашные заводы завести в Руси и ради добраго в нем управления, чтоб он был ничим не хуже заморскаго, добыть мастера добраго, чтобы научил строить по заморскии, то так нам мочно ево напасти, что и караблями за море мочно нам ево отпускать. Нам естьли в Руси ево строить, то выше копейки (л. 137 об.) фунт ево не станет, а заморскаго выше десяти алтын фунт покупают. А сеять ево места у нас много, нам так [можно][4] его размножить, что милионная от него прибыль будет. А на каких землях он родится, мочно нам ево сеять во таких земель у нас премножество, и наипаче в Синбирску, на Самаре, всех понизовых городех, и наипаче в Синбирску, на Самаре, на Пензе, на Инзаре, на Ломове, во Мценску и на Саратове, на Царицыне и в Астрахани и на Воронеже и во всей Киевской стране. И в тех городех мочно его на кийждо год по тысяче тысячь пуд наплодить ево.

И аще он в Руси заведетца и размножитца, то те все денги, кои за него ныне за море идут, все останутца у нас в Руси, а естьли за море будем отпускать, то будут денги и к нам от них возвращатися.

И аще и табак в Руси заведетца, то кто колко каких питей руских (л. 138) и табаку ни выпьет, все те денги из царства вон не выдут, а заморския питья покупать ничим же лучши того, что денги в воду метать.

[1] Водок — Стр., Козл.
[2] Вареные — вписано над строкой — Акад
[3] Красные — Стр., Козл.
[4] Опущ. в Акад. сп., восст. по Стр., Козл.

Обаче, по моему мнению, лучше в воду денги метать, нежели за море за питье их отдавать. Из воды колико ни есть либо кто и добудет, а из-за моря даные денги за питье никогда[1] к нам не возвратятся, но те денги и[с] царства уже погибли.

А самаго ради лучшаго царственнаго пополнения надлежит и прочие заморские товары с разсмотрением покупать, ибо те токмо надлежит товары покупать, без которых нам пробыть не мочно. А иные их немецкие затейки и прихоти их мочно и приотставить, дабы напрасно из Руси богатства не тощили. На их мяхкие и льстивые басни и на всякие их хвасти[2] нам смотрить не для чего.

Нам надлежит свой ум держать и что нам к пополнению царственному (л. 138 об.) потребно и прибылно, то надлежит у них покупать, а кои вещи нам не к прибыли или кои и непрочны, то тех отнюд у них не покупать.

И аще мочно так учинить, еже бы в Санкт-Питербурхе и в Риге и в Нарве и у Архангелскаго города приежжие иноземцы товары свои продавали с кораблей, аще болшими стаями, аще и малыми обаче с кораблей бы продавали, а в анбары и на дворы не сторговався и пошлины не заплатя, не выгружали[3]. А кои товары их за непотребность и[4] за высокость цены не проданы будут, то те тавары, не вынимая ис кораблей, назад к себе за море повезли бы, а у нас бы отнюд не оставляли их.

И аще тако состоитца, то иноземцы будут к нам ласковее, а прежнюю свою гордость всю отложат. Нам о том велми крепко надобно стоять, чтобы прежную их пыху в конец нам сломить и привести бы их во смирение и чтобы они за нами гонялись.

И аще в сием мы можем устояти, (л. 139) еже бы товаров им своих незапроданных в анбары наши им не складывати, то станут они гораздо охотнее те свои товары продовать, а и пошлины[5] уже будет со всего товара взята сполна, а на перевод по прежнему уже переводить не станут.

[1] Повторено: никогда — Козл.
[2] Хвастни — Козл.
[3] Не выгружали бы — Стр., Козл.
[4] Или — Стр., Козл.
[5] Пошлина — Стр., Козл.

И хорошо бы в купечестве и то учинить, чтобы вси друг другу помогали и до нищеты никого не допускали. Аще своими денгами не могут ево оправить[1], то из царские бы зборные казны из ратуши, давали им ис проценту на промысл, смотря по промыслу ево, дабы никто промышленой человек во убожество великое от какова своего упадку не входил.

И аще в купечестве тако будет строитися, то никогда они не оскудеют, но год от году в промыслах своих будут разширятися и бог их за такое братолюбие, благословляя, благословит и во всем им подаст угобжение и душевное спасение

ГЛАВА 5

О ХУДОЖЕСТВЕ

(Л. 139 об.) В художниках аще не будет добраго надзирателя и надлежащего им управления, то им никоими делы обогатитися невозможно, ниже славы себе[2] добрые получити, но до скончания века будут жить в скудости и в безславии.

А естьли бы учинен был о них гражданской указ, еже бы им из самаго начала учитися постоянно жить, давшись к мастеру в научение, жить до уреченнаго срока, а не дожив не то, что года, но и недели не дожив, прочь не отходити, и не взяв отпускного писма и после сроку з двора не сходить, то бы все мастеры не в том безделном порядке были, но совершенными добрыми мастерами бы были.

А прежней такой порядок в них был, что отдавшись в научение лет на пять или на шесть и год место иль другой пожив, да мало[3] понаучась, и прочь отойдет, да и станет делать собою, да и цену спустить (л. 140) и мастера своего оголодит, а себя не накормит, да так и век свой изъволочит, ни он мастер, ни он работник.

[1] Справить — Стр.
[2] Опущ.: себе — Стр.
[3] Мало-мало — Стр., Козл.

А сказывают про иноземцов, что у них учинен о сем гражданской указ такой твердой, что буде кто не дожив до сроку хотя единаго дня, да прочь отойдет, то уже тот человек не будет добрым человеком никогда. А буде и доживет до[1] сроку, а писма от мастера своего не возмет отпускного, то никто де его не примет ни в наймиты, ни в ученики никто де ево не возмет и того ради у них и мастеры добры и похвальны.

А у нас таковаго гражданскаго запрещения нет, чтобы, не дожив до сроку и совершенно не научась, от мастеров ученики не отходили и того ради и быть мастером добрым у нас невозможно.

Такожде, аще кто что вымыслит вновь от своего разума или и научась от кого, да начнет делать, а прежде (л. 140 об.) того ни от кого такова мастерства не бывало, то таковому по иноземческим уставам надлежит и владеть тем мастерством до смерти своея, кто ево вымыслил, а иным не попускают того мастерства делать до смерти ево.

И аще тако устроено будет у нас в Руси[2], то такожде, что и у иноземцов много будет вымышлеников. Многие бы острые люди и нарочно стали тщатися, како бы что новое вымыслить, отчего бы ему поживитися.

А ныне у нас за непорядочное гражданство гинет добра много. Истинно, надлежит сему гражданской устав учинить, чтобы за вымысл новаго какова мастерства или промысла[3] отнюд иным не попускать вступать, дондеже жив тот вымышленик.

То, на такой устав зря, много охотников будет, а ныне мнози не смеют вымыслов своих объявить, понеже вымышляя и делаючи пробу, изубытчится, (л. 141) а егда достигнет и лише начнет делать, а другия, увидя у него, да и почнут делать тоя ж дела и цену спустят ниже и тако сами не найдут, а у вымышлен[ник]а корм отнимут.

Кто есмь я, а и[4] у меня вымыслов пять-шесть было пожиточных, а покормитца мне не дали и все мои вымыслы пропали ни за что. Велми бо годствует о вымышлениках оп-

[1] Опущ.: до — Стр.
[2] В России — Козл.
[3] Или промысла — вписано между строками — Акад.
[4] Опущ.: и — Стр.

ределение учинить гражданское твердое, то многия вымышленики явится [1].

Такожде и о художественных делех гражданской же устав надлежит учинить, и еже бы над всякими [2] мастерствы устроить надзирателей, а наипаче над иконописцами. И над всеми ими главнаго правителя приставить и за всеми мастерами и надзирателми прилежно ему смотрить и место ему дать, где те дела ему управлять, дабы все мастеры дела свои делали самым тщателным художеством безпорочно.

И во учении их устав положить недвижимый, аще кто пойдет к мастеру мастерства какова учитися, (л. 141 об.) и аще и добре научится, а без отпуску от мастера своего отойдет, то, учиня ему наказанье отдать в салдаты. А буде кто из афицеров или и из иных лиц мочью своею и писмо отпускное у мастера возмет, а мастер шед камандиру своему объявит, и то писмо по обличению будет отставлено, а заступщика по указу оштрафовать, каков о таких людех указ состоитца.

А буде кой ученик и совершенно мастерства надлежащего научитца, а без о[т]пуску отойдет, то никому ево не принимать ни к каковым делам, но отослать ево в салдатство.

И за таковым укреплением, не дожив до сроку и не взяв у мастера отпускного писма, отходить не будут и мастерству уже учитися будут прилежнее, а и мастеры будут учинить [3] их охотнее. И за таковым уставом и поневоле будут учитца добре и, совершенно выучась и взяв у [4] мастера отпуск, вышшему художественных дел камандиру покажет свое (л. 142) мастерство и отпуск, то как ему той камандир определит, еще ль ему доучиватца, или умных мастеровых [5] из найма работать, или уже и самому ему мочно быть мастером, то так тому и быть.

И аще той ученик уже совершенно научился и в разуме уже совершенном, то освидетельствовав камандиру с товарыщи и с мастерами, и аще мастерство его чисто и честно и порока никакова не имущо, то дать ему указ полной, чтобы

[1] Явятся — Стр., Козл.
[2] Над всеми — Козл.
[3] Учить — Стр., Козл.
[4] От — Стр.
[5] У иных мастеров — Стр., Козл.

ему делать было свободно и дом мастерской иметь и учеников учить.

И кии мастеры будут именитые и домами мастерскими владеть [1] будут, то всем им, коемуждо иметь у себя клеймо свое особливое, а и надзиратели такожде [2] имели бы свои особливые же клейма.

И егда кой мастер зделает своего мастерства какую вещь, то мастер положил бы на той вещи свое мастерское клеймо. И буде кое мастерство будет в свидетельстве пред надзирателем и буде оно добро то бы на той вещи приклеймил и он своим надзирательским клеймом.

(Л. 142 об.) И те бы именитые мастеры за учениками своими и за наймитами смотрили накрепко, чтобы на мастерство ево похулки какой не навели, потому что те дела будут за ево клеймом, и аще какая вина в той веще в материи или в мастерстве явится, то оштрафован будет тот мастер, чье клеймо на нем будет.

А штраф брать кроме оружейных дел десятеричный, в десять цен проданные вещи. А буде кой мастер оружейной зделает какую любо [3] пищаль из ломкаго железа или и из мяхкаго, да худо проварит, и в стреле [4] ее розорвет, то на том мастере, чье клеймо, взять штрафу во сто цен тое пищали, да ему же учинить наказание. А аще пищаль тверда и мастерством добра, а к стреле [5] не целна, то взять штраф десятеричной, за рубль десять рублев. А аще кто зделает замок пищальной плох и не огнист или шпагу или палашь или копье или какое ни есть ружье рукобитное без укладу, или железо положит ломкое, то взять на нем штраф двудесятной, за гривну два рубли.

(Л. 143) А за прочие всякие железные мастерства, кои делаютца в домовое строение, буде что зделано будет из ломкаго железа, то за те дела брать штраф десятиричной, за гривну по рублю.

[1] Владать — Козл.
[2] Повторено: такожде, такожде — в Акад., Козл.; исправлено по Стр.
[3] Либо — Стр., Козл.
[4] В стрельбе — Стр., Козл.
[5] Стрельбе — Стр., Козл.

А буде лавочник купит на продажу, не разсмотря пороку, и будет продавать за доброе, то он заплатит штраф, надлежащий купеческаго регула, каков положен будет за продажу худых товаров.

И аще мастеровым людям без свидетельства и без гражданскаго управления не повелено будет своеволно делать, то все художники добрые обогатятся и прославятся, яко же иноземцы. Иноземцы такие же люди, что и мы, да они гражданским уставом тверды и в мастерстве добры, а егда и у нас гражданской устав будет тверд, то могут наши художники и превышшити их.

И тако годствует учинить, чтобы без ведома художественных правителей и пришлой никакой мастер руской или иноземец никакова рукоделия не делал бы, но егда его освитедельствуют (л. 143 об.) камандиры с товарыщи и как ему определят, так и быть.

А буде кто иноземец приедет в Русь художник доброй мастерства имянитаго и у нас в Руси небывалаго, и таковому надлежит дать дом и отдать ему в научение человек десяток место или и болши и учинить с ним договор крепкой, чтобы он тех учеников учил прилежно и нескрытно.

И буде станет учить с прилежанием, и буде выучит против себя, то надлежит ему плата договорная дать и с награждением за то, что он нескрытно учил и скоро выучил, и отпустить ево за море с честью, чтобы на то воздаяние зря и иные мастеровые люди выезжали и всякия бы мастерства в Руси [1] размножали.

А буде кой иноземец, по древнему своему обыкновению иноземческому, будет шмонить, а о ученье учеников не радеть, но чтобы, деньги выманив, за море уехать, и то ево лукавство и проводы мочно и в полугоде познать, то с чем он приехав, с тем и назад выслать его нечестно и чтобы он (л. 144) в Руси у нас [2] не шатался, дабы, на то зря, впред для обману в Русь к нам не приезжали.

И кои ученики будут переимчивы и мастерства каковаго совершенно научатся, еже противо заморскаго делать, то

[1] В Русии — Стр.
[2] Опущ.: у нас — Козл.

учинить таковых мастерами, и корм им учинить довольной, чтобы мог он обогатитися.

В российских наших правителех есть разсуждение на сие дело самое нездравое, ибо рускаго человека ни во что ставят, и накормить ево не хощут, чтобы он доволен был без нужды. И тем стиснением принуждают их х краже и ко всякой неправде и о мастерстве к нерадению, но токмо учинят ему корму, чтобы он токмо душу свою пропитал, дадут ему на день по пяти копеек. И таковым кормом и себя одного не прокормить, а жена и дети чем ему кормить, только что по миру ходить, заневолю научат воровать и в мастерстве своем неправду делать.

И таким своим разсуждением великому государю делают они великой (л. 144 об.) убыток, а не прибыток. Они мнят тем учинить великому государю прибыль, что мастеровых людей не кормят, а они тем великой убыток делают. А и во всяких делех правители наши за кроху умирают, а где тысячи рублев пропадают, то ни во что поставляют, и неданием полнаго кормления у руских людей охоту и к мастерству прилежание тем пресекают и размножитися доброму художеству не допускают.

А кои ученики не весма научились, тех бы отдавать тому, кой всесовершенно научился, доучиватися, дабы и тии навыкли добрым мастерством дела свои делать.

А наипаче всех художеств научитися надобно иконописцам иконнаго мастерства, чтобы им всесовершенная мера знать всякаго возраста человеческаго и чин надлежащи [1].

И надзирателем над ними надлежит быть самым умным и искусным людям, и смотрить накрепко, чтобы не был в них ни един человек неумеющей. И кии иконописатели (л. 145) не весма искусны, то работали бы они на мастеров и что им повелят писать, то бы и писали, а егда навыкнут, тогда и они могут мастерами быть.

И мнитца мне, что надлежит и с великим запрещением запретить [2], чтобы несвидетельствованные иконники и неимеющия повелителнаго у себя указа, еже писать ему святыя иконы, отнюд бы не писали.

[1] Надлежащий — Стр., Козл.
[2] Закрепить — Козл.

Святое писание глаголет, яко проклят всяк, творяй дело божие с небрежением. А иконописное дело тому присутственно, понеже строятца они ради божия чести и тая честь восходит на самаго бога.

А так небрежително их пишут, что иные иконы странно[1] и видети, ибо иные образы от недознания своего пишут тако, что аще бы таковым размерением был кто живой человек, то бы он был страшилищем. В начертании бо образа богоматеря пишут нос долгой и весма тонкой, и шию тонкую и долгую, у рук персты (л. 145 об.) долгия и весма тонкия, а концы у перстов острые, каких ни у какова человека не видано и ни в коем члене не обрящеши, чтобы было прямо противо сущаго человечества. И таковое начертание стало быть образу святому ругание.

Обаче, кто издревле и писал от неведения своего, [не][2] разумея меры человеческия, той не погрешил и бог на нем того не взыщет. И аще бо кой образ написал[3] по розмеру или и не по розмеру, не тем он свят, еже добре написан или и недобре, но всякой образ святится именем господним. Обаче нам надлежит с великим опатством святыя иконы писати, дабы в чем не погрешити. И аще и[4] святаго коего либо образ написать, то надлежит на нем и спасителев образ написать, дабы от имене Иисус[5] христова той образ свят был.

И аще у нас и многие люди знают размерение человеческое, обаче надлежит зделать азбука руская и написать ее руским манером, а не немецким, (л. 146) чтобы она всякому человеку поемна была. И написать ее надлежит сицевым манером: на первом листу написать человека в совершенном возрасте, стояща прямо и руки распростерты прямо же и длани и персты прямо, нага суща. И от пяты положить линея до темени, другая линея или, рещи, черта положить поперег правыя руки от средняго перста до средняго же перста. И на тех чертах розмер положить вершками иль по мере головы человеческия или как надлежит. А на прочиих листах начать азбука, на первом листу написать младенца новорожденнаго, на втором однолетнаго, на третьем двулетнаго. И тако погодно написать до дватцати лет, а от дватцати до тритцатаго года прибавлять по два года, а от тритцати до девятидесят лет прибавлять по пяти лет, и всю тое азбуку написать нагими телесы. А потом другая азбука написать в платье, стоящих и седящих, и всякими разными виды. И состроя ее, вырезать на медных досках и напечатать их тысячу место и во все городы (л. 146 об.) розослать и повелеть всем иконникам писать противо тое азбуки, а зделать ее во всю десть.

А деревенским мужикам и безграмотным с великим запрещением надлежит запретить[1], дабы от нынешняго времяни не токмо деревенские, но и градские, не взяв о себе повелителнаго писма, отнюд бы не писали икон. У нас в Руси в деревнях такие мастеры есть, что в алтын и в грошь и в копейку иконы продают и так плохо пишут, что ни рук, ни ног, толко стан да голова, а где надлежало глаза, да уста написать, то тут одни точечки наткнуты, да то[2] образ стал. И сего ради паче иных художеств надлежит над ними твердое смотрение учинить.

О сем же всячески надлежит потщатися, чтобы завести в Руси делать те дела, кои делаются изо лну и ис пенки, то есть трипы, бумазеи, рубки, миткали, камордки и порусныя полотна и прочие дела, кой из русских материалов делаютца. Сие бо велми нужно, еже кои материалы, (л. 147) где родятся, тамо бы они и в дело происходили.

Аще бо лен и пенку, за море не возя, делать[3] тут, где что родилось, то тыя полотна заморскаго вдвое или втрое дешевле ставитца станут, а люди бы российския богатились.

И ради размножения таковых дел учинить бы указ, чтоб нищих, по улицам скитающихся, молодых и средовеких[4] хватать и, записав в приказе, имать к тем делам. И молодых робят мужска пола и женска научить прясть, а подрослых ткать, а иных белить и лощить, то бы они, научась, были бы мастерами. Я чаю, что мочно тех гуляков набрать тысячь десяток, другой и, построя домы мастерские, науча тех

---

[1] Страшно — Козл.
[2] Не — опущ. в Акад., восстан. по Стр., Козл.
[3] Написан — Стр.
[4] Опущ.: и — Козл.
[5] Опущ.: Иисус — Стр.

[1] Закрепить — Козл.
[2] Доб.: и — Стр., Козл.
[3] Да делать — Козл.
[4] Средовых — Стр.

гуляков[1] тунеядцев, мочно ими много дел управить. И чем к нам возить полотна из наших метериалов зделанных, то лучши нам к ним[2] возить готовые полотна.

И аще первые годы повидитца оно и неприбылно и заморских аще (л. 147 об.) и дороже ставитца будут, и того страшитися не для чего, но поступать в дело далее. И аще лет в пять-шесть совершенно не навыкнут делать, то и о том сумнятися не надобно, потому что, егда всех тех дел совершенно научатца, то годом другим окупятся.

За морем хлеб нашего дороже, а харчь и наипаче дороже, а лен и пенку от нас покупают ценою высокую[3], да страх морской платят, да двое пошли[ны] и провозы многия дают, обаче не ленятся, делают ис того лну и пенки, аще и высокою ценою тот лен и пенку покупают. И пищу себе от того своего рукоделия приобретают, ибо, зделав полотна, паки к нам их привозят и продают ценою высокою: за трипы берут по дватцати алтын и болши за аршин, рубки продают алтын по сороку и по полтора рубли, а камордка по 20 алтын и по рублю аршин.

А у нас в Руси, я чаю, что рубок и в дватцать алтынов не станет, а и камортка аршин, чаю, что (л. 148) выше десяти алтын не станет. И всякие дела, кои делаются изо лну и ис пенки, ниже половой цены ставитца будут, потому что хлеб и харчь у нас тамошнего гораздо дешевле, а лен и пенка гораздо ниже половины тамошной их цены укупить мочно.

И егда тыя дела у нас в Руси[4] уставятца, то чем им лен да пенку продавать, лутче нам продавать им готовые полотна, парусные, и канаты и камордки и рубки и миткали и брать у них за те полотна яфимки и иные потребные нам вещи.

Я чаю, что мочно нам на всю Еуропу[5] полотен наготовить и пред их нынешнею ценою гораздо уступнее продавать им мочно. И чем им от наших материалов богатитися, то лучши нам, россианом, от своих вещей питатися и богатитися.

[1] Тех дураков — Стр.
[2] Опущ.: к ним — Стр.
[3] Высокою — Стр., Козл.
[4] Русии — Стр.
[5] Вторая гласная в Акад. сп. — ижица — заменена нами «у»; Европы — Стр., Козл.

Токмо трудно нам заводы завести да установити те дела, а егда руские люди научатца и дела сия установятца, то нелзя не вполы им ставитца.

И ради царственнаго обогащения надлежит (л. 148 об.) на такие дела въначале сострить домы из царские казны на пространных местех в тех городех, где хлеб и харчь дешевле, в заоцких местех или где что пристойно делать, и наложить на них оброк, чтобы люди богатились, а и царская казна множилась.

Такожде и в прочиих мастерствах, которые царству пожиточны, а мастеры маломочны и собою им великих заводов завести нечем, то и таковым надлежит на созидание мастерских домов давать денги из ратуш или откуду его и. в. повелит, дабы всякия дела разширялись, и не токмо на строение, но и на всякие к тем делам на надлежащие инструменты и на всякие припасы, чтобы во удобное время всяких припасов припасали без оскудения. И земским бурмистрам за ними присматривати, чтоб напрасные траты денгам не чинили и не бражничали бы, но употребляли бы их (л. 149) в сущее дело, и те даныя денги и прибыльные по изложению или по разсмотрению исправления их погодно ж брать.

Такожде надлежит достать и таких мастеров, кои могут делать волоченое железо мелницами, и жесть и кровелные доски железные. И аще и с трудом, а велми надобно их добыть и отослать их на сибирские заводы и чтобы тому мастерству и наших руских людей научили.

Такожде надлежит добыть мастеров, кои умеют гладкие и трафчатые трипы делать, такоже[1] и бумазейных мастеров, и завести бы и такие дворы и учеников им дать, чтобы и тому мастерству научить человек десяток, другой.

А буде кто из своея охоты заведет какие дела, царству потребныя из своего иждивения, и тем людям такожде указ бы[2] дать, чтобы[3] поволно было[4] гулящих робят мужска пола и женска имать и учить и, науча, владети ими вечно,

[1] Такожде — Стр., Козл.
[2] Таков бы указ — Стр.
[3] Доб.: им — Стр.
[4] Опущ.: было — Стр.

чьи бы они до поимки ни (л. 149 об.) были, крестьяня или дворовые люди, быть им тут вечно.

И сицевым порядком нищие, бродяги и тунеядцы, все изведутьца, и вместо уличнаго скитания все будут промышленики. И егда совершенно научатся и обогатятся, и будут сами мастерами, а царство от их промыслу будет богатится и славою разширятися.

Да хорошо бы добыть и красочных мастеров, кои умеют делать крутик и лавру, киноварь и голубец и бакан веницейской и простой[1], ярь веницейскую и простую, шижгиль и прочие краски, иже делаютца от составления материй ис поташу, из смалчуги, из меди, из олова, из свинцу, из серы, из мелу и ис прочих вещей, в Руси обретающихся.

А кои краски натуралные, и тех надлежит с великим прилежанием искать руским охотникам и иноземцам, кои в тамошних своих краях видали, в каковых (л. 150) местах какие краски и потребныя материи, кии пригодны к лекарственных делам и х красочным и ко иным вещам, и обещать им плату хорошую за всякое обретение.

И надлежит его и. в-ву призвать к себе иноземцев, кои ему, великому государю, радетелные являются, от военных и от мастеровых, наипаче ж от дохтуро ви аптекарей, кои выежжие, то они о многих вещах знают, а не худо и купецких спросить, кои за морем бывали. Мне сие велми дивно, земля наша российская, чаю, что будет пространством не менши немецких и места всякия в ней есть, теплые и холодные и гористые и моря разные и морскаго берега колико под нами и сметить невозможно, от Кольского острогу, естьли берегом ехать, то и годом всего его не изъехать, а никакие вещи у нас потребныя не сыскано. Я и не болшое место поездил, и хотя я и незнаючи ездил, обаче не туне моя езда, сыскал бы[2] самородную серу, самую чистую, что (л. 150 об.) подобна каменю ентарю, и во всей вселенной толико ее нет, колико у нас; лекарственную материю сыскал я, нарицаемую[3] гум съфалтум и не вем, колико ее за морем, а у нас хотя пуд сто мочно добыть. И нефти сыскал я мно[го]е ж число,

[1] Доб.: и — Стр., Козл.
[2] Опущ.: бы; доб.: я — Стр., Козл.
[3] Называемую — Козл.

вохры и черлени, хотя по тысяче пуд мочно добывать и́ пулмент[1] есть же у меня в прииске. И я не знаю, чего бы у нас в Руси не сыскать, да мы не знаем, потому что за морем не бывали и в каковых местех что обретаетца не видали и не слыхали, а иноземцы, кои и знают, да не хотят нам объявить.

Я, истинно, от всего усердия своего радел, да нечего мне стало делать. За серной прииск, истинно не лгу, обещал мне князь Борис Алексеевичь такое великое учинить награждение, что ни детям де твоим, ни внучатам не прожить будет, а сошлось мне жалованья толко пятьдесят рублев.

А я, истинно, его и. в-у тем объявлением серы зделал прибыль многотысящную и в военном деле учинил помощь не малую. Естьли бы я год место удержал (л. 151) ее за собою, то бы я рублев тысячу и другую ухватил, ведаю я, что дал бы мне князь Борис Алексеевичь по десяти рублев за пуд, еже бы подрядом мне ставить, и естьли бы годы два-три поудержал ее за собою, то бы я великия пожитки от нея нажил. А я, отставя свою наживу, объявил ее, того ради, что увидел я такую в ней нужду, что уже по домам собирали не то что фунтами, но где золотников и пять-шесть сыщетца, брали на поро[хо]вое дело. А егда я привез ее к Москве три бочки и князь Борису Алексеевичу отдал, и иноземцы, приехав к нему, взяли по куску и послали в свои земли, и те иноземцы, видя, что удержанием серы военнаго дела не оставить[2], повезли серу по прежнему к нам. И за помощию божиею, аще я за такое дело великое и ничем и невзыскан, обаче, славу богу, что военное дело управилось.

[1] Пумент — Стр.
[2] Не остановить — Стр., Козл.

ГЛАВА 6

О РАЗБОЙНИКАХ

(Л. 151 об.) О истреблении разбойников многое възыскание чинитца из давных лет и многое[1] сыщики жестокие посылаеми бывали, якоже Артемей Огибалов, Евстигней Неелов и прочия подобны тем. Обаче тем ничтоже успеша, но всегда их множество и, кроме поморских и заонежских стран, во всех сторонах многие разбой чинят[2], многие деревни и села великия розбивают и людей до смерти запытывают. И никогда тыим разбойникам конца не будет, аще нынешняго судейскаго правления не изменить, и отчего они родятца, естли не пресечь.

Во всех государствах христианских и босурманских разбоев нет таких, каковы у нас в Руси, а все оттого, что там потачки им ни малыя нет, в тюрмах долго не держат, когда кого поимают, тогда ему и указ учинят и того ради там не смеют и воровать много.

А у нас, поимав вора или разбойника, не могут с ним ростатца, посадят в тюрму, да кормят ево бутто добраво человека (л. 152) и держат в тюрме лет десять и дватцать. И в таком долгом сиденье много их и уходит, а ушод, уже пуще старово воровать станут, и такова ради порядка надежно и воруют.

И сыщикам, колико бы их не было, не истребить их, аще не изменит[3] о них регула. Мое же мнение о истреблении всеконечном воров и разбойников лежит сице.

Буде великий наш государь повелит во всю свою державу послать указы, написав сицевым подобием.

Еже бы во всех городех и во всех слободах дворянских и у приказных людей и в салдатских и[4] посадских и в ямских и во иноземских слободах и в селех и в деревнях, великих и малых, государевых и архиерейских и монастырских и помещичьих и прочиих, всякаго звания людей яко у самих их, та-

[1] И многие — Стр., Козл.
[2] Разбои чинятца — Козл.
[3] Изменить — Стр.
[4] Доб.: в — Стр., Козл.

ко и у людей их и у крестьян учинить сотских и пятидесятских и десятских, и чтобы тыи десятские за (л. 152 об.) своими десятками смотрили накрепко, чтобы никто и из высоких персон без ведома своих соцких или пятидесятских никуды не отъежжали. И куды кому случитца ехать, то бы у сотских или у пятидесятских своих брали за их печатьми отпускные писма и в тех писмах описывали бы имянно, куды кто поехал и за ким[1] делом и на колико время поехал и людей с собою колико взял и кого имяны.

Такожде и у бояр во всех домех учинить десятских[2] и пятидесятских и сотских над людми из людей боярских, а над господами из господ же. И не то, что десятские, но и сами бы все господа и люди между собою друг за другом смотрили бы накрепко, чтобы отнюд без ведома своих пятидесятских никуды никто не ездил и ночною порою из домов своих не исходили бы. И аще и с ведома куды пойдут, или и с отпуском куды поедут, то тыи сотские[3], пятидесятские[4] и рядовые крепко бы за ними смотрили, туды ли они поехали, куды просились. И буде поехали не туды, то (л. 153) надлежит их вернуть назад и отослать к суду, потому что, аще кто явитца на каком воровстве иль на разбое и какая казнь будет вору, такая ж казнь будет и соседям, кои ведали, да молчали. А буде из болшаго дому боярскаго кто своров珍 что, то того дому всем дворовым людям будет ведомцам, кои ведали, да молчали, такая ж казнь, а кои и не ведали, а того ж дому, и тех кнутом бить, колико указано будет.

А буде кой сотской или пятидесятской, уведав за кем воровство, да умолчит, то горши вора приимет муку и казнь лютейшую. А буде десятчаня, какова звания ни буди, сотским и пятидесятским и десятским будут непослушны, и на таковых подавать им вышшим судьям известие, что чинятся им силны, ходят и ездят по прежнему самоволно без их ведома. И судьям по таковых ослушников посылать салдат и, привед, допрашивать накрепко, чево ради они силны чинятца. (Л. 153 об.) И буде по свидетельству ослушание их явит-

[1] За каким — Стр., Козл.
[2] Десяцких же — Стр., Козл.
[3] Доб.: и — Козл.
[4] Доб.: и десяцкие — Стр., Козл.

ца и не ради какова воровства[1], обаче за ослушание государева указа чинить им наказание, как о том уложено будет, чтобы впредь так не делали.

А буде в другой ряд такожде учинятся ослушны, то уже розыскивать и в застенке. И с розыску аще явитца, что они то учинили не ради какова воровства, но от застарелаго свого своеволства или от гордости своея, ничтожа тех своих смотрителей, а[2] за ту вину противо прежняго наказания чинить сугубо и для явнаго их свидетельства по персту отсечь на руке или вместо отсеченья перстнаго[3] наложить на руке знак, чтоб значил сугубою[4] их вину.

А буде же кто явитца в таковой же вине в третие, то уже по тре[гу]бом наказании казнить ево рукосечением или и вящши, как о том уложено будет.

А буде же ослушание чье явитца ради какова воровства, то и в первой вине казнить ево смертью или какое жесточайшее наказание чинить с запятнанием на лице и на руках, дабы (л. 154) на то смотря все въпред были великаго государя указу страшны.

А буде сотскаго или пятидесятскаго или и десятскаго своего чем объругает рукодерзием или и словесным руганиӗм непри[сто]йным, то в десять мер безчестие им да заплатят увечье в дватцать мер.

И таковые указы с нарочными посылыщики разослать во все городы, указов ста по два-три[5] или менши, смотря по количеству сел и деревень, чтобы всякому сотскому и пятидесятскому указ был дан печатной и чтобы те посылные люди в городех воеводам или кому надлежит отдать те указы имянно с росписками[6].

А городовым правителем те присланые указы розослать немедленно, во весь того города уезд, чтобы те посылные люди[7] все дела и деревни объехали подлинно. И, приехав в село или в деревню, исчислили бы мужеск пол по головам и

[1] Коварства — Стр.
[2] И — Стр., Козл.
[3] Перстов — Стр.
[4] Сугубую — Стр., Козл.
[5] Доб.: или болши — Стр., Козл.
[6] Опущ.: в городах воеводам... с росписками — Козл.
[7] Опущ.: А городовым... те посылные люди — Козл.

изо всякаго бы десятка мужеска пола выбрали б по десятскому, а ис пяти десятков по пятидесятскому, а з десяти десятков по сотско[му].

(Л. 154 об.) И выбирали бы тех сотских и пятидесятских и десятских[1] не по дворовому числу, но по исчислению голов мужеска пола. Аще и в одном дворе будет мужеска пола десять человек, то выбрать из них одного десятскаго, а буде в коем дворе будет мужеска пола дватцать человек, то выбрать в том дворе десятских два человека, а в коем дворе останетца за десятками человек иль два иль и болши, то причислять их к другим десяткам. И, набрав десять[2] десятских, выбрать из них, кои по просужее, дву человек в пятидесятские, а одного из них же записать в сотские. И, выбрав тех сотских и пятидесятских и десятских и записав их имяна в книгу, наказать им накрепко, чтобы по тем великаго [государя][3] указам чинили неизменно и неоплошно, не опасаясь никого. И тот великаго государя указ, созвав всю сотню, и всем им прочесть въслух дважды или и трижды, дабы всем он был ведом и памятен и никто бы (л. 155) неведением не отъимался. И при всех людях те печатные указы отдать сотскаго сотскому, а пятидесятские пятидесятским обеим по указу.

И, отдав указы, у старост тех жителей взять сказка с великим подкреплением, что нет ли в их старощенье каких воров или разбойников или коневодов иль татей или беглых каких людей. А буде и небеглые, да пришлецы зарубежские или волные какие люди, а нестаринные тутошные жители, и аще и из давных лет живут, то всех бы тех объявляли и ни единаго бы не таили, потому за ложную скаску великое и жестокое наказание со штрафом учинено будет. Такожде и во иных старощеньях, не ведают ли таковых людей или не держит ли кто у себя на дворе разбойнича стана, о всем бы имянно объявляли без утайки. А буде кто, ведая о разбойниках, да утаит, тому будет смертная казнь.

(Л. 155 об.) И того ради сказывали бы, не опасаясь их, во-

[1] И десятски — вписано на полях — Акад.
[2] Доб.: человек — Козл.
[3] Опущ.: государя — Акад., опущ.: великого государя — Козл.; восстановлено по Стр.

ров или помещиков[1] их, а буде кто кого прикроет, а последи уведомитца чрез выбраных сотских и пятидесятских и десятских, что они ведали про их воровство, а не сказали, то те их люди сами постражут и казнь будет такая жь, какова ворам. А буде сотские с това[ры]щи своими, тех прежних воров ведая, не объявят, а объявит кто посторонней человек, и нововыборным сотским и пятидесятским[2] и десятским тож будет, что и старостам за утайку.

И о сем с великим притужанием[3] спрашивать их, чтобы паче огня боялись таковых прикрывать, каковых указ требует. Буде и за помещиком своим или за прикащиком ведают какое воровство или кто потаено держит у себя пришлых каких людей, то и о таковых отнюд бы не таили и их бы не опасались, потому что им уже конец будет, свободы[4] по прежнему уже не будет им, но что попал, то и пропал. И буде кто и потаит, и тому конец невозвратной же (л. 156) будет, и аще и свой брат скажет[5] будет пожалован, а кто потаил, тому неотложная смерть.

А буде кой староста или и из рядовых крестьян скажет про себя, что был с помещиком своим или с прикащиком на разбое или на ином каком воровстве, то он в вине той прощон будет, токмо на лице его пятно положить, чтобы он въпредь был знатен, а помещика иль прикащика казнить смертию.

А буде на кого в дву или в трех деревнях скажут согласно, что разбой он держал, и, выехав ис тех деревень, приехав во иные деревни, такожде сперва спросить у старосты, нет ли каких причинных людей. И, окончав его допрос о его ведамстве, такожде спросить, не ведает ли кого и во иных старощеньях, и буде скажет про кого или и ни про кого не скажет, обаче спросить про того имянно, котораго прежде его облиховали, и хотя чуть призначит, что слух де есть про такова человека, а подлинно не знает, и то так и записать.

(Л. 156 об.) И приехав в город, те сказки объявить воеводе

[1] Или помещиков — вписано на полях — Акад.
[2] И пятидесятским — на полях — Акад.
[3] Прилежанием — Стр., Козл.
[4] А свободы — Стр., Козл.
[5] Доб.: про соседа своего, что он ведал, а не сказал, то тому кто скажет — Стр., Козл.

и воеводам по облихованых людей посылать посылка болшая. И, приехав, посыльщику у облихованых людей в домех обыскать накрепко, нет ли какова излишняго ружья или платья, кое им неприлично. Такожде и иной всякой борошень пересмотреть и нет ли какова потаеннаго места и нет ли там какой похоронки. И буде у кого сыщетца какое приличие, то и без розыску будет он явен, что он таковской. Обаче в канцелярию привед, распросить ево с великим истезанием и, буде не запретца, то по вине смотря, и решение учинить немедленно[1].

А буде станет запиратца, то пытать ево жестоко и спрашивать про товарыщей ево и, воруя, где он приставал и где стан имели и кто про воровство его ведает, сказал бы имянно. Такожде и о иных артелях спрашивать их и, буде ведают, то сказали бы, где их сыскать. И распрося, хотя кой во убивстве себя и не оговорит и разбойные вины на себя не скажет, а околние соседы с подкреплением скажут, что он винен, то казнить их по изложению, чего будут достойны.

(Л. 157) А буде кто и самой ведомой и знатной разбойник, да видя жестокой и твердый указ, своею волею явит себя и принесет повинную, то аще и человекоубийца был и разбойничи станы у себя держал или и атаманом был, а обещается въпредь того не делать и товарыщей своих всех скажет и укажет, то такова человека не пытать и от наказания учинить свободна. А товарыщей ево всех казнить по изложению, а у него толко на щеке и на руке положить знаки, чтобы всяк мог ево знать, еже был он самой явной вор и покаялся, и пустит[2] ево свободна.

А буде станет он и въпредь великому государю радеть и воров проведывать и ево радением аще будут сысканы какие разбойники и иных артелей, то надлежит ему дать и жалованье.

А буде же тот вор по покаянии своем да паки на тот же свой воровской промысл обратится, то уже ему жесточайшая казнь учинить колесовальная или реброповешание.

(Л. 157 об.) И приказать всем сотским и пятидесятским и

[1] Обаче в канцелярию... и решение учинить немедленно — вписано на полях. — Акад.
[2] Пустить — Стр., Козл.

десятским[1] и соседям, чтобы все смотрили, аще х кому приедут начевать или и обедать, а возов с ними торговых нет, то, сошедшися, спрашивали бы у них, кто они таковы и откуду и куды их путь. И буде скажут, откуды их путь и куды, то спросить у них отпуску от их сотских и пятидесятских, и буде отпуск безспорно покажут и с словами их отпуск будет сходен, то по та и дело их.

А буде отпуск их с словами их будет не сходен или признают, что он не правой, а наипаче, аще станут в словах мятца или будут[2] гордо говорить, то, взяв их и связав, отвозили к суду. А буде не станут даватца, то и за боем их имать, и аще на той поимке и до смерти кого убьют, и за то поимщикам никаковы беды не будет.

А буде гораздо их людно и призначатся, что они люди причинные, то повестить (л. 158) околним деревням, чтобы пришли и помогли их перехватать. А буде коя деревня по повестке на поимку не пойдут[3], и старосту того или сотскаго, кой на поимку не пошол, казнить по указу, а рядовых всех бить кнутом.

А буде староста и сотской и десятские наряжали, а рядовые не послушали их и на поимку не пошли, то староста с товарыщи свободны, а рядовых за ослушание их всех казнить неотложно, как о том уложено будет.

А буде кои люди и добрые и отпуск у них есть правой за печатью сотскаго или пятидесятскаго, а ради своея гордости отпуску своего не покажут и сошедшимся крестьянам будут противитися, и таковых людей имать их[3] к суду. И перед судьею буде во упорстве своем повинятца и скажут, что, ничтожа крестьян, отпуску своего не явили, и за то, скинув рубахи, высечь их батоги да на них же доправить штрафу, по чему уложено[4] будет.

И ради таковых упорных людей указ (л. 158 об.) сказать сотским, чтобы из околных мест сотские понеделно присылали из своих сотен человека по три иль по четыре в те деревни, кои стоят на болших проезжих дорогах. И ради озорников и

[1] И десятским — вписано на полях — Акад.
[2] Опущ.: будут — Козл.
[3] Не пойдет — Стр., Козл.
[4] Опущ.: их — Стр.
[5] Сколько уложено — Стр.

в малых деревнях, кои на болших дорогах, держать из разных сотен человек по десятку, а в болших человек и по дватцати иль и болши, смотря по проезду, чтобы свидетелми были на силных озорников и на упорных людей, а на разбойников ради поимки.

И противо вышеявленнаго предложения, аще тако состроитца, то, я чаю, разбои одним годом потухнут, а другим, чаю, что и слуху про них не будут. Токмо надобно судьям положение то хранить, чтоб ничего из него не изронить, а аще не нарушитца тот[1] указ, то, чаю, что во веки разбоев у нас в Руси[2] не будет.

Воров и разбойников и ныне не велми бы много было, аще бы им от судей потачки не было. Тии бо егда уведают, что пойман вор или разбойник, то и спросят, чей он крестьянин? И егда услышат, что он силняго лица или и несилняго, да ябетоватого или свойственнаго себе или хлебосолца, то, догожая помещикам (л. 159) тем, отпускают и безо мзды на волю. И тии крестьяня или дворовые люды[3], надеючись на тех своих помещиков, смело воруют.

А у коих разбойников денег доволно, то те денги откупаютца.

В прошлом 719-м году, был я в приказе правинцыалнаго суда при сиденье[4] Ивана Мяки[нин]а, приведен был некто дворянин[5] Скрыплев и собою он человечен, а на шее у него цепь, а на нагах[6] железа. И я, видя ево, спросил: «В каком деле сидит?» И сказали про него: «Дело де до него великое, и живу де ему не чаем быть». Ажно и ничего ему не доспелось, молитва денежная помогла ему, господин судья зделал ево правда[7] и здрава. И, едучи я к себе на завод, на Держкове волоку спросил про того Скрыплева, и тамошние жители сказали про него, что великой де озорник и губитель, человек де пять-шесть пошло от его рук, однако, судьи милостивые помиловали ево.

[1] Опущ.: тот — Стр.
[2] Опущ.: в Руси — Стр.
[3] Люди — Стр., Козл.
[4] При суденье — Стр.
[5] Оставлено чистое место, повидимому для имени — Акад., Стр.
[6] А на ногах — Стр., Козл.
[7] Права — Стр., Козл.

И сицевые ради причины, мнитца, быть тако[1], еже бы паче воров и разбойников дать страх судьям и подьячим. Егда бо и подьячие не станут ворам потакать и беречь их не будут, то и судье трудно (л. 159 об.) будет содеет[ь] без подьяческого писма, достойнаго смерти на волю свободить. Мне мнитца, лучши ради всеконечнаго разбойнича истреблении древние указы многоплодные все отставить и учинить[2] указ новой краткостной.

Прошлаго 719 года в юстиц-каллеге[3] указ о истреблении разбойников, аще и с новою поправою сочиннен и печатные листы напечатаны с великим подкреплением и по городам розосланы, обаче несть в нем ни малыя ползы, ибо по старому везде разбои чинятца, деревни разбивают и сожигают и крестьян жгут, понеже в том указе все древние указы собраны, а не весь он новой сочинен. А [в][4] древних указех уставлено было, что, поймав разбойника, пытать трижды, а на очных ставках с товарыщи паки пытать. И бывает иным ворам застенков по десяти и по дватцати и в таковых многих пытках держали их многие годы и, сидя в тюрме, токмо[5] пакости одни от них чинятца.

А аще бы, поимав вора или разбойника, привед в приказ, роспросить его дробненко и умненко, (л. 160) то он и в роспросе означится, прямой ли он и[6] вор или непрямой. И аще будет мятца и чисто[7] правды не скажет, то мочно и страх ему задать, чтобы он допрос свой очистил прямо. И егда повинитца, то, не торопясь, надлежит ево спросить, давно ли он ворует, и где воровал и где приставал и куды краденой живот девал, или на збереж х кому положил и до воровства чем кормился и чево ради настоящей свой промысл покинул и помещик ево иль прикащик или соседи ведались[8] про то ево воровство, и староста и сотской[9] с товарыщи своими ведал ли кто из них? И буде в дробных допросех будет запиратца, а прямо очищать не будет, то аще и поздо[1], а то до утра отнюд бы не откладывать, но того жь часу и пытать ево, чтобы он ни с кем с прежними ворами не виделся. И аще старых сиделцов в тюрме и не будет, единаче пытки до утра не отлагать[2], чтобы он не надумался. И аще и с пытки ясно не скажет, то на иное утро (л. 160 об.) паки пытать и огнем жечь. И буде[3] и с огня ясно про воровство свое не скажет, а довод на него будет явной, то, не отлагая въдаль, вершить ево, как о том изложение будет повелевати.

А буде кои вор в первом роспросе без пытки повинитца во всем своем воровстве ясно[4] и о всем своем бытии противо вышеписаннаго скажет, то, мне мнитца, таковаго не для чего и пытать, но готовить ево к вершенью.

А буде про воровство ево помещик ево или прикащик или и иной какой камандир ведал, то по розыску чинить и им то же что и вору или еще и жесточайшую казнь чинить, дабы, на то смотря, иние наказались и никто бы въпредь воров, ведая, не прикрывал; такожде и соседи ево будет ведали[5] за ним такое воровство, а не объявляли, то и им указ чинить по изложению.

А буде у кого в дому воры приставали и, из его дому ездя, розбивали и с ним делились, то тот становщик с ними же да осужден будет, без всякаго отлагательства казнен по указу. А дом ево весь (л. 161) до основания разорить, и неколико лет тому [месту][6] лежать пусту[7], дабы всем людям было явно и памятно, что в том дому был ворам стан и по такой признаке и малыя робята будут памятовать.

Аще кой вор с розыску или и без розыску скажет про своих товарыщей, кои с ним[8] воровали, и домы их объявит, то, аще в близости домы их, послать по них, не медля, дондеже тот вор не свершен. А буде верстах во сте или далее,

---

[1] Мнитца мне тако — Стр.
[2] И учинить — вписано на полях — Акад.
[3] В юстиц-коллеги — Стр., в юстиц-каллегии — Козл
[4] Опущ.: в — Акад., восстан. по Стр., Козл.
[5] Опущ.: токмо — Козл.
[6] Опущ.: и — Стр., Козл.
[7] Чистой — Стр.
[8] Ведали ли — Козл.
[9] И соцкие — Козл.

---

[1] Поздо — Акад., Стр.; поздно — Козл.
[2] Не откладывать — Козл.
[3] Опущ.: и буде — Стр.
[4] Явно — Козл.
[5] Будет знали — Стр.
[6] Опущ. в Акад.; восстан. по Стр., Козл.
[7] Лежать пусту — вписано на полях — Акад.
[8] С ними — Стр.

то ево вершить, а по них послать после, дабы в далных откладах дело не медлилось.

Слух есть про иноземцов, что они воров долго не держат, что лише сыщут вину ево, то тотчас и казнят. И не токмо за разбой великой и душегубной, но и за кражу вешают и того ради и воровать не смеют.

А у нас древние указы на воров велми учинены милостивы ворам, а кого ограбят, тем уже весма не милостивы, не то что за малую кражу повесить, но и за тысячу рублев не повесят, и того ради и поимки не весма боятца.

(Л. 161 об.) А естьли бы и у нас на Руси воров и разбойников въскоре вершили и по иноземски и за малые вины[1] смерти предавали бе[з] спуску и без отлагательства, то велми бы страшно было воровать.

Ныне так дьявол их умножил, аще кой крестьянин хотя десятков пять-шесть наживет, а воры ближние, то уведав, пришед на двор да и совсем его разорят и, допытываяся денег, многих и до смерти замучивают. А соседи все слышат и видят, а на вырочку[2] к соседу своему нейдут и ворам дают волю.

И ради охранения от таковые гибели всем крестьянам надлежит великаго государя указ сказать новастный. Буде с ныняшняго времяни на двор х кому какие воровские люди придут, то не токмо тое деревни жители, но и из околних сел и деревень, и дворян[3] из своих усадьб, аще услышат шум или повестку, а на поимку воров не пойдут, то всех соседей бить кнутом, далних (л. 162) полехче, а ближних по более, да на них же всех доправит того грабленаго крестьянина убыток, колико те воры взяли, сугубо, и отдать грабленному.

И сие новое о всеконечном воров и разбойников и беглых людей изложение трудно токмо сперва будет, что без писменнаго отпуску из дому своего далее десяти верст отнюд не ездить, а в ночи[4] и в другую слободу отнюд не исходить же. И аще сие установление год место и помнетца, а егда обыкнут, тогда и легко будет. А писменными отпусками весма разбои

---

[1] За старые вины — Стр.
[2] А соседи все слыша и видя и на выручку — Козл.
[3] И дворянам — Стр., Козл.
[4] Доб.: и в другую деревню, хотя в версте не исходить. а в городех ночью — Стр., Козл.

остановятца, потому что разбойники не из воды выходят, но из тех же сел и деревень и соседу про соседа ни коими делы не ведать не мочно, чем кто промышляет и куды кто ездит.

А и скопляютца они не на воздухе, но в тех же деревнях и ни коими делы невозможно им от соседей своих весма утаитися, того (л. 162 об.) то ради и соседям тая ж казнь чинить, что и вору, понеже они все ведают, кто ворует иль кто торгует, а не извещают.

А аще[1] соседи, видя за соседом своим худой промысл, не молчали, то не так бы[2] деревенским мужикам на разбой ходить, а и дворянам трудно у крестьян своих утаитца и за сицевым уставом никоими делы разбойниками плодитися будет нельзя. И егда лет десяток место в таковой крепости побудут, то уже и без писем ходить и ездить будет мочно, толко судьи в делах своих были бы крепки, и его и. в. новаго изложения не нарушили, понеже всякое дело крепко постоянством.

Нам нечего дивитца иноземъцам, что у них воровства мало, се бо у нас в Руси и само[3] безхлебные места поморские и Заонежье, и у тамошних жителей ни разбоев, ни татей нет. Буде кто в лес пойдет и буде станет ему тепло, то он шубу иль (л. 163) кафтан верхней, сняв с себя, повесит на дерево[4], а назад идучи и возмет, паки лошадей молодых спустят в лес весною, а сыскивают уж после Покрова по заморозью. Чево ж ради так там деетца? Яве есть, что потачки ворам нет, буде кто в воровстве явитца[5], то въместо тюрмы посадят ево в воду, и того ради и крепко[6] у них и никто чужово и на лесу лежащего взять не смеет.

О ОТПУСКНЫХ ПИСМАХ

Сотским и пятидесятским надлежит отпуски давать сице. Буде кому ехать на иной город на долгое время, то давать им отпуски на целых листах или на полулистах и в тех от-

---

[1] А еще бы — Стр.
[2] Не как бы — Стр., Козл.
[3] И самые — Стр., Козл.
[4] На древо — Стр.
[5] Опущ.: явитца — Стр.
[6] И накрепко — Стр.

пусках писать имянно, куды он поехал и за каким делом. И к тем отпускам, буде сотской отпуск дал один, то и печать ево бы была, а буде пятидесятской отпустил, то и печать бы была пятидесятскаго, а буде оба въместе отпустили, то и печати б обоих были, которые будут присланы им от воеводы. А прикладывать те печати въместо (л. 163 об.) руки у всякаго отпуску при конце писма въместо закрепы.

И всякому сотскому зделать книга записная и пятидесятскому такожде своя ж и те отпуски записывать им в те книги имянно, куды он отпущон. И егда с тем отпуском приедет во уреченное место, то того ж часа явитца ему тутошному сотскому или пятидесятскому и тот бы сотской приезд ево записал в книгу и на отпуске подписать коего числа он явился[1].

А егда тот проеяжей человек дело свое управит, то на том же ево отпуске подписать тутошному сотскому имянно, колико дней или недель прожил и откуды, куды он поехал[2], и к той подписке приложил бы свою печать, а колико вр[ем]яни он тут был имянно, записал бы бытие ево у себя в книгу. И куды он с тем пошпортом ни приедет и колико дней где пробудет, все бы те сотские иль пятидесятские бытие ево подписывали, хотя где и один день пробудет, все бы по вышеписанному чинили, а без записки отнюд бы не отпускали.

А которые люди поедут или пойдут на малое время, толко побывать зачем (л. 164) в другую волость, то отпуски писать на четвертинке листа или и на осмушке и, написав, такожде по конец писма печать прикладывать. И те малые отпуски, кто пойдет или поедет дни на три или на четыре, записывать в записную книгу не для чего. А буде кто поедет на неделю или на две, то таких отпусков нелзя в книгу не записать, потому что в долгое время не явился б в какой причине. А буде где кто явитца без такова отпуску, то[3] тех людей ловить[4] и отсылать к суду. Такожде, аще кто и отпуск явит, да печать не того сотскаго, откуды он отпущон, или иная какая посторонняя печать, то такожде и тех имать

[1] Коего числа один явился — Стр.
[2] Он проехал — Стр.
[3] Опущ.: то — Стр.
[4] Опущ.: ловить — Стр.

и к суду отсылать. А приехав домой, те пошпорты отдавать сотским назад, а домо[1] их не держать.

И аще сперва повидится сие дело и трудновато, а егда обыкнут, то и тягости никакой не будет.

А за таким укреплением, я не вем, как бы разбойникам собиратися и станы иметь по деревням и на разбой по прежнему ездить.

И аще и в лесу соберутца, да в деревне нигде явитца им без таковых отпускных писем не можно.

А беглых[2] салдатам и крестьянам велми будет трудно приходить[3] и одною головою, а з женами и з детми, и с места своего тронутца будет некак, все пути их будут заперты.

Токмо надлежит указ жестокой сотским и пятидесятским и десятским предложить, чтоб они ни рядовые крестьяня ни по коему образу никакова человека, ни белца, ни чернца, ни нищаго, без такова отпуску на двор не токмо начевать (л. 164 об.), но и погретца бы отнюд не пускали, а кто понахалитца, то тех бы хватали и к суду отсылали. Такожде буде какия люди будут около деревни обходить или по проселочным дорогам прониматца, то такожде хватать и к суду отсылать, не мотчав.

И ради печатанья тех отпускных писем всякой воевода исчислил бы, колико в уезде ево сотских и пятидесятских[4] и колико в коем урочище их будет, велел бы добрым мастерам на всякаго сотскаго и пятидесятскаго по печати, чтобы всякая печать значила, коего уезду и коего урочища и чтоб печать с печатью сходна не была. И те печати разослать ко всем сотским и пятидесятским.

И егда кой сотской напишет отпуск, то и печать бы свою, коя ему дана, в конце того писма припечатал, а буде пятидесятской отпуск напишет, то он бы свою и печать приложил. И егда признаютца, то все будут знать те печати и обманом никто пройти не может, потому что хотя сотские погодно будут и переменятися, а печати всегда одни будут.

[1] Дома — Стр., Козл.
[2] А беглым — Козл.; о беглых — Стр.
[3] Проходить — Стр.
[4] И пятидесятских — вписано на полях — Акад.

О КРЕСТЬЯНСТВЕ

(Л. 165) Крестьянское житие скудостно ни от чего иного, токмо от своея их лености, а потом от неразсмотрения правителей и от помещичья насилия и от небрежения их.

А аще бы царскаго величества поборы расположены были по владению земли их, колико кой крестьянин на себя пашет, и поборы бы собирали бы с них во удобное время, а помещики их изълишняго ничего с них не имали и работы бы излишние не накладывали, но токмо и подать свою и работу налагали по владению земли их и смотрели бы за крестьяны своими, чтоб они кроме неделных и праздничных дней не гуляли, но всегда б были в работе, то никогда крестьянин весьма не оскудеет.

А буде кой крестьянин станет лежебочить, то бы таковых жестоко наказывали, понеже кой крестьянин изгуляется, в том уже пути не будет, но токмо уклонится в разбой и во иныя воровства.

Крестьянину надлежит летом землю управлять неопложно[1], а зимою в лесу (л. 165 об.) работать, что надлежит про домашней обиход или на люди, отъчего бы какой себе прибыток получить.

А буде при дворе своем никакой работы пожиточные нет, то шол бы в такие места, где из найму люди работают, дабы даром времения[2] своего не теряли, и тако творя, никакой крестьянин не оскудеет.

И к таковому крестьянскаго жития охранению надлежит приложить и сие, еже бы и дворы их перестроити, дабы им свободнее и покойнее было жить, понеже от тесноты селидебные крестьянство вельми разоряетца, потому в тесноте, аще у кого о[д]ного загоритца двор, то вся деревня выгорит и иногда и одного двора не останетца. И так погарают, что у иного ни хлеба, ни скота не останетца[3], и от того в конечную

---

[1] Неоплошно — Стр.
[2] Времени — Стр., Козл.
[3] Опущ.: И так погарают... не останетца — Стр.

165

скудость[1] приходят, а аще бы селидбою их не теснили, то бы гибели такой им не было[2].

И от такова их разорения надлежит им учинить охранение, дворы им велеть строить пространнее и не сплош двор подле двор[3], (л. 166) но с переступкою, гнездами, и улицы зделать широкия на пространных местах сажень по тритцати шириною, а где и тесно место, то тут бы менши двватцати сажен улиц не делать, того ради, аще у кого загоритца, то все бы соседи бежали отънимать. И егда меж дворов будут промешки свободные, то со всех сторон отънимать будет[4] свободно и тем двум дворам вовсе згореть не дадут, потому что соседи по прежнему не кинутца за убором домов своих, но все будут отънимать у того, у кого загорелось.

А в нынешнем селени[и] никоими делы во время запаления соседям помощи подать не можно, понеже все мечутца за своими уборы, обаче не вси убратися могут, но у всех не без погибели бывает. И тако вси погибают, и отътого в самую нищету приходят.

И аще великий наш государь, сожалея о крестьянстве, повелит дворы крестьянские в селех и в деревнях построить гнездами, то (л. 166 об.) надлежит всем помещикам указ сказать, чтобы они как мочно, хотя не вдруг, но помаленку, а все бы дворы перестроили по два двора вместе, да два промешка межь дворами порожьжие сицевым манером[5] (см чертеж на стр. 245).

И аще тако построено будет, то отънимать во время пожара со все[6] стороны свободно будет и никакому двору вовсе згореть не дадут.

А егда отъправлены будут воловые[7] писцы или межевщики, и тогда одним разом все дворы перестроить и землю им разверстать надлежит крестьянину на целой (л. 167) двор и

---

[1] Во всеконечную скудость — Стр., Козл.

[2] В Стр. сп. на полях против этого абзаца другим почерком запись: смотри о сем имянной указ 7 августа 1724 года.

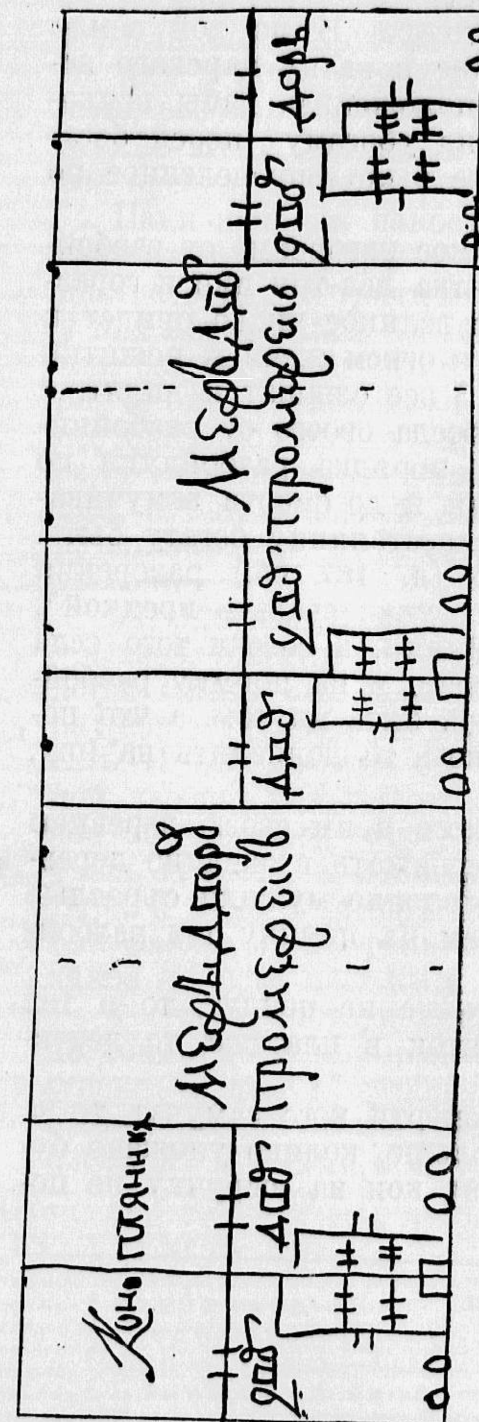
[3] Двор подле двора — Стр.

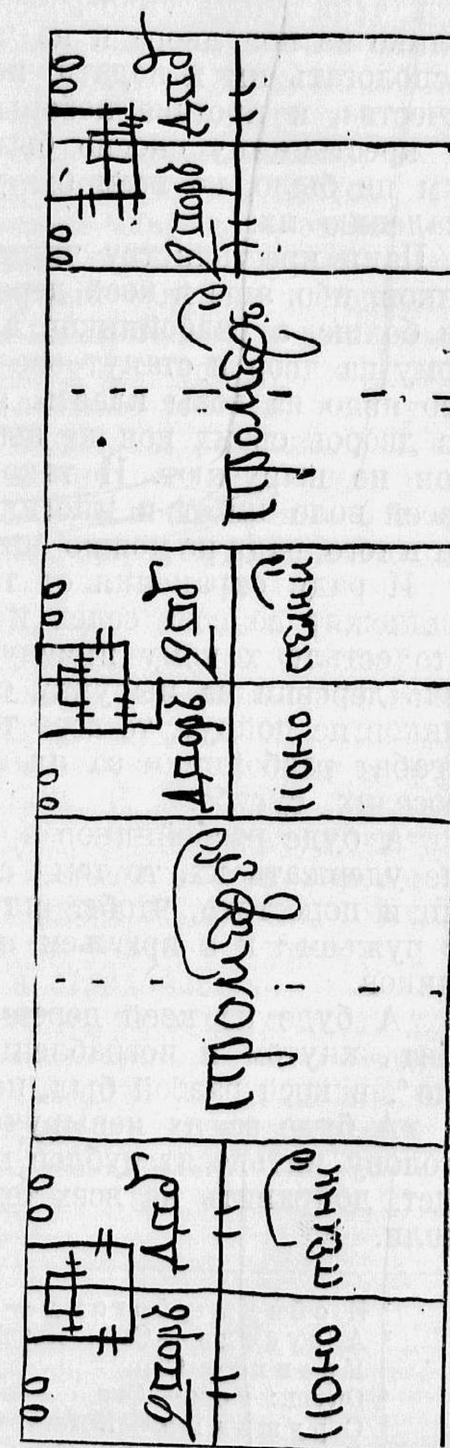
[4] Будут — Стр.

[5] В Стр. сп. по середине чертежа доб.: улица проезжая; в Козл. сп. отсутствует чертеж и опущ.: сицевым манером.

[6] Со всей — Стр.

[7] Валовые — Стр., Козл.

колико на пол двора и на четверть двора. И по той земле распологать им и подати, надлежащие в казну царскаго величества, и протчие поборы по расположению, дабы всякому крестьянину сносно было, и обид убогому[1] перед богатым не было, но всем бы уравнение было определенное по владению их.

Паки крестьянству чинитца великое разорение от разбойников, ибо, аще в коей деревне десятка два-три или и гораздо болше, а разбойников аще и не великое число придет к кому на двор и станут ево мучить и огнем жечи и пожитки ево явно на возы класть, а соседи[2] все слышат и видят, а из дворов своих вон не выдут и соседа своего от разбойников не выручают. И такова ради порядка разбойники по своей воле чинят и многих крестьян и до смерти замучивают и того ради не можно никакому крестьянину богату быть.

И ради охранения от такова их (л. 167 об.) разорения надлежит во всех селех и деревнях указ сказать крепкой[3], что естьли х кому приедут разбойники, а соседи того села иль деревни на выручку соседа своего и на поимку разбойников не пойдут, то всех тех соседей бить кнутом, а что пограбят разбойники за их невыручкою, то доправить на них, соседях, сугубо.

А буде разбойников приедет много и им своею деревнею не удержать их, то тем[4] соседям добежать в околние деревни и повестить, чтобы шли все поголовно мужики сърослые с ружьем[5] и с крючьем и з дубьем на поимку тех разбойников.

А буде из коей деревни крестьяне не пойдут, то и тех бить кнутом и пограбленной пожиток в платеже, то деревне[6], в коей разбой был, помогать.

А буде за их невыручкою до смерти кого замучат, то за голову пятьдесят рублев или и больше, колико уложено будет, доправить на всех тех (л. 168), кои на выручку не пошли.

---

[1] И обиды убогому — Стр., Козл.
[2] А суседи — Стр., Козл.
[3] Крепко — Стр.
[4] Опущ.: тем — Стр.
[5] С ружьями — Козл.
[6] Той деревни — Стр.; той деревне — Козл.

А, аще бы крестьяне жили все в одну душу, друг друга берегли бы и друг за друга стояли бы, то бы разбойникам на них и помыслить некак было[1], неже бы[2] их, нагло приехав, разбить[3] и огнем жечь. И аще бы и между собою крестьяне жили союзно и друг другу обид не чинили, то бы все крестьяне были сыти и было б житие их святое.

Паки немалая пакость крестьянам чинитца и от того, что грамотных людей у них нет. Аще в коей деревне дворов дватцать или и тритцать, а грамотнаго человека ни единаго[4] у них нет и какой человек к ним ни приедет с каким указом или без указу, да скажет, что указ у него есть, то тому и верят и отътого приемлют себе изълишние убытки, потому что все они яко слепые[5] ничего не видят, ни разумеют. И того ради многия, и без указу приехав, пакости им чинят великия, а они оспорить не могут, а и в поборех много с них изълишних денег емлют, и отътого даровой приемлют себе убыток.

(Л. 168 об.) И ради охранения от таковых напрасных убытков, видитца, не худо б крестьян и поневолить, чтоб они детей своих, кои десяти лет и ниже, отъдавали дьячкам в наученье грамоты и, науча грамоте, научили бы их и писать. И чаю, не худо бы так учинить, чтобы не было и в малой деревне безъграмотнаго человека. И положить им крепкое определение, чтобы безъотложно детей своих отъдавали учить грамоте, и положить им срок годы на три или на четыре, а буде в четыре года детей своих не научат, такожде, кои рабята и въпредь подрастут, а учить их не будут, то какое ни есть положить на них и страхование.

А егда грамоте и писать научатца, то они удобнее будут не токмо помещикам своим[6] дела править, но и к государственным делам[7] угодны будут. Наипаче же в сотские и в пятидесятские велми будут пригодны, и никто уже их не изобидит и ничего с них напрасно не возмет.

---

[1] Будет — Козл.
[2] Еже бы — Стр., Козл.
[3] Разбивать — Козл.
[4] И единого — Стр.
[5] Яко слепцы — Козл.
[6] Помещиков своих — Стр., Козл.
[7] Но и к государевым делам — Стр., Козл.

А чаю, не худо указ послать (л. 169) и в низовые городы, чтобы и у мортвы[1] детей брать и грамоте учить отъдавать, хотя бы и насилно. А егда научатся, то и самим им слюбитца потому, что к ним, паче руских деревень, прияжжая[2] солдаты и приставы и подъячия, овогда с указом, овогда ж и без указу и чинят, что хотят, потому что они люди безграмотные и безъзаступные. И того ради всяк их изобижает и чего никогда в указе не бывало, того на них спрашивают и правежем правят.

А егда дети их научатся грамоте, то грамотные будут у них владетелми и по прежнему в обиду их уже не дадут, но будут свою братью от всяких напрасных нападок оберегать.

А иные выучат[3] грамоте, познают святую христианскую веру, возъжелают и креститися, то ти[4] грамотники мало по малу и иных свою братью к христианской вере приводить будут.

И кой мордва иль чюваша или черемиса крестятца, то тех[5] уже воеводам (л. 169 об.) и всяким правителем и приказным людем надлежит почитать и всячески их утешать и беречь их паче некрещенных и во всем от некрещенных чинить им милостивую отъмену, чтобы некрещеные крещеным завидывали.

Да крестьянам же и мордве указ великаго государя сказать, что[бы] между собою жили любовно, друг друга ничем бы не обижали и лесу бы, кой годитца в строение, на дрова отънюд бы не рубили.

А при степных местех молодаго леса на дрова и в своих лесах отънюд бы не рубили, а рубили бы то дерево, кое уросло, а в строение хоромное неприходное[6]. И кое дерево повали[ло]сь, то бы обирали, а молодой лес, когда подростет и будет толстиною[7] в заборину, то тогда бы рубили на всякие домашные потребы[8].

[1] И у мордвы — Стр, Козл.
[2] Приезжие — Стр.
[3] Выучась — Стр., Козл.
[4] То тии — Стр., Козл.
[5] То всех — Стр.
[6] Непригодное — Стр., Козл.
[7] Толщиною — Стр., Козл.
[8] Домовые потребы — Стр., Козл.

А где в степных местех засядет лес молодой, то осенью выжечь[1] тамошние жители травы б сажень на пять и шесть въкруг того лесу по вся б годы окашивали, чтоб (л. 170) вешнею парою степной пожар к нему не дошол и не выжег бы.

Видел я по степям много таких паросников, иные в человека вышиною, а иныя сажени и в две были, да все погорели и пропали. Аще б не пожары, то и при степных местех леса б великия были.

Паки был я на Черни и во Мценску и видел там, что рубят на дрова самой молодой лес толщиною в гороховую тычину и на один воз срубят дерев сто и болше, а в том же лесу видел я лежит валежнику. И стоячие деревья есть тако[2], что из одного дерева будет возов десять и больше, и пока старой лес были б подбирать, а тот бы молодежник подрос и им же бы пригодился всем.

А коя степь гораздо гола и леса удалели, то тамошние жители всякой бы к своей деревне занял десятин десяток другой и въспахал бы[3] осенью наметал бы семян леснова, березоваго (л. 170 об.) и липоваго и кленоваго и осиноваго и дубоваго и вязоваго и орехов спелых сырых четверик другой тут же б разметал. И как тот сеяной лес взойдет, от пожару б берегли, и первой год надобно его и пополоть, чтоб степная трава не заглушила ево и сеяныя орехи лет в шесть иль в сем с плодом придут и в десять лет орехами обогатеют, на добрых землях велми они плодовиты будут.

И тако бы всяк у своей деревни так[4] устроил, то бы и лесом и орехами все доволны были, хотя сперва и скушно покажется завести, а последи и самим[5] сълюбитца.

И о орехах не худо бы учинить и заповеть[6], чтоб никто прежде Семеня дни их не щипал, но дали бы им созреть, чтобы ядро наполнилось. И аще где на угревине и прежде Семеня дни наполнятся ядром, обаче прежде Семеня дни никто б не дерзал их щипать, но щипали бы последи Семе-

[1] То осенью вышел — Стр., Козл.
[2] Такие — Козл.
[3] И вспахав бы — Стр., Козл.
[4] Опущ.: так — Козл.
[5] Доб.: им — Козл.
[6] Заповедь — Стр., Козл.

ня дни, в то время, егда они будут сыпатца (л. 171). И щипали бы, согласясь и с совету своего сотскаго, чтоб как семейным, так и безсемейным безобидно было.

И таковых спелых орехов один четверик лутче четверти недоспелых; ныне многие щиплют их възахват зеленые, а соспеть отънют не дадут и тем они протчих своих соседей оголожают, а себе хлеба от них не наживают[1], потому что было взять спелых орехов за четверик, а он и за четверть едва то возмет. И тем царскаго величества интересу чинят урон, понеже спелых орехов четверик гривны по четыре и выше продают, а в зеленых и за четверть того не дадут. И где было за спелые орехи пошлины взять рубль, а з зеленых и гривны не дадут[2], а кто и купит, не брящет в них ползы, потому что ни в них еды, ни в них масла. Толко, купя, ореховники мешают их з добрыми и людей объманывают, закрасят с лица спелыми и в том себе хрех[3] приемлют.

(Л. 171 об.) В спелых же орехах есть и царственная прибылца, понеже идут они во иные земли, в Персиду и в Шведы и во иныя места, а неспелыя ни за что гинут.

И того ради велми надлежит от ранняго щипания орехи блюсти, дабы никто[4] прежде Семеня дни щипать их не дерзал, а и после Семеня дни без воли сотъскаго и без общаго совету отънють бы не начинали их щипать.

А буде кто учинится тому изъложению противен и прежде Семеня дни нащиплет хотя малое число, то взять на нем штрафу пять рублев, да его же высечь потогами[5].

А буде кто привезет орехов на продажу сырых иль сухих, а[6] щипаны будут не доспелы[7] и ядром орехи будут не полны, то взять те орехи на государя. А кто их привез[8], взять штрафу за всякой четверик по рублю или как о том уложено будет.

А буде гораздо зелены, что и в половину ядра нету, то

[1] Отнюдь не наживают — Стр.
[2] И гривны не придут — Стр.; не придет — Козл.
[3] Грех — Стр., Козл.
[4] Доб.: нигде — Стр. Козл.
[5] Батогами — Стр., Козл.
[6] Да — Козл.
[7] Недоспелые — Стр., Козл.
[8] Привезет — Козл.

взять на нем штрафу сугубо, а орехи высыпать летом (л. 172) в грязь, а зимнею порою в пролуб[1].

А буде кто поимает кого прежде Семеня дни в лесу или и на дороге или и в деревне с свежими щипаными орехи[2], то те орехи отъдать тому, кто поимал, а кто пойман, на том доправить штрафу за всякой четверик по рублю, а буде менше четверика, то по количеству орехов, да его ж высечь патогами[3], дабы въпредь так не делали.

А буде прикащик или староста или сотской понаровит тому, кто пойман, и штрафу с него не возмет или и возъмет, а наказания по указу не учинит, или того поимщика станет чем теснить, хотя и после того времени, то на том прикащике иль старосте или и на сотском взято[4] будет за нарушение его и. в. указу штраф определенной по новому изъложению и наказание чинить великое, каково и протчим нарушителем учинено будет.

Подобне и о рыбной ловле надлежит (л. 172 об.) учинить, чтоб крестьяне от неразумения своего царскому интересу тщеты не чинили, ибо в коих озерах и реках снятоваго рода нет, то в тех водах отънюдь мелкие рыбы не годъствует ловити. А крестьяне, не разумея снятоваго рода, въместо снятков[5] ловят молодую рыбу, щучонки, язики, плотички, а наипаче ловят недорослых окунков. И не токмо дать ей год место перегодовать, но и самыя зародышки рыбные ловят, еже менше овсяного зерна и тем ловом в реках и в озерах рыбу переводят. Будучи я на Устрике, зачерпнул на лошку тех рыбеночков и щол, и был их[6] числом 88, а естьли бы зачерпнуть погуще, то бы ста два-три зачерпнул.

А аще бы та маленкая рыбка перегодовала, то из одной той лошки было бы[7] целая варя, а в два года из той лошки было бы 20 варь, что ж бы от тех двулетных рыбок в два года приплоду было? И тех рыбных зародышков, наловя и высуша, за четверик возмет гривни две, а естьли бы (л. 173)

[1] В прорубь — Козл.
[2] Орехами — Козл.
[3] Батогами — Стр.; батоги — Козл.
[4] Взят — Козл.
[5] Вместо снятов — Стр., Козл.
[6] И было их — Стр., Козл.
[7] Была бы — Стр., Козл.

выросла в два года, то было бы возов десять или болши из того четверика, и вмѣсто дву гривен взял бы рублев дватцать или болше и пошлины бы с нее сошло болши рубля.

И в таком[1] немыслии крестьянском не токмо царской интерес пропадает, но и у ловцов тех прямая покормка пропадает.

Ныне многие жалуются на рыбу, глаголя: «плох де лов стал быть рыбе». А отъчего плох стал, того невыразумеют; ни от чего иного плох стал быть лов, токмо отътого, что молодую рыбу выловят, то не и с чего и болшой быть. Естьли и в скоте[2] телят приесть молодых, то ни быков, ни коров не будет, такожде и у курицы, аще цыплят всех поесть годы два-три, то и курицы[3] все переведутся. И рыба ничем же от того разньствует, всегда болшая рыба выростает из малые и, аще малую выловят, то болшой не отъкуды взятца будет.

И по моему мнению, где и снятовой род есть, то и там надлежит запредить[4], чтоб самых мелких рыбных (л. 173 об.) и снятовых зародышев не ловили, а ловили б перегодные, чтобы от той несмысленной ловли великаго государя интерес не пропадал напрасно, а и ловцы бы безъпутною ловлею ни себя, ни людей не голодили.

И аще его и. в-ву порадеть, и закрепить накрепко со штрафом и з наказанием, чтобы отънюдь никто кроме самородных снятов недорослой рыбы не ловили, то велми рыба во озерах и в реках умножится.

И, мнитца мне, надлежит запретить[5] сице: буде кто мелких щученков или лещиков или плотичек и окунков недорослых, кроме самородных снятов, привезет на торг, аще сырых или и сушеных, то та рыба взять на государя и отъдать солдатам или нищим по багаделням, а кто привез, на том взять штраф за всякой четверик, по чему уложено будет, то отънim[6] годом сия статья утвердитца и никто не-

[1] И в таковом — Стр., Козл.
[2] Естьли и вскоре — Стр.
[3] То и куры — Стр., Козл.
[4] Запретить — Стр., Козл.
[5] Закрепить — Козл.
[6] Одним — Стр., Козл.

дорослей рыбы ловить не будет. (Л. 174) А паче[1] надлежит прежде во все городы послать указы, чтоб отънют недорослой рыбы не ловили и неводов частых кроме снятовых не делали, а на дру[го]е лето[2] всех штрафовать за презрение того указа.

А буде кто наловит недорослой рыбы про себя аще и малое число, и аще кто с тою рыбою поймает и приведет к суду, то доправить на том, кто ее ловил, штраф надлежащий по изъложению и с того штрафа четвертая доля, выняв, отъдать тому, кто ево привел к суду, а рыба ему ж отьдать. И таким штрафом и про себя ловить не будут.

И в таком установлении годы в три иль в четыре так рыбы умножитца, что весь народ рыбою насытитца. И аще тот устав и въпред не нарушится, то по веки веков[3] не оскудеет.

И аще она при нынешней цене въдвое или и въгрое дешевле будет, обаче в пошлинном зборе будет десятерицею болши, потому что в продаже рыбы будет великое множество.

(Л. 174 об.) А и сие не велми право зритца, еже помещики на крестьян своих налагают бремена неудобноносимая[4], ибо есть такие безъчеловечные дворяня, что в работную пору не дают крестьянам своим единого дня, еже бы ему на себя что съработать, и тако пахатную и сенокосную пору всу и потеряют у них, иль что наложено на коих крестьян оброку или столовых запасов и, то положение[5] забрав, и еще требуют с них изълишняго побору и тем излишеством крестьянство в нищету пригоняют, и которой крестьянин станет мало[6] посытее быть, то на него и подати прибавит. И за токим их порядъком никогда крестьянин у такова помещика обогатитися не может, и многие дворяне говорят: «Крестьянину де не давай обърости, но стриги ево яко овцу до гола». И тако творя, царство пустошат, понеже так их обирают, что у иного и козы не оставляют, и от таковые нуж-

[1] Обаче — Стр., Козл.
[2] И неводов частых... а на другое лето — вписано на полях — Акад.
[3] Во веки веков — Стр., Козл.
[4] Бремена неудобносимая — Стр., Козл.
[5] И то положеное — Стр., Козл.
[6] Мало-мало — Стр., мало по малу — Козл.

ды домы свои оставляют и бегут иные в понизовые места, иные ж (л. 175) во украенные, а иные и в зарубежныя, и тако чужия страны населяют, а свою пусту оставляют. А что бы до того помещикам дела, что крестьяне богаты, лише бы он пашни не запустил, хотя бы у него и не одна тысяча рублев была, толко бы не воровал и безъявочно не торговал, что крестьяне богати, то бы и честь помещику.

Крестьянам помещики не вековые владелцы, того ради они не весьма их и берегут, а прямой им владетель всеросийский самодержиц, они владеют временно.

И того ради не надлежит их помещикам разорять, но надлежит их царским указом охранять, чтобы крестьяне крестьянами были прямыми, а не нищими, понеже крестьяниньское[1] богатство — богатство царственное[2].

И того ради, мнитца мне, лутче и помещикам учинить расположение указное, по чему им с крестьян оброку и иного чего имать и по колику дней в неделе на помещика своего работать и иного какого изъделья делать, чтобы им сносно было (л. 175 об.) государеву подать и помещику[3] заплатить и себя прокормить без нужды. Того судьям вельми[4] надлежит смотреть, чтоб помещики на крестьян изълишняго сверх указу ничего не накладывали и в нищету бы их не приводили.

И о сем яко высоким господам, тако и мелким дворянам надлежит между собою посоветовать о всяких крестьянских поборех помещичьих и о изъделье[5], как бы их обложити с общаго совета и з докладу его и. в., чтобы крестьянству было не тягостно; и расположить имянно, по чему с целого двора и по чему с полудвора или с четверти или с осмые доли двора имать денег и столовых запасов и по колику с целаго и не целаго двора пашни на помещика своего всъпахать и хлебом засеять и, зъжав, обмолотить. Такожде и подводы расположить по расположению дворовому, чтобы всем по владению земли было никому ни перед кем необидно, и

[1] Крестьянское — Козл.
[2] Опущ.: И того ради не надлежит... богатство царственное — Стр.
[3] И помещикову — Козл.
[4] Вельми — на полях — Акад.
[5] И о зделье — Стр.

чтоб (л. 176) и государевы поборы сносно им было платить сполна без доимки.

И како о сем с общаго совета изъложитца и указом его и. в. утвердится, и тако аще нерушимо будет стоять, то крестьянство все будут сыти, а иныя из них и обогатятся.

Я, истинно, много о сем размышлял, како бы право крестьянские поборы с них собирать, чтобы его и. в-ву было прибылно, а им бы было не тягостно, и сего здравие[1] не обретох, что прежде расположить крестьянские[2] дворы по владению земли им данные, чем кой владеет и колико он на той своей земле хлеба высеет про себя[3].

Я не вем, чево господа дворяня смотрят, крестьянами владеют, а что то имяновать крестьяна[4] не знают и по чему числить двор крестьянской ничего того не разумеют, но токмо ворота, да городбу числят, а иные дым изъбиной щитают. И яко (л. 176 об.) дым на воздухе исчезает, тако и исчисление их ни во чтожность обращается. А и во исчислении душевном не чаю ж проку быть[5], понеже душа вещь неосязаемая и умом непостижимая и цены неимущая, надлежит ценить вещи грунтовалные. В душевном следовании труда много подъято, а и казны, чаю, тысячу десятка два[6] истощилось на него, обаче, чаю я, что она[7] вся туне пропала и труд весь ни во что, ибо побор сей несостоятелен будет. А в чесом надлежит прямо неподвижной прибыли искать и о том во главе 9 речется.

А о крестьянех, мнитца мне, лутче так учинить: егда кой крестьянин пожиток[8] свой сполна помещику своему заплатит, то уже бы никакой помещик сверх уреченного числа ни малого чего не требовал с него и нечем бы таковых не теснил, токмо смотреть за ним, чтоб он даром не гулял, но какую мочно к прокормлению своему работы[9] бы работал. И

[1] Здравее — Стр., Козл.
[2] Опущ.: крестьянские — Стр.
[3] Против этого абзаца на полях Лапт. сп. имеется карандашная запись Погодина: Целую руку твою!
[4] Крестьянина — Стр., Козл.
[5] Не чаю же я проку быть — Стр., Козл.
[6] Тысячь десятка два-три — Стр., Козл.
[7] Оная — Козл.
[8] Повыток — Стр., Козл.
[9] Работу — Стр., Козл.

от такова порятка, кои разумные крестьяне (л. 177), могут себе и хорошие пожитки нажить.

А буде кой крестьянин, хлеба напахав[1], да станет гулять и въпред не станет ничего[2] запасать, и таковых, не токмо помещикам иль прикащикам, но и сотским надлежит за ними смотреть и жестоко наказывать, чтобы от леносги своея в скудость не приходили и в воровство бы, ни в пьянство не уклонялись.

Крестьянам и радетелным разорения чинитца не малое и оттого, что двороваго расположения прямаго у них нет. Кои силные помещики, те пишут дворов по пяти и по шти и по десяти в один двор, то тем лехко и жить. А кои средние могуты, те двора по два и по три въместо сваливают и одними воротами ходят, а протчие ворота забором забирают, то и тем крестьянам не весьма тягостно. А кои бедные и безпомочные[3] помещики, то у тех крестьян все дворы целыми дворами писаны, и от такова порятка тии крестьяня от несносных (л. 177 об.) поборов во всеконечную нищету приходят. А богатые и силные бояры своих токмо крестьян оберегают от поборов, а о прочих не пекутца.

И ради основания правды надлежит первее уставить в крестьянстве, что то имяновать двор и что пол двора или четверть или осмая доля двора.

Я сему велми удивляюсь, что[4] в российском царстве премногое множество помещиков богатых и судейством владеющих, а того не могут зделать, чтоб, собравшись, посоветовать и уложить, что то крестьянской двор имяновать или пол двора или четверть двора и по чему бы разуметь целой двор или без четверти или с четвертью[5] двор.

В Москве в посадских слободах, аще и мужики живут, обаче у них разумно учинено: кто на целом дворе живет, тот и[6] с целого двора и платит[7], а кто на полудворе иль на четверти, то с того и тягло платит.

---

[1] Хлеба не пахав — Козл.
[2] Опущ.: ничего — Стр.
[3] Безмочные — Козл.
[4] Доб.: у нас — Козл.
[5] Опущ.: или с четвертью — Стр.
[6] Опущ.: и — Козл.
[7] То с целаго двора и платит — Стр.

(Л. 178) А у крестьян писцы и перепищики ворота числят двором, хотя одна изба на дворе, хотя изб пять-шесть или десять, а пишут двором же. И то стал быть не разум, но самое безумство и всесовершенная неправда и убогим и маломочным обида и разорение.

По здравому разсуждению надлежит крестьянскому двору положить разъсмотрение не по воротам, ни по дымам изъбным, но по владению земли и по засеву хлеба на том ево владенье.

По моему мнению, аще у коего крестьянина написать целым двором[1], то надобно ему земли дать мерою только, чтобы ему мочно было на всякой год высеять ржи четыре четверти, а яроваго осмь четвертей, а сена накосить ему про себя дватцать копен.

А буде коему крестьянину отъведено земли, что и четверти ржи на ней не высеет, то того двора и четвертью двора[2] не надлежит написать (л. 178 об.), но разве шестою долею двора. И тако всякому крестьянину числить двора по количеству земли надлежит.

А буде ж кой крестьянин могутен, а земли ему от помещика отъведено малое число и он мочью своею наймет земли у иного помещика и на той наемной земле высеет хотя четвертей десять или болши, и тое земли к дворовому числу не причитать и государевой подати никакой с той наемной земли не платить, потому что с тое земли будет платить помещик, который тою землею владеет. Такожде и помещику своему ничего ж с тое пашни не платить же, а платить тому помещику по договору денгами или снопами, у коего ту землю нанял.

А буде кой помещик, видя коего крестьянина семьяниста и лошадеиста[3] даст ему земли со удоволством, что высеват[4] он будет четвертей по десяти на лето ржи, а яроваго по дватцати, а сенокосу (л. 179) отъведет ему на 50 копен, то с такова крестьянина можно брать как его и. в., так и помещику с полутр[ет]ья двора. И тако все дворы располо-

---

[1] Целой двор — Стр., Козл.
[2] Опущ.: и четвертью двора — Стр.
[3] Лошадиста — Стр., Козл.
[4] Высевать — Стр., Козл.

жить не по воротам, ни по дымам, но по владению земли и по засеву их на отъведенной им земле.

И аще тако во всей России устроено будет, то ни богатому, ни убогому обиды ни малые не будет, но всякой по своей мочи, как великому государю, так и помещику своему будет платить.

И ради охранения крестьянъскаго от помещиков их, надлежит и в помещичьих поборех учинить по земле ж и чтоб болши положенного окладу отънют на крестьян своих не накладывали. И тако яко в государевых поборех, тако и в помещичьих будет им сносно. И по таковому[1] расположению и помещикам дворов крестьян своих таить по прежнему будет не для чего, потому, буде кто дворы свои целые полудворами или четвертьми (л. 179 об.) или осьмушками напишет, то и сам помещик не может уже с них болши[2] взять, ибо всякой крестьянин на чем будет жить и чем будет владеть, с того будет и платить как царю, так и помещикам своим.

И буде кой помещик напишет дворы целые полудворами или и менши полудворов и царския поборы будет платить против писма, а себе станет с них[3] имать с целых дворов, и кто про то уведомится посторонней человек и донесет о такой ево неправде судьям, то те дворы и со крестьяны отъдать тому, кто изъвестил. А буде и крестьяня, не похотя лишняго помещикам своим платить и донесут судьям, то того крестья[ни]на, кой доведет, дать воля, да за довот[4] пятьдесят рублев денег. А которые крестьяня ведали, что помещик их берет с них изълишние поборы, а умолчат, то тех крестьян бить кнутом, колико ударов уложено будет.

(Л. 180) И аще кой помещик на целой двор или на пол двора или и на четверть двора посадит двороваго своего человека или деловаго или бобыля ли полоненника, то кто бы он ни был, а плата дворовая имать с него по владению земли неизъменно. И тако как крестьянин[5], так и дворовые люди, будут великому государю данники и платеж им тягостен не будет, потому что платеж их будет по владению земли, определенной при дворе.

[1] И по такому — Стр., Козл.
[2] Больше того — Стр., Козл.
[3] Опущ.: с них — Козл.
[4] За довод — Стр., Козл.
[5] Как крестьяне — Стр., Козл.

И таким порятком интерес его и. в. велми будет множитца и аще во всей России тако устроитца и поборы з двороваго числа лехкостнее будут. А по древнему порятку от поборов иные в конец разоряются, а иные даром живут.

По моему мнению, царю паче помещиков надлежит крестьянство беретчи, понеже помещики владеют ими времянно, а царю они всегда вековые и крестьянское богатство — богатство царственное (л. 180 об.), а нищета крестьянская оскудение царственное. И того ради царю яко великородных и военных, тако и купечество и крестьянство блюсти, дабы никто во убожество не въходил, но вси бы по своей мерности изобилны были.

И аще по вышеписанному крестьянские дворы управятца, то каково за силными лицы будет крестьянам жить, таково и за самыми убогими быть, и по прежнему бегати крестьянам будет уже не для чего, потому что везде равно[1] будет жить[2].

И у коего крестьянина двор целой или менши или болши двора, обаче в селидбе строили бы по два двора гнездами и меж ними по два огорода, яко же о том в осмой главе изъявитца. И аще тако устроены будут деревни, то во время огненнаго запаления никакая деревня вся не выгорит.

А буде кой помещик будет (л. 181) на крестьян своих налагать[3], и наложит сверх указного числа или изълишную работу наложит, и аще те крестьяне дойдут до суда, и у такова помещика тех крестьян отънять на государя и з землею, то, на то смотря, и самой ядовитой помещик сокротит себя, и крестьян разорять не станет.

А буде кой судья по доношению крестьянскому о винности помещиковой сыскивать не станет и отошлет их к старому их помещику или и сыскивать не[4] станет, да будет во всем помещику наровить, а на крестьян вину валить, и аще те крестьяне дойдут до вышняго суда и вину на помещика

[1] Ровно — Стр., Козл.
[2] Будут жить — Стр.
[3] Налегать — Стр., Козл.
[4] Опущ.: не — Стр., Козл.

своего изъявят и судейскую вину предложат, то тот судья не токмо своих пожитков, но и живота своего лишится. И тако злый зле погибнет, а праведной судья за праведной свой суд настоящих благ насладится и грядущих не лишится во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 8

О ЗЕМЛЕНЫХ ДЕЛЕХ

(Л. 181 об.) Сие, мнитца, не токмо неправильно, но не и безхрешно[1], еже дворяня после умерших своих сродников земли жилы[2] и пустые делят на дробные части, ибо одну пустошь разделяют на многия разные владения, и по такому разделу бывает у одной пустоши владелцов по десяти и гораздо болши. И такая безделица бывает, что иному владелцу достанетца десять четвертей, иным же четверти по две, по три[3], а иному и по четверти и по осмине и по четверику, и всякую пахатную[4] полосу худую и добрую, все пашут. И кто из них сам у себя, то тот всем своим жеребьем владеет, а кто безъмочен, тот ничем владеть не может, и в тых[5] дробных делах кроме съсоры да беды иного нет ничего, и за съсорами общия земли многия и пустеют (л. 182) и дернеют и лесом поростают. И в том запустении царской интерес малитца, потому что с пуста никакова доходу не бывает.

А у кого земля собственная, то он ее росчищает и распахивает и навозом наваживает[6] и год от году и худая земля добреет, такожде и сенные покосы раскашивают и от того царского величества интерес умножается.

И тии дворяня не токмо пустыя земли тако делят, но и жилыя села и деревни на многия доли делят. Есть в Новгородском уезде погост, имянуемый Устрика, и в том селе дворов с дватцать, а помещиков владеют семеро разных фамилий, а во иных деревнях и болши того есть владелцов. И в таковых разъновладелцах нелзя быть без вражды и другу от друга без обиды.

[1] Но и небезгрешно — Стр., Козл.
[2] Жилые — Стр., Козл.
[3] По две-три — Стр., Козл.
[4] Пахануую — Стр.
[5] И в тех — Стр., Козл.
[6] Нанаваживает — Стр., Козл.

И, мне мнитца, ради охранения от обид и после умерших лутчи (л. 182 об.) дробные отъставить и делить земля пустая и жилая целыми пустошами и деревнями по урочищам.

А буде ради многих помещиков[1] разделить целыми не можно, то те земли и деревни положить в цену, и буде кто из тех[2] родьственников денги в дел положат[3], а землю жилую или и пустую возмет всю за себя, то и добро так. А буде все сродники скудны, то продать ее и постороннему человеку и денги по надлежащим жеребьям разделить, то не то что уголовщине быть, но и бранитца будет не о чем, потому что на денгах и малые дробинки разделят чисто.

А и сие весма неправо деется, что писцы и перепищики и дозорщики пустоши и жилые деревни, как коя слывет имянно, пишут и колико в коем урочище четверные пашни и сенные покосы пишут же и, пишучи, не то, чтоб ее смерять[4], но и глазами не видав, (л. 183) пишут[5] по крестьянским сказкам. И в иной пустоши напишут четвертей 50 в поле, а в дву потому ж, а егда кто станет сеять, ажно и во всех трех полях толико не высеет.

А в иной пустоши, видел я, написано шесть четвертей, а высевается ржи в о[д]ном поле по 20 четвертей, а лесу будет болши трех верст. И в таком расположении токмо одна смута и всякой деревне и пустошам толко мера, да прозвание, а при какой признаке та земля или с какою землею смежна, ничего того не пишут и разделения межам совершенного не чинят. И оттого многое множество съсор и убивъства[6] чинитца и инии, забыв страх божий, взяв в руки святую икону, а на голову свою положа[7] дернину, да

[1] Пайщиков — Стр.
[2] Из тех же — Стр., Козл.
[3] Положить — Стр., Козл.
[4] Не токмо б ее смерять — Стр.
[5] Доб.: все — Стр., Козл.
[6] Убойства — Стр.
[7] Положат — Козл.

отъводят землю и в таковом отъводе смертне хрешат. И много и того случаетца, еже отъводя землю и (л. 183 об.) неправедную межу полагая, и умирали на меже.

А по прямому разсуждению надлежит всем жилым землям и пустошам учинить межи недвижимыя, буде с кем не разделила ни река ни ручей, ни иная какая недвижимая признака, то присмотреть какую ни есть недвижимую признаку, коея б нарушить нелзя было. А буде нет таковые признаки, то и на чистом месте мочно зделать недвижимая признака, ибо выкопать яма глубокая [1], аршина в три или в четыре и шириною такожде, и навозить ее полну каменья болшаго и накласть бугром, чтобы матерые земли выше было, и на то каменье насыпать земли аршина на дъва или болши и тот бугор вековым утином и будет.

И от того утину протянуть вервь по меже прямо до поворотки и под ту вервь подставить мореходной (л. 184) компас и куда укажет компасовая стрелка северная, так имянно и записать и смерять по верви, колко от того утину до поворотки сажень будет, то так и записать.

И буде у поворотки признаки никакой недвижимой нет, то выкопать яма глубокая [2], аршина в полтара или и в два и шириною такожде аршина в два, и накласть в нее каменья или уголья, и назыпать [3] над нею холм аршина в три и, утоптав, окласть дерном и на том холму посадить молодых деревец пять-шесть, кои б были годков трех или четырех. И колико около тоя земли не будет холмов, на всех садить одного рода деревцы, каково на первом холму, таково и на последнем.

А егда станут другую землю мерять, то по холмам другова рода и деревья [4] садить [5], около коея земли сажени [6] березки, то березы б тут и были, а около коея земли сосенки или (л. 184 об.) елки иль дубы [7] иль вязы или и осины, то около тое земли отъни [8] бы они и были.

---

[1] Глубиною — Стр., Козл.
[2] Глубиною — Стр., Козл.
[3] Насыпать — Стр., Козл.
[4] Деревье — Стр.
[5] Ставить — Козл.
[6] Сажены — Стр., Козл.
[7] Иль дуб — Козл.
[8] Одни — Стр., Козл.

А с коею землею та будет смежна и приткнетца она к объмежованной земле, а на той меже по холмам сажено не того рода деревья [1], то те готовые холмы имянно и записать, [колко] [2] их к той земле пришло, и деревье кое на них сажено, так и записать, а другова рода к тем деревьям не присаживать.

И егда тое сумежные земли межа отъворотитца, то, буде згодитца от холма, то так и записать, а буде отъворотит она меж холмов, то после [3] старые межи учинить холм не на самой меже, но сажень место уступя от межи, чтоб старой межи повреждение не было и деревцы посадить на нем такое, какое около всея тоя земли начали садить.

И буде коя деревья [4] посаженое посохнет, то паки посадить такое ж, а егда (л. 185) деревцы примутца, и годы двари или и пять-шесть перемешкав, паки всякому межевщику меж своих всех осматреть, нет ли межам какова повреждения.

И буде [5] где и мало осмотрит межу попорчену, то сыскать того, кто попортил и учинить ему наказание жестокое, как о том уложено будет. И деревья по холмам осмотреть и кое из них принялось и бежко почело рости, то деревье [6] и оставить, а протчие подсечь. А буде на коем холму дерева два иль три бежко почали рости, то по расмотрению оставить и два иль три деревца, толко бы были одного роду, а изълишние все подсечь и приказать накрепко, чтобы тех деревец оставленных берегли накрепко и ничем бы их не вредили. А буде на том же холму какое дерево инова роду собою изъростет, и таковое подсекать, и рости им не давать, чтоб они признаки не повредили.

(Л. 185 об.) А во время межевания в кою сторону от утину вервь натянетца, то под ту вервь ставить вышепомянутой компас. И по компасу смотря, писать имянно, на кою сторону протянулась вервь, на восток или на полдень или на запад или на север, и коея четверти на которой градус и

---

[1] Деревье — Стр., Козл.
[2] Отсутств. в Акад., восстан. по Стр., Козл.
[3] Подле — Стр., Козл.
[4] Деревье — Стр., Козл.
[5] Опущ.: буде — Козл.
[6] То то деревье — Стр., Козл.

колико градусов поступило от востока к полудни или от полудни к востоку и прочая.

И межа от признаки до признаки или от поворотка до поворотка и колико коея прямызны будет мерою сажен, писать имянно, и в кою сторону она поворотила, направо или налево, и на колико градусов она поворотилась, так имянно и писать.

А буде где придет межа изълучиною и буде сосед соседу не уступит, то протянуть верв от холма на холм прямо и смерять по верви, колико меры меж теми холмами будет, и от тое верви смерять попереҕ, что тое изълучины будет, и записать (л. 186) имянно ж. И где старая межа, по реке иль по ручью, и та старая межею и да будет. Обаче вервь надлежит натянуть прямо и записать имянно, колико тое прямызны от холма до холма и где старыя межи изълучинами, так им и быть. А куды вервь была ради сметку земли, сохою тут не приезжать [1], но толко то писать, на кой градус та вервь была протянута.

А кроме изълучин, куда вервь ни протянетца, с обе стороны проехать сохою раз по два-три и свалить к верви въместо и та межа с коими землями делит межу, писать имянно, чья она есть и как она нарицаетца. И буде чрез межу случится какая река иль ручей или вражек или суходол или болото, все то писать имянно, на коей верви случилось и в коликих саженях от коего холма. И буде и дорога чрез нее лежит, то отъкуду и куда лежит и при какой признаке та земля, при реке ли великой или при малой или при озере (л. 186 об.) великом или малом или при болоте каком.

И всякая межа писать с подлинною очискою [2], чтоб она во веки неподвижна была и пороку бы в ней ни малого не было. Аще и с трудностию потрудитца о сем, обаче в роды родов безъсорно б было житие. И егда бог сие благо [3] дело совершит, то, мнитца мне, не худо бы и напечатать их книг сотницу другую и по городам разослать. И аще где и пожар учинитца, то в другом месте она будет и межевальной труд не погибнет и сметения о земле нигде ни у кого не будет, но будет она бутто в зеркале всем зрима.

---

[1] Не проезжать — Стр., Козл.

[2] Вставлено на полях — Акад.; очисткою — Стр.

[3] Благое — Стр., Козл.

И объмежовывать каяждо земля сице: от утину того то [1] пошла межа прямо на самой восток иль на полдень иль своротило направо иль налево, от коея четверти и много ль градусов въправо иль вълево поступило, и от утину до перваго холму земля того то села иль деревни, или (л. 187) пустоши какой с правые стороны [2], а с левые стороны такожде такая та имянуемая земля. И з коликими землями та пустош, кою межуют, ни сошлася, писать имянно, то уже той меже изъменитися не можно будет, ни в какия лета она не смешается, ибо по недвижимым признакам и по компасу и по мере от поворотки до поворотки и от холму до холму всякая межа разобрать будет мочно.

И когда кое урочище все въкруг объмежует [3] и последняя вервь егда придет к утину, с коего утину начал межу вести, написать имянно по компасу, на которую четверть и на которой градус тоя четверти к утину пришла.

А буде о коей меже спор будет, то те земли вымерять, первее по писцовым книгам четвертную меру и сенокосные угодья, да такожде и около тое земли межа (л. 187 об.) повести вышеписанным же порядком и межа положить около ея недвижимая ж.

И егда кою всю землю объмежует, то посреди тоя земли вдоль протянуть вервь от писменны и недвижимыя признаки на недвижимую ж признаку и смерять по ней, что тое земли длинку будет. Такожде протянуть и поперех, взяв начало от коего холма, и тянуть вервь на призначной же холм или на недвижимую какую признаку через длинную вервь и на перекрестье подложить кватрат и куды по перекрестье покосилось, так имянно и написать и как длинник, так и поперешник смерять, что его будет. И на том же перекрестье поставить компас и куда того компаса северная стрела [4] укажет, так и записать и на чердеже стрелка озъначить.

(Л. 188) И на целом листу зделать той объмеженой [5] земли чертежь по разъмеру, как межа ведена, так имянно и написать. И по колику от холма до холма и от поворотки

---

[1] От утину до того — Стр.

[2] С первые стороны — Козл.

[3] Обмежуется — Стр., Козл.

[4] Стрелка — Стр., Козл.

[5] Обмеженовой — Стр.; обмежеванной — Козл.

меры, такожде и от иных признак до признак, цыфирными словами всякую меру особливо подписать и около ее какие земли прилегли, все имяна подписать[1] и коликою мерою коя земля приткнулась. И на средине того чертежа означить длинник и поперешник точками на те же признаки, на которые веревь была протянута, и подле точек написать мера длиннику и поперешнику, колико сажень. И егда чертеж правильно написан будет, то по чертежу мочно будет всякому человеку, кто в розмере силу знает, и, не быв на земле, скажет, колико в ней десятин и колико четвертные пашни.

И того ради всякой межевщик (л. 188 об.), колико каких земель не объмежует, писал бы имянно, всякой земле особливыя чертежи и всякая пустош обмежеванная написа[на] б была на особливом листу. И на тех же чертежах надобно написать колко по писцовым книгам написано в ней четвертей в поле и колко сена копен. И егда кой межевщик свою долю всю[2] изъмежует, то те чертежи переплести в книгу и положить ее в поместном приказе в сохранное место въпред для утвердения[3] правды.

И аще тако вся российская земля размежуется, то упокоятся все земляные съсоры, нелзя будет ни сажени чужой земли кому присвоить, но всякой будет, аще убог, и аще кто и ябедовать и нахаловать[4], а буде своим владеть. И силным безмочным[5] теснить по прежнему будет (л. 189) не мочно, разве отънять вся, и то будет явно всем, что чужим завладел.

И буде кто и покусится межу заравнять, или холм на чужую землю перенесть, то всякой человек будет ведать, потому что одним днем того не зделать, а и делать не одному человеку, и того ради будет славно и явно. А буде бы кто и зделал, то и последи сыскать мочно[6], разве чертежи и книги все пропадут, то тогда мочно обида чинить. И того ради книги надлежит зделать печатные, а и чертежей по дватри мочно зделать и положить их одну книгу чертежную в Москве, а другу в Санкт-Петербурхе, а третию в том городе, коему та земля присудна.

И так надобно твердо заказать под великим штрафом, чтобы той межи хотя у кого в оном владеть будет[1], а тех меж (л. 189 об.) отънюдь бы не пе[ре]пахивали[2] и ни межи, ни холма с места на место не переносили бы, но всякая межа была бы в роды родов на своем месте нерушима.

А и в степных местах такожде надлежит учинить недвижимые ж межи, отъмеряв по даче, вымерять десятинами, и, намеряв всю чью дачу вышеписанным же образом, зделать утин и от утину протянуть вервь прямо, аще и верста место будет до поворотка или и болши. И пока прямизна идет, по та щчитать лише сажени, а на поворотке зделать холм по вышеписанному ж и от того холма такожде до другой поворотки протянуть вервь пряму ж[3]. И тако всю землю до утину объмерять и по верви отъехать сохою по вышеписанному ж и поворотки писать по кампасу ж и чертежи делать (л. 190) по вышеписанному ж. И буде близко лес есть, то по вышеписанному ж садить на холмах деревцы, а буде лесу молодого добыть где[4] немочно, то набрать дубовых желудей и по десятку место на холму посадить, а на ином урочище наметать семян вязовых, а на ином березовых иль кленовых или и иных каких. Токмо такие[5] семена на коих холмах пометаны будут, так и в книги записать и, всю межу устроя по вышеписанному ж, протянуть вервь с угла на угол, потому что в степных местах будут многие земли межеватись четвероуголно и, кроме угловых, холмов не будет. И на чертеже на средине написать стрелка северная, и на том чертеже и мера как меже, так и средине личба написать.

(Л. 190 об.) И тако всех господ великих и мелких дворян дачи отъмерять подлинною правдивою мерою, а не по прежнему глазомером, чтобы ни лишку, ни недомеру против дачь не было. Велми надлежит во всех межеваньях мера четвертной пашне полагать самая правдивая, да еще его и. в. пове-

---

[1] Опущ.: и около... имяна подписать — Козл.
[2] Всю — вписано между строками — Акад.
[3] Для утверждения — Стр., Козл.
[4] Ябедоват и нахаловат — Стр., Козл.
[5] Безмочных — Стр., Козл.
[6] Мочно, на полях — Акад.

[1] В одном владенье будет — Стр., Козл.
[2] Не перепахивать — Козл.
[3] Прямо ж — Стр., Козл.
[4] Опущ.: где — Стр.
[5] Какия — Стр., Козл.

лит въместо душевредства душевных поборов брать з земли, по чему с четверти положено будет, то чтобы ни убогому, ни богатому обиды не было.

А в прежных глазомерных мерах у иного написано пять четвертей, а владеет на пятдесят четвертей, а у иного написано четвертей 20, а четвертей и пяти не высеет. А егда мера приямая будет во всех землях положена, то никому обиды не будет.

И межи учиня, так надлежит (л. 191) твердо блюсти, чтобы никаковой обмежеванной земли, ни жилой, ни пустой пустоши и[1] не токмо по прежнему на многия части, но и на двое не делит бы, но кому случитца продать или заложить или кому и отъдать, то отъдавать бы и продать[2] всю, какова коя земля есть по обмежеванию без розделу.

И сицевое межеванье аще и не скоро окончитца, да уже прочно оно будет, и помещикам всем покой великой учинит. И того межеванья межи так надлежит хранить, чтоб не то что межа подвердить[3], но и прозвания старого отънюд бы не изменить, но как кое урочище изстори[4] названо, так бы оно и слыло до скончания века. И буде чье владение случится по смерти или[5] по иному какому в розделе или в раздачу (л. 191 об.) по указу, то делит бы целыми пустошами и урочищами по межевым книгам, а сверх бы тех меж ни прибавливали, ни убавливали.

А буде кто не токмо межу испортит, но аще и имя коей пустоши или урочищу каковому изменит, то объложить ево штрафом.

А буде черес кою землю лежит дорога, то отъехать дорогу с обе стороны сохою, такожде как и пограничную межу. И учинить ее шириною, буде проселочная тележная, то пустить ее трех сажен, а буде проезжая дорога городовая, то пустить ее шти сажен, а буде дорога московская, то надлежит ее пустить двенатцать сажен или и болши.

И те дороги в десятины и в четвертное число не числить (л. 192), но изностоящия меры и изо владения вычислить

[1] Опущ.: и — Стр., Козл.
[2] Продавать — Стр., Козл.
[3] Повредить — Стр., Козл.
[4] Изстари — Стр., Козл.
[5] Доб.: и — Стр., Козл.

вон, понеже на чьей земле дорога ни бывает, слывет она государева, а не помещичья. Того ради тое земли и в оклад ни кому не класть и хлеба на них никакова не сеять.

И аще великий наш император в сие дело въсовершенно[1] вступит, а бог свыше призрит и помощь свою святую ниспослет на не, то мочно всему сему делу состоятися и совершитися не весьма многими леты.

Изъмеряв[2] поместныя и вотчинные земли, обложить их платежем с земли, по чему он, великий наш государь, укажет имать с четверти или с десятины на год со всех владетелей земли российския, которая останется за роздачею к крестьянским дворам (л. 192 об.) под пашню их и под сенокос, в помещичьих полях и в пустошах и в лесах и в болотах, потому что с тоя земли, коя отъделена будет к крестьянским дворам, с тое земли будет[3] платить крестьяня по дворовому своему окладу, яко же в седмой главе речеся, и того ради та земля за помещиками и числить не надлежит.

И буде положить мера десятине длиннику 80 сажен, а поперешнику 40 сажен, и с такой десятины, мнитца мне, что мочно с пахотные земли по осми копеек взять на год, а с сенокосные по шти копеек, а с лесные по четыре копейки, а з болотные по две копейки.

И я чаю, что на кийждой год денежнаго збору тысячь ста по два-три рублев будет приходить или и гораздо болши. И тот (л. 193) земляной збор будет прочен и никогда он не умалится, но токмо год от году прибывать будет.

Буде кто леса росчистит и пахотными полями устроит, то у того дачи прибудет. А буде кто, лес вырубя да хлеб сняв, паки запустит, и на ту землю прибавливать[4] дачи не для чего, потому что она паки под лесным угодьем будет.

А аще кто и болото обсушит и устроит сенокос, то и тамо прибудет же збору. И того ради земским камисарам на всякой год надлежит осматривать, буде кто прибавит пашни или сенокосу, то и окладу на него надлежит прибавить. И по такому расположению никто даром землею владеть не будет, но все будут платежшики.

[1] Всесовершенно — Стр., Козл.
[2] И измеряв — Стр., Козл.
[3] Будут — Стр., Козл.
[4] Прибавляти — Стр.

(Л. 193 об.) А ныне есть много таковых, что за иным помещиком земли пустошей десятка два-три есть и по окладу в них четвертей тысяча место будет, и те пустоши отъдают под пахату и под сенокос из найму, и на киждой год десятка по пяти-шти берут, а великому государю не даст он ни денги. Кто есть я[1], а и за мною с полтараста четвертей есть, а платежу моего нет с них великому государю ни малого.

И буде в Руси вся земля изъмерять прямо и исчислить десятинами, то я чаю, что десятин милионов десятка два-три и болши будет. И аще обложить кругом алтына по два з десятины, то тысячь сот пять-шесть будет того збору, и того платежа никому потаить или в платеже похитрить будет невозможно, потому что ни единые десятины утаить будет (л. 194) невозможно.

Землю сотворил бог недвижиму и владение земли, аще и переходит от рук в руки[2], обаче она стоит недвижимо. Того ради и побор аще с нея учинить, может он недвижим быть и состоятелен он будет.

И аще бог на не призрит и помощь свою ниспослет, то может оно не весьма долгим времянем состроитися. Трудно толко первой год потрудитца, а егда навыкнут, как межевать по кампасу и как мера полагать, и чертежи скоро навыкнут по розмеру рисовать.

И первой год, аще и по одному человеку смысленному послать, то дело управлять в какуюжде [губернию][3], а на другой год мочно и по десяти человек послать, а на третей год, хотя по сту человек, то мочно послать, потому (л. 194 об.) что лихо сперва установить, как то межеванье отъправлять, то и одним месяцом многим мочно научится. Ибо поспешность сего дела в руце суть царстей, аще он возхощет, то немногими леты может тое дело управить.

И того земляного збору, чаю, что будет со всякия губернии тысячь по сту. Только, чаю, силные лица будут всячески сие дело препинать, понеже они обыкли по своей воле жить и не так они любят дать, как любят себе взять.

Я чаю, чтс и дворовому расположению как ни есть, а будут препятие чинить, а естьли великий государь переломит

[1] Кто есмь я? — Козл.; И то есмь я? — Стр.
[2] Из рук в руки — Стр., Козл.
[3] Опущ.: губернию — Акад.; восстан. по Стр., Козл.

их древнее упрямство, то, я чаю[1], въполы будут дворовые поборы. Ныне з двора съходит рублев по осми иль малым чем менши, а тогда, чаю, (л. 195) что и по четыре рубли не сойдет.

И аще по земляному владению все крестьянские платежи, такожде и з дворян по владению ж земляному уставятца, то твердее[2] он подушного збору будет и вельми он постоянен и прибылен будет.

Земля трудно токмо управити, еже ее всю по выпеписанному размежевати и, измеряв в десятины, положить право, то последи всем оно любезно и покойно будет.

И тако надлежит в земляном деле потрудитися, еже б не токмо едина земля пахатная и сенокосная и лесныя угодья измерить, но и болоты бы все великия и малые измеряти и описать их имянно, в [ко]их они урочищах и к чьим землям прилегли, и болшим болотам чертежи нарисовать особливые (л. 195 об.) и спросить сумежных помещиков, кому кое болото во владение угодно, на нем ево и записать.

А буде сумежные помещики от болот отъкажут, то опи-сать[3] их за государем и отъдавать их из приказу на оброк охочим людем. А кои болота малые земли чье[4] случатца, и те болота писать за ними, в чьей земле прилучились.

И от коего болота помещики откажут, то те болота подобием пустошным[5] въкруг всего межею обвести и на поворотах[6] ставить холмы и такожде, как и круг пустошей, и въкруг всего[7] болота отъехать сохою и зделать вал, а где придут иных земель межи помещичьи, то так и записать имянно. И кои люди от тех болот отъкажутца, то уже ни покакую потребу в них не ходили б и скота бы своего не пускали, но владели б так[8], (л. 196) кому оно отъдана[9] или продано будет.

Такожде и дворы бы все яко крестьянские, тако и дво-

[1] Доб.: что — Стр., Козл.
[2] То тверже — Стр., Козл.
[3] Отписать — Стр.
[4] Чьея — Стр., Козл.
[5] Помещики... пустошным — вписано на полях — Акад.
[6] На поворотках — Стр.
[7] Сего — Стр.
[8] Но владел бы тот — Стр., Козл.
[9] Отдано — Стр., Козл.

рянские и всяких чинов у людей, и в городех у купецких людей, у протчих гражданских[1] жителей и у приказных канцеляристов и у протчих служителей приказных и у самих судей дворы измерять[2] и платежем обложить, дабы на земле ево ц. в. никто даром не жил.

Я чаю, под державою его и. в. под всеми жителми, кроме диких поль и глухих лесов, которые ни к кому во владение не отъданы, будет дробных верст милиона два-три и более и такое[3] величество земли, что исчислить в конец невозможно, а платежу с нее государю ея нейдет ни ма[ла]го числа. Помещики, кои владеют учасками своими, отъдают в наймы и берут за нее денги многие, а великому государю не платят ни малого числа.

(Л. 196 об.) А во всякой круглой версте пятисотной будет сороковых десятин 78 с смою долею десятины.

И аще кругом с пахотные и с сенокосные и з болотные земли положить по грошу з десятины имать на год, то того поземелного недвижимаго збору будет милион место другой во всякой год. И тот збор никогда не оскудеет, но токмо мало по малу от расчистки лесов будет приполнятися.

И естьли сие бог состроит, еже великий наш монарх обложит со владения земли имать платеж, то никто по нынешнему туне жителем не будет, но вси будут платежники[4] по количеству владения своего.

И дворам крестьянским надлежит положить мера подлинная (л. 197) и неизменная, а не глазомерная, аще нарещи на коем крестьянине двор тяглой, то прямой бы уже и был двор.

И, мнитца мне, надлежит крестьянскому двору быть мерою в долготу и с гуменником пятидесят сажен или штидесят, а шириною целому двору быть 12 сажен, а полудвору 8 сажен, а четверте двору 6 сажен, а осмушечному 4-х сажен. А дълина всем единаравная, чтобы овины у всех в далекости от дворовaго строения были.

И платеж, мнитца мне, мочно положить с целого крестьянскаго двора во все поборы в год рубля по три иль по четыре, иль как удобнее будет по прямому правому разсмотрению, а с полудвора въполы, а с четверте двора четвертая доля и платежа, и протчие платежи по мере дворов располагать, то (л. 197 об.) никому будет не обидно и всем будет легко.

И на целой двор надлежит, по моему мнению, дать пахотной земли четыре четверти в поле, а в дву потому ж, а на полдвора две четверти, а кто на четверти двора будет жить, тому одна четверть земли в поле, а и в других полях по толику ж[1] числу, чтоб ему по вся годы по целой четверте ржи высевать, а яроваго по две четверти. И аще кто будет жить на шестой доле двора или на осмой, то по тому и земли им отъводить неизменно. А буде кто похочет на себя тягла прибавить и толико[2] двороваго тягла на себя прибавит, толико и земли ему под пашню и сенокосу прибавить и по таковому расположению все чинить неизменно.

Такожде и помещикам брать (л. 198) с них всякия свои поборы по тому же расчислению, такожде и в работе по земле ж расчисление чинить, то всякая и работа будет им сносна. И зъверх[3] бы того расположения никакой помещик изълишняго ничего б не накладывали, чтобы от излишных их поборов крестьянство во оскудение не приходило.

И аще тако расположено и устроено будет, то помещики душевредить не станут, еже бы по два иль по три двора въместо смаливати[4]. И ради лутчаго от неправды помещичьей удаления и ради от огненного запаления охранения надлежит во всех селех и деревнях дворы строить гнездами, а несплоши по прежнему, но токмо по две селидбы крестьянские, яко же в седьмой главе назначено, семо же пространнее изъявитца с размерением длинника и поперешника.

(Л. 198 об.) И аще тако устроено будет, то никоими делы по прежнему сполить трех иль четырех дворов в один двор невозможно будет, да и не для чего тако чинить.

И крестьянские дворы управя, надлежит и градские дво-

---

[1] Градских — Стр., Козл.
[2] И у протчих служителей... дворы измерять — вставлено на полях — Акад.
[3] И толиковое — Стр., Козл.
[4] Платежщики — Козл.

[1] По тому же — Козл.
[2] И колико — Стр., Козл.
[3] И сверх — Стр., Козл.
[4] Спаливати — Стр.

ры изъмеряти и такожде обложить платежем з земли дворовые, колико под кем есть.

Мнитца мне, з дворовые земли яко с купецких, тако и с приказных людей и с беломесцов всякого звания, с силных и безсильных лиц, у коих в городех и на посадех дворы есть, кроме духовного чина и причетников церковных, с дробные сажени, кажетца, мочно по полушке на год имать или по полуполушке.

А с огородные земли и с подгородные, на которых землях овощи садят осенью[1] и сады загородные розъеведены, такожде (л. 199) измерять в дробные сажени и, мнитца, с тех загородных огородов с десяти сажен дробных по копейке мочно имать[2].

И с тех огородных овощей на одногородном торгу пошли[на] имать, кажется, не надлежит. Токмо разве куды на иной город повезут, то отъвозная пошлина надлежит взять, а егда состоится новая пошлина, то тогда[3] будет и управлятися.

И ради таковаго великаго землянаго[4] дела надлежит, чаю, особная канцелярия учинить, понеже во управлении сем дела много будет и събор в ней будет милионой и самой основательный. И сей земляной збор трудно токмо его основати, а егда оснуется и утвердится, то он яко река имать тещи неизменно. Земля сотворена от бога недвижима, тако и збор земляной, аще бог ево совершит[5], то будет он неподвижен во веки. Аминь.

---

[1] Опущ.: осенью; доб.: и сеют — Стр., Козл. Вместо: на которых землях... поставлено: на коей овощи садят и сеют — Козл.

[2] Чертеж помещен в рукописи на ненумерованном листе после л. 198 об.; имеется в Акад. и Бел. сп.; отсутствует в остальных списках; вверху над правой частью чертежа надпись: 50 сажен — в Акад. срезана наполовину, при переплете книги и потому не воспроизведена на снимке; имеется в Бел. сп.

[3] Доб.: так — Стр., Козл.

[4] Опущ.: землянного — Стр.

[5] Доб.: и утвердит — Стр., Козл.

ГЛАВА 9

О ЦАРСКОМ ИНТЕРЕСЕ

(Л. 199 об.) В собрании царскаго сокровища надлежит прямо и зъдраво собирати, чтоб никаковые обиды ни на кого не навести, казна бы царская собирати, а царства бы его не розоряти. Худой тот збор, аще кто царю казну собирает, а людей разоряет, ибо аще кто прямо государю своему тщитца служити, то паче собрания надлежит ему людей от разорения соблюдати, то оное собрание и споро и прочно будет; к сему же и собранного надобно блюсти, дабы даром ничто нигде не гинуло. Охранения[1] доброй товарищь собранию, аще бо охранения где не будет, трудно тут собирателю собирати.

Яко бы[2] утлаго сосуда не можно (л. 200) наполнити, тако и собрание[3] казны, аще собранного не будут блюсти, неспор тот збор будет.

Аз бо в 710-м году, будучи в Новегороде, видел: на гостине дворе две полаты накладены были конской збруи и иных полковых припасов и, что там ни было, все то згнило и прапало и весь тот припас вырыли из полат лопатами, и на колико сот рублев того было, бог весть.

И по такому небрежению чаять, что и во всех городех и во армиах от такова ж камисарскаго недозрения в припасех и в хлебных запасех казны много с сего света погибает.

На что сего ближе и страшнее, еже в Санкт-Петербурх на карабелныя дела готовят леса дубовые, а и тут пакости великия чинятца.

В прошлом 717 году ехал я (л. 200 об.) Ладоским[4] озером и видел, по берегам и по островам лежит дубовых лесов множество и в том числе есть такое брусье великое, что, чаю, иной брус рублев по сту стал и иное брусье уже и замыло песком, иное чуть и видеть из песка.

---

[1] Охранение — Стр., Козл.
[2] Яко бо — Стр., Козл.
[3] Собирание — Стр.
[4] Ладожским — Стр., Козл.

И чаять, то[1] и по иным берегам и островам не без тово то, и аще оно до днесь лежит, то много, чаять, и погнило. И по такому небрежению, бог весть, колико от такова небрежения казны погибает напрасно.

И тое небрежение аще зритца и велико, обаче не токово, яко от лесных припасателей шкоды содевается, ибо лесные припасатели великую и несчислимую[2] гибель чинят короблям, понеже леса готовят трапорехия. И аще и один брус в коем карабле в притчинном месте (л. 201) изъгодится трапореховатой, то корабль вес[ь] погубит, а естьли в коем карабле брусов десяток другой трапорехих брусов[3] случится, то такова карабля и почитать кораблем нелзя.

Корабль доброй и здоровой подобен городу, а ис тропореховатаго лесу состроеной хуже хворостинного плетня. Плетень, аще собою и некрепок, обаче егда военные люди будут в нем сидеть, то неприятель ево даром не возмет, а карабль, из дряблого дуба зделанной, и без бою от трясения воднаго пропадет и людей в себе и без неприятеля всех погубит.

На такое великое и нужное карабельное дело надобны бы[4] выбирать лес самой доброй и зъдоровой зеленец. А кое дерево видится аще и здорово, а от древности оно покраснело, и такова дерева отънюд в карабелное строение не надлежит класть, того ради, (л. 201 об.) что и оно непрочно. А которое дерево почало уже трапорешить, то такое, кроме дров, никуды негодно.

А видел я в Санкт-Петербурхе такия леса, привезенные к карабелному делу, что и расколоть прямо не уметь, но ломитца кусьем, а и десать[5] станеш, то и щепы не отъщипишь, что ей не рословитца на двое или трое. И такова деревья ни близко к корабелному делу не потребно привозить.

И, по моему мнению, в карабелном деле паче огня трапореховатого дерева подобает боятися, потому что корабль со всем убором станет, чаю, тысячь в сотницу, а и от небольших трапереховых[6] дерев весь пропадет и коя казна в нем

---

[1] И чаять что — Козл.
[2] Неисчислимую — Стр., Козл.
[3] Опущ.: брусов — Стр., Козл.
[4] Надобно бы — Стр., Козл.
[5] Тесать — Стр., Козл.
[6] Трапореховатых — Стр., Козл.

ни будет, вся погибнет, к тому ж еще и людей в себе множество погубит. В карабелное дело дуб (л. 202) надлежит выбирать самой доброй зеленец за добрым свидетелством и видом бы он просинь, а не красен был. И аще ис такова дуба корабль будет зделан, то он уподобится железному, ибо и пуля фузейная не весьма его возмет. Егда бо такой дуб засохнет, то пуля и полуверщка не пробьет, а в красной дуб пуля далече уйдет, а трапорехой и того глубочее пробьет.

И того ради которой корабль из такова здороваго дуба зделан будет, то он трапорехотоватых лутче дватцати карабтлей, понеже он, первое, что он пулей не весьма боится, второе, что от трясения волн не трутитца, третье, что он[1] не гниет[2], но паче от воды жесточеет и может он жить лет пятдесят или и болши. И ис тропореховатого дерева зделанной карабль, не переживет (л. 202 об.) и пяти лет и работа и казна вся, в нем посореная, даром пропадет.

И мне ся мнит, лутче корабли делать из [з]дороваго сосноваго леса, нежели из дряблого дуба. Дряблой дуб в сыром месте и пяти лет не переживет, но весь изотлеет и пропадет.

Я, на денежном дворе будучи, ставил станы денежные, в кои денги и манеты печатаются в болших стулах дубовых. И были они толко по половине стула въкопаны в землю и те стулы в три года все пропали. И я по две дубины здоровые сплотил и станы в них поставил, то и доныне стоят не вредны.

И вышеобъявленная в дубовых припасех деется пакость от недознания лесных управителей. А иноземцы, аще и видят, что лес худ, да они о том (л. 203) не пекутся, но токмо о том пекутца, чтобы им зделать мастерски, да денги взять за работу со удовольством, а доброй человек не стал бы из худова леса и делать.

Они как художники, так и служивые, ничем же[3] разньствуют и торговые, паче пекутца о своеземцах, нежели о нас[4]. Я чаю, что и все европские жители не ради[5] нашим

[1] Опущ.: он — Козл.
[2] Не гинет — Стр.
[3] Ничим же — вписано на полях — Акад.
[4] О наших — Козл.
[5] Не рады — Козл.

короблям, им то надобно, чтоб они одни славились и богатились, а мы б от них из рук глядели.

И о сем моем изъявлении, чаю, что будут на меня гневатися и, естьли уведают о мне, что не на похвалу им написал, всячески будут тщатися, како бы меня опровреци.

Я их множицею видел, что они самолюбы, а нам во всяком деле лестят да денги манят, а нас всякими вымыслы пригоняют к скудости и безъславию.

(Л. 203 об.) Егда ц. в-ва состоялся указ, еже делать круглые денги медные, то никто ни из руских людей, ни из иноземцов, не сыскался такой человек, чтобы те струменты[1] к таковому делу состроить, толко иноземец Юрья Фробус імался, что добыть таковых мастеров из-за моря.

И я, видя в том деле протяжность великую, въступил в то дикое дело и все то денежное дело установил. И я им, иноземцам, в том аще и учинил пакость, обаче мне шкоды никакой не было, а ныне нелзя их не опасатца, понеже их множество, и за поносное на них слово не учинили бы мне какой пакости.

И о непотребном лесу, к карабелным делам привозимым, исправить невозможно, аще нынешняго порятка в припасании лесном не изъменити и штрафа (л. 204) на припасателей и на отъправителей не наложите[2].

И, по моему мнению, видитца, надлежит учинить сице. Которые люди готовят тот припас в лесу, то повелеть бы секачам, вошод в лес, первое осмотреть дерево, на кореню стоящее, здорово ли оно есть. И буде стоит оно весело и признаки в нем к хворости никакой нет, то от земли саженях в двух или и выше вырубить иверень, и тот иверень, высуша, освидетелствовать. И буде дерево здорово и зелено, и к рубленью сторово и[3] жестоко и к тясанью вяско, то свалить ево с кореня и тесать по образцу. И, вытесав, осмотреть ево, все ли оно здорово, и буде нет в нем ни зяблины, ни иной никакой признаки хворобной, то заклеймить его тому секачу. А кто у него примет, тому такожде осмотреть ево накрепко, нет ли в нем какова пороку, и буде (л. 204 об.)

[1] Инструменты — Стр., Козл.
[2] Не наложити — Стр., Козл.
[3] Опущ.: сторово и — Стр., Козл.

во всем оно здорово, то и тому приемщику положить[1] на нем свое клеймо, а без клейма никакова дерева, ни доски, к караблям без клейма не отъпускать.

А буде кое дерево с кореня свалят и сътанут ево тесать и тогда, аще означится в нем зяблина или дряблина или к тесанию будет кропко, и такие дерева отъдавать на бочки[2] и на иныя потребы, кроме карабелного дела или те леса жечь на смалчугу. А буде на какую потребу такой выменой[3] лес и к карабелному украшению, кроме основателных дел, годен будет, то тот лес отъпускать без клейма.

Подкрепление же о отъправлении карабелных лесов учинить бы сице: буде кое дерево карабелное великое или малое явитца у корабелнаго дела в привозе нездоровое, и то дерево бросить не в чотку, а чье на нем клеймо, тому такое ж (л. 205) дерево одно или два за одно у карабелного дела на своих проторях поставить. А секачей, кои тесали и, заклеймя, отъдали приемщику негодное, высечь патоги[4] или кнутом, дабы впредь таких негодных дерев не рубили и не тесали.

И за токим штрафом въпредь уже таких негодных дерев ни рубить, ни тесать не будут и к карабелным делам отъпускать не станут.

А буде зеленого дуба на карабелное дело набрать будет невозможно, то, мне мнитца, не по что и тратить казны в дубовые леса, потому что плохой дуб ни малым чем не лутчи сосны, а казны в них преизлише идет много. Я чаю, что тою казною, колико изъойдет на карабль дубу, сосновых мочно три иль и четыре зделать, а служить он лише бы не лутчи дубового стал. Дуб трапорехой (л. 205 об.) егда напьетца воды, то он подобен будет глине, и на ходу вельми будет он тягостен, а сосновой и еловой гораздо будет легче, а и от трясения волн еловой лутчи дряблого дуба устоит.

Я чаю, что многия люди будут о сем спорить глаголя: «Никогда де сосне не быть крепостию против дуба». То и я того не пререкую, что доброй и зъдоровой дуб зеленец пятья

[1] Приложить — Козл.
[2] На бочку — Стр.
[3] Выметной — Козл.
[4] Батоги — Стр., Козл.

или десятья лутчи сосны, а красная ель будет лутче[1], а которой истрапорешел ли, то тот хуже и ели.

Страшен ми сей глагол, что дерзнул[2] о таком деле великом писати, но прозелная[3] моя горячесть понудила мя на сие дело. Бог бо ми свидетель, что не ради такова[4] поискания или прибытка желая себе, но токмо самые ради любви, юже имею к его и. в. самодержавию, ибо я от юности своея был таков[5] и лутче ми каковую[6] пакость (л. 206) на себе понести, нежели, видя что не полезно, умолчати. И что во изъявлении моем явитца неимоверно, то может свидетельством или пробою разърешитися во всех девяти главах, паче же всех свидетелств правдолюбивое сердце да разсудит вся.

Еще же будучи в Новегороде, в 710-м году видил я, к тем же короблям вьют канаты, и вьют их ис такой скаредной пенки, что коя уже никуды не годитца, и, свив, съмолою засмоля, возят в Санкт-Петербурх и отъдают на карабли, и в таковых канатах вящьшая погибель, а не надежда.

И ради таковые пакости, мнитца мне, лутче в адмира[л]тийство принимать канаты несмоленые, то несмоленого осмотреть, какова в нем пенка и колико в ней кострики и зъдоровая ль она или гнилая, развив все, то мочно познать[7], а в смоленом ничего того не знать (л. 206 об.). И смолит бы их, уже освидетельствовав, то такие канаты будут надежны.

Конаты корабелные становые — дело великое и страшное, и делать их надлежит из самые добрые и зъдоровые пенки потому, аще канат надежен, то кораблю спасение, а аще конат худ, то кораблю и людем, в нем сущим, явная погибель.

И буде и ныне конаты из такой же плохой пенки делают, то не по что якорей и метать в воду[8], но лутчи пускатися по ветру.

[1] А красной едва будет ли лучшим — Стр., Козл.
[2] Дерзнух — Козл.
[3] Но презелная — Стр., Козл.
[4] Какова — Стр., Козл.
[5] Бех таков — Козл.
[6] Доб.: либо — Стр., Козл.
[7] Розвить все то, что мочно познать — Стр.
[8] Опущ.: якорей и метать в воду — Козл.

Еще же надлежит ми донести[1] и о посошной работе. Которые присылаютца з городов в Санкт-Петербурх на тримесячную работу, такожде и во иные места пришед, работают по три месяца, а работы их видеть нечево и смотреть на ту их работу моркотно, потому что гонят день к вечеру, а не работу к отделке[2].

А аще бы и то исправить (л. 207) сицевым порядком. Выбрать к тем делам правителей добрых, кои бы не алтынники были, и приказать им осмотривать[3] разумно и сметить, колико на коей[4] работе тримесячные работники в бытность свою зделали. И новопришедшим работникам ту работу объявить и неколикую часть к тому и приложить, по делу смотря, и сказать им так: «Аще толикое число зделаете, хотя в один месяц, то и отпущены с троемесячные работы будете». А зделав урок, хотя на государеву ж работу наймутся, хотя[5] по мирским работам будут наниматца, а буде не похотят наниматца, то шли бы в домы своя.

И тем управителем сказать указ за жестоким штрафом и с наказанием, чтобы аще в один месяц ту тримесячную работу отработают, то ничего бы с них не брали, и не волоча их ни дня, и отпуск бы им чинили. И аще так уставитца, то крепко мочно (л. 207 об.) надеятца, что многия будут тремесячную работу в один месяц отработавать.

И кои работники урок свой отработают, хотя скоряе месяца, а отпуски давать им тремесячные, потому что они тремесячную работу сроботали. А естьли во отпуске тремесячные работы не написать, то откуду они посланы, станут на них данных им денег спрашивать назад.

И буде и не все коего города работники, но отберутца артелью тремесячную уреченную им работу отделяют[6], то тое артель и отпустили бы без задержания, и, на то смотря, будут и другие работники поспешать. А кои не похотят уроками делать, и те пусть все три месяцы работают. И аще

[1] Доб.: и изъявити — Стр., Козл.
[2] К отделу — Козл.
[3] Осмотрить — Стр., Козл.
[4] На той — Козл.
[5] Доб.: и — Стр., Козл.
[6] Отделают — Стр., Козл.

тако устроитца, то всякия дела поспешнее будут отправлятися.

(Л. 208) И буде впроки тако устроит, то всем работникам охотнее будет на работу ходить и дела будут отправлятися поспешнее, потому что, отделав свой урок, будут хотя на той же работе из найму работать.

И не токмо во одних черных работах надлежит учинить, но и в художных делах, как в руских, так и во иноземцах, надобно такожде учинить, чтобы всякая работа давать им уроками ж.

А месячное им жалованье надлежит отставить и давать по заделию коегождо их, то всякия дела скоряе будут делатися.

Видел я в Оружейной полате, при сиденье Алексея Александровича Курбатова иноземец принес фузею, к которой делал он деревянное ложе гладкое, ни резей, ни костей в него не сажено, а дел[ал] он то ложе четыре месяца, а на всякой месяц шло тому (л. 208 об.) иноземцу едва не выше ли десяти рублев.

А естьли бы отдать то ложе з договором, то взяли бы[1] от него рубля полтара или бы и сорок алтын и зделали бы дня в два или в три, а не[2] четыре месяца. И Алексей Александровичь вельми на него кричал и говорил: «Ложе де болши дву рублев не стоит, а пришло де оно[3] штидесят рублев».

Иноземцы все не пекутца, чтоб ему поскоряе зделать, но паче о том пекутца, како бы им подоле протянуть; иноземцы все ни о чем так не пекутца, как о месячных денгах.

А и в зборе[4] царскаго интереса не весьма право деятся, ибо покушаются с одного вола по две и по три кожи здирать, а по истинной правде не могут ни единые кожи целые содрати и елико ни нудятся, токмо лоскутье (л. 209) содирают. И в том ц. в-ва интересу повреждение чинитца великое, понеже хощут излишную пошлину взять, да в том и истинну всю истеряли.

[1] Взяли бы — Стр., Козл.
[2] Доб.: в — Стр., Козл.
[3] Доб.: близь — Стр., Козл.
[4] И в сборе — Стр.

Ибо по Торговому уставу, в котором городе товар какой собирается, то повелено с крестьян пошлины брать по пяти копеек с рубля, а кто собирает, то с тех велено явочных з денег[1] по пяти денег с рубля да отъвозных по пяти ж денег с рубля[2], итого станет по гривне с рубля. И куда тот товар отъвезут и продадут, то паки с продажи берут по пяти копеек с рубля, итого станет по пяти алтын с рубля.

И ныне въместо тех пяти алтын с иных товаров не по денги с рубля не сойдетца, потому что многие покупают у себя на дому, а иные покупают, отъехав, в деревнях. И тако первая (л. 209 об.) пять копеек, коя бы надлежало взять с крестьянина, и пропадает[3], а тот купец продаст кому тайно ж, и то и другая пять копеек пропадет и тот второй купец, привезши в свой город тайно, в свою лавку или и по иным раскладет. И тако в мелкую продажу он изойдет, то и третия пять копеек пропадет.

А буде кто какова тавара не может тако тайно учинить, то он возмет выпись на свое имя, и кто у него купит, и тот по той чужей выписи и повезет. И буде удасся[4] продать безъпошлинно, то тое выпись назад отъвозут[5] и как ни есть с тем бурмистром сладятца, да и выпись о земь. И того ради многие отъпускных выписей и в книги не записывают.

А буде кто тайно товару своего продать не может, то токмо (л. 210) одну пошлину заплотит по пяти копеек с продажи, а та вся пропала.

А буде кто и тайно изъбудет, а откуды тот товар поднят, нелзя платежной выписи не явить, то возмет он платежную выпись где в малом городе или в селе, где тот товар никогда ни бывал, и цену напишет малую. И с той малой цены возмут у него по договору с рубля и по две копейки , и с правдивыя продажи егда[6] и по копейки с рубля сойдетца ли.

И тако въместо многих разных пошлин пятикопеечных ни полу одной пятикопеечной пошлины не сойдетца, но въместо пяти алтын едва сойдетца ли и по копейки с рубля.

---

[1] Явочных денег — Стр.
[2] Опущ.: да отвозных по пяти ж денег с рубля — Стр.
[3] И пропадет — Козл.
[4] Удастца — Козл.
[5] Отвезут — Стр., Козл.
[6] Едва — Стр., Козл.

И того ради нелзя и быть зборам пошлинным великим, потому что вся пошлина на перевод идет.

(Л. 210 об.) И ныне многие вымышлиники, хотя зборы пополнить, вымысли[ли] поземелные, подушные, хомутные, [приколныя] с судов [водяных][1], посаженные, мостовые, пчелные, банные, кожные, поносовщилные[2] и с подвотчиков[3] десятые, и называют то собрание мелочным събором[4]; обаче ни теми поторжними зборы[5] наполнитися казна может, токмо людям турбация[6] великая, мелочной збор, мелок он есть[7].

Еще же к тем мелочным зборам приложили и иной збор, иже ц. в-ву весьма неприличный. Такому великому монарху и на весь свет славному и великому императору собирают ему на нужныя росходы со всякого збору по деньги на рубль. И сей збор паче всех зборов моему мнению противен, понеже царь наш всесовершенный самодержец и не токмо от своих рабов, но и от иных своих соседей зазрен (л. 211) быть не может. Он, наш государь, подобен богу, еже возхощет, может сотворити и казну свою может со излишеством наполнити и никая[8] нужда денежная коснутися его не может.

По моему мнению, вси вышепомянутые древняго уставу пошлинные многоплодны зборы и нововымышленные зборы мелочные отъставить, да уставит[9] един самый царственны праведной збор[10], иже до христова воплощения уставленный, то есть десятинный, еже имать пошлины по гривне с рубля, а не по пяти алтын. И учинить бы тот збор постоянный и недвижимы, когда ненарушимый, чтоб со всякого товара взять пошлина единажды по гривне с рубля и уже

---

[1] В Акад. неясно: хомутныя, с судовочных посаженные и т. д; восстан. по Стр. и Козл.
[2] Поносовшинные — Стр., Козл.
[3] С подводтчиков — Стр.
[4] Мелочные зборы — Стр.
[5] Опущ.: обаче ни теми поторжними зборы — Стр.
[6] Трубация — Стр.
[7] Мелок он и есть — Стр., Козл.
[8] И никакая — Стр., Козл.
[9] Уставить — Стр., Козл.
[10] Правдивой збор — Стр., Козл.

бы с того товара в другой ряд или в третей отънюд бы ничего нигде никогда не имать.

(Л. 211 об.) Аще кой товар того года и не продасся, но продасся в другой год или в третей, то бы уже с того товара другова платежа с тоя цены, с коей прежде заплачено, никогда бы ничего не имати.

И аще тако бог устроит, то людям будет покойно, а ц. в-ву собрания пошлинного, не могу надежно рещи вътрое, а въдвое гораздо настоящаго збору будет болши.

Ныне от тех[1] многих зборов люди приходят во оскудение, потому что колико разных зборов есть, толико и бурмистров, и у всякого бурмистра целовалники и ходоки особливые и кои люди в службы выбраны, те уже от промыслов своих отъбыли и кормятца теми ж государевыми зборными денгами. И того ради никакие зборы и не споры, а люди (л. 212) все тонеют, ово от множества службы[2], ово жъ за преступление крестьянского[3] целования и чрез присягу делают неправду, денги зборные крадут, тем себя и питают и ради клятвопреступления не споритца им.

А егда службу свою отъслужат, то приказные люди станут их щитать да щипать и в том отъчоте год иль два проволочит[4], и тою волокитою и до конца разоряют их.

И, мне мнитца, лутче всяким служителем учинить указное определение, чем им питатися, дабы им в клятву не впадати, и питатися бы благословенным кусом. Такодже и приказным людям надлежит указ же учинить, по чему с какова служителя имать, дабы всякой человек своим благословенным кусом питался.

(Л. 212 об.) Сие моему мнению велми прикро, что бурмистров и целовалников выбрав в службу, да ко кресту принуждают и клятвами великоми заклинают, чтоб ни малому чему государеву не коснулся[5], а выбирают в целовалники самых бедняков[6], то как ему правда делать, что естьли ему не украсть, то и хлеба добыть ему негде. И тако вси

[1] От таких — Стр.
[2] Служеб — Стр., Козл.
[3] Крестнаго — Стр., Козл.
[4] Проволочат — Стр., Козл.
[5] Не коснулися — Стр., Козл.
[6] Ябедников — Стр.

в грех въпадают, те служители от нужды касаются краже, а другия ведают, что и первого дня без кражи не пробудут, а ко кресту принуждают.

А егда увидят чье похищение, то пытают и кнутом бьют и домы их разоряют, а за преступление клятвы и на том свете будут мучитися. По моему мнению, буде за всеми служителми смотреть (л. 213) и наказание чинить им, то лучши клятва отъставить, а буде клятвы отъставить не мочно, то наказание отъставить и отдать ево на божей суд.

И буде крестного целования не отъставить, то надлежит у крестного целования спросить ево с запискою, чем он у того дела будучи, будет питатися, может ли своим кормом прокормитца[1]. И буде скажет, что прокормитца ему нечем, то определить ево кормом, чтоб ему было чем питатися. И буде кто за определенным питанием зборным денгам коснетца, то уже жестоко надлежит ево наказать. И того ради весьма потребнее крестьное целование и всю клятву уставленную отъставить и учинить яко бурмистрам, тако и целовалникам указное хлебопитание.

(Л. 213 об.) И по всему сему лутчи, мнитца, крестное целование и клятву всю отъставить и учинить одно наказание, ибо полно ему и тово, что за вину свою на сем свете отъмучится, а на оном свете будет уже от тамочного мучения свободен.

В пошлинах видитца велми пристойнее с прода[вае]мого товара имать единожды, ибо и с вола едина кожа содираетца, подобне и наказание человеку за вину надлежит учинить едино ж, либо человече либо божие.

А и о соляной продажи, мнитца, быти не вельми ж делно учинено, еже быти ей в продаже ц. в-ва, но велми пристойнее быть ей в свободном торгу, а въместо продажные прибыли положить на всякой пуд, коя пойдет в продажу, (л. 214) пошлины по гривне на пуд, а не з денег. И где в какову цену ни купитца, хотя где в алтын или и в грош пуд, обаче имать с нее по гривне с пуда или болши или менши, по колику его и. в. повелит имать с пуда.

И брать бы та пошлина на кореню, отъкуда она в розвоску пойдет, то со всякия ладьи сойдет пошлины по деся-

[1] Может ли он своим прокормитися — Стр., Козл.

ти тысячь рублев или и болши, такодже и з бузуну и с поморки. И где бы был ее пуд по копейке, а пошлина единаче имать с пуда по определению уставленному. И всякому купцу давать из тамошни ярлики свободные, чтоб ему не токмо в городех, но и в деревнях, в руских и иноземских и зарубежных, продавать свободно и пошлины с нее нигде никакой не имати. То тот сбор будет (л. 214 об.) всегда цел, ни вода ево не потопит, ни огонь пакость тому збору не учинит, и буде где соль потонет иль сгорит, а царской казне ни малого помешателства не учинит.

И аще соли звободной торг будет, то многия тысячи людей будут от нее кормитися благословенным кусом, а не проклятым, понеже без кражи будут прямым своим трудом питатися. И аще соль нынешняго и дешевле будет, обаче многие люди и розбагатеют от нее и люди от безсолицы цынжать и безвремянно умирать не будут.

А ныне в деревнях такую нужду подемлют, что многия и без соли ядят и, оцынжав, умирают. И от задержания соли во иных местех выше рубля пуд покупают, да и то не въсегда, и от такой (л. 215) безсолицы напрасно люди помирают.

А аще бы незаперта она была и был бы торг ей свободной, то нигде бы без соли не было, а в казну бы его и. в. денги бы[1] шли чистые с тысячи пуд по сту рублев, а ни бурмистров, ни целовалников, ни надзирателей к той соли не надобны б были. Ни водяные суды, ни кладовые анбары, ни работники, ни проводники, ни канаты, ни якори, ни иные какия припасы и подводы под нее ненадобны б были, но одна бы таможня управила, и то, токмо в тех городех, где тое соль купцы рознимать будут.

А где ее купцы с розновеску[2] продавать будут, то там нималого збору не надлежит с нее имать и записки уже никакой ей ненадобно, кроме тое, отъкуда она (л. 215 об.) поднята и в розвоз повезена.

А наипаче там ее надлежит записывать на кореню, где она сварена, тамо надлежит две записки иметь, едина выварная, а другая розвозная, и о самосатке то ж чинить.

---

[1] Опущ.: бы — Стр.
[2] В розвеску — Козл.

И торговые промышленики, купя ее, куды похотят, туды и повезут, и хотя где какая и шкота[1] ей будет, то все их, а государев збор всегда будет цел. А люди по нынешнему от безъсолицы цынжать и безвремянно умирать не будут, потому что торговые люди по деревням сами возят и не токмо на денги продают, но и на хлеб и на скотину и на всякую всячину меняют и в долг отъдают.

А государевы купчины и бурмистры без де[не]г ни на одну копейку (л. 216) не дадут[2], а се и не везде ее продают и кому купить ее, ехать верст сто и[3] другое иль и болши. И того ради крестьяня, кои маломочны, все пропадают и аще и[4] многие от безсолицы помирают, да никто о том великому государю не донесет[5], а суды[6] хотя и ведают, да о том они не пекутца, чтоб люди все целы и здоровы были.

И в тех соленых[7] зборех в бурмистрах, и в целовалниках, и во управителех, и в работниках, и в надзирателех тысячь пять-шесть или и болши есть, а вси они, бутто черви точат тое же соль и пищу себе приобретают от тоя ж соли.

А естьли бы та соль в свободном торгу была, то бы все те люди были промышлениками и питались бы от своих трудов.

(Л. 216 об.) И о сем мочно и сличитца, колико от соляной продажи приходит прибыли и колико на всякия расходы расходитца и за всеми росходы колико чистых денег[8] останетца и колико пуд весом в год ее в продажу исъходит. И естьли со всей продажи обълoжить по гривне с пуда имать пошлины, то по исчислению пудов явно будет, колико тех гривенных денег будет. Я чаю, что не менши продажные прибыли будет, а въстани гораздо менши будет, а люди сытее будут.

И вышеявленной с соли пошлиной збор и с протчих товаров по вышепредложенному регулу надлежит уставить уже неподвижным. Еже бы брать пошлина всякая по выше-

---

[1] Шкода — Стр., Козл.
[2] Не продадут — Козл.
[3] Или — Стр., Козл.
[4] Опущ.: и — Козл.
[5] Не доносит — Стр., Козл.
[6] Судьи — Стр., Козл.
[7] Соляных — Стр., Козл.
[8] Доб.: прибыльных — Стр., Козл.

писанному на кореню, то все те зборы (л. 217) управит одна таможня. И отъкуду какой товар кто ни станет поднимать и по чему он будет тут на торгу куплен, или[1] на дому у себя, или и в деревню отъехав, обаче по прежнему уже пошли[ны] утаить нелзя будет, почему он ни купит, а пошлину дает[2] полную, по гривне с рубля. И уже ни коими делы отъбыть от платежа невозможно будет, потому что без платежные выписи нелзя ему никуды того товару повести, того ради, что аще[3] без платежные выписи куды он ни поедет, то взят будет тот тавар на великого государя безповоротно. А буде кто и кроме таможних[4] бурмистров и целовалников, какой ни есть человек уведает, что везет кто товар какой без платежные выписи и поимает ево, то ему (л. 217 об.) ис того товару за поимку надлежит дать десятая доля.

И такова ради страхования никто, не объявя, своего товара никуды не повезет.

И егда кто товар будет ладить к отъпуску, то где б он ни был куплен, то объявит ево таможному бурмистру[5]. И бурмистру того товар осмотреть имянно и весь тот товар весом и щетом и с ценою написать[6] подлинно, такожде и у себя в закрепленную тетрадь записать подлинно ж, колко коего товара и насколько ценою и колико числом денег пошлинных с него взято. Такожде и в выписи писать имянно ж, колико пошлинных денег взято, а по прежнему отънют не писать, что взято по указу, но не токмо рубли и денга взятая писать (л. 218) имянно, чтоб всякому к взятью[7] прямое изъвестие было.

А буде у коего купца в то время пошлины записать[8] нечем, то в платеже взять порука добрая и знатная и въместо записи руки порутчикам прикладывать к[9] закрепленной книге. И кто выпись возмет под запискою в той книге рос-

[1] Доб.: и — Козл.
[2] Даст — Стр.
[3] Опущ.: без платежные выписи... того ради, что аще — Стр.
[4] Таможенных — Стр., Козл.
[5] То объявить ево тутошному бурмисту — Стр., Козл.
[6] Доб.: в выпись — Стр., Козл.
[7] Всякому взятью — Стр., Козл.
[8] Заплатить — Стр., Козл.
[9] В — Стр., Козл.

писывались бы иманцы имянно, а без записки и без росписки отънюд бы не давали выписей.

И буде кой купец у подъему своего товара пошлинных денег и не заплатит, обаче в выписях того долгу ни доимок[1] не писать, но писать, что пошлина взята толико то числом, а долги и доимки и порутчиков в платеже писать у себя им в таможенных книгах или и заклад брать для того, чтоб (л. 218 об.) по прежнему пошлинных денег на перевод не переводить[2].

И отъпуская товар, кой мочно пятнать, то весь тот товар перепятнать таможенным пятном. А буде кто соберет скота, быков иль коров, то на всякой скотине на правой бедре выжигать цыфирными словами число рублям, колико за кою скотину дано рублев, а колико за рублями копеек лишку, то теми ж цыфирными словами выжигать на правой лапатке. А коя скотина куплена ниже рубля, то личить копейками и выжигать такожде на правой лопатке.

И у лошадей такожде цену выжигать — рубли на правой бедре, а копейки на правой лапатке.

И за таким порядком нелзя будет ни единыя скотины, (л. 219) ни лошади, не заплатя пошлины и не запятнонай, ни продать, ни купить. И отъпуская ту скотину, бурмистрам писать в книгу[3] имянно, колико какой скотины и коей что цена, а лошадям и годы писать и приметы.

А буде кто, накупя[4] скота, погонит, не запятнав, то, аще и сь выписью погонит, взять вся та скотина на государя. И где тое скотину запятнанную на горо[д]е[5] или и в деревне продаст[6] и что возмет сверх покупной цены, и с того перекупу взять пошлины с рубля по гривне, а с покупной цена[7] отънюд не имать ничего. И буде кто и купит и, купя, продаст иному, хотя въскоре или годы два-три и съпустя, то брать пошлина с перекупу ж, а с первые плаченые цены отънюд (л. 219 об.) никогда не брать ничего.

[1] Того долгу и доимок — Козл.
[2] Не переводили — Стр., Козл.
[3] В книги — Стр., Козл.
[4] Купя — Стр.
[5] Акад.: На гороге — исправл. по Стр. и Козл.
[6] Продает — Стр.
[7] Цены — Стр., Козл.

И с тем товаром или с скотом в какой город приедут и платежную выпись объявят, и тем бурмистрам ту выпись и въписать в закрепленную книгу подлинником и товар против выписи осмотреть и, буде съходен, велеть продавать и, что возмет сверх покупной цены лишку, и с того перекупу брать пошлины по гривне с рубля. А буде по той же цене продаст[1], то не имать с него ничего, токмо подьячему от записки дать копейка, да от списка две денги дать.

А буде явитца у вещаго товара у ста пуд лишку[2] пуда два-три, то с того излишняго товара взять пошлина по указу гривенная. Такожде и в мере, буде у ста мер явитца (л. 220) примеру меры две иль три иль меньше и с того товара излишнего взять по гривне ж с рубля.

А буде ни купец, ни продавец не объявят, что у них торг ши трех мер, то взять на государя. А буде кто купит что тайным обычаем безъпошлинно, то у купца товар, а у продавца денги, кои он взял за неявленной товар, взять на государя да, скиня рубаху, бить их обоих батоги нещадно и вину их, за что биты, записать в книгу. И буде кто из них в другой ряд явитца в такой же вине, то взять у купца товар, да штрафу толикое ж число, колико за товар дано, а у продавца денги сугубо взять, да обоих кнутом бить по колику ударов уложено будет.

А буде же продавец, продав (л. 220 об.) беспошлинно, да принесет свою вину и объявит, что купец купил у него беспошлинной[4], ведая, то продавец свободен будет от вины, а у купца взять тот товар на великого государя со штрафом.

А буде же купец о том деле[5] на продавца известит, то у продавца взять взятые денги со штрафом, а купец свободен.

А буде ни купец, ни продавец не объявят, что у них торг сошолся тайно, а со стороны[6] доведет на них, то потому ж взять денги и товар со штрафом, а доводчику дать ис того

[1] Доб.: почему он сам купил или менши покупной цены продаст — Стр., Козл.
[2] Опущ.: лишку — Стр.
[3] Причоту — Стр., Козл.
[4] Беспошлинно — Стр., Козл.
[5] О таком деле — Стр., Козл.
[6] Доб.: кто — Стр., Козл.

товара десятая доля, а продавцу и купцу наказание чинить вышеявленное[1], да на них же доправить те денги, что довотчику даны будут.

(Л. 221) А буде кто, купя товар, или и свой домашней повезет на продажу, не записав в таможне и выписи не взяв и пошлины не заплатя, или пошлину и заплатил и выпись взята, а товар не запятнан или и запятнан, да не весь, то запятнанной [продавать][2], а незапятнанной взять весь на государя.

И где на дороге[3] или и в селе таможенные целовалники спросят выписи, а у него выписи нет, или и есть, да товар или скот не запятнан, то тот товар, кой не записан или не запятнан, взять на великого государя безповоротно и колико ево будет, записав, продавать охочим людем, а денги записать в таможной збор.

А буде кои бурмистры или целовалники, видя товар какой или и хлеб какой везет (л. 221 об.) без выписи или незапятнанной, а он не возмет того товара на государя, то на тех бурмистрах или на целовалниках взять штраф сугубой и наказание чинить сугубое ж.

А которые товары собираютца к отъпуску за море и в Китай и в иные зарубежные страны, то и с тех товаров такожде пошлина брать по гривне ж с рубля на кореню ж, отъкуду тому товару отъпуск будет. И та пошлина брать вся же сполна и выписи давать им платежные ж, чтоб и на порубежных торгах с той цены, с каковые платил на кореню, не брать бы ничего ж.

А егда кой товар сторгуют иноземцы во отъвоз за море или и не за море, да за рубеж, то (л. 222) въместо всяких поборов взять пошлина отъпускная с коробелных машт по прежнему городскому окладу: по десяти рублев з дерева, с пенки трепаной и со лну з берковца по три рубли, с смолы и с сала по четыре рубля, с юфоти з берковца по пяти рублев или по чему мочно положить, а с хлеба по рублю или по полтине з берковца ж. Такожде и на протчие товары, что ни будет разных материалов, по расмотрению наложить на[4]

[1] Выше объявленное — Стр., Козл.
[2] Опущ. в Акад. сп., восстан. по Стр. и Козл. сп.
[3] На городе — Стр., Козл.
[4] За — Стр., Козл.

всякия мелочные поборы особливая отпускная пошлина, кроме той, что при подъеме того товара на кореню платили с покупные цены. А с железа связного, кроме настоящия пошлины, накладные не накладывать.

И по чему с какова товара объложено будет накладные пошлины (л. 222 об.) имать, то надлежит всем купецким людям объявить, чтобы они про ту накладную пошлину ведали и, торгуясь со иноземцами, прикладывали б ту накладную пошлину к истинной своей цене, чтобы им в том пошлинном платеже изьяну не было. А буде кто продаст товар свой без приставки тое накладные пошлины, то та пошлина доправлена будет на продавце сполна.

Такожде кои товары прежде сего иноземцы покупали в городех или токмо о цене с тамошними жителми смолвились и с тех товаров по уставу брать настоящая пошлина с рубля по гривне при отъпуске на кореню ж сполна.

А с отъпуску за море и за протчие рубежи накладная (л. 223) пошлина имать со всех товаров сполна ж по окладу без уятия неизменно. А буде кто руской человек или и иноземец каким вымыслом привезет из руских городов какой-нибудь товар без платежные выписи, то тот товар без всякия отговорки взять на него, великаго государя, безповоротно и продать охочим людям. А на нем за вину взять протоможье, толикое ж число, чего тот товар стоит или как о том уложено будет.

А буде у кого от зарубежския продажи останетца какова товара и похочет он тот товар продать руским людям, то взять с того тавару токмо с перекупу, а накладные пошлины уже не брать. А буде, купив кто про[1] себя, продаст иноземцам (л. 223 об.) в отпуск за рубеж, то неотложно взять накладная пошлина по указу сполна сверх настоящия гривенные пошлины с продавца того, кой, купя про себя, продал за рубеж.

А буде кои и руские люди похотят какой-либо товар вести за рубеж сами, то и с тех товаров такожде брать пошлина накладная неизменно сполна[2].

А и питейной збор, по моему мнению, весьма неисправно

[1] Повторено: про — Акад.
[2] Неизменно с рубля — Стр.

деятца и оттого царскаго интереса [много][1] тратитца: первое, что бурмистры живут в тех службах непрочные, но на киждой год переменные, другое, что убор питейных покоев плох и питья держут самые плохие, третие, что цена питью (л. 224) одному обретается разная. Вину имя одно, а ценою продают разною, в том городе тако, а в другом инако и кийждо город особливую цену имеет. Обаче и та цена непостоянна, но на кийждо год изменяют, а иное и дважды в году изменят и то стало быть непостоянство.

Царь наш не купец, но самодержавны повелитель, как чему повелит быть, тако и подобает тому быть неизменно и нимало ни направо, ни налево неподвижно. Яко бог всем светом владеет, тако и царь в своем владении[2] имеет власть и по его царской власти надлежит всякой вещи быть постоянной и похвалной и чтоб [яко][3] меры везде равные, и цене подобает быть равной и никогда неизменной, како в хлебородном году, тако и в недородном (л. 224 об.). И какова цена вину в безхлебном месте, тако подобает продавать и в самом хлебном месте, ни питья не изменять, ни меры, ни цены не нарушивать, но иметь все невредно.

А и бурмистры переменные весьма неправо, потому, аще коему бурмистру прилучитца и не впервые на кабаке быть, то он буде и ведает, что ему надобно, обаче исправитися прямо не может.

А кой бурмистр въпервые сядет, то он везде потеряет, не знает, колико чего ему надобно припасти, и купит все в передачу и где было найтить, а он тут потеряет.

А аще бы бурмистры были вековые, то бы нигде он не потерял (л. 225) и лишку бы ни у какой покупки не передал, но всякие припасы покупал во время дешевости. А мед кой год случится дешев, то мог бы он и на другой год или и на третей запасти. Такожде и посуду, какая к тому делу потребна, припас бы ее во удобное время и ни у каких бы припасов лишку не передал бы, знал бы он, что куды ему надобно.

И для того[4] исправления надлежит в бурмистры выби-

[1] Опущ. в Акад. сп., восстан. по Стр. и Козл.
[2] В своей державе — Стр., Козл.
[3] Опущ. в Акад., восстан. по Стр. и Козл.
[4] И для такова — Стр., Козл.

рать людей не весьма богатых, но средние статьи, токмо разумных и правдолюбивых и в делах проворных и кои бы были не пьяницы, и чтобы всем городом положили[1] на них свидетельство, что они люди добрые и радетелные и правдивые и со управления такова дела их будет.

(Л. 225 об.) И, выбрав таковых людей, учинить им жалованье городовое[2] и, буде сверх[3] настоящего збору неусыпным своим радением приберут изълишнее, то за пас[4] прибор дать ему сверх ево окладу со всякого приборного рубля по гривне. И те денги за излишней прибор [по гривне с рубля вычитать им из своих зборов, и тот свой прибор][5] имянно записывали бы в книгу и что кому выдет гривенных денег, записывали бы прямо. Такожде буде и целовалник кой у отъмерянного ему на год дачу питья[6] сверх продажные цены принесет излишнее, и ис того лишняго числа давать им за их раденье половина. И те излишние примерные денги в настоящей книге записывать подлинно, и что из них дано целовалникам, тут же под статью[7] записывать неотъложно.

(Л. 226) И бурмистрам настоящее свое жалованье, кому каково обложено будет, имать бы им по вся годы самим из своих зборов и записывать в росходную книгу имянно.

А буде им за жалованьем своим ходить за судьями и за росходчиками по нынешнему, то уже правде быть нелзя, для излишных росходов будут лгать.

И в таковом управлении велми питейные зборы будут споры, потому что ни у чего передачи не будет и истери излишнее никакой не будет же и ничего он непрочно делать не будет и что им в жалованье достатца[8], возвратитца с лихвою. Я чаю, что из одного припену выберут свое жалованье, а настоящия питейныя (л. 226 об.) денги все будут целы и всякое дело будет у них споро и прочно.

Паки и от сего интереса ц. в. гинет много, что помещики збору казны его и. в. не помогают, но еще и препятие чинят.

[1] Положить — Стр.
[2] Годовое — Стр., Козл.
[3] Доб.: их — Стр.
[4] Так в Акад.; за тот — Стр., Козл.
[5] Опущ. в Акад., восстан. по Стр. и Козл. сп.
[6] Ему на продажу питья — Стр., Козл.
[7] Под статьею — Стр., Козл.
[8] Дастся — Стр., Козл.

И в коих пристойных местех по его и. в. указу повелено кабаки построить и собирать бурмистрам и целовалникам питейную прибыль и где уже построены были, помещики раззорили и зборы остановили. Василей Дмитривичь Корчмин, аще и добрый человек и великому государю верной слуга, обаче и он в сем велми похрешил, ибо в Волонецком погосте до его владения была питейная стойка построена и рублев по сту и болши на кийждой год (л. 227) на ней собиралась, а ныне приказной ево человек с питьем в ту стойку не пускает и в государеве погребе ставит свое питье и от того у великаго государя рублев по сту и болши пропадает. А иные помещики и такия есть, что и целовалников бьют и питье отънимают и посуду разбивают и по такому их озорничеству стали они быть государю своему противники, а не слуги. Чем было им государю своему радеть и в собрании казны чинить споможение[1], а не остановку, то они бедные забыли, что самую истинную[2] земля, коя и под ним самим, не ево, но великаго государя, а и сам он не свой, но его ж величества, а страха на себе ни малого не имеют. И такое препятие чинитца в мелких помещиках, а [о][3] силных (л. 227 об.) лицах и спрашивать нечего. Те и ногою ступить на ту землю, коя под его времянным владением, с питьем государевым не пускают. И в болших своих вотчинах построены у них свои кабаки и называют их кваснями и под именем квасни продают явно пиво, и вино[4] продают потаенно.

А питейная прибыль самый древний интерес ц. в-ва, а не помещичей. И аще всесовершенно у всех помещиков самовластво их отънять и во всех вотчинах по пристойным местам построить кабаки, то прибыли питейные тысячь по сотнице или и болши в год прибудет.

А буде же по прежнему его и. в. указу (л. 228) вино дворянам курить запретить и клейменые кубы и котлы отъставить, то, чаю, что по двести или по триста[5] тысячь рублев на кийждой год прибудет у питейной продажи.

А буде кто самой сильной человек будет просить, чтобы их

[1] Вспоможение — Стр., Козл.
[2] Самою истинною — Стр., Козл.
[3] И — Акад., исправ. по Стр., Козл.
[4] А вино — Стр.
[5] Или и по триста — Стр., Козл.

квасни не розорять и торговать бы[1] пивом им на себя, то повелеть годы на два-три посадить за питьем верных целовалников или бурмистров, и что они соберут, то впредь мочно из наддачи и им на отъкуп отдать и брать с них отъкупные денги по договору с торгу, а чтобы по прежнему самоволством им своим владеть отнюдь не давать, понеже под всеми ими земля[2] вековая царева, а помещикам дается ради пропитания на время. Того ради царю и воля в ней (л. 228 об.) болшая и вековая, а им меншая и временная и не токмо питейною продажею им самоволно владеть, но и землею без платы не можно им владеть. А буде кто похочет питьем владеть, тот да даст с питейные продажи откуп с волного торгу, понеже промыслы[3] суть царскаго интереса, и того ради никому въступатись в не не надлежит.

А дворяня и мелкия статьи многия, накуря вина, в деревнях своих продают, а иные, и в городы привозя, продают и тем питейной збор велми повреждают. А естьли клейменье отъставлено будет, то и продажи у дворян винной не будет.

А чаю, что не худо бы и таможенным бурмистрам[4] жаловалных же учинить, то чаю, что и у них прибылнее зборы будут. И всякое (л. 229) попечение положить уже на них, да на магистратов и на земских бурмистров, и чтоб земские бурмистры над всякими[5] зборы надзирали и по окончании года они бы таможенных и питейных бурмистров и целовалников щитали и росходы бы их все сличали, чтобы тем вековым бурмистрам по нынешнему от приказных людей излишные турбации не было.

А целовалников земские бурмистры ко всяким зборам выбирали б погодно[6]. И буде кой целовалник радетелен явится и в деле своем проворен будет, то и целовалника того мочно жалованьем определить.

И аще годы три-четыре в целовалниках радетельно послужит, то уже может он и бурмистерскую (л. 229 об.) службу служить.

[1] Доб.: по прежнему — Стр., Козл.
[2] Землями — Акад.
[3] Прибыли — Козл.; прибыль — Стр.
[4] Таможенных бурмистров — Стр., Козл.
[5] Над всеми — Стр.
[6] Опущ.: погодно — Козл.

И как что тем бурмистрам управлять надлежит, дать им пункты с полным расположением и о ведомостях определение учинить им прямое, без чего быть не мочно, писать в ведомостях надобно, колико в коем месяце собрано казны какой и колико в расходе и колико налицо.

А колико от месяца в месяц осталого питья и что тому оставшему[1] питью истинная или продажная цена, то самая излишная турбация бурмистрам и прямому делу помешателство. И ныне и от недели в неделю пишут остатки и от того иного ничего нет, токмо питью в перемерах[2] истрата и писцам лишняя плата, а все идет из государевы ж казны.

(Л. 230) По моему мнению, в ведомостях надлежит писать месячные одни перечни камисарам[3], чтоб им известно было, колико в коем определении казны собрано и колико в расходе и колико налицо. И таковыми ведомостями мочно управитися на трех строках, а не на трех листах.

А камерирам надлежит те переченки, собрав, отсылать ведение[4] в камор-коллегию и въместо ста ведомостей послать токмо одна ведомость на одном листу. И в таковых ведомостях яснее будет зретися, колико где собрано и колико в росходе и колико налицо, толко[5] три статьи нужно в ведомостях писать.

И в нынешных ведомостях бурмистры паче збору пекутца о ведомостях, да и нелзя им не так (л. 230 об.) делать, потому что приказные люди с притужанием на них того спрашивают, чтобы в ведомостях писали имянно, колико в неделе какова питья продано и колико какова в дру[гу]ю питья неделю осталось и на сколко ценою. А егда месяц пройдет, то паки все водки сличают и в таковых ведомостях бурмистры же, оставя дело, да за ведомостями трудятца.

Такие ведомости надлежит писать годовые, ради подлинного известия и ради щоту после года, а не по неделно. Надобно то писать, в чем ему, великому государю, прибыль бы была умножала[сь] же[6] и собранная казна даром бы не тратилась.

[1] Отсталому — Стр., Козл.
[2] В перемерянье — Стр., Козл.
[3] Камерирам — Стр., Козл.
[4] В ведение — Козл.; опущ. в Стр.
[5] То только — Козл.
[6] Прибыль бы умножалась — Стр., Козл.

А буде кой бурмистр не против данныя ему инструкции что учинит, (л. 231) то учинить ему штрафование великое и з наказанием и з запятнанием, как о том уложено будет.

А буде ж учинит похищение государевы казны, то аще и не смерть, а по наказании положить ему на лице клеймо, еже быть ему при армии вечно в черной работе.

А и земским бурмистрам нелзя быть без штрафа, дабы вънред таковых не выбирали.

А кои люди в купечестве, тех бы богатыя к зборам[1] в бурмистры отънюд не выбирали, но надлежит им торговать и с торгов своих пошлина платить.

А буде у коих людей есть промыслы болшия[2], а денгами недоволны, (л. 231 об.) и ради разширения того своего промысла востребуют денег взять ис прибыли, то, смотря по промыслу, давать сот по пяти, шти и по тысячи и болши, чтобы промыслы купецких людей расширялись и промышлиники б богателись.

И о таких дачах послать во все городы указы, чтобы торговым людям, у коих заводы промышленные есть, земские бурмистры из ратуши[3] своегородным людям на промысл давали бы денги, по промыслу их смотря, ста по два-три.

А буде у коих людей заведены заводы болшие суконные или полотняные или бумажные или стеклянные или зележные или и иные, подобныя сим, то таковым, буде они люди добрые, а не замоты (л. 232) и промышленники прямыя усердные, то для разширения промыслов давать и по тысячи рублев и болши.

И в тех дачах крепостей у крепостных дел не писали б, но записывали бы в закрепленную книгу, чтоб никакого излишняго расходу емлющим денгам[4] не было, потому что он на денги даст на всякой год процент по определению уставленному. И в тех денгах иманец бы росписался и под его рукою подписался бы поручтик[5].

А буде дадут без расмотрения того иманьца и взятые денги он изгубит, то гибель тех денег взыщется не токмо на поручтиках, но и на всем городе.

И, мнитца, з болших промыслов болши шти рублев на год (л. 232 об.) не надлежит имать, потому что у болшаго промыслу множество людей питатися будут и то станет быть пополнение царственное.

А буде кто похочет взять на перехватку для покупки товара на месяц иль на два или и на три, то надлежит имать со ста рублев и по рублю на месец.

И тех прибылных денег никуды б не отсылать, что отсылать в то место[1], в коем году в котором городе колико тех денег собрано будет. И тех прибылных денег без подлиннаго указу, из камор-коллегии присланного, никуды не отпускать[2], но токмо отдавать их на перехватку на малыя месяцы.

И аще изволение ц. в-ва произыдет[3], что бурмистрам (л. 233) быть жалованным, то надлежит выбирать их из средние статьи; богатому аще дать на год и пятьсот рублев, то он так не услужит, как молотчей и изо ста рублев.

Богатой аще и у збору какова будет, то он болше попечение будет имать о своих собственных промыслах. А у коего болших промыслов нет, то он весь тут будет и о ином не будет много мыслить[4], но такмо то[5] и на уме будет, како бы ему управить врученное ему дело.

О снискания питейные прибыли мое мнение тако лежит, еже бы во всех порядках новостной[6] учинить.

Подрядчикам велеть вино ставить во все городы неизменно (л. 233 об.) самое доброе, чтобы из трех золотников выгорал[7] целой золотник, а просто молвить, чтоб в отъвесе третья доля выгорала[8], а две доли б в веске оставалось. А жечь одним запалом, из весовой чашки не выливая, и чтобы то вино было самое чистое, чтоб в хрусталном стакане[9] сосуде светлости не замутило и запаху б пригарного в нем не было.

---

[1] А кои люди и богатыя в купечестве, тех бы зборам — Стр., Козл.
[2] Промысел большей — Козл.
[3] Из ратуш — Стр., Козл.
[4] Емлющим деньги — Стр., Козл.
[5] Подписались бы поручтики — Стр., Козл.

[1] Опущ.: в то место; доб.: ведомости — Стр., Козл.
[2] Не отдавать — Стр., Козл.
[3] Произойдет — Козл.
[4] И о ином немного будет мыслить — Стр.
[5] Доб.: у него — Стр., Козл.
[6] Новостно — Стр., Козл.
[7] Выгорел — Козл.
[8] Выгорела — Козл.
[9] Опущ.: стакане — Стр., Козл.

А и винное ведро лутчи поправить и зделать ево пространнее, чтоб вина доброго входило в него тритцать фунтов. И егда подрядчики к отъдаче вино привезут и коя бочка по пробе будет годна, то прикинуть ее на вес и после порожжая бочка вывесить, и за вывескою явно будет, колико в коей бочке вина была [1]. И в таковом порядке (л. 234) у отдачи не будет вину никакой росточки и принимать будет поспешно и неработно. Одним днем мочно бочек сто принять и отъдадчику будет спорее, потому что ни чанов, ни ушатов, ни ковщей [2] мазать вином не станет и никакой росточки не будет.

А и продажная вину цена положить бы не по подрядной цене смотря, но по самому изволению ц. в-ва. Древней обычай был вельми неправилен, что буде подрядчики дорогу цену вину поставят, то дороже и продавали, а буде подрядчики возмут дешевле, то дешевле и продавали. И по такому уставу стали быть уставщики цене мужики, а не судьи, а по здравому разсуждению надлежит вину (л. 234 об.) цену уставливать [3] царским указом, а не мужичьим уставом.

И ради такова порядка во всех городех цена несогласная и тот устав, по моему мнению, был вельми противен ц. в-ва самовластию.

Вину надлежит в продаже быть цене единоравной и неизменной, чтоб она была во всех городех ровная [4]. И аще во всех городех цена вину будет едина и вино везде будет равное, то и збор питейной вельми будет прибылен, потому что из города в город вина по прежнему возить не станут, но куды приедет, тут и купить будет.

А по самодержавной власти его и. в. надлежит во всех российских (л. 235) городех и в селех и в деревнях, кроме Сибири, цена иметь продаже неизменная, какова в Санкт-Петербурхе, так [5] и в Москве, так [6] и во всех городех и урочищах. А буде у черкас цены поднять немочно, то надлежит укрепить накрепко, чтобы там никто не токмо ись купецких людей, но и дворянов [7] и афицеры отънюд, купя у них вина и

---

[1] Было — Стр., Козл.
[2] Ковшей — Стр., Козл.
[3] Уставить — Козл.
[4] Равная — Стр., Козл.
[5] Такова — Козл.
[6] Опущ.: так — Козл.
[7] Дворяне б — Стр., Козл.

табаку, без указу в великороссийские города, ни в села, ни в деревни не провозили. И буде кто повезет вина болши ведра с собою, то тех штрафовать великим штрафом и с наказанием.

А буде кой бурмистр или целовалник испортит продажное вино и учинит ево ниже уставленные пробы или и у подрядчика ниже пробы примет, то оштрафовать ево великим штрафом (л. 235 об.) и жестоким наказанием.

И аще тако уставитца и нерушимо будет стоять, то никто никуды вина возить с собою не будет [1], потому что везде будет вино ровно [2] и цена одна. И того ради и зборы питейные во всех городех велми угобзатца, а людям провозного росходу будет менше.

А о продажной цене вину как воля его и. в. произыдет, тому никто неизвестен, а, мнитца, простого вина ведру цена мочно положить, еже бы в продаже быть ему по три рубли, а в розницу по четыре алтына фунт, и аще где подряд будет и по полтине ведро, а в продаже отнюд цены не збавливать.

(Л. 236) А для совершенные верности в вине, чтобы воды не примешивать [3], у самих бурмистров и у целовалников во всех городех и в селех и [4] деревнях во всех стойках учинить маленкие весочки на железных цепочках, чтоб мочно было в них вина или вотки, один золотник отвеся, выжечь. Да у них же бы были янбурскаго дела грусталные фунтовые или полуфунтовые скляночки самые чистые, одна с пробою за камерирскую печатью, а другая такая же простая. И буде ко[е]му купцу повидитца вино или вотка плоха, то взять то спорное вино [5] в порожную склянку и поставить их с тою запечатанную склянкую [6] и к свету посмотреть, и буде с тою пробною склянкою [7] будет съходна, то нет в ней примесу, а будет свет (л. 236 об.) с пробною склянкою не сходен, то примесь есть.

И буде тою пробою не верно купцу иль целовалнику явит-

---

[1] Не будут — Стр.
[2] Равно — Стр.
[3] Не примешивали — Стр., Козл.
[4] Доб.: в — Козл.
[5] То влить то спорное питье — Стр., Козл.
[6] Запечатаною склянкою — Стр., Козл.
[7] Опущ.: и к свету... склянкою — Стр.

ца, то для совершенного вероятия в вышепомянутыя весочки влить того спорного питья весом против трех проб. И буде у вина выгорит одна проба, то нет примесу, а у водки буде выгорят[1] две пробы, а от выхору[2] останетца одна проба, то в водке той примесу нет же, а буде вес так не придет, то есть в нем порча.

И то освидетелствованное вино иль водку, запечатав, отънести к камериру и за тот примес чинить наказание жестокое, как о том уложено будет. И за таким порядком никоими делы ни в вино, ни в водку воды иль чего (л. 237) иного будет невозможно примесить.

И аще тако устроено будет, то, я чаю, что тысячь ста по два-три и болши в год при нынешных сборах излишние прибыли будет. И тая прибыль и в первом году означитца, а въпред, чаю я, что и гораздо болши будет, а люди трезвее будут.

Я не знаю, что многие суды[3] стараются о том, что питье [было] дешевле[4] и чтоб пили болше, а того не разсудят, что у трезвых людей во всех чинех и во всяких делах всякаго исправления болши, а у промышленных промысл гораздо будет болше[5]. А[у] пьяных людей и у приказных все неспоро, а у мастеровых людей и спрашивать нечего, токмо от питья люди, а наипаче от заморскаго, в великое оскуднение приходят (л. 237 об.) и царскому интересу препятие немалое от излишняго питья чинитца.

А что зделали дворяня, еже бы им котлы клеймить и пошлины с них брать с четыреведернаго котла по рублю на год, и донесли его ц. в-ву, бутто от того приходу будет збору пополнение казне[6] и тем они государя своего оболгали. Сие мочно и всякому разуметь, что тут будет прибыли болши, естьли им вина не курить и судов винокурных не было бы у них и следу.

И тем клейменьем оныя дворяня вместо прибыли зделали ему, великому государю, убытку тысячь по десятку в год

---

[1] Выгорит — Стр.
[2] От выгару — Козл; от выгору — Стр.
[3] Судьи — Стр., Козл.
[4] В год дешевле — Акад.: испр. по Стр., Козл.
[5] Промыслы гораздо будут болши — Стр., Козл.
[6] В казне — Стр., Козл.

и болши, а себе к свободному винному курению ворота отворили. Ибо кто из них заклеймит котел, даст с него в год рубль, а годом выкурит вина (л. 238) ведр ста три или четыре, и буде продаст, то возмет за него четыреста рублев и тою продажею великому государю учинит за тот данной сполна[1] рубль убытку в питейной продаже рублев сто иль болши в год.

И за тем клейменьем свободно стало быть и не заклеймеными котлами курить вино. В Устрицком стану дворян сотня место, чаю, есть, а слышел я от устрицкаго камисара, что в ведомстве его клейменых толко три котла, а вино все рядом курит по лесам да по долам, а иные и по домам за именем клейменых котлов курят, ничего не опасаяся. И от тоя свободности питейные сборы весьма стали быть плохи.

А естьли клейменье отъставить[2] и всякому воеводе послать (л. 238 об.) из города подьячего с солдаты и росходчика з денгами и велеть у всех дворян котлы и трубы обрать на государя и по настоящей цене за медь денги запла[ти]ть, а олово и свинец и всякую грязь на огне выжечь, чтоб великому государю в том изьяну напрасного не было.

И всять у все[х] дворян сказки с подкреплением, чтобы им въпред посуды винокурной у себя отнюдь не иметь и, созвав людей и крестьян, сказать им явно, что люди их и крестьяне все ведали. Еже[3] аще после обору у кого явитца винокурной куб или труба[4], то та посуда взята будет на государя, да на нем же доправлено будет штрафу дватцать пять рублев или что уложено будет, а на дворовых ево людях, колико в доме его ни есть за неизвет взято будет по 5 рублев на человеке (л. 239), а на крестьянине[5] по два рубли с полтиною на каждом человеке.

А буде коего дворянина дворовой человек или крестьянин, увидя у помещика своего винокурную посуду или трубу винокурную, да, шед, уведомит[6], то дано ему будет — дворо-

---

[1] С котла — Стр., Козл.
[2] Оставить — Стр.
[3] Еще — Акад., исправлено по Стр., Козл.
[4] Трубы — Козл.
[5] А на крестьянех — Стр.; на крестьяне — Козл.
[6] Известит — Стр., Козл.

вому человеку пять рублев, а крестьянину полтретья рубля [1], да от помещика свобода.

А для нужду [2] их дворянских надлежит им учинить указ, еже бы брать им вина ведра по два иль по три на год, смотря по пожиткам или по чинам по подрядной цене, а для утечки и усушки [3] приложить на ведро к подрядной цене по гривне или по две или как о том уложено будет.

Аще бо у дворян вина своего не будет, то и пить будут менше, и по городам и по корчмам развозить не станут (л. 239 об.) и приказным людям или мастеровым за работу [вином] [4] давать не станут.

Я не знаю, что в том благодати или что добра, что много пить или и [5] до пьяна и людей поить. По моему мнению, ради здравия телеснаго полно человеку чарки по три иль по четыре на день пить, то он будет бодр [6] и здоров, а буде ради веселия, то мочно и еще толикое ж число приложить.

А безмерное питье ничего добраго не приносит, но токмо приносит ума порушение, здравия повреждение, пожитков лишение и безвременную смерть.

А аще кто непремолчно будет пить безвоздержно [7], то и всего себя погубит. И того ради всячески надобно подщатися, како бы пиянства из народа поубавити.

(Л. 240) И аще великаго государя изволение будет, что дворянам городовым брать вино с кабаков по подрядной цене, то надлежит зделать им оклад, по колико ведер коим чинам в год вина брать по подрядной цене и тот оклад, написав, разослать по городам, описав имянно, коего города в уезде кои дворяня живут. И в тех городех по тем окладным книгам вино бы им по вся годы отпускали по подрядной цене, и буде кто похочет сверх того указного числа, то уже брать ему по продажной цене.

И ради раздачи дворянам вина учинить во всех городех

[1] А крестьянину 2 рубля 50 копеек — Козл.
[2] А для нужд — Стр., Козл.
[3] Для усушки — Стр., Козл.
[4] Опущ. в Акад. сп., восстан. по Стр. и Козл. сп.
[5] Опущ.: и — Козл.
[6] Будет добр — Стр.
[7] Опущ.: будет пить безвоздержно — Козл.

на болших кабаках бурмистрам особые записные книги и тое дачу записывать имянно с роспискою и со свидетелством других дворян. И те свидетели к той записке во свидетелстве руки б прикладывали (л. 240 об.) того ради, чтобы один человек дважды не взял.

И по окончании года в конце [1] тоя книги написать всех и прозвания по чину азбучному, чтоб всякого дворянина сыскать мочно было без замедления, колико кой дворянин вина взял, и кто у него были свидетели.

И те подлинные книги отсылать в камор-коллегию. И буде явитца кой дворянин сверх указного числа вино излишнее, то взять на нем штрафу за всякое ведро излишнее по 25 рублев, а на свидетелях по 5 рублев на человеке или как о том уложено будет.

А буде кой дворянин или и афицер, взяв указное вино и нелишнее, да кому продаст, то взять с него штраф надлежащей, а кто купил, и на том таков же штраф имать неотменно.

(Л. 241) А буде же кто, купя вино, да даст вышшему того дела камисару [2], то взять штраф на продавце, а купивый от штрафа свобожден [3] и вино за доношение отдать ему.

А буде подрядчик винной и [4] дворянин или купецкой человек продаст кому вина, или и в почесть даст, хотя приказным людям, и[ли] и в займы сьсудит кого или примет у кого хлеб, да высидит ему вина, то за всякое ведро взять штрафу на нем по 5 рублев [5], да ему ж учинить наказание, как о том определено будет.

А водки продавать самые нижные цены по шти рублев ведро, а фунт по две гривны, а средние по полуполтине фунт [6], а крепкие аптекарские водки, цефаликовая и апоплетиковая, коя строится в 20 проб, по полтине фунт, а с [са]харною приправою россолис спирд (л. 241 об.) миллии алек-

[1] В конец — Козл.
[2] Да донесет вышшему того дела камандиру — Стр., Козл.
[3] Свободен — Стр., Козл.
[4] Опущ.: и — Стр., Козл.
[5] По 25 рублев — Стр., Козл.
[6] Пуд — Козл.

сир ведериги и крепителна мастихийная[1] по 20 алтын[2] фунт, которые[3] строятца в 16 проб.

А малиновые меды и смороденные и прочие, кои строятца из ягод без вина, продавать ведро по 40 алтын, а фунт по 4 копейки[4].

А меды вареные, чистые, кои подобны ренскому, продавать ведро по 30 алтын[5], а фунт по алтыну.

А кои с вином строены такие жь ягодные меды, продавать ведро по 60 алтын, а фунт по два алтына.

А ставленных белых медов продавать ведро по 20 алтын, а фунт по 2 копейки.

А пива самого добраго и густова продавать ведро 20 алтын[6], а фунт по грошу.

(Л. 242) А росхожего пива ведро по 15 алтын, а фунт по 3 де[нги].

А явку пивную и медовую и бражную, мню я, что мочно ее всю отъставить для того, что брать ее потошливо[7], а варилщикам не без хреха, потому что сварит осмину[8], кто четверть, а объявит толко одну осмину, а кто сварит осмину, а явит пол осьмины, и то, стала быть, неправда и грех. И всякой человек колико не явит, а сварит въдвое или вътрое, а явитца разве половина, а иные и не знаю, чтоб ему когда явитца[9].

А в явочной записке толко одним подрядчикам[10] покормка, а великому государю велми не велик доход.

А естьли явка отставить, то все чины пива варить и меды ставить будут безпечно, потому что вынимать (л. 242 об.) у них того питья никто не станет и, сварив, не станут торопитца, чтоб скоряя выпить, но будут прочнее держать. И ради своего здравия станут по малому числу пить и грех тот

[1] Минли алексир ветеригис и крепителна пастихийная — Стр.
[2] По 60 копеек — Козл.
[3] Кои — Козл.
[4] В Стр. и Козл. сп. настоящий абзац стоит после следующего.
[5] По 90 коп. — Козл.
[6] По 20 алтын — Стр., Козл.
[7] Мотошливо — Стр., Козл.
[8] Опущ.: осмину — Стр., Козл.
[9] Чтоб явится ему куда — Козл.
[10] Одним подьячим — Стр., Козл.

менитца[1], что лгать будет уже не для чего и клятвы в неправде не будут чинить.

А вместо тех поторжных явок и питейных пошлин наложить пошлина на хмель, на пуд хмеля по 4 рубли, а на фунт по гривне, то уже ни богатой, ни убогой, ни самой солдат[2] не избудет того платежа: захочет пива, купит и хмеля.

И за таким повелением[3] всякаго звания человецы будут великому государю платежшики и домашняго своего варения даром не будут пить.

И аще тако уставлено будет (л. 243), то вторичной[4] прибыток при явочных пошлинах будет, потому что хотя кто четверик сварит, а платеж по варению своему положит.

И во все городы послать его и. в. указы, чтобы в городех и в селех и в деревнях бурмистры таможенные и целовалники указ его в. ведали, буде кто везет хмель, хотя и боярской, без выписи, то тот взять на государя безповоротно.

А буде кто привезет хмель к записке, то записать ево в книгу, а имянно, чей он есть, и буде продажной, то осмотреть ево накрепко, нет ли в нем песку и инова какова примесу, потаенного или худаго хмеля нет ли внутри и не сыр ли он. И буде есть (л. 243 об.) какая винность, то взять ево на великаго государя безденежно.

А буде пороку никакого в нем нет, то взять с него пошлина торговая с цены по гривне с рубля да накладных по 4 рубли с пуда. А буде не продажной, но везут[5] его про обиход боярский, и с того хмеля взять токмо[6] одна пошлина накладная по 4 рубли с пуда, а хмеля, добры он[7] или плох, не досматривать, но каков он есть, таков и отъпустить. Токмо на вес привесить, колко ево будет, и, записав в книгу, дать ему для проезду выпись и в выписи написать имянно, что тот хмель непродажной, а накладная пошлина взята сполна. И буде кой хмель у них за обиходом будет и похотят ево про-

[1] Минетца — Стр.
[2] Ни самой санат — Стр., Козл
[3] Поведением — Стр., Козл.
[4] Сторичной — Стр., Козл
[5] Везет — Стр.
[6] Толко — Стр.
[7] Добр ли он — Стр., Козл.

дать, то тогда[1] взять (л. 244) с него одна торговая пошлина с настоящия цены по гривне с рубля, кроме накладных пошлин.

И колико у коего бурмистра тех накладных пошлин соберетца, записывать особь статьею.

А которой порочной хмель взят будет на государя, и то взятье записывать в закрепленную книгу имяно и отъдавать те хмели на кабаки по настоящей цене без накладных пошлин[2].

Такожде и с меда продажного брать пошлина торговая с настоящия цены по гривне с рубля, да накладных пошлин по сороку алтын с пуда, а кто везет про себя или про боярской обиход, а не на продажу, и с того меда брать пошлина[3] по 40 алтын с пуда и записывать такожде в закрепленныя книги (л. 244 об.), и та книга иметь от купецких особливая. И колико с хмеля и с меда непродажного накладных пошлин у коего бурмистра ни соберетца, писать особливо статьею, а что соберетца тех же накладных пошлин с купечества, и те писать особливою жь статьею, чтоб было известно, колико в год тех накладных пошлин с хмеля и с меда собираетца[4]. И весь тот збор десятинной и накладной управлять будут одни таможенные бурмистры.

А буде кой господин не похочет накладных пошлин с хмеля или с меда пла[ти]ть, то тот хмель и мед имать на государя, а им из [з]борных денег тем же бурмистрам выдавать (л. 245) им денги по настоящей цене, по чему в записке у купечества, токмо вычитать из тех денег за торговую пошлину гривенную.

А буде кто подрядитца под хмель или под мед, еже поставить ему про царской обиход на дворец или и на кабаки, то тем подрядчикам дворцовым брать указы из дворца, а кабацким от камериров.

И где что они купят и таможним[5] бурмистрам осмотреть тот хмель, не сорин ли он[6] и нет ли в нем подмеси какой или

[1] Опущ.: тогда — Стр.
[2] Опущ.: А который... без накладных пошлин — Стр.
[3] Доб.: одна накладная — Стр., Козл.
[4] Соберетца — Стр., Козл.
[5] Тамошним — Стр., Козл.
[6] Не сыр ли он — Стр., Козл.

стебелья и листу. И буде нет никакова пороку, то привесить ево и с покупной цены взять торговая пошлина гривенная, а накладной пошлины не брать и дать ему выпись. (Л. 245 об.) Такожде и мед осматривать, нет ли в нем худова подмесу или мерлины, и буде добр, то потому же взять с цены по гривне с рубля, а накладной пошлины не имат же и, привеся, отъпустить с выписью. А в выписях писать имянно, что оное куплено не на продажу, но на обиход дворцовой или кабацкой.

А буде кой хмель или мед явитца с подмесом, и тот хмель или мед имать на государя безповоротно, да на нем же доправить штрафу толикое ж число, чего тот товар стоит.

А буде кой хмель или мед в таможне был и бурмистр выпись дал, а после де[1] осмотрят лавошники или кто ни есть, что есть подмесь, то взять штраф на том, кто выпись (л. 246) давал, за то, что он продавцу тому помирволил.

В России изначала при великих князех и при первом российском царе Иоанне Васильевиче были деланы денги из самого чистаго серебра, на кости плавленого, чему явное свидетельство тыи старые денги и ныне в мире обретающияся.

А при царе Михайле Феодоровиче начали делать из яфимочного серебра, на кости не переплавливая.

А ныне иноземцы приглашают, чтобы и в ефимочное серебро на дробные денги прилагать меди болшую часть.

А я[2], аще и самый мизирны человек, усмотря то начинание, не мог утерпеть, еже б не объявить о них, что в них пороку[3] будет, в 718-м году написал доношение (л. 246 об.) его и. в-ву о тех новоначинающихся денгах и изъявил, что такия денги вельми к воровству способны и самое денежным ворам предводительство будет. И для подания приходил я к господину Алексею Васильевичу Макарову и за жестокими караулщики не мог получить, еже бы то доношение его милости вручить. И поехал он к лекарственным водам и тако то доношение мое и осталоси[4] у меня и я последи того времени отъдал курхеру Егору Серхесову[5], которой в доме его,

[1] Последи — Стр., Козл.
[2] И я — Стр., Козл.
[3] Проку — Стр.
[4] Осталось — Стр., Козл.
[5] Кургеру Егору Сергееву — Стр., Козл.

Алексия Васильевича, пребывает, и просил его, дабы по времени вручил ему. И вручил ли он то мое доношение ему, Алексею Васильевичу, или нет, про то не вем. И того ради в сей главе царскаго интереса (л. 247) умыслил изъявити и предъявив о той самой царской прибыли, которая ни ис чего родитца, токмо от изволения царского.

И о сем мнение мое тако лежит, еже бы о денежном деле тщание велие приложити, отъчего царская сокровища могут наполнитися и народ ползу не малу возприимет.

И управлять[1] его годствует твердым разумом, дабы пороку в них во веки не было и чтобы никто воровски зделать их не мог, и во установлении том ни малые б измены не чинить, но яко столпу быть неподвижну. И о сем не единым умом, но острыми и твердыми умы, а не ветренными, помыслити о них, како бы их устроити, дабы они прочны и непорочны и похвалны были.

(Л. 247 об.) И по моему мнению, зритца, лутчи, еже бы серебряные денги привести серебром в древную чистоту или и паче, чтоб денежнаго серебра ни в каковых вещах лутче не было.

Яко у нас в России вера содержитца христианская самая чистая, никакова примеса еретическаго неимущая, тако требе и денгам российским быть самым чистым без всякаго примеса и еже бы им от всех иностранных отъменным и от всех похвалным быть, яко в мастерстве, тако и в чистоте серебра.

И аще великий нашь монарх, всероссийский император, изволит противо древних наших российских денег чистотою или чище[2] делать, то паки в вечные (л. 248) роды будут они похвалны.

Иноземцы в своих иноземских денгах сличают цену по положению в них материалу, а не по власти королевской, они паче почитают серебро и медь.

Мы же монарха своего почитаем яко бога и честь его опасно храним и волю его всеусердно исполняем. И того ради, иде же узрим имя его ц. в. назначено, то мы честно и опасно храним. И под именем его и. в. аще медь, то и медь подобает хранить. И под именем его и. в. аще медь, то и медь подобает

---

[1] И управить — Стр.
[2] Или и чище — Стр., Козл.

ро, то и серебро самое ж чистое и безпорочное было б. Буде и золото, то золото бы уже оно и было самое чистое и честное, чтоб оно всех земель (л. 248 об.) превозвышело. Мое желание к сему тако лежит, чтоб так в червонцы золото учредить, что выше салтанеи ево поставить, дабы на весь свет, не токмо при животе его, но и по смерти б монарха нашего имя славилося, то бы добро во всех землях паче салтанеи за них хватались, понеже червонцы не ради торгу или приобретения богатства, но ради самые силные и прочные славы его в-ва.

Видел я, российские червонцы состроены манером и мастерством самые чистые[1], а существом уронены, ибо во иных золото плохо и в запарку нейдет, а надобно, чтоб и в сусалное золото годны были без прожиганья.

А и серебряные денги аще и не надлежит (л. 249) их во иные земли отъпускать, обаче лутче их делать из самого ж чистаго серебра, чтоб они противо царе-ивановских денежек чистотою были или бы и лутче, дабы в роды родов имя его и меж поселяны славилося чистотою серебро[2] в денгах.

И таковые денги надлежит в торгах руских иметь, за рубежи щ[3] отнюд их не отъпускать, за рубежи одни токмо червонцы отъпускать.

Подобне и медные денги надлежит делать из чистые ж меди без примеру[4] серебра и без закрасы времянной еже бы ей снова являтися яко серебряной, последи ш[5], яко медной, но надобно их устроить, яко какая из дела выдет, такова б и во веки веков была неизменна.

(Л. 249 об.) И делать бы их не по и[но]земчески, по цене меди, но по изволению его и. в. Мне мнитца, что медные денги мочно делать гривенники весом по золотнику, а алтынники по полузолотнику, а копейки по чедверти золотника.

И аще кто речет ми: для чего в дробных копейках золотник меди пойдет по четыре копейки, а в алтынниках по шти копеек, а в гривенниках по десяти копеек?

---

[1] Честные — Стр., Козл.
[2] Серебра — Стр., Козл.
[3] За рубежи жь — Стр., Козл.
[4] Без примесу — Стр.
[5] Последи ж — Козл.

Отъветствую: мы не иноземцы, не меди цену исчисляем, но имя царя своего величаем, того ради[1], нам не медь дорога, но дорого его царское имянование, того ради мы не вес в них числим, (л. 250) но исчисляем начертание на ней. Есть[2] перваго выхода денежки весом по полтара золотника, то она еще весом и тяжела, обаче и за копейку никогда не пойдет, а на коей цате золотниковой начертание будет гривенное, то она за гривну и ходить будет. И по сему разумей, еже у нас не вес имеет силу, но царская воля.

У иноземцов короли власти таковыя не имеют, яко народ, и того ради короли их не могут по своей воле что сотворити, но самовластны у них подданыя их, а паче купецкие люди. И тии купцы по купечеству своему товар в денгах числят, а королевскую персону полагают на них въместо свидетеля, что та цата имеет в себе толико товару, (л. 250 об.) за что она идет.

И по нашему простому разумению, то стало быть королю безчестье, а не честь, что не по имении[3] его денги в себе силу имеют, но по купеческой цене.

И тыи иноземцы хощут то учинить, чтоб и у нас в Руси денги были по цене в них положенно[го] товара, и того ради приглашают в медные денги часть серебра, дабы стоила материалом своим того, за колико ей ходить.

И мне ся мнит, тот их совет вельми нам непристоен, понеже у нас самый властителный и вцелый[4] монарх, а не ористократ, ниже димократ. И того ради мы не серебро почитаем, ниже медь ценим, но нам честно и силно (л. 251) имянование его и. в.

У нас толь силно его пресветлаго в-ва слово, аще б повелел на медной золотниковой цате положить рублевое начертание, то бы она за рубль и ходить в торгах стала во веки веков неизменно.

А в тех сумесных денгах первой главной и несносной нам, верным его и. в. рабом, порок, еже по цене в денгах товару снизить его ц. в. имянование.

[1] Опущ.: того ради — Стр., Козл.
[2] А есть — Козл.
[3] Имени — Стр.; имяни — Козл.
[4] Всецелый — Стр., Козл.

Другой в них будет, еже вложенное в них серебро ни за что погибает.

Третей порок, что воровским денгам будет великое (л. 251 об.) предводительство, еже уже и явилось.

В денгах так надобно ухитрить, чтобы они не токмо ц. в-ву, но и всему б народу полезны были и чтоб никто воровски зделать их не мог.

Нам всем надобно вымышлять и старатися о том, како бы воровство и всякия неправды из народу истребити и правда насадити и всякое поречение от российскаго народа отълучити.

И те вышепомянутыя денги с примесом серебра не успели начатися, яжно[1] и воровские появилися. И я, присмотря их, в том же году две копейки да алтынник воровской увидел и, взяв их к себе, доношение о них (л. 252) написал и по два дни ходил я к господину Алексею Васильевичу Макарову и получить не мог, еже бы то доношение вручить ему, понеже в то время поход был ц. в-ва в Заонежье к лекарственным водам. И я, видя то, съехал в Новъгород и за тем то доношение и замотчалось.

И аще те с примесом серебра денги не изменятца, то весьма воровства много в народе будет, а естьли от воровства убежать и прибыли в денгах поискать, то мочно делать из самые чистые меди лехкие.

И аще его и. в. изволение сицевое будет, еже б ради пополнения казны и ради всенародные ползы делать из золотника меди по 4 копейки, то (л. 252 об.) из фунта будет их три рубли дватцать осмь алтын, а из пуда 153 рубли дватцать алтын, а алтынников по два из золотника делать[2], то из фунта будет их[3] пять рублев дватцать пять алтын с копейкою, а ис пуда выдет их 230 рублев четыре гривны; а гривенников по одному из золотника, то из фунта будет их девять рублев дватцать алтын, а ис пуда будет их 384 рубля.

И по тому розвесу, аще пуд меди переделать в копейки, то прибыли у пуда будет сто сорок рублев, а алтынников

[1] Ажно — Стр., Козл.
[2] Будет — Козл.
[3] Делать их — Стр.

у пуда прибыли будет[1] 220 рублев, а у[2] пуда же гривенников прибыли будет 370 рублев (л. 253). И в год естьли меди передела[ть 10.000][3] пуд и в том числе пять тысячь пуд[4] переделать в копейки, то прибыли у них в год будет 700.000 рублев.

А в алтынники естьли переделать три тысячи пуд, то прибыли у них будет 660.000 пуд.

А в гривенники естьли переделать две тысячи пуд, то будет у них прибыли 370.000 рублев.

И всего у десяти тысячь пуд меди за всеми росходы будет прибыли 1.840.000 рублев.

И ради истребления воровства прежние медные денги надлежит все переделать в такие же денги, то сверх прежние прибыли будет и от них приплоду милиона три-четыре или болши. (Л. 253 об.) А естьли старых не переделать, то воровства из них не искоренить, понеже много в них явилося отъливных, и буде их не окончить, то и въпред отливать их будут, а сиих новых денег ни отлить, ни запечатать воровски будет невозможно.

К сему же аще и серебреные[5] все старые дробные копейки переплавить на костях насухо и переделать их в полтинные и рублевые монеты, то и у них прибыли будет не малое число.

И мое мнение лежит не о одних токмо денгах, но и всякая вещь, коя носит на себе царя нашего имя, то надлежит ей быть самой чистой и честной.

Того бо ради и о вине предъявих, еже бы держать и продавать на кружалных дворех[6] самое (л. 254) чистое и честное вино, чтобы в домех мало такова обреталось.

Такожде и прочия питья, кои под имянем царским, были б самые добрые, несравненно з домовыми питьями въкусом и чистотою. И светлицы бы питейные были светлые и уборные и ни малые гнусности в них бы не было, потому что все питейные продажи носят на себе имя царское. И по

[1] Опущ.: у пуда прибыли будет — Стр.
[2] А ис — Стр.
[3] В Акад. сп. оставлен пробел, восст. по Стр. и Козл. сп
[4] Опущ.: пуд — Стр.
[5] Аще и собранные — Козл.
[6] На кружечных дворах — Стр.

такому[1] имянованию надлежит быть [ему][2] честну, а не безчестну и людям упившимся было бы в них охранение, а грабления при них ни малого б не было, а у нас все сие противно деятся. И при кабаках и зерньшиков отънюд не надобно, кроме караульщиков и охранителей. И посуда бы была добрая и чистая, а буде кой афицер или солдат, выпив питье, да сосуд (л. 254 об.) бросит о землю и розобьет, то таковых надлежит штрафовать с нескудным наказанием, чтоб такова дому питейному ругания и обиды не чинили.

Так надобно кабаки устроить, буде кто, путем идучи днем или ночью, что до кабака дошел, то уже бы безпечен был[3].

И аще и товар случится какой царской, то и товару тому надлежит быть лутче прочих товаров. А аще кой товар, лутче простолюдимскаго[4] не будет, то не надобно и нарицать ево царским, но такия товары купецким людям держать им[5], а не царю.

Царь судия и подобен он богу. Того бо ради и всякой вещи за имя царское от мирских нелзя быть неотменной, ибо и в суде у царя (л. 255), яко у бога, нет лица ни богату, ни убогу, ни силну, ни маломочну, всем суд един, и то стал быть суд божий. И аще денежное дело серебряных и медных денег обновитца, к тому ж и таможенные зборы и питейная продажа изменитца, то, я чаю, на самую малую цену[6] миллиона по три и по четыре на год сверх нынешних настоящих зборов приходить будет.

А аще вся вышепоказанная дела исправятца и утвердятца, то я крепко на божиею милость надежен, что его и. в-у на кийждой год милионов по пяти-шти и болши сверх нынешних зборов приходить будет. И аще его ц. в. изволение будет, еже вся сия предложенная моя мнения в дело (л. 255 об.) произвести, елико предрекох о духовных делах и о воинских и о судейских и о купецких и о художных и о истреблении разбойников и удержании беглых людей и о земляных делех, о крестьянстве и о нетрудном умножении и собрании

[1] И по таковому — Стр.
[2] Повторено: быть — Акад.; доб.: ему — Стр., Козл.
[3] Беспечален был — Стр., Козл.
[4] Простолюдинского — Стр., Козл.
[5] Опущ.: им — Козл.
[6] Малую меру — Стр., Козл.

его ц. в. казны, то я, за божиею помощию, без сумнения могу рещи, еже вся наша великая Россиа обновитца как в духовности, тако и во гражданстве и не токмо одна царская сокровища наполнятца, но и вси жителие российсти обоготятца[1] и прославятца. А аще и военное дело возновитца, то не токмо единою славою прославится, но и страшны всем окрестным государствам будут. Аминь.

И сия мнения моего изъявительная (л. 256) писания о истреблении всякия великия и малыя неправды и неисправностей и о насаждении прямыя правды и правостей, елико ми бог помощи своея ниспослал, вся написах, не обинуяся. И предлагаю на разсуждение токмо единаго высокопарного белаго орла, явного правдалюбца, императора всероссийскаго, Петра Великаго, истиннаго самодержца и столпа незыблимаго. О сем же свидетель ми есть бог, еже аз не себя ради сия писах, но токмо ревность моя понудила мя на сие дело.

И тако пламень любве к его ц. в. воспалися[2] во мне, еже никая нужда пресещи не могла, ибо аще и не велика сия книжица, обаче едва (л. 256 об.) от многосуетий своих в три лета ю совершил. Аще и многократно преписовах ю, обаче ни от кого невидена бысть, всячески бо сокрывахся, дабы в народ не произнеслося сие мое предложение.

И ныне всеусердно твоего милосердия прошу, дабы имя мое сокровенно от силных лиц было, паче же от нелюбящих правду, понеже писах, не слагая им. Паче же да будет воля божия и твоя превысокая царская воля во мне. Аминь.

Яко аще кто восъхощет богу угодити, той не может мамоне услужити.

Ничим же разньствует, аще кто и царю верно потщится услужить, той всему миру (л. 257) имать ненавистен быти.

Всенижайший и мизирнишийй рабичищь, правды же всеусердный желатель, Иван Посошков, утаенно от зрения людскаго трелетным трудом восписав, твоему царскому величеству предлагаю. Аминь.

1724-го году, февраля 24[3].

---

[1] Обогатятся — Стр., Козл.

[2] Воспалился — Стр.

[3] Доб. двумя другими почерками: Списана 1752 году, а для списания получена от господина советника Михаила Васильевича Ломоносова.

Всенижайшiй и мизернѣйшiй рабичищь: правды же всеусердный желатель, иванъ посошковъ. утаенно отъ зрѣнiя людскаго. трелѣтнымъ трудомъ восписавъ. твоему царскому величеству предлагаю. аминь,

1724. году февраля 24..

Писана 1752 году

А для списанiя получена от г[оспо]д[и]на совет[ни]ка Михаила Васильевича Ломоносова.

ПРИМЕЧАНИЯ[1]

Стр. 97. К титульному листу Академического списка

Отчего собо — возможно является ошибкой писца, вместо: «отчесого бо гобзоватое богатство умножается».

Название сочинения Посошкова в настоящем издании несколько отличается от издания М. Погодина. В Академическом списке оно названо «Книга о скудости и богатстве» вместо Погодинского (по списку Лаптева) «Книга о скудости и о богатстве». В черновике доношения Посошкова Петру I это сочинение называется «Книгой скудости и богатства», в допросе подъячего Шишкина в Тайной канцелярии — «Книга скудости с богатством» или «Скудость с богатством». Следует отметить, что обозначение в Академическом списке рукописной книги «изданием» содержится также в допросе Шишкина, которого допрашивали: «имеет ли он у себя... книгу издания Ивана Посошкова, зовомую Скудость с богатством».

За титульным листом в Академическом списке следует на отдельном листе оглавление, которое помещается в настоящем издании в конце книги.

К главе I

Стр. 111—113.

Посошков рекомендует напечатать ряд книг в качестве руководства для духовенства: «Камень веры» Стефана Яворского (митрополита рязанского, местоблюстителя патриаршего престола и затем первого президента синода) — сочинение, направленное против лютеранства; написано в 1718 г.; «Розыск о брынской вере» митрополита Дмитрия Ростовского,

---

[1] Проекты Посошкова, которые подробно рассматриваются во вступительном очерке, оставлены во избежание повторения в большинстве случаев без особых примечаний

содержит критику старообрядчества, книга написана в 1709 г.; почти одновременно с ним Посошков писал «Зеркало очевидное», также посвященное полемике с расколом (издано в краткой редакции в «Сочинениях Посошкова», часть 2-я, М. 1863; в полной редакции издано А. Царевским, вып. I—II, Казань 1898—1905 гг.). Под «книгой, названной Пращей» имеется в виду сочинение нижегородского митрополита Питирима «Пращица духовная к раскольникам, иже безстудне хулами наскакуют на святую церковь» (1717 г.). Посошков предлагает также напечатать свое сочинение «Завещание отеческое к сыну» (издано под ред. Е. Прилежаева, Спб. 1893). Упоминаемая среди церковных книг «Маргарит» является сборником поучений Иоанна Златоуста.

Стр. 119—120.

Посошков предлагал установить «десятину» — натуральный налог в пользу духовенства со всего населения в размере $^1/_{10}$ дохода. В качестве образца он указывает на «древних законников, иже от всего своего притяжания давали десятину». Он имеет в виду указание Библии о существовании в древности у евреев десятины в пользу левитов (Книга Чисел, гл. XVIII, 21—32, Книга бытия, гл. XIV, 20).

В течение XVIII—XIX вв. неоднократно выдвигалась в России мысль об уничтожении поборов с прихожан со стороны приходского духовенства за каждую совершенную «требу». В прибавлении к «Духовному регламенту» говорится о намерении правительства установить размер прихода по определенному числу дворов (церковные штаты), а также «определить, что всякий приходский человек должен в год причту своея церкви так, чтобы от подаяния тех всех причет тот мог иметь довольный трактамент». Однако последняя мысль не была осуществлена. Близкие к Посошкову взгляды высказаны были дворянскими публицистами Волынским и Татищевым, последний предлагал собирать для содержания духовенства по 3 коп. в год с души. Обращаясь к сыну, Татищев писал: «Награди его (попа) безбедным пропитанием, деньгами, а не пашнею, для того, чтобы от него навозом не пахло». При этом у Татищева был определенный классовый расчет, что, получая жалованье от помещиков, сельские попы будут направлять крестьян к покорности помещикам. По его словам, крестьяне, «не имея доброго пастыря, в непослушание приходят, а потом господ своих возненавидят, подводя воров и разбойников, смертельно мучат и тиранят, а иных и до смерти убивают. Когда же есть ученый поп и доброго поведения человек, к тому же неимеющий крайней в деньгах нужды, то конечно приведет крестьян в благоденственное и мирное житие и злодеяний таких в тех местах мало бывает» (П. Знаменский, Приходское духовенство в России со времени реформ Петра, стр. 722, Казань 1873). Эти слова Татищева, как и замечания Посошкова, о близости сельского духовенства по своему хозяйственному положению к крестьянству («ничем не отменны от простых мужиков» и т. д.) особенно интересны, если сопоставить их с массовым участием сельского духовенства через полвека вместе с крестьянством в восстании Пугачева.

К главе II

Стр. 125 и 132.

Жалованья ему на месяц учинено только тридцать алтын, а за вычетом дастца ему только десять алтын или менши.

В воинском уставе 1716 г. были определены жалованье и нормы продовольственного снабжения всех воинских чинов для мирного и военного времени. Пехотинец должен был получать деньгами 10 р. в год и 1 порцион продовольствия, состоящий из 2 фунтов хлеба в день, мяса 1 фунт, вина 2 чарки и пива 1 гарнец, кроме того полагалось на месяц 2 фунта соли и круп 1½ гарнца. Однако эти нормы оставались лишь на бумаге. «Новые командиры полков так же мало стеснялись злоупотреблениями, как и прежние стрелецкие головы, рейтарские и солдатские полковники... Полковники под влиянием прусских порядков получили неограниченную власть не только в распоряжениях по хозяйственной части, но и в военно-судном отношении. Вследствие такого порядка население страдало и от безнаказанных насилий начальствующих лиц и от грабительств голодных солдат. Артикулы и царские указы далеко не исполнялись, несмотря на тяжесть грозившего за то наказания. Чем более возрастала сила армии (в 1722—1725 гг. на довольствии считалось 319 525 чел., в том числе 210 500 чел. регулярных войск и 21 939 чел. во флоте), тем более требовалось на ее содержание и тем тяжелее оно ложилось на население» (Пузыревский, Развитие постоянных регулярных армий, Спб. 1886, стр. 41).

Стр. 127.

Провинциальными судами назывались судебные трибуналы низшей инстанции. В результате реформы 1719—1722 гг. высшей судебной инстанцией был сенат, следующее место занимала юстиц-коллегия, которая вместе с тем руководила всеми судебными учреждениями. Третьей инстанцией являлись надворные суды в крупных центрах — в Петербурге, Москве, Ярославле, Нижнем, Казани, Воронеже, Курске, Смоленске, Тобольске и Енисейске. Судебными учреждениями четвертой инстанции были *провинциальные суды*, находившиеся в каждой провинции, на которые разделялись тогдашние губернии. Ведению провинциального суда подлежали гражданские и уголовные дела, но последние с некоторыми ограничениями, именно, провинциальный суд не мог выносить окончательного решения по преступлениям, за которые назначалась каторга или смертная казнь. Такого рода приговор направлялся для утверждения в надворный суд.

Относительно должности нотариуса, упоминаемого Посошковым, следует заметить, что тогда нотариусом назывался судебный чиновник — помощник секретаря, заменявший последнего в случае его отсутствия.

Стр. 129.

Посошков кратко повторяет свои проекты, высказанные им еще в 1701 г. в «Доношении о ратном поведении», где он также возражал против одновременной ружейной стрельбы залпами и говорил об изобретенных им «рогатках огнестрельных», на которых устроены «затинные пищали». Это изобретение было представлено им Петру I. См. «Сочинения Посошкова», М. 1842, стр. 252—292.

К главе III

Стр. 138.

...привел в Преображенское слуга боярской делового человека за то, что он сказал за собою слово государево, и князь Федор Юрьевич спросил у него о слове... и т. д.

Посошков рассказывает здесь о случае, когда деловой человек (холоп, посаженный на пашню) соглашался итти в солдатчину с целью избавиться от холопства. Но так как помещик воспротивился этому, то он сказал за собой «слово и дело», т. е. что он желает сообщить правительству о каком-то политическом преступлении. Действительно, указом 31 октября 1701 г. было разрешено поступать в солдаты (Преображенского полка) «изо всяких чинов людей, кто похочет писатся в его великого государя службу». Но уже указом 12 апреля 1702 г. запрещалось записывать в Преображенском крепостных крестьян, а только «из вольницы всяких чинов людей», в 1712 г. (13 октября) вновь указано было принимать только «из вольницы». Указом 7 мая 1722 г. снова с ограничениями было дозволено холопам записываться в солдаты с запрещением возвращать их прежним владельцам, но при этом приказано было не принимать пашенных крестьян.

Кн. Федор Юрьевич — кн. Ф. Ю. Ромодановский, начальник Преображенского приказа, являвшегося тайной полицией и пыточным застенком, один из самых влиятельных деятелей эпохи Петра I. Во время отъезда Петра за границу или в армию Ромодановский председательствовал в совете, управлявшем государством, командовал Преображенским полком, командовал армией на военных маневрах 1694 г. (Кожуховский поход) с шуточным титулом короля Пресбурского и генералиссимуса Фридриха, носил титул «князя-кесаря».

Стр. 138.

Село Устрика — расположено у юго-восточного угла озера Коробожи при р. Уверь, в 180 в. от Новгорода по направлению к Устюжне; ныне с. Устрика в Устрицком сельсовете, Мошонского района, Ленинградской области. В Устрицком погосте и в соседнем б. Кашинском уезде находились имение и водочный завод Посошкова (с. Закарасенье, в настоящее время входит в Устрицкий сельсовет).

Стр. 139.

Князь Дм. Мих. Голицын, в то время когда Посошков подал (1729 г.) ему просьбу о разрешении открыть винокурный завод, состоял сенатором и президентом камер-коллегии, ведавшей сбором налогов и откупами.

После смерти Петра I Д. М. Голицын состоял членом учрежденного в 1726 г. Верховного тайного совета. В 1730 г. организовал так называемый заговор «верховников» и составил знаменитые «кондиции» при воцарении Анны Ивановны, которые должны были ограничить власть императрицы в пользу Верховного совета по образцу шведских аристократических учреждений. После того как поддерживаемая гвардейскими

полками Анна разорвала кондиции и Верховный тайный совет был упразднен, Д. Голицын оставался еще сенатором, но правительство Анны отомстило ему, обвинив его в 1736 г. в незаконных действиях по делу о наследстве кн. Кантемира. Он был приговорен к смертной казни, замененной заключением в Шлиссельбургской крепости, где он и умер.

Стр 140—149.

Наиболее оригинальными чертами в рассуждениях Посошкова о суде являются мысль об «едином» суде для людей всех чинов, а также предложение назначать в судьи лиц низших сословий; последнее рекомендовали и некоторые другие прожектеры того времени. Картина идеального производства, развертываемая Посошковым, содержит ряд конкретных черт тогдашнего суда. В судебном процессе того времени историки отмечают огромную роль судьи, вмешивавшегося в ход дела на всех его стадиях и выполнявшего одновременно обязанности следователя, прокурора и вершителя процесса.

Уже в XVII в. чрезвычайно разрастается бумажное делопроизводство и письменные доказательства приобретают особенную силу. Характерным для того времени является отсутствие четкого различия между состязательным и обвинительным процессом. Уложение 1649 г. знает деление на «суд» и «сыск», но эти понятия не разделяются четко и не всегда соответствуют представлению о гражданских и уголовных делах. Розыскной процесс применялся не только в уголовных делах, но вообще там, где были затронуты интересы государства и господствующего класса, например спор между частными лицами о поместьях и беглых крестьянах велся при помощи сыска. Суд не довольствовался в этих делах спором сторон, но самостоятельно производил дознание и применял пытку, с которой тесно связано было понятие «розыска». При Петре I состязательное начало еще в большей мере сближается с обвинительным. Указ 1723 г. о форме суда возражает против «лишнего» судоговорения, и тяжущиеся становятся в положение, скорее напоминающее подсудимых.

Стр. 141.

Посошков почти дословно повторяет здесь мысли, высказанные им в сочинении «Завещание отеческое». В главе 6-й «Завещания» имеется раздел 3-й «О судействе», где приведены те же речи судьи к тяжущимся и даются те же советы судьям о необходимости частого пересмотра дел колодников, о заступничестве за «бессловесного» ответчика и наряду с этим также рекомендуется применение смертной казни в отношении богохульников, пыток для разбойников и т. п.

(И. Т. Посошков, Завещание отеческое, под редакцией Е. Прилежаева, СПБ. 1893, стр. 183—202).

Стр. 145.

А что в проклятых повалных обысках, то сам сатана сидит.

Повальный обыск имел в древности значение безусловного доказательства как выражение общественного мнения местного мира. В XVII—XVIII вв. он сохранил ограниченное значение в качестве массового свидетельства. По Уложению 1649 г. он применялся в делах о разбое, в спо-

рах владельцев о холопах, в делах о земляных межах и о поместьях (Уложение. гл. XVII, статья 51; гл. XVIII, ст. 5; гл. XX, ст. 29, 95, 108, 109). Подробные предписания о производстве повального обыска содержатся в «новоуказанных статьях о татебных, разбойных и убийственных делах» 1669 г. (Полное собрание законов, т. I, № 471, ст. 28), где указывалось «сыскивать повальным обыском около тех мест по версте и по две и по три и по пяти и по десяти и по пятнадцати и по двадцати и больше всячих чинов многими людьми без отводу, опричь духовного чину». За ложные показания взималась пеня, при расхождении показаний принималось во внимание мнение большинства. При этом предписывалось спрашивать «всякого человека порознь и обыскные речи велеть обыщиком писать при себе, а заочи обысков и обыскных людей имен в обыск не писать и у тех обыскных людей обыскные речи имать за их руками».

Отмеченные Посошковым случаи, когда «всех свидетелей пишут заочно», показывают, что соответствующее запрещение, содержащееся в новоуказных статьях, не всегда проводилось в жизнь.

Стр. 150.

Смертная казнь за богохульство предписывалась Уложением 1649 г. В главе I Уложения «о богохульниках и о церковных мятежниках» указано было: «богохульника, обличив, казнить, зжечь».

Стр. 152.

И о сем судьям вельми надлежит пещися, чтобы в тюрьмах колодников не много было.

Вскоре после окончания «Книги о скудости и богатстве», 4 июня 1724 г., был издан сенатский указ об ускорении решения дел содержащихся в тюрьмах преступников, в котором отмечалось, что «в коллегиях и канцеляриях колодников содержится многое число. Того ради правительствующий сенат приказали: в коллегии и канцелярии, губернии и провинции ныне накрепко подтвердить указами, чтоб колодникам, кои содержатся в смертных убийствах и в разбоях и в татьбах, надлежащее решение чинено было по Уложению и его и. в. указам без всякого продолжения, дабы колодников не умножалось и будучи в долговременном держании надежды им к побегам не было» (П. С. З., т. VII, № 4530).

Стр. 166.

Должность фискалов, возникшая в 1711 г., являлась органом государственного контроля и тайного надзора. Общее число фискалов было не меньше 500, во главе их стоял обер-фискал, в каждой провинции и в каждом городе имелось 1—2 фискала.

Стр. 167.

Посошков предлагает отказаться от казенного жалованья судьям, заменив его определенным «побором» с истца и ответчика. В новых учреждениях, возникших при Петре I, в отличие от предшествовавшего, московского, периода чиновники должны были получать определенное казенное вознаграждение. Однако этот принцип с самого начала нарушался в связи с недостатком средств у казны. Неуплата жалованья приводила к незаконным поборам с населения со стороны администрации. После смерти Петра I правительство отказалось от принципа казенного вознаграждения за гражданскую службу, и в 1726 г. вышел указ о выдаче жалованья лишь в некоторых учреждениях и только руководящему составу. Было приказано в юстиц-коллегии и вотчинной коллегии, в главном магистрате и в надворных судах платить жалованье только президентам и членам, «а приказным людям не давать, а довольствоваться им от дел по прежнему обыкновению с челобитчиков, кто что даст по своей воле». Впоследствии это правило было распространено и на провинциальные управления с указанием, что «и наперед сего жалованья им не бывало, а пропитание и без того жалованья имели».

Мысль Посошкова о регламентации размера этого «пропитания» в зависимости от величины иска и характера дела, разумеется, не имелась в виду этими указами. Он предлагал ввести своего рода пошлину в точно установленном законом размере в пользу чиновников от каждого иска и решительно возражал против «гостинцев» и подарков со стороны просителей в пользу судей.

Стр. 174.

...в Уложеньи напечатали, что третьяго указа дожидаться.

В Уложении 1649 г. (гл. XX, «О суде», ст. 117—120) предписывается, если ответчик не явится на суд по «первой зазывной грамоте», то дать истцу «по него другая зазывная грамота», а в случае неуспеха — «по него дати третяя грамота». Только при неявке после третьего раза указано: «его в истцове иску тем обвинить, потому что он по трем государевым грамотам, дав по себе поруку, ко ответу не стал, и велеть истцов иск, доправя на нем и на порутчиках его, отдати истцу».

Стр. 177.

Посошков говорит о дворянах Чоглоковых, которые «нигде на службе не бывали, а каким-то случаем добылись в судьи... А с нынешнаго московского смотру нивесь зачем судейство их позамялось». Здесь имеются в виду смотры служилых людей, периодически производившиеся в целях пресечения уклонения дворян от военной службы и для проверки соответствия их занимаемой должности. Посошков говорит о смотре, производившемся в широких размерах в декабре 1721 г. и в марте 1722 г., когда часть дворян вызывалась в Москву, другая—в Петербург. Каждый вызванный дворянин представлял «сказку» о своем служебном стаже и семейном и имущественном положении, после чего сенаторы или сам Петр здесь же давали назначение и производили перемены в служебном положении каждого, «недорослей» отсылали в школы, взрослых на военную или гражданскую службу, старикам назначалась полная отставка и т. п.

Стр. 179.

На что нынешнего жесточае указу, иже сочинен о беглых крестьянах.

В первой четверти XVIII в. было издано множество распоряжений о возвращении беглых крепостных их прежним владельцам. Посошков вероятно имеет в виду указ 19 февраля 1721 г. которым предписыва-

лось за прием беглого крестьянина взимать с помещика «пожилые» деньги в сумме 20 руб., а с тех, кто примет после издания этого указа, по 100 руб. за каждый год, прожитый крестьянином в бегах. Помещик освобождался от уплаты «пожилых», если крестьяне были приняты без его ведома старостой или приказчиком (П. С. З., № 3743).

Это последнее правило возбудило негодование Посошкова, который видел в нем покровительство крупным владельцам, безнаказанно укрывавшим беглых крестьян. В 1722 г. в новом указе было разъяснено, что освобождение от уплаты «пожилого» возможно только после тщательного расследования относительно виновности владельца или приказчика (П. С. З., № 3939, § 7). Собственный проект Посошкова в существенных чертах не отличается от указов того времени. Он предлагал установить годичный срок для общего возвращения прежним владельцам беглых крестьян помещиками, укрывавшими их у себя; по истечении годичного срока, с помещика, продолжавшего удерживать у себя чужого крестьянина, должен взиматься штраф в размере 100 р. за женщину и 200 р. за мужчину, который отличался от «пожилого» тем, что не зависел от числа прожитых в бегах лет. Указы того времени также неоднократно представляли владельцам определенный срок—½—1½ года—для возвращения крестьян (П. С. З., № 2092, 3939).

Предложение Посошкова озаботиться возвращением крестьян, бежавших за границу, также не было новостью. В указе 8 марта 1723 г. говорится, что множество крестьян «с женами, с детьми и с пожитки бегут в Польшу и за другие границы». Решено было (подобно тому как рекомендовал Посошков) снестись с польским правительством, чтобы «перебежчикам отдачу учинили и впредь принимать запретили».

Стр. 184.

В старом Уложенье напечатано: Буде кто, похотя кого изубытчить...

Посошков подвергает критике статью 18, гл. X Уложения, в которой сказано: «А буде кто на ком учнет чего искать, поклепав напрасно, и с суда сыщется про то допряма, что он искал поклепного иску, хотя кого испродать напрасно: и на таких исцах за напрасную их продажю правити ответчиком проести по гривне на день, с того числа, как судное дело зачнется да и по то число, как то судное дело вершится, чтобы им и иным таким впредь не повадно было такими своими поклепными иски никого убытчить напрасно».

Стр. 184.

Паки егда кого обвинят в десяти тысячах, то указано стоять на правеже сто месяцев... и т. д.

Посошков имеет в виду ст. 261 гл. X Уложения, согласно которой неоплатный должник действительно выстаивал на правеже из расчета по месяцу за каждые 100 р. долга.

«Правеж» являлся принудительным взысканием долговых денег в пользу истца и состоял в том, что должника ежедневно выводили на площадь перед судом и били батогами по ногам в течение нескольких часов. Если и после правежа он отказывался от уплаты, то должник становился кабальным холопом истца (выдавался «головой до искупу»),

при этом каждый год работы мужчины погашал долг в размере 5 руб., а годовой труд женщины оценивался в 2 р. 50 к. Правеж был отменен указом 15 января 1718 г.

Стр. 185.

А и нынешний указ о нищих учинен не весьма здраво, потому велено штрафовать тех, кои милостыню подают.

Запрещение подавать милостыню в целях борьбы с нищенством повторялось неоднократно и содержится в ряде указов, например в указе 25 февраля 1718 г.: «А буде которые люди станут таким нищим милостыню подавать, презрев сей его великого государя именный указ и их, присмотря, потому ж приводить в монастырский приказ и имать на них, штрафу, первой по 5, другой по 10 рублев и для присмотру вышеупомянутых бродящих неистовых монахов и нищих мужеска и женска полу и для подавцов милостыни определить из монастырского приказу, из московского гарнизона нарочных поимщиков из каких чинов пристойно».

Посошков обвиняет в развитии нищенства самих помещиков; в этом отношении особенно интересны его слова, выпущенные в издании М. Погодина (отсутствовали в Лаптевском списке) и восстановленные в настоящем издании: «Есть бо много таких помещиков, летом крестьян своих и людей держат у себя на работе, а зимою посылают в мир и велят по улицам бродить и милостыню просить» и т. д.

Он предлагает в целях борьбы с нищенством разрешить «хватать» нищих и отдавать их желающим «вовсе, чей бы он ни был», т. е. закреплять их в качестве крепостных за тем, кто привел их в приказ.

Подобные же меры проводились правительством. Указом 6 апреля 1722 г. предписывалось нищих «ловить и приводить в полицеймейстерскую канцелярию, а из оной молодых на урочные годы употреблять к казенным работам, а старых отсылать для определения в госпиталь в синод».

О том же Посошков говорит ниже, в гл. V, где советует нищих «хватать» и, записав в приказе, «имать к тем делам... научить прясть, а подрослых ткать, а иных белить и лощить». Таким образом в борьбе против нищенства и бродяжничества важную роль играло стремление обеспечить вновь учрежденные фабрики и заводы рабочей силой.

Стр. 191.

«В старом Уложенье напечатано...» В Уложении в гл. XXI «о разбойных и татиных делах» сказано, что за кражу (татьбу) в первый раз вор подлежал после пытки наказанию кнутом, отрезанию левого уха и тюремному заключению на два года, при этом предписывалось «ис тюрьмы вымая его, посылать в кандалах работать на всякия изделья», после чего он ссылался в «украинные города» (ст. 9). При вторичном приводе вора наказывали пыткой, кнутом, отрезанием правого уха и тюремным заключением на 4 года, после чего следовала также ссылка; третья и четвертая кражи карались смертью. Мошенничество приравнивалось по наказанию к краже в первый раз, разбой без убийства в первый раз наказывался подобно татьбе тюремным заключением на 3 года (гл. XXI, ст. 11, 16).

К главе IV

Стр. 195.

Магистраты возникли в 1721—1722 гг. как органы управления посадского (городского) населения. Они заменили собою земские избы с выборными бурмистрами и с ратушей в центре (см. ниже примеч. к стр. 216), потерявшими свое значение после 1708 г. в результате губернской реформы. Посадское население получило новое деление, торгово-промышленная буржуазия составила две гильдии, мелкие ремесленники объединялись в цехи; после них шли чернорабочие, или «подлые люди».

Члены магистратов, президент, бурмистры и ратманы избирались только из среды первостатейных людей, главным образом первой гильдии, причем избирателями также являлись первостатейные люди. Магистраты закрепляли в городах господствующее положение за верхушкой буржуазии. Магистраты ведали полицию, суд по гражданским и отчасти уголовным делам, вели городское хозяйство и должны были заботиться о торговле и промышленности. Магистраты, несмотря на выборность, по существу являлись бюрократическими учреждениями, назначение которых состояло в осуществлении на местах предписаний центральной власти и особенно в реализации сбора податей и налогов.

Стр. 202.

До 1700 г. имели хождение серебряные монеты: копейка, «деньга», равная ½ копейки, и полушка — ¼ коп. Сто копеек, или 200 денег, составляли счетную единицу — рубль. В первой четверти XVIII в. введены новые серебряные монеты— рубль, полтина, полуполтина, гривенник, пятачок и алтын, равный трем копейкам; в то же время была введена разменная медная монета — денежки и полушки. К концу царствования Петра I выпускаются кроме того медные копейки, алтыны и пятикопеечники. Ефимком называлась иноземная серебряная монета крупного достоинства, в среднем весом в $6^2/_3$ золотника; название ее происходит от немецкого иохимсталлер; иностранные ефимки покупались казной для денежного передела. Золотая монета — червонцы, — распространявшаяся более широко лишь с Петра I, чеканилась в виде двухрублевиков. Ухудшение монеты с конца XVII в. выразилось в уменьшении веса и в понижении пробы серебряной монеты. Тогда как в 1690—1698 гг. из пуда чистого серебра делалось монет различного достоинства в среднем на $460^4/_5$ руб., в 1718—1724 гг. из пуда серебра выходило монет на 790 руб. (И. Кауфман, Серебряный рубль в России, Спб. 1910, стр. 150).

Рост цен, отмеченный Посошковым в отношении импортных товаров в 2—3 раза, имел место и по товарам отечественного происхождения. По данным о хлебных ценах, рубль 1701—1715 гг. равнялся по своей покупательной силе 9 рублям конца XIX в., тогда как рубль второй половины XVII в. равнялся 17 руб. (В. Ключевский, Русский рубль, в сб. «Опыты и исследования», изд. 2-е, стр. 211).

Стр. 203—204.

Посошков предлагает запретить покупку ряда заграничных товаров, именно тех, которые уже вырабатывались в России или являлись предметом роскоши. Следует заметить, что тогдашнее правительство довольно близко подошло к его мысли, проводя в таможенном тарифе 31 января 1724 г. высокие запретительного характера пошлины на ряд импортных товаров. При составлени этого тарифа были собраны сведения о состоянии русской промышленности. При этом размер пошлин должен был возвышаться, и следовательно доступ иностранным товарам затруднялся по мере роста собственной фабричной промышленности. Высокая ставка для того или иного заграничного товара мотивировалась тем, что этот товар «в России делается» или «имеется довольное число». Тариф устанавливал для большинства импортных товаров пошлины в размере 37½, 25 или 12½ коп. с рубля ефимками, т. е. в иностранной валюте. При этом курс ефимка при взимании пошлин с иностранцев принимался в 50 коп., тогда как с русских купцов пошлина взималась при отсутствии у них ефимков российскими деньгами из расчета по 125 коп. за ефимок. Таким образом курс ефимка для иностранцев был установлен значительно ниже существовавшей цены, и следовательно пошлина в действительности оказывалась в значительно более высоком проценте к стоимости товара, именно указанный выше оклад пошлин по тарифу 1724 г. следует считать равным в действительности 75%, 50% и 25% к стоимости товара. Высшая из этих ставок, носящая запретительный характер, распространялась на следующие товары, среди которых имеется и большинство изделий, намеченных к запрещению Посошковым: железо в прутьях, кричное, дощатое и листовое, гвозди, якоря, ружья, иглы; байка, бумазея, коломенка, полотно — скатертное и салфетное, скатерти, полотно парусное, ленты шелковые, парчи, пояса и колпаки шелковые, канифас, пуговицы кафтанные; селитра, скипидарное масло, купорос, канифоль, гарпиус, крахмал, пергамин, кожи сухие телячьи.

Посошков предлагал запретить ввоз шелковых платков и иностранных вин. Однако ряд шелковых товаров согласно тарифу 1724 г. привозился беспошлинно, стекла большей частью также поступали беспошлинно. Тотчас же после издания тарифа указом 11 февраля 1724 г. стеснялся привоз французских вин, которые могли ввозиться лишь по договору с камер-коллегией, «а лишнего и на продажу не вывозить». Тогда же, 17 февраля, был запрещен привоз из-за границы краски бакан, которая уже производилась в России.

Посошков говорит, что и «сукон солдатских, мнитца мне, у иноземцев покупать не надобно». Ту же мысль неоднократно выражал Петр в своих указах, предлагая заводить фабрики, чтобы «из-за моря в несколько лет вывоз сукна был прекращен». Однако эта цель не была достигнута, и привоз сукна не облагался высокой пошлиной, чтобы не затруднять снабжение армии.

Товары отечественного производства были однако крайне плохого качества и притом стоили дороже иностранных. Это обстоятельство вместе с развитием контрабанды вызвало вскоре после смерти Петра недовольство запретительной торговой политикой, и в новом таможенном тарифе 1731 г. пошлины были значительно снижены (П. С. З., т. 45, Книга тарифов; К. Лодыженский, История русского таможенного тарифа, Спб. 1886, гл. II, V и приложение).

Стр. 214.

Предложение Посошкова завести «табачные заводы» не является новостью. Правительство пыталось добиться широкого внедрения в сельское хозяйство культуры табака и организации его заводской обработки. На этом пути некоторым препятствием являлась сперва монополия на продажу табака, предоставленная правительством одной английской компании, а затем казенная монополия на продажу табака, но указом 7 апреля 1723 г. было велено «в продаже табака дать волю». Еще в 1705 г. ратуша заключила условие с двумя англичанами о выписке табачных мастеров, чтобы разводить лучшие сорта американского табака и обучить русских обработке табака, однако эта попытка окончилась неудачей вследствие запрещения мастерам со стороны английского правительства поступать на службу в России. В 1713 г. был издан указ, имевший в виду устройство табачных плантаций и фабрик для выделки табака по голландскому методу. В последующие годы правительство выписывало семена английского и голландского табака и подыскивало за границей мастеров. В Ахтырке существовал казенный табачный завод, производство которого было невелико и не приносило прибыли. В 1714 г. Ф. Салтыков в своих проектах предлагал «сеять и размножать» табак по иностранному образцу, надеясь, что впоследствии его можно будет продавать за границу. С таким же проектом, привлекшим внимание Петра, выступил адмирал Крюйс (1717 г.).

Стр. 216.

... из царские бы зборные казны из ратуши давали им ис проценту на промысел...

Ратуша, учрежденная в 1699 г., была одновременно и центральным финансовым учреждением и органом самоуправления торгово-промышленного класса. На бурмистров на местах и на ратушу в центре была возложена задача сбора таможенных пошлин, кабацких денег и т. п. С учреждением губерний в 1708—1709 гг. казенные сборы передаются в ведение новой губернской администрации. Потеряв значение органа центрального управления, ратуша продолжала существовать как местный орган до учреждения магистратов в 1720—1721 гг. (см. выше примечание к стр. 195).

В другом месте (гл. IX, стр. 301) Посошков рекомендует выдавать заводчикам из казны ссуды для «расширения промыслов» из 6% годовых. Насколько этот процент был ниже обычного, можно видеть из слов Фокеродта, что в 1728 г., когда частный кредит вздорожал, «проценты поднялись от 12 до 15 на сто». Тайная канцелярия довольно широко практиковала отдачу имеющихся у нее денежных сумм в рост также из 12%.

Выдача ссуд фабрикантам «на промысел», как предлагал Посошков, довольно широко практиковалась правительством как при Петре, так и в последующее время. Об этом свидетельствуют например следующие данные о суммах, выданных правительством владельцам фабрик и заводов:

Год	Род фабрики	Владельцы	Размеры ссуды в руб.	Срок уплаты
1717	Шелковая	Гр. Ф. Апраксин с товарищами, позднее М. Евреинов с товарищами	46 672	—
1720	Суконная	П. Докучаев с товарищами	30 000	3 года
1720	Суконная	В. Щеголин с товарищами	30 000	3 „
1722	Кожевенная	Исаев с товарищами	5 000	5 лет
1734	Полотняная	И. Затрапезнов с братьями	20 000	10 „
1736	Суконная	А. Еремеев с товарищами	10 000	3 года

(А. Лаппо-Данилевский, Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII в., Спб. 1899, стр. 31).

К главе V

Стр. 216—219.

Относительно организации ремесленников в Московском государстве более полные данные имеются о московских серебрениках, корпоративная организация которых имела сходство с западноевропейскими цехами. Кроме того имеются сведения о юридической стороне ученичества в XVII в., которое продолжалось обычно 5 лет и оформлялось «учебной записью» (М. Довнар-Запольский, Организация московских ремесленников в XVII в., Журнал министерства народного просвещения, 1910, кн. 9; С. Бахрушин, Ремесленные ученики в XVII в., Труды государственного исторического музея, вып. III, М. 1926).

Мысль о введении цехового устройства по западноевропейскому образцу высказывалась еще в XVII в. Юрием Крижаничем, затем в начале XVIII в. Ф. Салтыковым и неизвестным автором «12 статей». Как раз в то время, когда Посошков писал в «Книге о скудости и богатстве» о необходимости введения цехового устройства по иноземному образцу, правительством были изданы указы о цеховом устройстве. Указы о цехах 27 апреля и 4 октября 1722 г. устанавливали обязательность записи в цехи городских ремесленников. Цехи должны были избирать из среды мастеров альдерманов и следить за качеством продукции, для чего устанавливалось обязательное клеймение товара и освидетельствование знания ремесла у новых мастеров. Установлен был семилетний срок ученичества с запрещением уходить от мастеров ранее срока.

Указ 27 апреля 1722 г. предлагал: «В цехи писать ремесленных всяких художеств и гражданских жителей... и из оных настоящих мастеров, выбрать альдерманов, то есть старшин, которым всякому своего художества ремесленным людям иметь записные книги». Вновь поступающих в цехи предписывалось «свидетельствовать всем цехом и по свидетельству, которые явятся достойны быть мастерами, тем давать письма, что им быть мастерами и за ремесленными людьми смотреть... дабы всякой свое рукоделие делали добрыми мастеры. И что когда от каждого мастерства сделано будет, как на продажу в ряды, так и в домы всяких чинов людям, то на оное прежде класть тому мастеру, кто что делал свое пятно, а потом приносить для свидетельства

того мастерства к старшине, а старшине то сделанное, буде явится доброго мастерства пятнать своим пятном и, запятнав, в ряды продавать или что кому надлежит, велеть отдавать, а без того отнюдь никому продавать и отдавать и в ряды покупать не дерзать; а ежели при свидетельстве явится что негодное, то старшине того цеха буде золотое, серебряное, медное, оловянное и железное, деревянное ломать; а ежели сапоги, башмаки и прочее сим подобное, то рубить, а платье и прочее сим подобное пороть и велеть оное переделывать добрым мастерством вновь и потому ж свидетельствовать и дабы в рядах непятнанного никакого мастерства не имели, того накрепко смотреть рядовым старостам и ежели что явится и оное имать на Нас, дабы впреди без пятна в рядах покупать не дерзали. А с тех, кто без пятна дерзнет продавать, имать штрафа за первой раз против заработных вдвое, за второй раз вчетверо, а за третий, учиня наказание от того мастерства оставливать».

«Помянутым всем мастерам как гражданским жителям, так и пришлым мастеровым людям подмастерей и учеников держать у себя, сколько кто хочет, токмо с свидетельствованными письмами, что они не беглые, которых как пришлых мастеровых людей, так и подмастерей и учеников с гражданы не числить и жить им в тех местах, сколько кто хочет (а ученикам ранее семи лет не отходить, а по семи летах давать свидетельствованные письма, и освидительствовать так, как в чужих краях). И для того те цехи как в Санкт-Петербурге, так и в Москве из наличных ремесленных людей, какие ныне на лицо обретаются, сочинить по прежнему указу, как наискорее и потом и в других городах чинить немедленно ж» (П. С. З., № 3980; см. также о цехах при Петре А. Гайсинович, Цехи в России XVIII в., «Известия Академии наук» за 1931 г., № 5).

Стр. 223—226.

Для характеристики состояния промышленности того времени могут служить данные о числе фабрик и заводов, приведенные в сочинении обер-секретаря сената Ив. Кириллова «Цветущее состояние Всероссийского государства», составленном в 1727 г. (издано в 1831 г. М. Погодиным). Он показывает в итоге своей таблицы по городам и провинциям всего 233 промышленных предприятия (ч. II, стр. 133). Но данные эти довольно противоречивы, итог не сходится с слагаемыми, кроме того он включал наряду с крупными мануфактурами в отдельных случаях и мелкие, как например ручные горны в Белоозерской провинции, которые в других районах он не показывает; затем в его работе встречаются описки, повторения и т. п. Таким образом его цифры не являются ни вполне точными, ни исчерпывающими и могут быть приняты лишь в качестве приблизительных.

Наиболее промышленными по данным Кириллова являлись провинции, расположенные в центре страны (Московская, Ярославская, Переяславская, Владимирская и др.), на северо-западе (Петербург, Олонец, Белоозеро) и на Урале (Сибирская, Соликамская и Екатеринбургская провинции).

Наряду с большим числом мелких предприятий имелись крупные мануфактуры. Так, на суконной мануфактуре Щеголина и компании

в Москве в 1725 г. было 1 116 рабочих, на полотняной мануфактуре Тамеса в Москве—761 рабочий при 404 станах. Крупными по тому времени предприятиями были металлургические и металлообрабатывающие предприятия. На Урале на Екатеринбургском казенном заводе в 1723 г., было две домны с выпуском в год 88 тысяч пудов чугуна, кроме того здесь были литейная и молотовая, выковывавшая 32 тыс. пуд. железа, затем имелись жестяная, стальная и проволочная мастерские. Всего на этом заводе было 318 рабочих, из которых 113 работали на производстве, остальные — на вспомогательных работах: жжении древесного угля и т. п. Одним из крупнейших предприятий того времени был Сестрорецкий оружейный завод с 629 рабочими. К концу эпохи Петра I имелось 15 суконных и шерстяных мануфактур, 15 полотняных, столько же шелкоткацких, 11 кожевенных, 5 бумажных мельниц (П. Любомиров. Очерки истории русской промышленности, 1930, стр. 26, 76, 106, 131).

Фабрики первой четверти XVIII в. были типичными крепостными мануфактурами, основанными на применении ручной силы. Механизация была представлена главным образом в виде использования водяной силы (мельница). В большинстве случаев это были централизованные предприятия, хотя некоторые из них использовали и рабочих, работающих на дому.

Основной рабочей силой были крепостные. Вольнонаемный труд также имел место, но заводчики постепенно закрепощали и вольных рабочих. Правительство приписывало к крупным заводам целые деревни. Тамес получил к своим полотняным заводам село Кохму Шуйского уезда с 641 двором. К пермским горным заводам было приписано 25 тыс. крестьян мужского пола. В 1721 г. заводчикам было разрешено покупать деревни с крепостными.

Стр. 227.

Князь Борис Алексеевич — кн. Б. А. Голицын (1654—1714 гг.), руководитель переворота 1689 г., низложившего Софью и передавшего власть Петру и Нарышкиным. Б. Голицын «сидел» в Казанском дворце, т. е. управлял всем Поволжьем, входил в состав совета, управлявшего государством во время поездки Петра I за границу в 1697—1698 гг. Б. Куракин в своей «Гистории» говорил, что Б. Голицын «был человек, правда, ума великого, токмо погрешения многие имел: первое пил непрестанно и для того все дела неглижировал, второе великий мздоимец, так что весь Низ разорил. Однако ж за его заслуги великие его величество содержал его в своей милости по смерти и некоторые годы оставил ему в правление, почитай, суверенное, весь Низ».

К главе VI

Стр. 228.

Меры, предлагаемые Посошковым, для борьбы с побегами крепостных и солдат, а также против разбойников в виде организации сельской выборной полиции и введения паспортной системы не были к тому времени уже полной новостью. Аналогичные мысли, не столь подробно

изложенные, развивали и другие прожекторы (И. Филиппов, С. Юрлов, В. Пазухин), и правительственная полицейская деятельность развертывалась в том же направлении. В. Пазухин еще в 1710 г. предлагал для сыска беглых людей выбирать сотских, пятидесятских и десятских. Этот проект послужил основой для соответствующего указа, вышедшего в том же году. То же самое предписывалось еще новоуказными статьями 1669 г. и указом 1697 г. (П. С. З., № 441, 2271, 1501).

Эта сельская полиция в то время избиралась обычно на год на особых сходах, в которых принимали участие старосты от вотчин и волостей. Воеводская канцелярия приводила сотских к присяге и выдавала им инструкцию, они находились в подчинении земских комиссаров (см. ниже). Власть сотских простиралась приблизительно на сотню дворов (Посошков однако предлагает выбрать «не по дворовому числу, но по исчислении голов мужска пола»). Из жителей этой целой округи, входившей в сотни, избиралось девять десятских, подчиненных сотскому. Они исполняли обязанности низших полицейских служителей, должны были следить за появлением подозрительных лиц, конвоировать арестованных и т. п.

Мысль о паспортной системе также высказывалась современниками Посошкова, и Петр в 1713 г. сделал для памяти заметку: «чтоб без писем не переходить из города в город». Указом 30 октября 1719 г. предписывалось при переездах каждому иметь «от начальников своих паспорт или пропускное письмо». О том, что эти указы слабо выполнялись, можно судить из того, что в «плакате» 26 июня 1724 г., которым определялись взимание подушной подати и порядок расквартирования полков по губерниям на «вечные квартиры», вновь и с большей подробностью говорится о паспортах. В целях главным образом борьбы с побегами крестьян от помещиков предписано было, чтобы крестьяне при переходах на работы в радиусе 30 верст брали от помещиков «письменные отпуска». При уходе в другой уезд этого было недостаточно, и крестьянин должен был иметь «пропускное письмо» за подписью и печатью как полковника, командовавшего полком, разместившимся в данной местности, так и земского комиссара. Срок отпускного письма для крестьян не мог превышать 3 года.

Стр. 235.

Село Держково-Волок, о котором упоминает Посошков, расположено на берегу р. Мсты в 15 в. от Боровичей; в настоящее время в Боровичском районе Ленинградской области имеется Волокский сельсовет с 20 деревнями.

Стр. 236.

Прошлого 719 года в Юстиц-коллеге указ о истреблении разбойников и с новою поправою сочинен.

Посошков имеет в виду указ 19 марта 1719 г. (П. С. З., № 3334), в котором перечислены указы 1655 и 1669 гг. по борьбе с разбоями, а также упомянута соответствующая гл. 21-я Уложения, и поэтому Посошков говорит, что в нем все древние указы собраны. Указом 1719 г. предписывалось местным властям ежемесячно подавать «сказки», что в их

районах нет воров и беглых крестьян и солдат, или в случае нахождения таковых объявлять о них. За утайку воров и разбойников указ угрожал помещикам и старостам смертной казнью.

То, что называют здесь разбойничеством, было одной из форм протеста против двойного гнета со стороны государства и помещиков; бежали в леса не только крестьяне, но и солдаты, в особенности рекруты, поэтому естественно, что чисто полицейские меры по борьбе с разбоями не давали результатов. Например в Лихвенском уезде, в 8 верстах от московской дороги, была обнаружена артель в 101 чел. «с ружьем, в драгунском мундире; построен у них двор, огорожен забором и на том дворе две избы... одна рубленная наружи, а другая земляная; а на том их воровском дворе имеется караул в день и в ночь у земляной избы, в которой он, Сирота (предводитель), живет, у дверей по два, да у ворот по три человека с фузей и шпаги, а ездят оные разбойники разбивать от помянутой московской дороги в дальние места». Меншиков, петербургский губернатор, предупреждал сенат в 1711 г., что он не может справиться с разбойниками за недостатком войска. «В С.-Петербургской губернии около Ярославля и Твери разбой зело умножается, — писал он в сенат, — хвалятся разбойники придти в Тверь ради разорения». В том же 1711 г. управитель Московской губернии, обещая приехать в Смоленск, оговаривался: «Аще мне большие разбойничьи артели путь не пресекут, которые ныне около Вязьмы и повсюду зело тяжка суть...»

К главе VII

Стр. 244.

В целях борьбы с деревенскими пожарами правительство предписывало меры, близкие к проектам Посошкова. В указе 7 августа 1722 г. говорилось, что «ежели где село или деревня выгорит или кто вновь селить пожелает, то самим помещикам, а где помещиков нет, прикащикам их и старостам немедленно по опубликованному указу и рисунку развесть места и крестьян к тому принуждать, чтоб по указу строились; а до прежнего строения сплошь дворов отнюдь не допускали». Это распоряжение подтверждено было новым указом 3 апреля 1724 г., который мотивировался тем, что крестьяне дворы строят попрежнему, «не оставляя между дворов огородов и коноплянников». Следует иметь в виду, что Посошков в «Книге о скудости и богатстве» лишь повторял то, что он ранее писал в другом сочинении — «Завещании отеческом к сыну», оконченном около 1719 г. и к которому был приложен чертеж расположения крестьянских дворов (Посошков, Завещание отеческое к сыну, стр. 272—275, изд. 2-е, Спб. 1893). Проект Посошкова более радикален, чем приведенный указ, так как он предлагает применить новый порядок не только при постройке после пожаров, но объявить всем помещикам, чтобы «хотя не вдруг, но помаленьку, а все бы дворы перестроили», а при новой переписи или межевании «одним разом все дворы перестроить».

Стр. 247.

Посошков высказывает мысль о необходимости обязательного обучения крестьянских детей грамоте, предлагая «приневоливать крестьян, чтобы они детей отдавали дьячкам в научение». Один из прожектеров того времени, подавший Петру записку из 12 статей, у которого имеется много общего с проектами Посошкова, также требовал «учения грамоте мужеского полу и женского изо всех чинов и земледельцев». Этот автор считал, что «у всякие церкви надобе школы и учители грамоте и писать и рехметику учить и стеречи учеников, чтобы были добрые люди и смирять накрепко, чинно» (Н. Павлов-Сильванский, Проекты реформ, Спб. 1898, стр. 90).

Стр. 248—249.

Мысль об охране лесов и искусственном лесонасаждении, т. е. о рациональном лесном хозяйстве, высказанная Посошковым, близка к тогдашней практике. Но соответствующее законодательство Петра I имело в виду интересы кораблестроения и не преследовало задачи народнохозяйственного значения, о которых говорит Посошков. Издавались указы об охране корабельного леса, как указ 1701 г. «о разчистке лесов под пашню и сенные покосы за 30 верст от рек, удобных к сгонке леса» (П. С. З., № 1845), запрещалось рубить заповедные леса толщиной выше шести вершков и т. п. С 1722 г. охрана лесов возложена была на особое лесное ведомство во главе с вальдмейстером, подчиненное адмиралтейству. Под руководством обер-вальдмейстера находились областные вальдмейстеры и унтер-вальдмейстеры из служилых людей, которым подчинялись надзиратели. Охране подлежали леса только в тех местах, где имелся удобный сплав леса к верфям.

Стр. 255.

А и во исчислении душевном не чаю ж проку быть..

Посошков имеет в виду перепись населения и подушную подать, введенную указом 19 мая 1724 г. и «плакатом» 26 июня 1724 г., но подготовительные работы к которой заняли ряд предшествующих лет — 1719—1724 гг., — когда производилась перепись всего населения (первая ревизия).

Подушная подать предназначалась на содержание армии, которая должна была разместиться на «вечные квартиры» внутри страны с таким расчетом, что на каждую роту отводился отдельный сельский округ. Каждый полк должен был собирать подушную с населения отведенной ему территории. Деление суммы, потребной на содержание армии в целом (4 млн. руб.), на численность населения по первой ревизии (5,4 млн. крестьян мужского пола и 169,4 тыс. посадского населения) дало размер оклада в 74 коп. с души; с государственных крестьян взимался дополнительный оброк—40 коп. с души. С посадского населения подушная подать была установлена в 1 р. 20 к.

Подушная подать явилась новым орудием жестокой эксплоатации крестьянства. По словам одного из иностранцев (Манштейна), подушная подать была вдвое тяжелее прежнего обложения. Эта оценка повидимому преуменьшена, так как государственный бюджет в 1680 г. составлял 1,4 млн. руб., а в 1724 г. он достиг 8,5 млн. руб. С учетом понижения стоимости денег в петровскую эпоху последняя сумма в старых неизменных рублях составляет 4,5 млн. руб. Это значит, что государственный бюджет вырос к концу царствования Петра в три раза.

К главе VIII

Стр. 266.

Необходимость общего межевания земель настойчиво диктовалась интересами дворянства и была осознана еще во второй половине XVII в. В 1680—1686 гг. правительством было сделано несколько попыток осуществить повсеместное, или валовое, межевание земель. Однако эти работы останавливались в самом начале. Памятником этих начинаний являются писцовые наказы 2 августа 1681 г., 20 мая 1683 г., апрельский наказ 1684 г. и ряд других. Наказы имели в виду не только межевание, но и проверку прав помещиков, а также преследовали цели налогового обложения.

Техника измерения земель была весьма примитивна, площади измерялись лишь приблизительно, причем они приводились к простейшим геометрическим фигурам. Измерение земель производилось в десятинах и в четях. Посошков упоминает о «сороковой» десятине, размером 80 × 40 саж., т. е в 3 200 саж., но уже в XVII в. употреблялась десятина в 2 400 саж. (80 × 30). Десятина равнялась двум четям, или четвертям. Четь как мера площади соответствовала участку, на котором высевалась четверть (как мера сыпучих тел) ржи; в четвертях измерялась пахотная земля. Измерение производилось «мерной» веревкой (у Посошкова — «вервь»), вероятно употреблялись две веревки — одна в 80 саж., другая в 30 саж., при этом веревка снабжена была делениями (И. Герман, История межевого законодательства, стр. 189—190, М. 1893).

Из современников Посошкова Федор Салтыков писал Петру в 1713 г. о необходимости произвести межевание по образцу Германии и Англии при помощи специалистов из учеников математической школы с применением специальных инструментов — «по феодолиту или по компасу» (Салтыков, Пропозиции, под ред. Тиханова, изд. Общества любителей древней письменности, стр. 31). Посошков также настаивал на применении компаса с указанием градусов и на составлении чертежей по каждому участку.

В 20-х годах XVIII в. были сделаны попытки межевания Ингерманландской губернии, а также велись картографические работы при помощи специалистов-иностранцев с вычислением градусов по широтам и долготе. В 1731 г. (28 июня) подписан указ о рассылке по всей стране (кроме Астрахани и Сибири) валовых межевщиков. Однако это распоряжение не было приведено в исполнение. Следующая попытка была сделана в 1752 г. (указ 28 февраля). Выработанная в 1754 г. межевая инструкция включала в задачи межевания проверку законных прав собственников на землю. Закон впервые устанавливал геометрическое межевание, основанное на съемке местности на план с помощью геодезических инструментов. Эта попытка межевания ограничилась на деле лишь

частью Московского уезда: межевание, связанное с проверкой прав владельцев и возвращением излишних, «примерных», земель государству, встретило сопротивление дворянства.

В 1765—1766 гг. были изданы манифест и «генеральные правила» о межевании, в которых правительство отказывалось от ревизии прав владельцев и ограничивалось лишь межеванием земельных дач. Генеральное межевание протекало на этот раз успешно: к концу XVIII в. оно было закончено в 23 губерниях и в течение первой половины XIX в. еще в 12 губерниях.

Стр. 269.

Земский комиссар — должностное лицо, управлявшее дистриктом; согласно областной реформе 1719 г. каждая провинция делилась на дистрикты (по 1—1½ тыс. дворов). Земские комиссары — низшее бюрократическое звено петровской местной администрации. Им подчинялись непосредственно выборные сельские власти в лице сотских и старост. Земские комиссары состояли большей частью из местных дворян и назначались на должность камер-коллегией или провинциальными властями с утверждением камер-коллегии. Обязанности их делились на функции полицейского порядка и по финансовому управлению. Основное назначение земского комиссара заключалось в сборе казенных повинностей и налогов как натуральных, так и денежных. Он занимался сбором рекрут и работников для казенных работ, сбором хлеба, фуража для войск, подвод, точно так же как и денежными сборами. Кроме того в качестве полицейского чиновника он производил предварительное дознание, вел «повальный обыск», следил за состоянием дорог и т. п. При земском комиссаре состояли два помощника — «подчиненные комиссары» — из местных землевладельцев и земская канцелярия с приказными и низшими служителями. Земские комиссары непосредственно подчинялись камериру и затем уже воеводе или губернатору. С 1724 г в связи с введением подушной подати земский комиссар был заменен новым комиссаром «от земли», избиравшимся на специальном съезде местным дворянством (М. Богословский, Областная реформа Петра Великого, М. 1902, стр. 141—163).

К главе IX

Стр. 278.

Работа Посошкова на денежном дворе должна быть приурочена ко времени выхода указа 11 марта 1700 г. (П. С. З., № 1776) о выпуске медных денег — «еже делать круглые денги медные», как говорит Посошков. В 1704 г. в расходных книгах Оружейной палаты он назван «уставным денежного дела мастером» (Викторов, Описание записных книг и бумаг дворцовых приказов, кн. 2, стр. 480, М. 1883). Упоминаемый Посошковым иноземец Ю. Фробус служил «мастером золотого дела» в Золотой палате. В расходных книгах Казенного приказа под 1697 г. значится о награждении его сукном и камкой за работу, выполненную в связи с похоронами царя Ивана Алексеевича («Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом», т. I, стр. 334, М. 1872).

Операция по выпуску медных денег 1700 г. связана была с стремлением извлечь прибыль из монетной регалии путем ухудшения монеты. После неудачного опыта 1656—1663 гг., когда были выпущены медные монеты крупного достоинства, правительство решилось теперь только на чеканку мелкой медной монеты. Указ 11 марта 1700 г. объяснял это мероприятие тем, что «во многих низовых и иных городах за скудостью денежек на размену в мелких торгах пересекают серебряные копейки на две и на трое и торгуют ими вместо денежек на размен». Однако были выпущены не только наиболее мелкая медная монета, медные денежки, полушки и полуполушки, но и медные копейки, что указывает на наличие при этом фискальных целей. Медные копейки до 1718 г. имели хождение наравне с серебряными, после чего серебряные копейки окончательно исчезают. Дальнейший процесс ухудшения денег виден из того, что в 1700—1701 гг. медная момента делалась из пуда на сумму в 12 р. 80 к., в 1702—1703 гг. — 15 р. 40 к. с пуда и в 1714—1717 гг. — на 20 руб. с пуда меди. С 1701 г. впервые стали выпускаться крупные серебряные монеты в десять денег, серебряные алтыны, полуполтины и наконец рубли, которые были до того лишь счетной единицей.

Стр. 282.

Посошной работой здесь назван обязательный набор рабочих для строительства С.-Петербурга. В 1704 г. на работы в Петербург были собраны 40 тыс. чел. В 1705 г. собирали по человеку с 9 дворов, в 1708 г.— по человеку с каждых 11 дворов с посадского и сельского населения, кроме Украины, Прибалтийского края и Сибири, где взамен работников был установлен новый налог. Первоначально работы производились в Петербурге в три смены по два месяца каждая, с 25 марта по 1 октября. Затем были установлены две смены по 3 месяца каждая (по 20 тыс. чел. в смену), как и указывает Посошков. Эти рабочие массами гибли в изнурительных условиях работы на болотах Петербурга.

«Посоха» — старинный термин для обозначения сбора населения на войну или на работы государственного значения; название происходит от «сохи» — земельной меры, основы обложения тяглового населения в XVI—XVII вв.

Стр. 283.

Курбатов Алексей Александрович — первый «прибыльщик», крепостной Б. П. Шереметьева, в качестве дворецкого ездил с ним в 1697—1698 гг. за границу, откуда привез в Россию проект введения гербовой бумаги. Этот проект был немедленно осуществлен, и Курбатов был пожалован в дьяки Оружейной палаты. В 1705 г. он был назначен обер-инспектором ратуши, а в 1711 г. — вице-губернатором Архангелогородской губ. Курбатов выступил также в роли политического прожектера, в 1721 г. он представил правительству «Пункты о кабинет-коллегиуме», содержащие проект центрального государственного учреждения, подобного сенату. Интересны его проекты по народному образованию; он предлагал устроить школы и даже академии; в Архангельске он завел школу для солдатских и церковных детей. Строгий преследова-

тель хищений, он сам был обвинен в 1714 г. во взяточничестве и присвоении казенных денег и признал себя виновным в растрате 10 тыс. руб.; умер в 1721 г.

Стр. 284.

Внутренние торговые пошлины с товарооборота существовали в России до 1753 г., когда внутренние таможни были закрыты и взамен были повышены пошлины с внешней торговли.

Многочисленные и разнообразные в древности пошлины с провоза и продажи товаров были упрощены в постановлении о взимании таможенных пошлин 1653 г. и в Новоторговом уставе 1667 г. (П. С. З., № 107, 408). Пошлины взимались с проданного товара, а также с денежных сумм, предназначенных купцом на закупку товаров. Согласно Новоторговому уставу в своем городе при продаже товара купец не платил пошлины, но, везя товар в другой город, он должен был объявить товар у себя в таможне, где он записывался в книгу, а купцу выдавался соответствующий документ, или «выпись». Приехав с товаром в город, купец предъявлял эту выпись в местной таможне, где наличный товар сверялся с выписью. При продаже товара взималось по 10 денег с рубля (т. е. 5 коп., или 5%) от продажной цены товара. Торговец, приезжавший без товара, но с деньгами для их покупки, обязан был объявить эти деньги в таможне, где они записывались и облагались пошлиной в размере 5 денег с рубля (2½%). Приехав с закупленным товаром в какой-либо пункт, этот купец должен был доплачивать в местной таможне вновь 5 денег (2½%) с продажной цены, с тем чтобы вместе с первым платежом пошлина составляла 10 денег, или 5%. Слова Посошкова свидетельствуют, что при последующей перепродаже товара размер обложения в итоге был значительно выше, составляя 15%. Он предлагал в интересах торговцев взимать пошлину «единожды по гривне с рубля», т. е. в 10%.

Стр. 285 и след.

Государственные доходы составляли 6—6,5 млн. руб. в 1720—1723 гг., а с введением подушной подати они поднялись до 8,5 млн. руб. В следующей таблице приведены цифры росписи государственных доходов по бюджету 1724 г.:

	руб.	в % к итогу
I. Прямые налоги (подушный и ясак)	4 731 051	55,5
II. Промысловые сборы, оброки и откупы госуд. имуществ	474 562	5,6
III. Косвенные налоги (таможенные, кабацкие и другие)	2 128 622	24,9
IV. Регалии (монетная операция, соляной доход, почтовый доход)	895 187	10,5
V. Пошлины (гербовая бумага, с письма крепостей и проч.)	150 065	1,8
VI. Прочие сборы	147 073	1,7
Всего	8 526 560	100,0

(П. Милюков, Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII века и реформа Петра Великого, изд. 2-е, СПБ. 1903, стр. 490—491).

Стр. 285.

Мелочный сбор, мелок он и есть.

Посошков имеет в виду многочисленные, так называемые «канцелярские» сборы. В 1703 г. были взяты в казну частные рыбные ловли, которые отдавались затем из оброка, были переписаны затем «домашние бани» и обложены налогом (с думных чинов и гостей по 3 р. в год, с остального дворянства и купечества по 1 р., с крестьян по 15 коп.), установлен сбор с мельниц и постоялых дворов в размере ¼ дохода и т. п. Для взимания этих сборов были учреждены особые канцелярии — банная, рыбная, мельничная, постоялая, медовая, конская, ясачная. В бюджете 1724 г. значатся 40 видов канцелярских сборов, в том числе и упоминавшиеся Посошковым: с извозчиков с клейменья хомутов, с мостов и перевозов, конские пошлины, с ледокола и водопоя, с бань, с судов привальные и отвальные, с найма извозчиков 10-й деньги, с продажи скотины и конских кож, со свадеб, с неуказного платья и бород и т. п. В 1724 г. по окладу эта группа дохода должна была дать свыше 600 тыс. руб., собрано было вместе с доимкой из прошлых лет 420,6 тыс. руб.

Стр. 287.

Казенная продажа соли была введена с 1 января 1705 г. и доставляла казне в 1705—1709 гг. не менее 300 тыс. руб. валового дохода, в 1710 г.— 450 тыс. руб., в 1724 г. — 575,3 тыс. руб., а по другим данным 658,8 тыс. руб., чистая прибыль составляла в 1710—1711 гг. 198,9 тыс. руб. Казна брала себе не менее 12 коп. с пуда там, где цена соли не превышала 24 коп., а где соль продавалась дороже, казне шла половина. Правительство стремилось повысить доход от соляной монополии и с этой целью пыталось отдать продажу соли на откуп. Ввиду безуспешности этой попытки указом 31 мая 1711 г. была понижена подрядная цена на 2 деньги с пуда у крупнейших поставщиков, как Строгановы, и на 1 деньгу у других. Эта мера столь значительно понижала доходы промышленников, в особенности мелких, что соляные варницы запустели и колодцы с рассолом забрасывались и портились. Поступление соли резко уменьшилось, и в 1713 г. поступило в казну 2 877 197 пуд. соли против прежних 3 590 394 пуд.

Курбатов указывал, что прежде, до монополии, соли было достаточно не только для внутреннего потребления, но она шла также на экспорт в Польшу. «А в нынешних годах, — писал он, — соли во многих городах и в Москве великое оскудение». В своем проекте Курбатов предлагал в интересах промышленников повысить подрядную цену соли на 1—2 коп. с пуда, сохраняя продажную цену соли на прежнем уровне.

Проект Посошкова о свободной торговле солью также имеет в виду интересы промышленников. Он предлагал взамен соляной монополии установить налог по гривне с пуда, но при этом, в отличие от Курбатова, торговцам предоставляется самим определять цену и свою прибыль.

Верховный тайный совет 26 мая 1727 г. пришел к подобному решению «об отдаче в вольную торговлю соляных промыслов и продажи», установив взамен монополии пошлинный сбор. Однако, несмотря на вольную торговлю солью, цены стояли на высоком уровне, но доход казны упал при этом почти на $^{2}/_{3}$. Это привело к восстановлению указом 10 августа 1731 г. казенной продажи соли.

Стр. 294—295.

Посошков предлагает, в согласии с принципами меркантилизма, установить высокие пошлины на экспортируемое из России сырье, именно с дерева для корабельных мачт он предлагает ввести пошлину в 10 р., с пеньки и льна по 3 р. с берковца, со смолы и сала по 4 р., с юфти по 5 р. с берковца, с хлеба по 1—1½ р. с берковца. Это были важнейшие статьи русского экспорта, и тариф 1724 г., напротив, устанавливал весьма низкие пошлины на эти товары, именно пенька облагалась лишь 20—27 коп. с берковца, лен чистый — 30—45 коп., получистый — 24 коп., сало лучшее — 42 коп. с берковца, смола по 25 коп. с бочки, юфть — по 12 коп. с пуда, рожь — 83 коп. и пшеница 1 р. 16 коп. с четверти; мачты в зависимости от размеров от 4¾—37½ коп. за дерево до 16 дюймов, по 1 р. 50 к. — 5 р. 62½ коп. за дерево в 17—24 дюйма и наиболее крупные — по 13 р. 12 коп., причем при вывозе из Архангельска эти пошлины за лес снижались (П. С. З., т. 45, книга тарифов).

О проектах пошлины относительно импорта товаров см. примечания выше к стр. 203.

Структура экспорта и импорта того времени видна из следующих данных о внешней торговле через С.-Петербург и Архангельск в 1726 г.:

Вывоз		Привоз	
Пенька	494 362 пуд.	Напитки	141 203 руб.
Лен	59 424 »	Сахар	11 339 »
Сало	49 145 »	Кофе	494 пуд.
Железо	55 149 »	Шелк	3½ »
Юфть	172 009 »	Красильн. вещества	275 661 руб.
Льняные ткани	10 319,3 тыс. арш.	Шелковые товары	15 464 »
Парусина	7 743 куска	Шерст. товары	662 956 »
Шелк персидский	2 192 пуд.	Бумажные товары	21 632 »
		Льняные	945 »
Итого на сумму 2 688,8 тыс. руб.		Итого на сумму	1 585,5 тыс. руб.

Кроме того в том же 1726 г. было вывезено из Риги товаров на 1 550 тыс. руб. и привезено через Ригу на 540 тыс. руб. Общий итог по трем портам показывает вывоз в сумме 4 238 тыс. руб., а привоз на 2 125,5 тыс. руб. (А. Семенов, Изучение исторических сведений о внешней торговле и промышленности, ч. III, Спб. 1859, стр. 23—25).

Стр. 297.

Корчмин Василий Дмитриевич — стольник, обучавшийся за границей в 1697—1698 гг. инженерному делу; состоял сержантом Преображенского полка и «денщиком» Петра I. В 1700 г. был послан в Нарву под предлогом закупки пушек, а в действительности для тайного осмотра крепости. Направляя его туда, Петр I писал о нем, что «детина, кажется, не глуп», и притом «учен». Он участвовал в осаде Нарвы, Нотебурга и Ниеншанца, затем командовал батареей на Васильевском острове. В 1706 г. выполнял оборонительные работы по линии между Смоленском и Брянском и укреплял Брянск. В 1708 г., решив укрепить Москву, Петр I писал, что для этого «послан будет Василий Корчмин и прочие с ним». В 1719 г. Корчмин исследовал рр. Волгу, Мсту и Тверцу в целях проведения канала. В 1722 г. он участвовал в персидском походе в качестве генерал-квартирмейстера. Корчмин был землевладельцем и заводчиком, в 1722 г. завел на Украине суконную мануфактуру; умер в 1729 г.

Стр. 299.

Камерир — высшее должностное лицо по финансовому ведомству в каждой «провинции». Он являлся товарищем воеводы и управлял «конторой камерирских дел». Согласно инструкции он являлся «ландбухгалтером» провинции и заведовал казенным имуществом, принимал денежную отчетность от подчиненных ему лиц финансового ведомства, вел запись и учет разверстки податей и недоимок. На его обязанности также лежали ревизия казначейства и провиантских магазинов, наблюдение за подрядами и поставками для армии. Наиболее важные дела по сбору налогов и снабжению войска он исполнял совместно с воеводой.

Стр. 301.

«Сыскание питейной прибыли» имело исключительно важное значение для государственного бюджета.

Питейные сборы составляли самую крупную статью дохода, с которой могли конкурировать только таможенные сборы. В 1720 г. при бюджете по смете в 5 780,6 тыс. руб. «кабацкие» сборы должны были дать 682,7 тыс. руб. и кроме того 12,8 тыс. руб в качестве сбора с клеймения винокуренных кубов; в 1723 г. этот сбор вырастает до 1 521,4 тыс. руб.; и 13,7 тыс. руб. с клейменых кубов при бюджете в 6 150,9 тыс. руб., в 1724 г. он составлял 954,7 тыс. руб.

По Уложению продажа вина, пива и меда производилась только в казенных кабаках и строго запрещалось покупать его «мимо кабаков», так же как курить вино на продажу. Кабаки состояли или в казенном управлении, «на вере», и тогда продажа вина поручалась особым головам, или целовальникам, или кабаки отдавались на откуп откупщикам (Уложение, гл. XXV, 1—10, 20; гл. XVIII, 23, 25, 27, 30; гл. IX, 6). В 1652 г. было строго предписано боярам и приказным людям не содержать кабаков ни в вотчинах, ни в городах, также запрещена была продажа вина в монастырях и затем воспрещено было винокурение на монастырских землях.

Вино заготовлялось или на казенных заводах или путем подряда. К подрядам допускались помещики и всяких чинов люди, представившие соответствующие поручные записи. Поставщикам вина разрешалось иметь собственные винокуренные заводы. Помещикам дозволялось курить вино для собственного употребления, но продажа ими вина преследовалась как корчемство.

Система продажи вина неоднократно менялась. В 1705 г. (указом 12 июня) питейные сборы были отданы на откуп, по в некоторых местах кабаки остались «на вере». В 1716 г. предписано было произвести клейменье винокуренных кубов и казанов частных владельцев, обозначить клеймом число ведер в каждом кубе и взимать сбор по полуполтине с ведра. Этот сбор и возбудил недовольство Посошкова как невыгодный для казны, так как помещики уклонялись от клейменья кубов. Ввиду слабого поступления этого сбора, а также в связи с недовольством владельцев, которые должны были платить его, даже если кубы бездействовали, в 1744 г. он был отменен и заменен сбором в 3 коп. с ведра выкуренного простого вина и 6 коп. с двойного вина. Впрочем в 1749 г. вновь было восстановлено клейменье кубов. Другая мысль Посошкова — об установлении повсеместно одной цены на вино — оказалась вполне жизненной. В 1750 г. разнообразные, существовавшие до того цены были заменены «одною равною ценою» в 1 р. 88 к. с ведра, а в кружках и чарках на 10 коп. дороже. Однако в противоположность предложению Посошкова запретить винокурение дворянству правительство с 1755 г. допускало к поставкам вина только помещиков и запретило винокурение купцам. Исключительное право помещиков на винокурение было подтверждено уставом о винокурении 1765 г. («Сведения о питейных сборах в России», ч. 1, Спб. 1860).

Стр. 311.

Макаров Алексей Васильевич — кабинет-секретарь Петра, «его перо», по выражению С. Соловьева. «Лицо очень скромное, невидное и неслышное, но расположения которого заискивают самые сильные люди... человек без голоса, без мнения, но человек могущественный по своему приближению к царю, и все вельможи — самые сильные — обращаются к Макарову с просьбами — обратить внимание на их дела, доложить о них царскому в-ву и напомнить, чтоб поскорее были решены». Незадолго до смерти Петра Макарова обвиняли во взятках. После смерти царя он содействовал воцарению Екатерины I и объявлял от ее имени указы сенату и Верховному тайному совету. При Петре II за его малолетством «кабинет» был упразднен, и Макаров был назначен президентом камер-коллегии. В 1734 г. он был снова обвинен в злоупотреблениях в связи с недостатками в отчетности и находился под арестом в течение нескольких лет.

Стр. 318.

Монетная операция 1718 г., против которой возражает Посошков, состояла в выпуске серебряных денег пониженной против прежних пробы (70-й пробы вместо 84-й пробы), в выпуске золотой монеты (75-й пробы), а также мелкой низкопробной монеты, как это видно из указа 14 февраля 1718 г., в виде серебряных копеек и серебряных алтын 38-й пробы. «Но фактически с 1718 г. совсем прекращается выпуск серебряных копеек и алтынов. Чеканятся только медные алтыны и копейки, денежки, полушки и полуполушки. Серебряные монеты выпускаются лишь более крупного достоинства. Этим в 1718 г. прекращает свое существование старинная русская денежная система, насколько она выражалась в мелких серебряных монетах» (И. Кауфман).

Порча серебряной монеты, производившаяся в первой четверти XVIII в., выражалась не только в понижении пробы, но и в изменении монетной стопы. Сначала, с 1690 по 1698 г., чеканилось из фунта серебра 84-й пробы монет на 10 р. 08 к., с 1699 по 1710 г. выпускалось уже из фунта серебра той же пробы монет на 14 р. 40 к., наконец с 1718 по 1724 г. выпускалось 14 р. 40 к. из фунта серебра 70-й пробы. Таким образом сперва в рубле было $8\frac{1}{3}$ золотника чистого серебра, потом уже только $5\frac{5}{6}$ золотника чистого серебра и в последнем периоде только $4\frac{31}{36}$ золотника. Мелкая серебряная монета была заменена медной, при этом медные деньги также становятся более легкими: в 1700 г. из пуда меди делалось на 12 р. 80 к. денег, а в 1704—1717 гг. по 20 руб. с пуда. Серебряная монета времени Ивана Грозного, которую Посошков считал сделанной из чистого серебра, действительно была высокой, $92\frac{1}{2}$-й пробы.

СЛОВАРЬ

Австерия — гостиница, трактир, питейный дом.
Ажно — даже, ведь, так что, напротив.
Алтынник — скупец, скряга, взяточник.
Алтынничать — вымогать, добывать деньгу.
Бакан — красная краска.
Батог или патог — толстый прут, трость, палка, употреблявшиеся для телесного наказания.
Бежкий — способный к быстрому бегу, к росту.
Борошень — пожитки, скарб.
Бузун — соль самосадка.
Вага — стоимость, значение, важность.
Варя — варево, похлебка, количество, которое варится за один раз.
Вестно — ведомо, известно.
Весь — селение, деревня.
Возгри — насморк, мокрота, сопли.
Возгриветь — не утираться, запускать на себе грязь.
Волот — великан, богатырь.
Встань — мятеж, возмущение.
Выметный — негодный, выкинутый.
Гинуть — исчезнуть, разрушаться.
Гобзовитый или гобзоватый — изобильный.
Голубец — голубая краска.
Дикий — необычный.
Доспытация — диспут.
Дробь — подробность.
Дробный — подробный.
Жадный — всякий, каждый, ни один; без жадные причина — без какого-либо основания.
Забедно — досадно.
Замот — мот, кутила.
Замотать — замедлить, замешкаться.

Заплата — плата, платеж.
Зарочно — строго запрещено; то, на что наложен зарок, запрет.
Затинная пищаль — крепостное (затынное) ружье.
Зернь — игра в кости.
Иверень — щеба, выруб дерева.
Изделье — барщина, работа на помещика.
Изневага — насилие, принуждение, стеснение.
Изневажить — обеспокоить, потревожить.
Инамо — где-либо, в другом месте.
Интерес — прибыль, выгода.
Истеря — потеря, трата.
Камка — шелковая ткань с узорами.
Камордка — привозная из-за границы ткань.
Кармазинное сукно — тонкое яркокрасного цвета сукно.
Китайка — бумажная ткань, привозимая из Китая.
Китайчатый — сделанный из китайки.
Кортома — наем, арендная плата.
Корчага — большой глиняный горшок.
Кострика — жесткая кора льна и конопли.
Кропкий — ломкий, хрупкий.
Кружало — питейный дом.
Крутик — кубовая краска, индиго.
Лавра — кубовая краска высшего сорта.
Ладогозить или лагозить — вздорить, спорить.
Лестно — льстиво, притворно, хитро.
Личба — счет, счисление.
Личить — считать, лицевать, пятнать.
Лудан — шелковая ткань вида камки.
Маетность — дворянское имение; термин, употребляющийся на Украине.
Мана — приманка, соблазн.
Мерлина, мерлый — мертвый, дохлый.
Могута — достаточность, денежные средства.
Молодик — молодой месяц, молодая поросль, парень.
Моркотно — противно, тошно.
Мотошливо — суетливо, тревожно.
Мотчать — медлить, мешкать.
Наметной — добавочный.
Негли — неужли, неужели, может быть, вероятно.
Неключим, неключимый — потерянный человек, неспособный, горемычный.
Нисходительный — снисходительный.
Обаче — хотя, однако.
Овогда — иногда, овогда-овогда — то-то.
Огурство — лень, уход от дел.
Отлынять, отлинять — уклоняться, отбывать от дела.
Паростник — поросль, молодой лес на месте старого.
Певчие книги — ноты.
Пенязи — деньги.
Пильно — пристально, зорко, усердно.

Повыток — доля, пай, участок.
Поемный — заливаемый водой; доступный, понятный.
Пожиточный — прибыльный, приносящий богатство.
Покормка — пожива, барыш.
Понаровка — потачка, поблажка.
Поручник — поручитель.
Посяжка — притязание, требование, злоумышление
Потолочить — беспокоить.
Празелень — бледнозеленая краска.
Презельный — великий, сильный.
Прибор — излишек сбора сверх назначенного.
Признака — знак, клеймо.
Прикрый — дурной, трудный, недоступный.
Приличие, прилика — улика, поличное.
Прилпом — поверхностно, слегка.
Пример — излишек, то что добавлено.
Припен — прибыль, припёк.
Притужание — гнет, принуждение, взыскание.
Причинный — виновный, виноватый.
Провод, проводы — промедление, обман.
Проести — издержки.
Просужий — смышленный, расторопный.
Протори — убытки, издержки.
Протаможье — пеня за провоз товара без пошлины мимо таможни.
Протяжный — медленный, долгий.
Пыха — спесь, гордость.
Пятнать — клеймить.
Пятно — клеймо.
Распудить — разогнать, распугать.
Расчинать — сделать почин, раскупорить тюк, связку товара.
Ратовище — древко копья, бердыша или рогатки.
Розыскивать — вести следствие, допрашивать под пытками.
Свону — снаружи.
Сигклит, синклит — высшее духовное или светское правительство.
Сносные животы — снесенное, украденное имущество.
Сполить (дворы) — соединить несколько дворов в одно, выдать за один.
Спорынья — успех, удача; выгода, прибыль.
Спорый — успешный, быстрый.
Средовекий — среднего возраста.
Стофы, штофы — шелковые ткани.
Сумесный — смешанный.
Трапореховатый — гнилой, рассыпающийся.
Трафчатый — узорчатый.
Трип — ткань шерстяная на льняной основе, с ворсом.
Трутиться — утомляться, натруждаться, портиться.
Турбация — беспорядок, беспокойство, смущение.
Турбовать — беспокоить.
Угобзить — задобрить, одарить.
Угобзиться — много уродить, размножиться.

Угревина — пробой, проточина.
Уклад — металл, среднее между железом и сталью, употреблялся взамен стали в различных изделиях.
Укол — тягло, пай, уплата сполна или вперед.
Утин — рубеж, грань.
Утылый — тучный, жирный.
Утыть — потолстеть, разжиреть.
Уятие — сбавка, уменьшение, остановка.
Уять — унять, остановить.
Фузея — ружье, мушкет.
Цата — подвеска у иконы, монета.
Цельно — метко, по цели.
Цельный — меткий, направленный в цель.
Чотка — игрушка из дерева; нитка бус.
Шкода — потеря, убыток, вред.
Шмонить — шляться, бить баклуши, отбывать от дела.
Ябедник — наемный ходатай, адвокат.
Яренка — сукно.
Ярь — зеленая краска.
Ярыга, ярышка — работник, батрак; низший полицейский чин.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИЛЛЮСТРАЦИИ:

ВАЖНЕЙШИЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Следует*
93	11 снизу	подправе	поправе
94	17 сверху	или больши	или и болши
99	11 »	Подобное	Подобне
106	3 снизу	Единогласного	Единосогласного
133	1 сверху	оставлены	отставлены
137	9 »	кто его и. в.	кто от его и. в.
202	1 снизу	болши о	болши б
249	6 »	вышел	вышед
250	13 сверху	не брящет	не обрящет
252	4 »	немыслии	несмыслим
257	11 »	только	толико
273	14 снизу	смаливати	сваливати
285	13 »	когда ненарушимый	и никогда ненарушимый
292	14 сверху	а буде ни купец, ни продавец не объявят, что у них торг	а буде же привесу иль примеру иль прочету явится бол-
301	10 »	что отсылать	только отсылать
324	9 снизу	(1729 г.)	(1719 г.)

Посошков. Н, 4612.